

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316+929

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ПОЛЕМИКЕ ПО ВОПРОСУ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 года

Я.А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматривается вклад Н.Г. Чернышевского в полемику представителей основных направлений социально-политической мысли России по вопросу освобождения крестьянства в 1861 году. Особое внимание уделяется особенностям социально-политического мировоззрения мыслителя.

Ключевые слова: взгляды Н.Г. Чернышевского, крестьянская реформа 1861 г., социально-политическая мысль России.

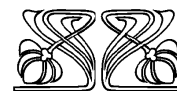
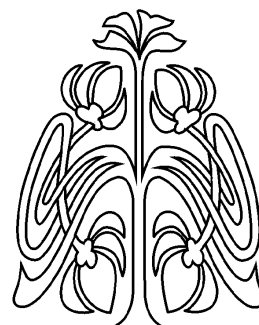
Sociopolitical Sights of N.G. Chernyshevsky in Polemic Concerning Peasant Reform in 1861

Y.A. Nikiforov

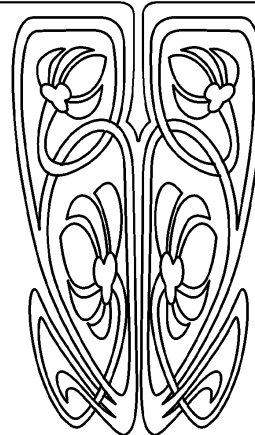
In article N.G. Chernyshevsky's contribution to polemic of the basic directions of sociopolitical thought of Russia concerning peasantry liberation in 1861 is considered. The special attention is given to features of sociopolitical outlook of the thinker.

Key words: sociopolitical sights of N.G.. Chernyshevsky, peasantry liberation in 1861, sociopolitical thought of Russia.

В 40–50-х гг. XIX в. сложились, хотя еще четко и не размежевались, основные направления общественно-политической мысли России: охранительно-крепостническое (консервативное), революционно-демократическое (радикальное) и либерально-буржуазное (прагматически-умеренное). Исходным рубежом размежевания направлений общественной мысли и освободительного движения было отношение к крепостничеству. В этом плане отчетливо выделяются два лагеря идейных и общественных направлений – консервативный и либерально-радикальный. Разумеется, в каждом из них были свои отличительные внутренние течения. Различия между этими течениями были связаны с решением вопроса о том, как сохранить старое или как перейти от старой системы социально-экономических отношений к новой системе, т. е. каковы должны быть содержание преобразований и методы их проведения. В этой связи нельзя стирать или вовсе игнорировать различия, например, между теми консерваторами, которые стояли за сохранение крепостничества в неизменном виде, и теми, кто допускал возможность при сохранении сути этих отношений перехода к их более мягким формам. Точно так же имели место хорошо известные и раскрытые в обширной литературе принципиальные различия между буржуазным либерализмом и революционным демократизмом. Но их единство в указанной первооснове приводило к совпадению позиций по ряду вопросов, что делало границы между либерализмом и радикализмом по ряду аспектов размытыми. Были свои различия и среди либералов, и среди революционных демократов. Как известно, В.И. Ленин, исходя из того, что буржуазное аграрное развитие могло протекать при ведущей роли в этом процессе либо помещичьего (буржуазно-консервативный, «пруссский» путь), либо крестьянского

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

хозяйства (буржуазно-демократический, «американский» путь), выделял в эпоху ликвидации крепостничества два лагеря борющихся социальных и общественно-политических сил – помещичье-буржуазный и крестьянско-демократический.

К середине XIX в. кризис феодально-крепостнической системы в России достиг своей кульминационной стадии. Суть этого кризиса состояла в том, что возможности социально-экономического прогресса на базе крепостнических отношений были исчерпаны. Конкретно это проявлялось в застое и даже снижении уровня сельскохозяйственного производства, ухудшении состояния крестьянского и помещичьего хозяйства и положения крестьян. С другой стороны, ограничивалось и сковывалось прогрессирующее развитие народного хозяйства на основе товарного производства и буржуазных отношений. Таким образом, отчетливо проявлялась объективная социально-экономическая потребность ликвидации крепостнических отношений.

Исторической особенностью России было не только то, что в ней господствовали самые суровые формы феодальных отношений, и их ликвидация задержалась сравнительно с другими странами Европы. Само по себе это стимулировало отмену крепостного права. Сложность этого процесса усугублялась наличием в аграрном строе страны ряда других специфических черт. Важнейшее значение имело то обстоятельство, что из двух форм организации сельскохозяйственного производства в феодальную эпоху, а именно мелкого крестьянского и крупного помещичьего хозяйства, ведущая роль принадлежала хозяйству крестьянскому. Лишь в западных районах страны (Прибалтика, Литва, Западная Белоруссия и Правобережная Украина) ведущую роль играло помещичье хозяйство. Основной причиной указанного положения было широкое распространение в России системы государственного феодализма. Накануне отмены крепостного права государственные крестьяне составляли половину крестьянского населения. Северные и восточные окраины Европейской России и Сибирь фактически не имели крепостного помещичьего хозяйства. В итоге в России экономически мелкое крестьянское хозяйство представляло значительно более широкую основу для перехода от крепостнических к товарно-буржуазным отношениям, чем крупное помещичье хозяйство. Разумеется, это не могло остаться незамеченным для наиболее проницательных современников.

Другой существенной отличительной чертой был общинный строй деревни. Уравнительно-передельная община с круговой порукой была распространена во всех районах, кроме указанных западных. Говоря о крестьянской общине, следует иметь в виду, что ее роль не сводилась к земельным переделам (на основе учета трудовых ресурсов семьи и качества земельных угодий), круговой поруке и общей ответственности за

деяния крестьянского мира, хотя все это имело важнейшее значение. Община – это жизненный уклад деревни, это – система, проявление и влияние которой выходило далеко за пределы собственно деревни. С общинным строем были тесно связаны и помещичье хозяйство, и интересы помещика, и политика государства. Таковы наиболее существенные моменты исторической ситуации, в которой складывались воззрения консерваторов, радикалов и либералов.

Наиболее трезвомыслящие представители консервативного лагеря, понимавшие необходимость перемен, не шли дальше призывов к ним и допускали под страхом взрыва массового неповиновения крестьян лишь частичные изменения в системе крепостнических отношений. Основное значение подобных выступлений состояло в том, что они подталкивали правящую верхушку и прежде всего императора к каким-то практическим действиям. А такое подталкивание, и именно из консервативного лагеря, было необходимо, ибо придворные круги и Александр II в начале своего царствования не имели определенной позиции в крестьянском вопросе.

Но существовал, набирал все большую силу и расширял свое воздействие на правящую верхушку и императора и их политику лагерь сторонников упразднения не только крепостного права, но и самой системы феодально-крепостнических отношений. Ведущую роль здесь играло либеральное направление общественной мысли и общественного движения. Его представители выразили свою позицию во множестве записок и проектов, появившихся после Крымской войны и распространявшихся в обществе и правящих кругах. Либералы вместо программы постепенного личного освобождения крестьян и сохранения их земельной зависимости от помещиков и феодальных повинностей за нее предлагали ликвидацию крепостнической системы. Главным здесь было отделение крестьянского хозяйства от помещичьего и превращение крестьян в свободных и самостоятельных мелких производителей. Помещики же, оставаясь крупными земельными собственниками, должны были вести свое хозяйство на основе наемного труда. Это был реалистический подход, учитывавший сущность фактической исторической ситуации и возможности последующего развития. В сфере политической либералы, как и консерваторы, оставались верными сторонниками самодержавного строя. Так, видный либерал Б.Н. Чичерин, характеризуя программу либералов, писал: «Под словом *преобразования* мы отнюдь не разумеем ограничения верховной власти: безумно прибавлять к существующей неурядице безурядицу представительную, не конституционные сделки нам нужны, а самодержавные реформы»¹. Верховный радикализм либералов здесь были требования, изложенные в адресе Александру II, пяти делегатов, приехавших в Петербург для обсуждения

проекта реформы, составленного Редакционными комиссиями. Они предлагали: образовать путем выборов хозяйственно-распорядительное управление, общее для всех сословий; учредить независимую судебную власть, т.е. суд присяжных, с подчинением местных должностных лиц непосредственной ответственности перед судом; дозволить обществу путем печати доводить до сведения верховной власти недостатки и злоупотребления местного управления². Эти пожелания в основном были реализованы в земской, судебной и других реформах, проведенных после отмены в 1861 г. крепостного права. Таковы были пожелания либеральных кругов, представленных почти исключительно дворянами, выражавшими интересы помещиков, заинтересованных в буржуазной перестройке своих хозяйств. Роль формирующегося класса торгово-промышленной буржуазии в решении вопроса о крепостном праве была незначительной в силу его немногочисленности и идейно-общественной неорганизованности. В этом была одна из особенностей России сравнительно с Западной Европой.

Лидерами революционно-демократического направления в период подготовки и отмены крепостного права были А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский. Об их взглядах и общественной деятельности, как, впрочем, и других революционных демократов, написано множество исследований, поэтому коснемся лишь наиболее принципиальных вопросов, связанных с оценкой их позиции в проблеме ликвидации крепостного права. Здесь доминируют два подхода. Первый выражается в стремлении принизить их радикализм, демократизм и революционность, ввести их в русло либерализма. Этот подход характерен для русской досоветской и западной историографии. Второй состоит во всемерном подчеркивании и даже абсолютизации их демократизма и революционности. Он был присущ советской историографии. Всякие отступления от радикализма трактовались, след за В.И. Лениным, лишь как либеральные колебания, которые не определяли общей позиции и изживались. При этом упускалось из виду, что Ленин оценивал Герцена и Чернышевского прежде всего как политик, а не как ученых, что, естественно, сужало подход в этой оценке. В целом оба указанных подхода являются одномерными и потому ограниченными. Необходимо конкретное выявление в воззрениях и деятельности и Чернышевского, и всех других демократов и революционеров соотношения утопизма, реализма и экстремизма. Тогда не будет нужды в абсолютизации их позиций.

Хорошо известно, что русские революционеры-демократы 1840–60-х гг. (как, впрочем, и позднее) были социалистами-утопистами. Герцен был основоположником особой модели социализма для России, «русского крестьянского социализма». Ошибочно полагая, что революция на Западе будет революцией социалистической, Герцен из поражения революции 1848 г. сделал вывод об

отсутствии на Западе сил, способных совершить социалистический переворот, потерял веру в революционные возможности европейского пролетариата. Сравнивая Россию с Западом, он пришел к выводу о том, что Россия может прийти к социализму, минуя путь Запада, т.е. путь капитализма. Залог этого он видел в правде каждого на землю, в общинном владении ею и в мирском самоуправлении. «На этих началах, – писал он, – и только на них может развиваться будущая Русь»³.

Как отмечал Ленин, в этом учении не было ни грамма социализма⁴. Это была чистейшая утопия. Она была присуща и Чернышевскому, и другим радикалам. Утопичной была и вера в возможность крестьянской революции. И не только социалистической, но и буржуазной. Крестьянство, как хорошо известно, само по себе было способно лишь на стихийные, политически бессознательные бунты, а социального слоя (класса), способного возглавить борьбу крестьянства и придать ей политический характер, в России XIX в. не было. Это понимали и сами радикалы. Что же им оставалось делать в условиях начавшейся подготовки отмены крепостного права? Выхода было два: либо подталкивать крестьян к разрушительному бунту, т.е. занять экстремистские позиции, либо добиваться наиболее благоприятных для крестьян условий ликвидации крепостничества, призывая к этому либералов, правящие верхи и императора, т.е. стать на путь исторического реализма. И Герцен, и Чернышевский, и другие радикалы были достаточно глубокими мыслителями, трезвыми и ответственными деятелями, чтобы стать на этот путь. Поэтому Герцен, отвечая на письмо в «Колокол», автор которого призывал звать Русь к топору, писал, что «к топору, к этому ultimo ratio притесненных, мы звать не будем – до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора»⁵. Признавал допустимость реформ и более радикально настроенный Чернышевский. При этом он справедливо подчеркивал, что «значительные реформы могут быть проводимы только настоятельным требованием публики, только серьезный гнев ее может побеждать сопротивление враждебных общественному благу интересов»⁶.

На преодоление сопротивления противников ликвидации крепостничества и были направлены основные усилия Герцена, Чернышевского и других радикалов в период подготовки крестьянской реформы. Как социалисты они были сторонниками общественной формы собственности. В работе «О поземельной собственности» (1857 г.) Чернышевский писал: «Та форма поземельной собственности есть лучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице. Государственная собственность с общинным владением из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу»⁷. Но это был идеал. Практически же радикалы добивались освобождения крестьян-

ства с землей. В «Современнике» в начале 1858 г. Чернышевский писал, что «основным принципом своих желаний по делу освобождения крепостных крестьян мы должны принять то, чтобы они не остались без земли»⁸. Герцен полагал, что «мужик хочет себе лишь мирскую землю, лишь ту, которую он оросил потом лица своего, которую приобрел святым правом работы, больше он не требует»⁹. Указанные требования совпадали с позициями либералов. Но представляется неправомерным трактовать это совпадение как колебания Герцена, Чернышевского и др. в сторону либерализма и усматривать в этом заблуждение или непоследовательность их позиций в крестьянском вопросе. Это был трезвый реализм, основанный на адекватном учете конкретной исторической ситуации. Неправомерно и их отождествление с либералами. Для последних освобождение крестьян с земель

было максимумом их устремлений, а для первых – минимумом конструктивного решения вопроса о крепостничестве.

Примечания

- ¹ Голоса из России. 1858. Вып. IV. С. 145–146.
- ² Материалы для истории упразднения крепостного состояния. М., 1858. Ч. II. С. 174–175.
- ³ Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М.К. Лемке: В 10 т. М., 1950. Т. X. С. 120.
- ⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 50 т. М., 1955. Т. 18. С. 11.
- ⁵ Колокол. 1860. 1 марта. Лист 64. С. 531.
- ⁶ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939–1952. Т. VIII. С. 72.
- ⁷ Там же. Т. IV. С. 434.
- ⁸ Там же. Т. V. С. 91–92.
- ⁹ Герцен А.И. Указ. соч. С. 120.

УДК 316.334.3

ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНОЦЕНТРИЗМА

Х.Б. Тадтаев

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: Tadtaw@info.sgau.ru

В статье анализируется противоречивый характер процесса глобализации. В конце XX столетия утверждалось, что в глобализирующемся мире с образованием сверхнациональных обществ национальные государства и этнонационализм станут анахроничностью. Однако противоречивый характер глобализации в начале XXI столетия актуализирует этничность, порождает этноцентризм.

Ключевые слова: глобализация, этноцентризм, этнонация, этническая идентичность, национализм.

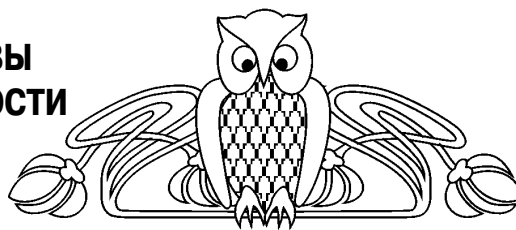
Globalization Process and Prospects of National and Ethnic Identity and Ethnocentrism

H.B. Tadtaw

Controversial nature of globalization process is subject of research of this article. In the end of XX century they claimed that single-nation states and ethno-nationalism would become anachronisms in globalizing world where societies with mixed nationalities are being formed. However, controversial nature of globalization in the beginning of XXI century makes ethnicity relevant and produces ethnocentrism.

Key words: globalization, ethnocentrism, ethnic nation, ethnic identity, nationalism.

Ни одно явление в истории человечества не удостоивалось чести быть «похороненным» столь многократно, как этнонациональные различия и этноцентризм. Однако за «похоронами» следует обострение этнонациональных проблем в различ-

ных регионах планеты. Не является исключением и наша эпоха. Уверенность в превосходстве наднациональных органов (ООН, Евросоюз, НАТО и др.) сменилась определенным разочарованием, поскольку они оказались не в состоянии преодолеть национализм и расизм. Материалы XXI Всемирного философского конгресса (г. Стамбул, 10–17 августа 2003 г.) убедительно показывают актуальность национально-этнических проблем в последнее время¹.

Установить даже приблизительно время возникновения этноцентризма, национализма и расизма весьма непросто. Проблема осложнена тем обстоятельством, что большинство исследователей этноцентризма, национализма и расизма подспудно придерживаются европоцентризма. История этнонациональных процессов неевропейских народов либо игнорируется, либо характеризуется как хаотический процесс, где обнаружить определенные закономерности практически невозможно. При этом, в соответствии с определенной периодизацией европейской истории, началом зарождения национализма считаются XVI–XVIII вв. Так, Бенедикт Андерсон – английский исследователь (по происхождению ирландец) – начало формирования национализма датирует XVI–XVII вв. Подобную периодизацию процесса развития национализма Андерсон аргументирует прежде всего сменой культурных систем². Именно в XVI–XVII вв. национализм, по мнению исследователя, приходит на смену религиозно-династическому принципу и латынь как священный язык пережи-

ства с землей. В «Современнике» в начале 1858 г. Чернышевский писал, что «основным принципом своих желаний по делу освобождения крепостных крестьян мы должны принять то, чтобы они не остались без земли»⁸. Герцен полагал, что «мужик хочет себе лишь мирскую землю, лишь ту, которую он оросил потом лица своего, которую приобрел святым правом работы, больше он не требует»⁹. Указанные требования совпадали с позициями либералов. Но представляется неправомерным трактовать это совпадение как колебания Герцена, Чернышевского и др. в сторону либерализма и усматривать в этом заблуждение или непоследовательность их позиций в крестьянском вопросе. Это был трезвый реализм, основанный на адекватном учете конкретной исторической ситуации. Неправомерно и их отождествление с либералами. Для последних освобождение крестьян с земель

было максимумом их устремлений, а для первых – минимумом конструктивного решения вопроса о крепостничестве.

Примечания

- ¹ Голоса из России. 1858. Вып. IV. С. 145–146.
- ² Материалы для истории упразднения крепостного состояния. М., 1858. Ч. II. С. 174–175.
- ³ Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М.К. Лемке: В 10 т. М., 1950. Т. X. С. 120.
- ⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 50 т. М., 1955. Т. 18. С. 11.
- ⁵ Колокол. 1860. 1 марта. Лист 64. С. 531.
- ⁶ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939–1952. Т. VIII. С. 72.
- ⁷ Там же. Т. IV. С. 434.
- ⁸ Там же. Т. V. С. 91–92.
- ⁹ Герцен А.И. Указ. соч. С. 120.

УДК 316.334.3

ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНОЦЕНТРИЗМА

Х.Б. Тадтаев

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: Tadtaw@info.sgau.ru

В статье анализируется противоречивый характер процесса глобализации. В конце XX столетия утверждалось, что в глобализующемся мире с образованием сверхнациональных обществ национальные государства и этнонационализм станут анахроничностью. Однако противоречивый характер глобализации в начале XXI столетия актуализирует этничность, порождает этноцентризм.

Ключевые слова: глобализация, этноцентризм, этнонация, этническая идентичность, национализм.

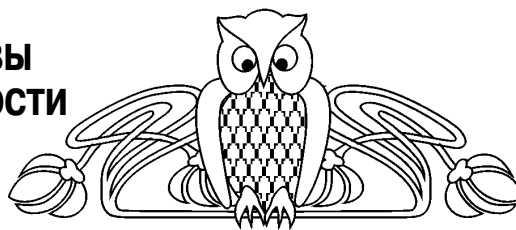
Globalization Process and Prospects of National and Ethnic Identity and Ethnocentrism

H.B. Tadtaw

Controversial nature of globalization process is subject of research of this article. In the end of XX century they claimed that single-nation states and ethno-nationalism would become anachronisms in globalizing world where societies with mixed nationalities are being formed. However, controversial nature of globalization in the beginning of XXI century makes ethnicity relevant and produces ethnocentrism.

Key words: globalization, ethnocentrism, ethnic nation, ethnic identity, nationalism.

Ни одно явление в истории человечества не удостоивалось чести быть «похороненным» столь многократно, как этнонациональные различия и этноцентризм. Однако за «похоронами» следует обострение этнонациональных проблем в различ-

ных регионах планеты. Не является исключением и наша эпоха. Уверенность в превосходстве наднациональных органов (ООН, Евросоюз, НАТО и др.) сменилась определенным разочарованием, поскольку они оказались не в состоянии преодолеть национализм и расизм. Материалы XXI Всемирного философского конгресса (г. Стамбул, 10–17 августа 2003 г.) убедительно показывают актуализацию национально-этнических проблем в последнее время¹.

Установить даже приблизительно время возникновения этноцентризма, национализма и расизма весьма непросто. Проблема осложнена тем обстоятельством, что большинство исследователей этноцентризма, национализма и расизма подспудно придерживаются европоцентризма. История этнонациональных процессов неевропейских народов либо игнорируется, либо характеризуется как хаотический процесс, где обнаружить определенные закономерности практически невозможно. При этом, в соответствии с определенной периодизацией европейской истории, началом зарождения национализма считаются XVI–XVIII вв. Так, Бенедикт Андерсон – английский исследователь (по происхождению ирландец) – начало формирования национализма датирует XVI–XVII вв. Подобную периодизацию процесса развития национализма Андерсон аргументирует прежде всего сменой культурных систем². Именно в XVI–XVII вв. национализм, по мнению исследователя, приходит на смену религиозно-династическому принципу и латынь как священный язык пережи-

вает кризис, постепенно уступая национальным языкам. По мнению Андерсона, «печатные» языки (в XVI–XVIII вв. большинство книг уже издается на национальных языках, вытесняющих латынь) заложили основу национального самосознания в Европе. В значении национальных языков для становления национализма и патриотизма сомневаться не приходится. Работа Андерсона в целом характеризуется аргументированностью и получила признание как за рубежом, так и в России³, хотя и не переведена на русский язык. Но в работе Андерсона исследуется процесс становления национализма в европейских странах и в некоторой степени в американских владениях Испании. Развитие национализма в других регионах не анализируется, хотя Андерсон – специалист по культуре Индонезии.

Если Андерсон характеризует национализм как культурную систему, то его соотечественник Эрнест Геллнер – социолог и антрополог – определяет национализм как «прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»⁴. Поскольку в аграрном обществе (Геллнер сознательно избегает понятий «феодализм», «капитализм») политические единицы не совпадают с единицами культурными, то формирование национализма не детерминировано. Главным условием зарождения национализма Геллнер считает формирование государств, построенных по этническому принципу. В аграрном же обществе государства строились по династическому, религиозному и другим принципам, но этнический принцип игнорировался. Он начинает доминировать в формировании государств с развитием индустриального способа производства (по отечественной терминологии – капитализма, хотя термины «индустриализм» и «капитализм» не совсем синонимичны. – Х.Т.). Именно в индустриальном, более или менее моноэтническом, государстве, по мнению Геллнера, формируются условия для генезиса национализма.

В работе «Пришествие национализма. Мифы нации и класса» Геллнер излагает пятистадийную схему формирования национальных государств и национализма в Европе⁵.

На наш взгляд, главным недостатком работ Геллнера является их «финалистский» характер. Так, пятую стадию он характеризует снижением накала, хотя и не исчезновением национализма. По сути, пятая стадия рассматривается как «завершающая». Если национализм и не исчез к настоящему моменту, то в будущем ему не будет места в связи с возросшим благосостоянием и культурной конвергенцией.

Значительно осторожнее к оценкам перспектив нации и национализма подходит известный английский историограф Эрик Хобсбаум. Он утверждает, что нации и национальные государства постепенно уступают место национальным формам социальной организации. По мнению

Хобсбаума, до исчезновения нации и национализма далеко, но национализм уже пережил свой расцвет⁶. Осторожность исследователя перспектив национализма нам представляется более чем оправданной.

В конце прошлого XX столетия с образованием монополярного мира в глобализирующемся мире подчеркивалась слабость и анахроничность национальных государств и этнонационализма. На сверхнациональные сообщества возлагались огромные надежды. Часто утверждалось, что этничность и этнонационализм не согласуются с глобализацией. Взгляд в будущее порождал оптимизм на грани эйфории. Проблема глобализации стала самой востребованной в философской (и не только философской) литературе. Множество научных конференций и конгрессов рассматривают различные аспекты процесса глобализации. Не будет преувеличением утверждение, что большинство видело в этом процессе исключительно положительное; робкие голоса, призывающие к осторожным оценкам и аргументированно указывающие на противоречивый характер процесса глобализации, считались выражением консерватизма и ретроградства. Внимательный анализ отечественной литературы конца прошлого XX в. убеждает, что процесс глобализации большинство недвусмысленно считало некоей панацеей от большинства бедствий, постигших постсоветскую Россию.

Мы не собираемся давать развернутую характеристику процессу глобализации, это не входит в нашу задачу, но необходимо отметить, что различные народы и регионы ожидают от данного процесса совершенно различных результатов. Народам многих отсталых стран это представляется шансом изменить свой статус, для Западной Европы и Северной Америки это возможность мирного внедрения европейских ценностей в другие регионы. Невозможно сомневаться в истинности утверждения профессора Университета Чикаго И.М. Янга, что «корпоративные интересы США доминируют при принятии мировых экономических решений, они во многом совпадают с корпоративными интересами небольшого числа богатых стран мира, чтобы делать глобальную экономическую политику на Всемирном экономическом форуме, встречах с Международным банком и Международным валютным фондом, совещаниях большой “семерки”»⁷. Резкая, но относительно объективная оценка экономической глобализации не вызывает сомнений.

Кризис 2008 г. обостряет в определенной мере противостояние Востока и Запада. Трансформируются национально-этнические идентичности в большинстве регионов планеты. При решении социально-экономических проблем в 2008 – начале 2009 г. приоритет отдается индивидуально национально-этническому благу, а общее благо приносится в жертву, что порождает этноцентризм. Многие исследователи этот процесс

именуют «этническим ренессансом», который не является чем-то случайным, следствием исключительно начавшегося в 2008 г. кризиса. Это явление скрыто присутствовало и в предшествующее время. Кризис лишь усугубил его, сделал явным. Идея торжества общеевропейской идентичности, заменившей этнонациональную идентичность, оказалась не совсем состоятельной. Об этом совершенно очевидно свидетельствует материал конкретных эмпирических исследований.

Группа исследователей под руководством профессора Лойка Халмана по заказу голландского университета Тилбурга опросила 40 тысяч человек из 33 европейских стран об их идентичности⁸. Из всех опрошенных лишь 2000 человек ощущают себя европейцами. Этот показатель в рамках объединенной Европы значительно варьируется, но в целом только немногим больше 3% отдадут приоритет европейской идентичности перед национально-этнической. Для подавляющего большинства опрошенных приоритетной остается национально-этническая идентичность. Вступление страны в Евросоюз существенно не влияет на национально-этническую идентичность, поскольку результаты опросов до и после вступления в Евросоюз совпадают. Исследование показало, что чем позднее страна вступила в Евросоюз, тем больше людей отдадут приоритет европейской идентичности, хотя подавляющее большинство на первое место, безусловно, ставит национально-этническую идентичность. При этом большинство опрошенных положительно относятся к вхождению их страны в Евросоюз, но это не исключает этноцентризма. Так, большинство опрошенных убеждено, что при приеме на работу национально-этническая принадлежность должна иметь значение.

В этой связи становится востребованной справедливая, многополярная глобализация как альтернатива прозападной⁹. Формирование различных глобализаций не исключает их относительного противостояния. В любом случае в перспективе нельзя избежать противостояния двух тенденций – попыток игнорирования границ национальных государств в процессе глобализации и их стремления к сохранению своего суверенитета. Это непосредственно затрагивает

проблемы этнокультурной идентичности, которые будут, несомненно, обостряться. Глобализация влияет не только на экономику, политику, культуру и т.д., но и на повседневную жизнь людей. В процессе глобализации люди общаются не только со «своими», значительная доля контактов осуществляется с представителями других этносов, с носителями других культур. Это часто порождает этнические конфликты в силу недостаточности этнической толерантности. Таким образом, процесс глобализации, с одной стороны, игнорирует национально-этнические границы, этническую идентичность, а с другой – одновременно актуализирует этничность, порождает этноцентризм. Любое пророчество сомнительно, опасно, и занятие это неблагоприятное, но, анализируя современные этнонациональные процессы, не приходится сомневаться, что этносы и этноцентризм в обозримом будущем не исчезнут.

Примечания

- 1 См.: *Егоров В.К.* На стыке цивилизации // Вестник РФО. 2003. № 4. С. 43–45.
- 2 См.: *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.; N.Y., 1983. P. 47.
- 3 См.: *Миллер А.И.* Бенедикт Андерсон: Национализм как культурная система // Национализм и формирование наций. М., 1994.
- 4 *Геллнер Э.* Нации и национализм // Вопр. философии. 1989. № 7. С. 120.
- 5 См.: *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. 1992. № 1.
- 6 См.: *Hobsbawm E.J.* Nations and Nationalism since 1780: Programm, Myth, Reality. Cambridge, 1990. P. 183.
- 7 *Янг И.М.* Некоторые соображения о гегемонии и глобальной демократии // Вестн. Рос. филос. о-ва. 2005. № 4. С. 19.
- 8 См.: *Arts W., Halman L.* National identity in Europe today: what people feel and like // Intern. J. of sociology. Armonk. 2005–2006. Vol. 35, № 4. P. 69–93.
- 9 См.: *Добренёв В.И.* О национальной идеологии для современной России // Глобализация и социальные изменения в современной России: Докл. Всерос. социолог. конгресса. М., 2007. С. 32–54.

именуют «этническим ренессансом», который не является чем-то случайным, следствием исключительно начавшегося в 2008 г. кризиса. Это явление скрыто присутствовало и в предшествующее время. Кризис лишь усугубил его, сделал явным. Идея торжества общеевропейской идентичности, заменившей этнонациональную идентичность, оказалась не совсем состоятельной. Об этом совершенно очевидно свидетельствует материал конкретных эмпирических исследований.

Группа исследователей под руководством профессора Лойка Халмана по заказу голландского университета Тилбурга опросила 40 тысяч человек из 33 европейских стран об их идентичности⁸. Из всех опрошенных лишь 2000 человек ощущают себя европейцами. Этот показатель в рамках объединенной Европы значительно варьируется, но в целом только немногим больше 3% отдадут приоритет европейской идентичности перед национально-этнической. Для подавляющего большинства опрошенных приоритетной остается национально-этническая идентичность. Вступление страны в Евросоюз существенно не влияет на национально-этническую идентичность, поскольку результаты опросов до и после вступления в Евросоюз совпадают. Исследование показало, что чем позднее страна вступила в Евросоюз, тем больше людей отдадут приоритет европейской идентичности, хотя подавляющее большинство на первое место, безусловно, ставит национально-этническую идентичность. При этом большинство опрошенных положительно относятся к вхождению их страны в Евросоюз, но это не исключает этноцентризма. Так, большинство опрошенных убеждено, что при приеме на работу национально-этническая принадлежность должна иметь значение.

В этой связи становится востребованной справедливая, многополярная глобализация как альтернатива прозападной⁹. Формирование различных глобализаций не исключает их относительного противостояния. В любом случае в перспективе нельзя избежать противостояния двух тенденций – попыток игнорирования границ национальных государств в процессе глобализации и их стремления к сохранению своего суверенитета. Это непосредственно затрагивает

проблемы этнокультурной идентичности, которые будут, несомненно, обостряться. Глобализация влияет не только на экономику, политику, культуру и т.д., но и на повседневную жизнь людей. В процессе глобализации люди общаются не только со «своими», значительная доля контактов осуществляется с представителями других этносов, с носителями других культур. Это часто порождает этнические конфликты в силу недостаточности этнической толерантности. Таким образом, процесс глобализации, с одной стороны, игнорирует национально-этнические границы, этническую идентичность, а с другой – одновременно актуализирует этничность, порождает этноцентризм. Любое пророчество сомнительно, опасно, и занятие это неблагоприятное, но, анализируя современные этнонациональные процессы, не приходится сомневаться, что этносы и этноцентризм в обозримом будущем не исчезнут.

Примечания

- 1 См.: *Егоров В.К.* На стыке цивилизации // Вестник РФО. 2003. № 4. С. 43–45.
- 2 См.: *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.; N.Y., 1983. P. 47.
- 3 См.: *Миллер А.И.* Бенедикт Андерсон: Национализм как культурная система // Национализм и формирование наций. М., 1994.
- 4 *Геллнер Э.* Нации и национализм // Вопр. философии. 1989. № 7. С. 120.
- 5 См.: *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. 1992. № 1.
- 6 См.: *Hobsbawm E.J.* Nations and Nationalism since 1780: Programm, Myth, Reality. Cambridge, 1990. P. 183.
- 7 *Янг И.М.* Некоторые соображения о гегемонии и глобальной демократии // Вестн. Рос. филос. о-ва. 2005. № 4. С. 19.
- 8 См.: *Arts W., Halman L.* National identity in Europe today: what people feel and like // Intern. J. of sociology. Armonk. 2005–2006. Vol. 35, № 4. P. 69–93.
- 9 См.: *Добреньков В.И.* О национальной идеологии для современной России // Глобализация и социальные изменения в современной России: Докл. Всерос. социолог. конгресса. М., 2007. С. 32–54.

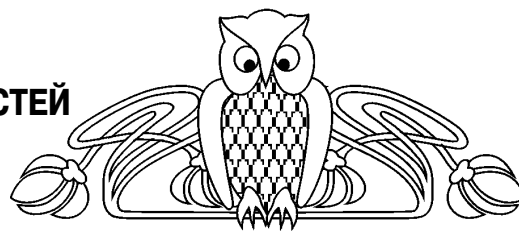

УДК 316.334.3

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ К ВЛАСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

И.А. Бегина

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininaIA@info.sgu.ru

В статье на основе результатов социологического исследования выявляются некоторые проблемы политической ментальности россиян в ракурсе территориальных особенностей их отношения к власти, анализируется степень удовлетворения основных социальных потребностей населения как детерминанта различий в оценках власти московского, саратовского и сельского социума. **Ключевые слова:** власть, отношение населения к органам власти, социальные потребности населения, политическая активность россиян.

Territorial Peculiarity of Population's Attitude to the Authorities Through the Social Needs

I. A. Beginina

In the article some problems of the political mentality of the Russians through their attitude to the authorities (territorial peculiarity) are revealed. The material of the article is based upon the sociological research. Also, the satisfaction degree of their main social needs of the population, as the determinant feature in the estimation of the authorities in Moscow, Saratov and rural area sotsium are analyzed.

Key word: the authorities, attitude to the authorities, Social Needs of the population, political activities of the Russians.

В наше время проходит регионализация социума, рост регионального самосознания. Дифференциация и автономизация территорий в той или иной степени проявляется в большинстве развитых стран через такие характеристики, как усиление самостоятельности функционирования, развитие регионального самосознания. Огромные размеры России, многонациональный характер ее населения, существенные отличия в историческом прошлом составляющих ее территорий предполагают существование значительных различий не только в уровне социально-экономического развития регионов, но и в политической культуре, типе взаимоотношений власти и общества, особенностях формирования и функционирования социальных сетей, которые сформировались в разных частях страны.

На глобальном уровне интеграция и регионализация предстают как естественные для современности векторы развития, которые взаимодополняют и уравновешивают друг друга. Вместе с тем ряд исследователей¹ интерпретируют регионализацию в контексте системных эволюционных изменений социально-территориального пространства. Однако можно согласиться с Аленом

Туреном², что слабость этой концепции в том, что она не включает в себя все представления о региональных различиях. Все эти изменения происходят в ответ на формирование определенных потребностей регионального социума, что заставляет обратиться к теоретическим конструкциям А. Маслоу, который предложил пятиступенчатую иерархию потребностей: 1) материальные потребности, 2) потребности в безопасности, 3) в любви, 4) в самореализации, 5) в самоактуализации³.

Материальные потребности (связанные с обеспечением функционирования организма – в воде, пище и пр.), обращенные к власти, выражаются в требованиях «обогреть», «накормить» обездоленных, обеспечить населению возможности заработать достаточно средств для обеспечения достойных условий существования. По данным социологического опроса⁴, в Саратове самыми распространенными доходными категориями граждан являются бедные (имеющие совокупный семейный доход на одного человека, не превышающий 4–7 тысяч рублей) и околобедные (имеющие доход от 7 до 10 тысяч рублей) слои населения (по 37% опрошенных). В Москве таковых было выявлено намного меньше (соответственно – 1% и 7%). 19% опрошенных саратовцев и 25% москвичей имеют доход в 10–20 тысяч рублей. Их можно отнести к среднему классу. К категории состоятельных, имеющих доход 20–30 тысяч рублей, можно отнести 34% москвичей и только 3% саратовцев. Еще более разительные отличия выявляются в элитной категории населения с доходом, превышающим 30 тысяч рублей. К ней относятся каждый третий москвич и лишь 1% саратовцев. Таким образом, уровень благосостояния в значительной степени зависит от места проживания. Не случайно последние 10 лет не формируется единый официальный показатель уровня жизни. Сегодня он рассчитывается применительно к каждому региону отдельно. Результаты других социологов также показывают, что среди наиболее острых проблем населением выделяются рост цен – 51,9%, низкие зарплаты и пенсии – 50, безработица – 40,7 и нехватка жилья – 31,9%. Процесс урбанизации в России проходил довольно активно. На рубеже 80–90-х гг. в России начались кардинальные изменения в сельско-городском миграционном обмене, когда наметилась устойчивая тенденция к сокращению

оттока сельского населения в города. Несмотря на модернизационные процессы, в сознании селян отмечается традиционность взглядов на власть⁵. 32,5% опрошенных полагают, что в ближайшее время их материальное положение улучшится, 36,1 – верят в то, что положение не изменится, 15 – имеют пессимистические настроения, затруднились с оценкой своих перспектив в данном плане 16,4%. Все это демонстрирует, что органы власти не в должной степени способствуют удовлетворению данной потребности населения.

Потребности в безопасности проявляются в стремлении к стабильности, независимости, защите. Применительно к политической власти это выражается в требованиях установления порядка, законности, защите простого человека. Однако исследование показало, что защищенность от преступности чувствуют только 16,4% опрошенных респондентов, 29% – скорее, чувствуют какую-то защиту, 43,1% опрошенных респондентов выбрали ответ «скорее нет, защиту не чувствую», 7,2% – защиту не чувствуют и находятся в постоянном стрессе, 3,5% – затруднились с ответом.

Уличная преступность особенно волнует предпринимателей (64,9% опрошенных данной категории), работников сферы обслуживания (62,9%), представителей управленческого персонала (58%) и военнослужащих (50%). Эти данные подтверждают, что при повышении социального статуса человека увеличивается чувство опасности, незащищенности перед преступностью. Органы государственной власти функцию удовлетворения этой потребности в защите выполняют недостаточно, что приводит к снижению ее авторитета.

Потребности в любви и принадлежности выражаются в ощущении нехватки друзей, любимых и т.д. В отношении власти это прежде всего патерналистские ожидания заботы, внимания, неравнодушия к проблемам граждан. Попытки жителей Саратовской области обратит внимание на свои проблемы зачастую сталкиваются с бюрократизацией властных структур. В органы государственной власти обращались 49,7% опрошенных. Основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться респондентам, – наличие бумажных, рутинных процедур (19,6%), обилие вневедомственных структур (17,8%), коррумпированность и низкий образовательный уровень чиновников (14,3%), сложность попасть на прием (8,3%), некомпетентность представителей власти (8,3%). Таким образом, данная потребность имеет низкий уровень реализации, что приводит к значительному снижению авторитета власти.

Потребность в самореализации – это необходимость ощущать собственную значимость, компетентность, независимость, свободу, а также потребность в повышении социального статуса. Анализируя образы власти в контексте потребности самореализации, важно выделить разнообразие устремлений к действию, участию

как отражение активной жизненной позиции⁶. В ходе нашего исследования выявлен низкий уровень информированности респондентов об общественно-политической обстановке в стране и регионе и соответствующий уровень политической активности жителей Саратовского региона. Состав правительства знают только 5,3% опрошенных, самых основных чиновников знают 27%, фамилии глав некоторых регионов – 37,7%, никого не знают – 22,6%.

Для большинства опрошенных сегодняшнюю российскую власть олицетворяет президент (64,2%). 14,9% опрошенных считают, что олигархи, богатые люди и «новые русские» являются олицетворением сегодняшней российской власти. Это можно объяснить тем, что так было в прошлом, и многие люди до сих пор считают, что именно деньги этих людей правят страной. 3,8% респондентов предполагают, что партии («Единая Россия», ЛДПР, КПРФ) являются олицетворением сегодняшней российской власти. Возможно, потому, что некоторые партии создаются при видных политических деятелях, которые составляют основу государственной власти нашей страны, и, соответственно, если лидер их партии принимает участие в управлении страной, то и партии дается такое право, считают респонденты. 3% опрошенных считают, что мафия и криминальные авторитеты олицетворяют сегодняшнюю российскую власть. 2,8% респондентов отметили, что силовики (ФСБ, МВД, милиция) олицетворяют российскую власть. Всего 2,5% опрошенных считают Парламент РФ олицетворением сегодняшней российской власти. И самый маленький процент получили местные и региональные власти – 0,5% и 0,3% соответственно. Возможно, это связано с тем, что только 10,1% опрошенных считают, что они могут повлиять на решение властей всегда или в некоторых случаях (27,5%). Таким образом, реальной оценке подвергаются только региональные институты власти. Общероссийские политические лидеры и институты воспринимаются, скорее, как абстрактные символы, максимально дистантные от реальностей повседневной жизни населения. Можно согласиться с мнением Д. Волкова⁷, что доверие к лидерам государства связано не столько с их конкретными делами, сколько с теми надеждами, которые россияне им адресуют. В глазах большинства россиян – это последняя инстанция в ситуации, когда милиция, здравоохранение, образование не работают или работают неудовлетворительно. Медведев воспринимается как дублер Путина. Большинство считает, что он «продолжает политику Путина». Около половины говорят, что власть в России принадлежит обоим, но треть полагает, что Путин – главный. Доверие к Путину по-прежнему выше. Во многом это связано с тем, что люди не видят ему альтернативы. В Путине общество «узнало» долгожданного лидера, «сильную руку». Он набрал высокий рейтинг доверия и «подтянул» от-

ношение и к правительству, и к парламенту. Хотя их рейтинги доверия были и остаются намного ниже, чем рейтинг доверия президенту. Они как отраженный свет, отблеск популярности самого Путина. Виновники ищутся где-то рядом с ними, например среди министров. Парламент потерял в глазах населения самостоятельность, которая была у него раньше. И президент, и премьер освобождены от социально-политической ответственности. Поэтому в России рейтинги доверия первым лицам связаны не с реальной работой, а с их символической ролью в глазах населения.

Таким образом, эта потребность населения в политической компетентности не удовлетворяется в достаточной мере. Низкий уровень информированности сопрягается с малой заинтересованностью обеих сторон в распространении этой информации, способствует понижению степени политической активности масс. В партии состоят только 7,5% опрошенных респондентов, в митингах принимали участие 24,5%. Необходима дальнейшая разработка методов и форм диалога государства с различными социальными группами общества, информирования общественного мнения страны.

Потребности в самоактуализации проявляются через заложенные в человеке стремления к духовным ценностям, стремление к самореализации своей личности. В характеристиках власти эта потребность выражается через апелляцию к высоким духовным ценностям, таким как патриотизм и национальные интересы. Однако результаты опроса показали, что самой значимой ценностью для населения выступает порядок. На это указали 39% опрошенных. Личная свобода имеет значение для 19%. Равенство перед законом – для 17%. Законопослушность особенно значима для 12% населения. Патриотизм важен только для 8% населения. Стремление к анархической вольности и общественной активности разделяют только по 2% опрошенных. Гражданская инициатива как ценность имеет значение только для 1% опрошенных. Все это свидетельствует о том, что наиболее разделяемыми региональным социумом гражданскими ценностями являются позиции, обеспечивающие комфортное существование личности в государстве (свобода личности, равенство, порядок). Периферийными оказываются ценности, символизирующие личную ответственность гражданина в государстве (гражданская ответственность, патриотизм, законопослушность). Таким образом, мы видим, что основные потребности населения выполняются либо частично, либо совсем не выполняются. Это приводит к отчуждению к власти, недоверию ее представителям, игнорированию участия в политической жизни. Однако это процесс по-разному происходит в столице, регионах, в городе и на селе.

Провинциальный социум политически консолидируется под интересы и идеологию местной элиты. В конечном счете, это привело и к измене-

ниям в провинциальной ментальности. «Изменение» политической ментальности регионального социума связано с определенной модификацией и самого понятия ментальности. Вполне естественно, что его объем и содержательная нагрузка изменяются в зависимости от изменения характера и тенденций общественных явлений, которые им охватываются. Понятия подвижны в своих качествах, как подвижна сама политическая практика.

Углубление социальных основ и параметров ментальности реализуется по нескольким направлениям: во-первых, как превращение региональной идеологии из способа консолидации интересов региональной элиты в средство консолидации и самоидентификации провинциального населения в целом; во-вторых, как осознание населением своей идентичности и этнокультурной самобытности вне партийных идеологических систем, в основном политически дифференцирующего общество; в-третьих, как крушение попыток бюрократического формирования общегосударственной идеи или моноидеологии под интересы федеральной номенклатуры и становление региональных мини-идеологий, выражающих интересы провинциального социума; в-четвертых, как постепенное, хотя и небеспроблемное сближение идейных позиций административной и интеллектуальной элиты регионов, своего рода «бонапартизация» местных политических режимов; в-пятых, упадок и разрушение местных «партий власти», ориентирующихся на партийное структурирование федеральных органов власти.

Местная административная элита укрепила свое политическое положение в регионах и, отчасти – во властных федеральных структурах. Федеральная «партия власти» меньше влияет на отношения региональной элиты и населения. Центр как политическое опосредование и идеологическая величина несколько сократил свое влияние в региональном политическом пространстве. В настоящее время намечилось сближение между культурно-ценностными и социально-деятельностными аспектами провинциальной ментальности, что, по нашему мнению, прямо противоположно тенденциям в изменении ментальности столичного политического сообщества.

Политический менталитет населения в Москве имеет значительные отличия от региональных представлений о власти. Это подтверждается и данными исследования, проведенного в столице⁸. Образ власти у москвичей скорее персонифицирован в лице нынешнего президента. Сам президент изображен или выше, или намного крупнее, чем все остальные институты. В изображениях саратовских жителей это встречается реже, чаще они обращают внимание на функциональные связи (а скорее, их отсутствие) между исполнительной и законодательной властью, властью и народом. У москвичей такие изображения также встречаются, но реже. Особенностью саратовцев является то, что у 8%

саратовских респондентов изображается в виде довольно густого дерева с ветвями и плодами, то есть власть у саратовцев выглядит более живой, естественной, у москвичей образы власти более механистические, функциональные.

Москвичи обозначают власть в символическом виде через образы двухглавого императорского орла, оружие, пятна нефти, подчеркивая важность природно-ресурсного фактора для российской власти. Саратовцы ассоциировали власть с Кремлем, подчеркивая тем самым свою отдаленность, отчужденность от процесса принятия политических решений. Противостояние Центра и регионов в визуальных изображениях не встречаются, но центральная власть ассоциируется у ряда респондентов с правительством, Москвой и изображается значительно чаще, чем региональная. Это свидетельствует о том, что решения Центра, по их мнению, имеют для провинциального населения большую значимость.

Рядовые граждане в визуальных образах появляются у каждого третьего опрошенного москвича, у саратовских респондентов – лишь у каждого четвертого. По сравнению с субъектами, олицетворяющими власть, образы простых людей по размеру в несколько раз меньше. При этом надо отметить, что, подчеркивая неопределенный характер власти и людей, принимающих решения, у ряда московских опрошенных чаще проявляется потребность оказаться именно там, во власти, в то время как саратовцы не стремятся попасть во властные структуры. Только 10,4% опрошенных жителей Саратовского региона хотели бы занять должность в органах власти или стать политическим лидером.

Таким образом, существует различие между москвичами и саратовцами в восприятии власти. Если у московских респондентов она выглядит достаточно непривлекательной, пассивной, нединамичной, но в то же время агрессивной, то у саратовских опрошенных власть выглядит скорее нейтрально, с другой стороны – более функциональной по направленности. То есть для москвичей более важными являются качества самой власти, а саратовцы концентрируют внимание на авторитете политических деятелей и выполняемых ими функциях.

Процесс урбанизации в России проходил довольно активно. На рубеже 80–90-х гг. в России начались кардинальные изменения в сельско-городском миграционном обмене, когда наметилась устойчивая тенденция к сокращению оттока сельского населения в города. Несмотря на модернизационные процессы, в сознании селян отмечается традиционность взглядов на власть. По сравнению с городскими жителями, у сельских респондентов в 72,2% случаях уровень доверия к представителям федеральной власти выше среднего. Это связано с тем, что население сел, благодаря автономности и независимости от государственных властных структур сохранило традиционное представление о федеральной

власти. Местную власть сельское население оценивает по тому, насколько успешно должностные лица решают наиболее острые вопросы их жизнедеятельности. Так, по мнению 81,3% опрошенных, село, в котором они проживают, находится в упадке. 18,8% полагают, что ничего не меняется. Общая оценка уровня доверия к местной власти сельскими жителями имеет более негативную окраску.

Отношение сельских респондентов к региональной власти характеризуется уровнем их политической просвещенности и активности. Назвать фамилии главы региона, основных чиновников и направления их профессиональной деятельности могут 43% сельских респондентов, среди городских респондентов этот процент составляет 27%. 60,7% сельских респондентов участвуют в общественно-политической жизни села и региона в целом. Наиболее распространенными формами политического участия респондентов являются: членство в политических партиях – 46,2% опрошенных респондентов и участие респондентов в митинге – 39% опрошенных.

Выявленная территориальная особенность восприятия населением власти проявляется через различия как в степени принятия политических лидеров и доверия им, так и в том, что именно граждане видят в его образе, что для них является важным, а что остается за рамками внимания. Наиболее рациональное и активное восприятие власти свойственно жителям Москвы, они оценивают в большей степени качества власти, в то время как саратовцы концентрируют внимание на авторитете и функциональном предназначении политических деятелей.

Региональные представления о власти складываются через призму удовлетворения потребностей. Чем меньше населенный пункт, тем больше реалистичность оценок местной власти и более символичны оценки центральной российской власти. Сельские жители, в свою очередь, благодаря своей автономности, оценивают федеральную власть через призму устоявшихся традиций массового сознания. Они выше оценивают ее. Оценки местной власти у них намного ниже власти региональной. Это показывает большой разрыв между уровнями власти, дистанционность центральной власти от регионального социума.

Необходимы дальнейшие поиски диалога государства с населением, а также модернизация системы взаимоотношений власть – общество, Центр – регион, регион – село, Центр – село в направлении повышения эффективности функционирования всех уровней власти, повышения кредита доверия к ней со стороны населения, с учетом специфики территориально-региональных потребностей социума. Это позволит сократить дистанцию отчужденности и повысить уровень социально-политической активности масс, их включенности в процесс дальнейшего преобразования российского общества.

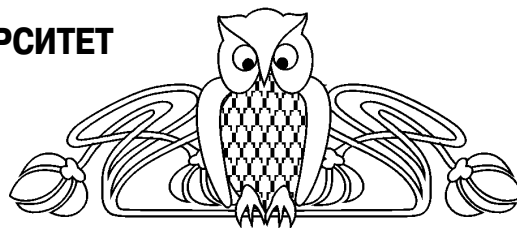

Примечания

- 1 См.: Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социс. 1997. № 1. С. 20.
- 2 См.: Турен А. Восстановление общества после реконструкции государства // <http://www.russ.ru/pole/Vosstanovlenie-obschestva-posle-rekonstrukcii-gosudarstva> – 11.09.2009.
- 3 См.: Маслоу А.Г. Мотивация и личность. М., 2001. С. 76–89.
- 4 Социологическое исследование проводилось в рамках ЦРСИ СГУ в августе 2009 г. с участием автора по бесповторной квотной стратифицированной выборке методом раздаточного анкетирования, было опрошено 518 человек в возрасте от 25 до 65 лет на территории Саратова, Саратовской области (50% респондентов) и в Москве (50%).
- 5 Подведены результаты опроса общественного мнения населения Саратовской области // <http://www.saratov.gov.ru/news>. – 10.10.2008.
- 6 См.: Шестопал Б.Е. Образы власти в постсоветской России. М., 2004.
- 7 Волков Д. Чисто символическое доверие // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/CHisto-simvolicheskoe-doverie> – 23.03.09.
- 8 Социально-политическая ситуация в России. Мониторинг ВЦИОМ // <http://wciom.ru/issledovanijapolitika/ehlektoralnye-issledovanija.html>. – 15.12.2009.

УДК 316.42

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В РАКУРСЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ (по результатам социологического исследования)

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет
E-mail: mig@info.sgu.ru

В статье анализируются основные тенденции и российские особенности глобальной интеграции университетских сообществ и Саратовского госуниверситета в мировое образовательное пространство, выявляются проблемы и противоречия процессов интернационализации вузовской жизни.

Ключевые слова: глобализация, интернационализация образования, интеграция образования и науки.

**Saratov State University the Foreshortened Internalization
(the Results of the Sociological Research)**

I.G. Malinsky

In the article the main tendencies and Russian peculiarities of global integration of the university associations and Saratov State University in the world educational space are analysed. The problems and contradictions of the internalization process of the institute of higher education's life were brought to light.

Key words: globalization, internalization of the education, integration of education and science.

Важнейшей тенденцией последних десятилетий являются мощные интеграционные процессы, захватывающие все сферы общественной жизни, в том числе и высшую школу. Со времен странствующих ученых позднего средневековья университеты всегда рассматривались как социальные и культурные центры, целью которых было распространение знаний за пределы своей территории. В то же время большинство высших учебных заведений, образованных в XIX и

XX столетиях, выполняли свои традиционные функции формирования профессиональных групп и местной элиты, а также развития науки и техники в национальной среде. Со второй половины XX в. вузы были вовлечены в мощное движение образовательной экспансии и демократизации образовательных возможностей. Массовое распространение высшего образования стало рассматриваться как гарантия конкурентоспособности государства в новой глобальной экономике.

Таким образом, высшее образование и наука становятся глобальным фактором общественного развития, выдвигаются в число наиболее важных национальных и общемировых приоритетов, выступают в качестве важнейших компонентов культурного, социального и экономически устойчивого развития людей.

Интернационализация образования – объективный и постоянно развивающийся процесс, существовавший в различных формах уже давно. Он связан не столько с педагогическими заимствованиями, сколько с общими параллельными процессами и общими социально-экономическими и культурными явлениями, развивающимися в мире. К их числу можно отнести: постоянно возрастающие по объёму и всё более разносторонние по содержанию микрохозяйственные связи; новые совершенные технологии, современные глобальные проблемы человечества.

Интернационализация предполагает определённый универсализм в образовании, но он возможен лишь при условии сохранения многообразия социальных, политических, культурных и языковых традиций различных стран. Интерна-

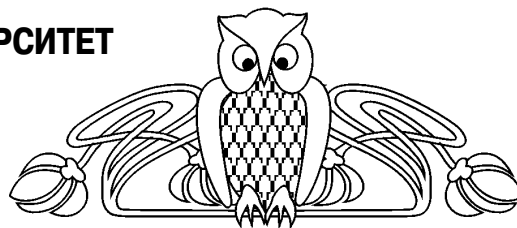

Примечания

- 1 См.: Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социс. 1997. № 1. С. 20.
- 2 См.: Турен А. Восстановление общества после реконструкции государства // <http://www.russ.ru/pole/Vosstanovlenie-obschestva-posle-rekonstrukcii-gosudarstva> – 11.09.2009.
- 3 См.: Маслоу А.Г. Мотивация и личность. М., 2001. С. 76–89.
- 4 Социологическое исследование проводилось в рамках ЦРСИ СГУ в августе 2009 г. с участием автора по бесповторной квотной стратифицированной выборке методом раздаточного анкетирования, было опрошено 518 человек в возрасте от 25 до 65 лет на территории Саратова, Саратовской области (50% респондентов) и в Москве (50%).
- 5 Подведены результаты опроса общественного мнения населения Саратовской области // <http://www.saratov.gov.ru/news>. – 10.10.2008.
- 6 См.: Шестопал Б.Е. Образы власти в постсоветской России. М., 2004.
- 7 Волков Д. Чисто символическое доверие // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/CHisto-simvolicheskoe-doverie> – 23.03.09.
- 8 Социально-политическая ситуация в России. Мониторинг ВЦИОМ // <http://wciom.ru/issledovaniyapolitika/ehlektoralnye-issledovaniya.html>. – 15.12.2009.

УДК 316.42

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В РАКУРСЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ (по результатам социологического исследования)

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет
E-mail: mig@info.sgu.ru

В статье анализируются основные тенденции и российские особенности глобальной интеграции университетских сообществ и Саратовского госуниверситета в мировое образовательное пространство, выявляются проблемы и противоречия процессов интернационализации вузовской жизни.

Ключевые слова: глобализация, интернационализация образования, интеграция образования и науки.

**Saratov State University the Foreshortened Internalization
(the Results of the Sociological Research)**

I.G. Malinsky

In the article the main tendencies and Russian peculiarities of global integration of the university associations and Saratov State University in the world educational space are analysed. The problems and contradictions of the internalization process of the institute of higher education's life were brought to light.

Key words: globalization, internalization of the education, integration of education and science.

Важнейшей тенденцией последних десятилетий являются мощные интеграционные процессы, захватывающие все сферы общественной жизни, в том числе и высшую школу. Со времен странствующих ученых позднего средневековья университеты всегда рассматривались как социальные и культурные центры, целью которых было распространение знаний за пределы своей территории. В то же время большинство высших учебных заведений, образованных в XIX и

XX столетиях, выполняли свои традиционные функции формирования профессиональных групп и местной элиты, а также развития науки и техники в национальной среде. Со второй половины XX в. вузы были вовлечены в мощное движение образовательной экспансии и демократизации образовательных возможностей. Массовое распространение высшего образования стало рассматриваться как гарантия конкурентоспособности государства в новой глобальной экономике.

Таким образом, высшее образование и наука становятся глобальным фактором общественного развития, выдвигаются в число наиболее важных национальных и общемировых приоритетов, выступают в качестве важнейших компонентов культурного, социального и экономически устойчивого развития людей.

Интернационализация образования – объективный и постоянно развивающийся процесс, существовавший в различных формах уже давно. Он связан не столько с педагогическими заимствованиями, сколько с общими параллельными процессами и общими социально-экономическими и культурными явлениями, развивающимися в мире. К их числу можно отнести: постоянно возрастающие по объёму и всё более разносторонние по содержанию микрохозяйственные связи; новые совершенные технологии, современные глобальные проблемы человечества.

Интернационализация предполагает определённый универсализм в образовании, но он возможен лишь при условии сохранения многообразия социальных, политических, культурных и языковых традиций различных стран. Интерна-

ционализация образования зависит от большей ориентации этих стран на потребности быстро меняющегося и всё более взаимозависимого мира. С различной интенсивностью процесс интернационализации охватил все ступени образования и особенно активно развивается в высшей школе.

Большинство современных вузов вовлечено в международную деятельность, но это, как правило, наиболее простой, обыденный уровень интернационализации. На более высоком уровне интернационализация высшего образования может рассматриваться как процесс систематической интеграции международной составляющей в образование, исследования и общественную деятельность высших учебных заведений. В этом смысле далеко не многие, даже из крупных центров академического образования, могут считаться в истинном смысле международными.

Интернационализация университета предполагает в первую очередь интернационализацию научных дисциплин, так как каждая из них включает международное знание. Во-вторых, интернационализация университетов заключается в разработке новых междисциплинарных курсов различного уровня сложности, созданных для ознакомления студентов с основным содержанием социальных и гуманитарных наук. В-третьих, интернационализация предполагает педагогическое обоснование междисциплинарного подхода в образовании и разработку технологий его реализации в образовательной практике. Повышение эффективности методов обучения позволит сократить разрыв между педагогическим и предметным знанием, а также практикой обучения и будет способствовать развитию метазнаний, которые являются основой формирования когнитивных умений, которые будут иметь определяющее значение в будущем для глобальной взаимозависимости. Так как это пока единственный метод создания устойчивого интереса к обучению через жизнь. Как отмечалось в Докладе ЮНЕСКО 1998 г. «Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры», в сфере высшего образования наблюдается теснейшее сближение, если не общность проблем, тенденций, задач и целей, заставляющее забывать о национальных и региональных различиях и специфике.

Не случайно в ходе проведенного социологического опроса¹, большинство сотрудников университета (58%) указали, что сегодня интернационализация является приоритетным направлением развития СГУ. Примерно столько же членов коллектива достаточно высоко оценили процесс реализации этого направления. 57,43% опрошенных охарактеризовали его как активный и очень активный (46,9% сотрудников СГУ считают, что этот процесс развивается активно, 10,6% – очень активно). Причем в ряде подразделений данный процесс был оценен выше, чем в среднем по вузу. К таким подразделениям можно отнести факультет философии и психологии

(85,7% опрошенных сотрудников этой структуры дали высокую оценку), Институт филологии и журналистики, географический факультет (по 75%), механико-математический факультет (73%), Институт истории и международных отношений (70,6%), химический (66,7%), социологический (64,3%), юридический (63,2%).

С развитием процессов глобализации и интернационализации экономики и бизнеса перед высшим образованием встали новые цели – подготовка профессиональных кадров, способных эффективно работать в изменившихся условиях глобального рынка. Интернационализация образования преследует различные цели, среди которых: диверсификация и рост финансовых поступлений через привлечение иностранных студентов на платное обучение; расширение учебных планов и обучение своих студентов в зарубежных вузах-партнерах; расширение региональной сети вуза для эффективного использования своих ресурсов; повышение качества образования и исследований за счет участия студентов и преподавателей в международном процессе обмена знаниями и др.

Развитие международного межвузовского сотрудничества позволяет организовывать совместные исследовательские проекты, обменные программы для студентов и преподавателей, специальные программы для иностранных студентов. Развитие этих процессов вызывает не только удовлетворение от процесса приобщения России к европейской цивилизации, но и ряд проблем, связанных с глобализацией образования. К ним можно отнести опасения по поводу сохранения исторически накопленных хороших традиций, опыта, самобытности и достижений национальной системы высшего образования с ее фундаментальной составляющей, а также сомнения в сохранении качества образования во время обучения по облегченным, усредненным программам. Целый ряд проблем видится также в развитии технологической и социальной инфраструктуры, условий жизни и степени безопасности в вузах, что существенно влияет как на качество обучения, так и на привлекательность российского образования для иностранных студентов.

Для значительной доли опрошенных (48%) в процессе интернационализации очень важным является способ развития научно-исследовательской деятельности в университете. Для 41% опрошенных таким является метод развития новых образовательных программ, знакомство с новыми педагогическими подходами, и только 2% видят в этом в первую очередь источник привлечения внебюджетных средств для университета. Менее значимым большинство сотрудников считают в этом процессе знакомство с новыми технологиями (53% респондентов). Таким образом, интернационализацию можно охарактеризовать как объективный процесс устойчивого взаимодействия и взаимовлияния национальных систем высшего образования на основе общих целей и принципов,

отвечающий потребностям мирового сообщества и отражающий прогрессивные тенденции нового столетия.

Результаты опроса показали, что, по мнению большинства сотрудников университета, в данном процессе участвуют лишь небольшая часть студентов и преподавателей СГУ (60,93%). 13,25% – считают, что сотрудники и студенты практически не участвуют в этом процессе. 0,66% респондентов считают, что участвуют только все те, кто хочет и может. И 0,33% опрошенных считают, что в процессе интернационализации участвует только администрация. 15,56% опрошенных затруднились ответить. И только 8,61% опрошенных считают, что вовлечена большая часть сотрудников и студентов. Однако 1% опрошенных указал, что ни разу не был за рубежом в рамках своей профессиональной деятельности. 45% сотрудников побывали на стажировке за границей. Еще столько же участвовали в международных конференциях как по линии программ СГУ, так и по линии иных проектов.

63,94% опрошенных участвовали в различных видах международной деятельности. При этом выявилось расхождение в ответах респондентов, которые, например, не всегда сразу могли вспомнить, сколько раз они принимали участие в международных исследовательских проектах. Это может быть связано с непониманием необходимости более интенсивного развития этого направления. Особенно это касается совместной с западными коллегами разработки учебников, учебных пособий, технологий, рецензирования зарубежных изданий и пр.

Существенным препятствием для интенсивного развития интернационализации является низкий уровень владения иностранными языками. Национальные различия в доступе к образованию, количественные ограничения в наборе студентов на определенные специальности заставляют студентов и преподавателей из этих стран искать возможности образования за рубежом. Языковые и культурные соображения привлекают преподавателей и студентов на образовательные программы Великобритании, Франции, США. Доминирование английского языка в качестве основного в современной науке и в качестве наиболее часто изучаемого второго языка обусловило тот факт, что наряду с США и Великобританией в список стран, принимающих наибольшее количество иностранных студентов, вошли также Канада и Австралия. Возникший спрос на образовательные программы вузов этих стран вытягивает их образовательные услуги по каналу распределения: возникают специализированные агентства и консалтинговые компании, как национальные, так и международные, выступающие посредниками и консультантами по удовлетворению этого спроса. Так, английским языком (в той или иной степени) владеют почти 34% опрошенных, немецким – 11,9, французским – 4,3%. Испанским владеют 1%, а

такими языками, как итальянский и украинский владеют только 0,33%.

В ходе проведенного опроса выяснилось, что регулярно поддерживают контакты с зарубежными коллегами независимо от своей деятельности профессора и доценты – по 37,1%; старшие преподаватели – 8,6; ассистенты кафедр и работники деканата – 5,7; инженеры и программисты – 2,9. Но большая часть респондентов поддерживает связь с зарубежными коллегами изредка, так ответили доценты – 48,9%; профессора – 28,3; ассистенты – 10,9%; старшие преподаватели и документоведы – 4,3 и по 1,1% поддерживают связь с иностранными коллегами проректор и сотрудники научного и учебного отделов. Совсем не поддерживают связь с зарубежными коллегами 42,4% доцентов, 19,4% ассистентов, 11,5% старших преподавателей и документоведов, 7,9% профессоров, 2,4% работников деканата, 3% инженеров, 0,6% – сотрудников учебного и научного отдела. Исходя из этого можно сделать вывод, что профессора и доценты регулярно поддерживают связи с зарубежными коллегами, что может быть связано с тем, что им необходимо обмениваться опытом, получать новые знания.

В сфере образования основным фактором, стимулирующим изменения, является стремительно возрастающий поток информации. Этот рост происходит такими темпами, что прежние методы и сама система образования уже не может с ним справиться. Простое увеличение объема осваиваемых знаний приводит к чрезмерному увеличению учебной нагрузки, неблагоприятно сказывается на здоровье учащихся, но при этом не дает желаемых результатов. При таких темпах изменений обновление знаний происходит настолько быстро, что к моменту окончания обучения в вузе полученные студентами знания успевают устареть. Возникла необходимость постоянного обновления профессиональных знаний, т.е. непрерывного обучения.

Среди тех, кто участвовал в международных исследовательских проектах с определенными целями, оказалось 50% профессоров, для которых основной целью является возможность дополнительного заработка, для 40% – приобретение международных контактов, для 37,7% – реализация своих научных интересов, для 34,69% – получение ценного профессионального опыта. Для 85,71% доцентов основная цель необходимость включиться в работу кафедры, 51,02 – получение ценного профессионального опыта, 40 – приобретение международных контактов, 37,7 – реализация своих научных интересов, 33,33% – дополнительный заработок. Для старших преподавателей, как и для доцентов, основной целью выступает необходимость включиться в работу кафедры – 14,29%, для 8,2% – реализация своих научных интересов, 2,5% – приобретение международных контактов, и только для 2,04% опрошенных доцентов основной целью является получение ценного профессионального опыта. Для работников

деканата и ассистентов кафедры основной целью является приобретение международных контактов (5,0%), для инженеров дополнительный заработок (5,56%). Для проректора главной целью участия в международных проектах является приобретение международных контактов. Среди всех опрошенных самый большой процент затруднившихся ответить оказался среди доцентов (46,43%) и 32,14% профессоров уклонились от ответа.

Большинство респондентов (56,25%) считают, что спрос на учебные курсы с большим интернациональным компонентом возрастет, 9,87% опрошенных считают, что не изменится; 0,66% респондентов считают, что уменьшится и 29,28% респондентов затруднились ответить. Сильным стимулом интернационализации программ обучения является растущее влияние международных профессиональных объединений. Быстрый рост международной торговли профессиональными услугами побудил представителей многих профессий организовать свою деятельность на международном уровне. Эти профессиональные объединения серьезно взялись за решение таких вопросов, как гарантия качества, минимальные стандартные требования, критерии профессионализма, аккредитация и т.д. Программы с международной тематикой или сильной международной компонентой приобрели в последние годы большую популярность во многих европейских странах.

Из числа опрошенных смогли опубликовать свои работы 1–2 раза: учебно-методические пособия – 53,46% респондентов, 34,48% респондентов опубликовали статьи в российских рецензируемых журналах, 33,2% опрошенных подавали заявку на российский грант, 24,4% – опубликовали тезисы в сборниках по материалам конференции. 21,4% респондентов опубликовали статьи в зарубежных сборниках, 8,86% опрошенных опубликовали учебник и 8,1% респондентов опубликовали статьи в зарубежных реферируемых журналах. 3–4 раза – 19,92% респондентов опубликовали главы или статьи в российском сборнике, 18,8% опрошенных опубликовали тезисы в сборниках по материалам конференции, 15,38% опрошенных опубликовали учебно-методическое пособие, опубликовали статьи и главы в зарубежных журналах, сборниках 2,6% респондентов, 9,72% опрошенных подавали заявку на российский грант, 2,58% опрошенных подавали заявку на иностранный международный грант. 5–6 раз – только 13,5% опрошенных смогли опубликовать тезисы в сборниках по материалам конференций и небольшое число опрошенных – статьи, монографии, учебники, 12,26% респондентов смогли опубликовать главы и статьи в российском сборнике.

Важными направлениями в интернационализации 40,79% опрошенных считают усиление международного научного сотрудничества, 29,28% опрошенных считают, что это – установление международных связей, создание международных консорциумов, 25,66% – мобильность

преподавателей, мобильность студентов считают важным в направлении интернационализации 19,74% опрошенных. А наименее важным направлением в интернационализации 22,04% опрошенных считают внеучебную деятельность иностранных студентов. Часто процессы студенческой и преподавательской мобильности бывают так взаимосвязаны, что разделить их очень трудно. Студенческая мобильность имеет различные формы: участие в проектной деятельности, проведение исследований разного плана, организация различных мероприятий, активное изучение зарубежного опыта и т.д. Мобильность преподавательского состава также связана с введением новых учебных планов, предполагающих тесное сотрудничество с зарубежными коллегами. Некоторые программы осуществляются преподавателями, получившими международную подготовку. Программы студенческой и преподавательской мобильности развиваются с целью стимулирования интернационализации учебных планов, т.е. внедрения изменений в учебные планы сотрудничающих вузов и факультетов. Поскольку даже в объединенной Европе существует огромное разнообразие национальных систем высшего образования, стремление интернационализировать учебные планы и привнести в них общие европейские элементы может быть реализовано только через проекты мобильности.

Большинство респондентов (22,04%) считают основной формой развития интернационализации федеральную политику и федеральные программы финансовой поддержки. И только 8,55% опрошенных считают, что это – региональная политика и региональные программы. Таким образом, большинство опрошенных (34,5%) считают наиболее важным способом стимулирования студенческой мобильности обмена, 32,6% опрошенных считают, что это – отправка студентов СГУ за рубеж и по 0,3% опрошенных считают, что это – общение и обмен впечатлениями тех, кто уже приехал из-за рубежа, индивидуальные гранты и участие в международных фестивалях и конкурсах.

57,6% опрошенных считают, что основным препятствием на пути развития интернационализации в университете является недостаточная финансовая поддержка. Для 55,6% опрошенных – недостаток информации о существующих возможностях, 28,9% опрошенных – нехватка кадров с соответствующей подготовкой и только по 2,3% опрошенных столкнулись с такой проблемой, как отсутствие понимания в своем вузе и отсутствие признания работы, сделанной за рубежом.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что процессы интернационализации образования в настоящее время являются неотъемлемым фактором существования Саратовского государственного университета. Его необходимость и значимость высоко оценивается большинством сотрудников вуза. В процессе интернационализации участвует практически

весь профессорско-преподавательский состав. Основными формами этого участия выступают: обмен преподавателями, совместные научно-исследовательские программы, стажировки в зарубежных университетах. Однако такие формы, как создание совместных учебных программ, организация интенсивных курсов и летних школ, реализуются в меньшей степени.

Процесс интернационализации в СГУ является управляемым. Он находится в центре внимания, ректората, дирекции международных программ университета, администраторов на факультетском и кафедральном уровнях. При этом на уровне студентов этот процесс проявляется с меньшей интенсивностью, преимущественно в форме набора иностранных студентов, организации обменных программ, а также индивидуальной студенческой мобильности.

Среди трудностей на пути интернационализации в СГУ выделяются недостаточная финансовая поддержка и дефицит информации о существующих возможностях в данной сфере. Однако в ка-

честве основного препятствия выступает низкий уровень владения иностранными языками как среди преподавателей, так и среди студентов. Это актуализирует содержательную сторону учебных программ: новые программы и курсы, учитывающие элементы межкультурной коммуникации и страноведения, иностранные языки (как предмет изучения и как язык-посредник при чтении курсов), дистанционное обучение, использование новых технологий, направленных на углубление навыков и практик общения, коммуникации на иностранных языках. Именно сотрудничество в области образования, языка и культуры будет творить мир в XXI веке.

Примечания

- ¹ Опрос проводился ЦРСИ СГУ в октябре-ноябре 2008 г. по репрезентативной вероятностной квотно-стратифицированной выборке. Опрошено 304 респондента – сотрудников всех подразделений СГУ.

УДК 316.422

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К СОВРЕМЕННЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РЕФОРМАМ (по результатам социологического исследования)

А.А. Воронов

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье проанализированы итоги социологического исследования мнения россиян о проводимых в стране экономических реформах.

Ключевые слова: экономические реформы, социально-демографические, возрастные, образовательные критерии респондентов.

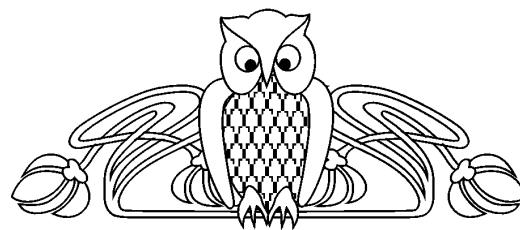
Attitude the Citizens of the Russian Federation to Modern Economical Reforms (the Results of the Sociological Research)

A.A. Voronov

In the article the results of the sociological research dedicated to the attitude the citizens of the Russian Federation to economical reforms, which have been taking recently, are analyses.

Key words: economical reforms, socio-population, age, educational criteria of the respondents.

Правительство, проводя экономические реформы, пытается убедить население в том, что это должно в конечном счете привести к положительному результату, к стабильности и достатку. Однако очень важно знать, что же сами граждане

думают на этот счет, считают ли они правильным проведение тех или иных экономических преобразований. В 2009 г. проведено авторское исследование в Москве и Саратове. В данном исследовании используется метод анкетного опроса с квотной выборкой в Саратове. Выборка по Москва является целевой, поскольку нет точных данных о количестве проживающих граждан в разных районах города.

В первую очередь необходимо выделить основные критерии, влияющие на отношение респондентов к экономическим реформам. Данными критериями выступают социально-демографические признаки.

52% саратовцев одобряют проводимые экономические реформы. 48% жителей Саратова неодобрительно относятся к экономическим преобразованиям. Среди проживающих в Москве 35% опрошенных одобряют экономические реформы, а 65% москвичей категорически не устраивают экономические преобразования.

Среди мужчин одобряют экономические реформы, проводимые правительством, 43,6% опрошенных, отрицательно относятся к преобразованиям в сфере экономики – 56,4%. 43,4% женщин благосклонно относятся к экономическим изменениям. 56,6% опрошенных женщин

весь профессорско-преподавательский состав. Основными формами этого участия выступают: обмен преподавателями, совместные научно-исследовательские программы, стажировки в зарубежных университетах. Однако такие формы, как создание совместных учебных программ, организация интенсивных курсов и летних школ, реализуются в меньшей степени.

Процесс интернационализации в СГУ является управляемым. Он находится в центре внимания, ректората, дирекции международных программ университета, администраторов на факультетском и кафедральном уровнях. При этом на уровне студентов этот процесс проявляется с меньшей интенсивностью, преимущественно в форме набора иностранных студентов, организации обменных программ, а также индивидуальной студенческой мобильности.

Среди трудностей на пути интернационализации в СГУ выделяются недостаточная финансовая поддержка и дефицит информации о существующих возможностях в данной сфере. Однако в ка-

честве основного препятствия выступает низкий уровень владения иностранными языками как среди преподавателей, так и среди студентов. Это актуализирует содержательную сторону учебных программ: новые программы и курсы, учитывающие элементы межкультурной коммуникации и страноведения, иностранные языки (как предмет изучения и как язык-посредник при чтении курсов), дистанционное обучение, использование новых технологий, направленных на углубление навыков и практик общения, коммуникации на иностранных языках. Именно сотрудничество в области образования, языка и культуры будет творить мир в XXI веке.

Примечания

- ¹ Опрос проводился ЦРСИ СГУ в октябре-ноябре 2008 г. по репрезентативной вероятностной квотной стратифицированной выборке. Опрошено 304 респондента – сотрудников всех подразделений СГУ.

УДК 316.422

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К СОВРЕМЕННЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РЕФОРМАМ (по результатам социологического исследования)

А.А. Воронов

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье проанализированы итоги социологического исследования мнения россиян о проводимых в стране экономических реформах.

Ключевые слова: экономические реформы, социально-демографические, возрастные, образовательные критерии респондентов.

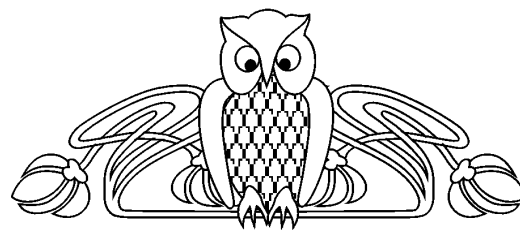
Attitude the Citizens of the Russian Federation to Modern Economical Reforms (the Results of the Sociological Research)

A.A. Voronov

In the article the results of the sociological research dedicated to the attitude the citizens of the Russian Federation to economical reforms, which have been taking recently, are analyses.

Key words: economical reforms, socio-population, age, educational criteria of the respondents.

Правительство, проводя экономические реформы, пытается убедить население в том, что это должно в конечном счете привести к положительному результату, к стабильности и достатку. Однако очень важно знать, что же сами граждане

думают на этот счет, считают ли они правильным проведение тех или иных экономических преобразований. В 2009 г. проведено авторское исследование в Москве и Саратове. В данном исследовании используется метод анкетного опроса с квотной выборкой в Саратове. Выборка по Москва является целевой, поскольку нет точных данных о количестве проживающих граждан в разных районах города.

В первую очередь необходимо выделить основные критерии, влияющие на отношение респондентов к экономическим реформам. Данными критериями выступают социально-демографические признаки.

52% саратовцев одобряют проводимые экономические реформы. 48% жителей Саратова неодобрительно относятся к экономическим преобразованиям. Среди проживающих в Москве 35% опрошенных одобряют экономические реформы, а 65% москвичей категорически не устраивают экономические преобразования.

Среди мужчин одобряют экономические реформы, проводимые правительством, 43,6% опрошенных, отрицательно относятся к преобразованиям в сфере экономики – 56,4%. 43,4% женщин благосклонно относятся к экономическим изменениям. 56,6% опрошенных женщин

не одобряют экономические реформы нынешнего президента.

Среди респондентов, одобряющих проводимые нынешним правительством экономические реформы, 29,9% респондентов составляет молодежь (25–34 года). 35,6% опрошенных относятся к средней возрастной группе (35–49 лет), 34,5% участников опроса из старшей возрастной группы (50–64 года) также одобряют экономические преобразования в стране. 23,9% молодежи является противником проводимых экономических реформ. Неодобрительно относятся к нынешним преобразованиям 44,2% респондентов в возрасте от 35 до 49 лет. В старшей возрастной группе отрицательно относятся к экономическим реформам 31,9% респондентов.

1,1% респондентов, одобряющих проводимые экономические реформы, имеют неполное среднее образование. Опрошенных со средним общим образованием, которые благоволят экономическим преобразованиям, 2,3%. 5,7% респондентов, имеющих среднее профессиональное образование, также одобрительно относятся к нынешней экономической политике страны. 16,1% участников опроса со средним специальным образованием придерживаются такой же точки зрения. Одобряют проводимые экономические реформы 18,4% респондентов, имеющих неоконченное высшее образование. 56,3% опрошенных, имеющих высшее образование, положительно смотрят на преобразования, проводимые в экономической сфере. Не одобряют вводимые экономические нововведения 2,7% респондентов со средним общим образованием. 9,7% опрошенных со средним профессиональным образованием выказывают недовольство по поводу проводимой экономической политики. 17,7% опрошенных со средним специальным образованием придерживаются такой же точки зрения. 21,2% респондентов с неоконченным высшим образованием не одобряют проводимые экономические реформы. Среди участников опроса, имеющих высшее образование, 48,7% респондентов против экономических преобразований.

Сфера деятельности респондентов также не оказала серьезного влияния на их мнение о проводимых нынешним правительством экономических реформах. 44,8% работников промышленного производства одобряют экономические преобразования, 55,2% опрошенных негативно относятся к ним. Одобряют нынешние преобразования 48% занятых в области строительства, транспорта и связи. 52% опрошенных придерживаются иной точки зрения. 38,9% трудоустроенных в государственном аппарате благосклонно относятся к проводимым экономическим реформам, 61,1% опрошенных не устраивают преобразования в экономической сфере. 34,2% – работники сферы культуры, науки, образования, здравоохранения и информации – одобряют переустройство экономической системы страны, практически в два

раза больше – 65,8% респондентов категорически против нынешнего курса преобразований в экономической сфере. Одобряют реформы 45,7% тружеников сферы услуг, торговли, коммунального хозяйства. Противоположностью им являются 54,3% опрошенных, чья деятельность связана с рынком услуг, торговли и коммунального хозяйства. 57,1% военнослужащих, работников правоохранительных органов являются сторонниками экономической политики президента. 42,9% не считают проводимые реформы эффективными. 60% домохозяйек одобряют экономические преобразования, 40% придерживаются противоположной точки зрения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сфера деятельности не является определяющим фактором, влияющим на отношение респондентов к экономическим реформам.

При анализе данных, касающихся зависимости доходов респондентов и их отношения к проводимым экономическим реформам, выявилась следующая закономерность. Среди респондентов, находящихся за чертой бедности (менее 4000 руб. на одного человека), 33,3% одобряют экономические преобразования, 66,7% – придерживаются противоположной точки зрения. 47,4% опрошенных, принадлежащих классу «бедность» (от 4001 до 7000 руб. на одного человека), поддерживают современную экономическую политику, 52,6% участников опроса категорически против нынешних преобразований в сфере экономики. Ровно половина респондентов, имеющих доход от 7001 до 10000 руб. на одного человека, поддерживают экономический курс страны, столько же опрошенных находятся в оппозиции данного мнения. Мнения респондентов, попадающих в категорию населения с доходом от 10001 до 20000 руб. на одного человека распределяются следующим образом: 38,6% опрошенных выступают на стороне современных экономических преобразований, 61,4% не одобряют российские реформы в экономической сфере. 32,4% участников исследования, с доходом от 20001 до 30000 руб. на человека, одобряют экономический курс президента, 67,6% не приветствуют нынешние преобразования. 43,5% респондентов, с доходом от 30001 до 75000 руб. на человека, одобряют проведение экономических реформ, 56,5% участников исследования придерживаются прямо противоположной точки зрения. В каждой из представленных категорий большинство респондентов неодобрительно относятся к проводимым экономическим преобразованиям.

По результатам полученных данных можно сделать вывод о том, что город проживания более всего оказывает влияние на формирование мнения респондентов по поводу проводимых экономических реформ в настоящее время. В столице к реформам относятся менее терпимо, считая их неэффективными. В провинции к экономическим преобразованиям относятся благосклоннее. Воз-

раст, образование и доход не являются определяющими переменными, по которым можно сделать вывод о существенных различиях во мнениях респондентов, касающихся определенной точки зрения по поводу экономической политики страны, хотя нельзя не обратить внимания на то, что наиболее многочисленная группа по выборке в возрасте от 35 до 49 лет негативно относится к проводимым экономическим реформам. Как показало исследование Фонда общественного мнения, проведенное 21–22 февраля 2009 г., данные результаты подтверждаются в 44 субъектах Российской Федерации¹.

Поскольку в настоящее время экономика нашей страны испытывает серьезные трудности, связанные с кризисом, распространенным практически на все развитые и развивающиеся страны, необходимо обратить внимание на мнение респондентов, касающиеся стабильности российской экономики и произошедших в России перемен.

61,9% опрошенных, считающих, что перемены к лучшему, уверены в том, что Россия – стабильная страна. 28,6% думающих, что наше государство нестабильно, заявляют, что перемены к лучшему. 9,5% придерживающихся той же точки зрения затруднились с ответом по поводу стабильности страны. Среди респондентов, считающих, что экономические перемены в стране к худшему, 2,7% оптимистов уверены в том, что Россия – стабильная страна. 86,5% участников исследования придерживаются противоположной точки зрения. Затруднились с ответом 10,8% респондентов. В группе опрошенных, которые уверены в том, что перемен в экономике страны не произошло, 8,5% респондентов считают Россию стабильной страной. 70,7% участников исследования не уверены в экономической непоколебимости государства. Затруднились с ответом 12,8% респондентов.

Подтверждая тенденцию о неодобрении экономических преобразований государства, необходимо сказать о мнении респондентов по поводу отражения властью интересов народа. Среди респондентов, считающих, что власть отражает интересы народа, 64,7% одобряют проводимые экономические реформы, в то время как 35,3% участников опроса придерживаются противоположной точки зрения. 33,9% респондентов, уверенных в том, что власть имущие не заинтересованы в отражении интересов народа, одобряют экономические преобразования. 66,1% не одобряют реформы в экономической сфере.

Одобрение экономических реформ напрямую зависит от доверия респондентов государству, что проявляется в первую очередь в выборе гражданами способа хранения денежных средств. Среди одобряющих проводимые экономические реформы 8,8% предпочитают вкладывать деньги в недвижимость. 11,5% респондентов вкладывают денежные средства в российские банки. Открывают депозиты в зарубежных банках 6,2% участников опроса, относящихся благосклонно

к проводимым экономическим реформам. 29,3% опрошенных свободные средства направляют на развитие собственного дела. Дома предпочитают хранить 9,7% респондентов, одобряющих экономические преобразования. Об отсутствии свободных средств говорят 34,5% опрошенных. 32,2% респондентов, не одобряющих проводимые экономические реформы, вкладывают деньги в недвижимость. Российским банкам свои средства доверяют 6,9% участников опроса. 10,3% респондентов, негативно относящихся к экономическим преобразованиям, доверяют зарубежным банкам. 11,5% опрошенных вкладывают деньги в развитие собственного дела. 17,2% респондентов предпочитают хранить деньги дома. Об отсутствии свободных денежных средств говорят 21,9% опрошенных.

Как видно из результатов исследования, респонденты, которые не одобряют экономические преобразования, не доверяют государству, рассчитывают исключительно на собственные силы и денежные средства, в основном вкладывают в недвижимость. Среди одобряющих экономические реформы большинство не имеют свободных средств, а те, кто может себе позволить распоряжаться свободными средствами, предпочитают вкладывать в развитие собственного дела, что говорит о явном доверии государству.

Итак, исследование позволяет говорить о том, что москвичи знают об экономической ситуации в стране больше, чем саратовцы. О реорганизации стабилизационного фонда проинформированы 53,5% москвичей, среди жителей Саратова таких 23,3%. 87,3% столичных жителей знают о преобразованиях в жилищно-коммунальном хозяйстве, среди саратовцев в своих знаниях уверены вдвое меньше – 43,3%. Суть налоговой реформы известна 74,5% москвичей и 62% саратовцев. О земельной реформе знают 81,9% жителей Москвы и 59,8% жителей Саратова. Единственным исключением является реформа естественных монополий, поскольку саратовцы (42,1%) знают о ней больше жителей столицы (33,1%).

Итак, одна из задач исследования предполагала выявление факторов, влияющих на формирование отношения респондентов к экономическим реформам. Гипотеза о том, что таковыми выступают для большинства населения уровень образования и доход, подтвердилась частично, поскольку данные факторы влияют на образ мышления участников опроса, но не являются определяющими. Определяющим является город проживания респондентов.

Следующей задачей было выявление сходств и различий между взглядами жителей двух городов. Здесь гипотеза полностью подтвердилась, поскольку жители Москвы больше осведомлены в экономической сфере, нежели население Саратова. Большинство жителей столицы ознакомлены с сутью проводимых экономических реформ и дают верные экономические прогнозы на будущее (рост

инфляции, рост безработных, рост недовольных), в то время как жители Саратова осведомлены об экономической политике страны гораздо хуже, что искажает их понимание нынешнего состояния экономики Российской Федерации и впоследствии может привести к принятию неверных экономических решений.

Помимо различий во взглядах респондентов из разных городов, следует обратить внимание на серьезные различия во взглядах респондентов, одобряющих и не одобряющих экономические реформы. Несомненно, среди участников опроса, считающих проводимые экономические реформы эффективными, правительство видит союзников, готовых направить собственные сбережения «на благо государства», то есть вкладывать в развитие собственного дела, открывать депозиты в российских банках, давая возможность работать

капиталовложениям не только на благо самих респондентов, но и на благо экономики страны. Тем не менее, у большинства респондентов, одобряющих проводимые реформы, нет свободных средств, дающих им возможность принимать активное участие в совершенствовании экономики страны. Опасения также вызывают позиции респондентов, выступающих против экономических реформ, проводимых правительством, поскольку они предпочитают вкладывать свои сбережения в недвижимость или же открывают депозиты в зарубежных банках, помогая тем самым экономике других стран.

Примечания

¹ Состояние российской экономики. Социально-экономические индикаторы // www.fom.ru. – 26.02.2009.

УДК 330.46:332.012.2.001

ДУАЛЬНАЯ СИММЕТРИЯ УПРАВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

И.В. Кнышев, С.М. Нечаева

Саратовский государственный университет
E-mail: str12sourc@rambler.ru

Показаны методологическая значимость, теоретическая и практическая ценность дуальной – ноуменологической и феноменологической – симметрии сопряженного управления в социальных и экономических системах.

Ключевые слова: ноуменологическая симметрия, феноменологическая симметрия, социальные и экономические системы.

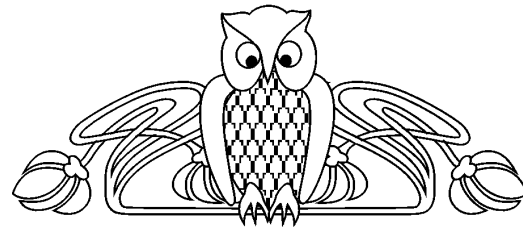
Dual Symmetry of the Control in Social and Economic Systems

I.V. Knyshev, S.M. Nechaeva

The methodological importance, theoretical and practical value of dual – noumenological and phenomenological – symmetry of the conjugated control in social and economic systems.

Key words: noumenological symmetry, phenomenological symmetry, social and economic systems.

Любые функционально связанные, сопряженные (субъектная, или социальная, и объектная, или экономическая) системы методологически симметричны в изучении, анализе, синтезе и проектировании дуальных характеристик: ноуменов в субъектной реальности социальной системы и феноменов в объектной реальности экономической системы – управляемых состояний систем. Цель статьи – показать сущность дуальной симметрии содержательного управления в социальных и экономических системах.

Проблема конструктивной взаимосвязи ноуменологических (субъектных, социальных) и феноменологических (объектных, экономических) отношений¹ как главная проблема содержательных анализа и учета человеческого и социального факторов, проявляющихся на товарностоимостном движении, существует тысячелетия – с начала возникновения социумов и экономики. Развитие количественного отображения любых категорий социального (любого уровня: нано-, микро-, мезо- или макросубъектного по масштабности и основному содержанию) при создании конструктивных теоретических основ управления в социальных и экономических системах необходимо проводить в сравнении с категориями экономического (также любой масштабности: нано-, микро-, мезо- или макрообъектного по сути). Дуальные категории социального и экономического относятся к единой социально-экономической сфере.

Чисто экономического движения, например основного его класса «предложение S (*supply*) – спрос D (*demand*)», не бывает по следующим основным причинам – условиям социальной экономики, объектного движения его товарно-денежных или товарно-стоимостных носителей:

– в любом экономическом движении с сопряженными товарной и денежной – прямой и обратной – связями участвует не менее двух субъектных акторов: S - и D -акторов, S - и D -подсистем, субъектов S - и D -хозяйствования, а это – минимальная социальная система с двумя взаимобратными –

инфляции, рост безработных, рост недовольных), в то время как жители Саратова осведомлены об экономической политике страны гораздо хуже, что искажает их понимание нынешнего состояния экономики Российской Федерации и впоследствии может привести к принятию неверных экономических решений.

Помимо различий во взглядах респондентов из разных городов, следует обратить внимание на серьезные различия во взглядах респондентов, одобряющих и не одобряющих экономические реформы. Несомненно, среди участников опроса, считающих проводимые экономические реформы эффективными, правительство видит союзников, готовых направить собственные сбережения «на благо государства», то есть вкладывать в развитие собственного дела, открывать депозиты в российских банках, давая возможность работать

капиталовложениям не только на благо самих респондентов, но и на благо экономики страны. Тем не менее, у большинства респондентов, одобряющих проводимые реформы, нет свободных средств, дающих им возможность принимать активное участие в совершенствовании экономики страны. Опасения также вызывают позиции респондентов, выступающих против экономических реформ, проводимых правительством, поскольку они предпочитают вкладывать свои сбережения в недвижимость или же открывают депозиты в зарубежных банках, помогая тем самым экономике других стран.

Примечания

¹ Состояние российской экономики. Социально-экономические индикаторы // www.fom.ru. – 26.02.2009.

УДК 330.46:332.012.2.001

ДУАЛЬНАЯ СИММЕТРИЯ УПРАВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

И.В. Кнышев, С.М. Нечаева

Саратовский государственный университет
E-mail: str12sourc@rambler.ru

Показаны методологическая значимость, теоретическая и практическая ценность дуальной – ноуменологической и феноменологической – симметрии сопряженного управления в социальных и экономических системах.

Ключевые слова: ноуменологическая симметрия, феноменологическая симметрия, социальные и экономические системы.

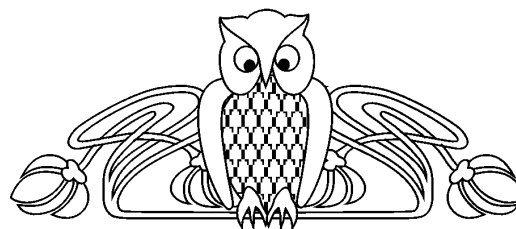
Dual Symmetry of the Control in Social and Economic Systems

I.V. Knyshev, S.M. Nechaeva

The methodological importance, theoretical and practical value of dual – noumenological and phenomenological – symmetry of the conjugated control in social and economic systems.

Key words: noumenological symmetry, phenomenological symmetry, social and economic systems.

Любые функционально связанные, сопряженные (субъектная, или социальная, и объектная, или экономическая) системы методологически симметричны в изучении, анализе, синтезе и проектировании дуальных характеристик: ноуменов в субъектной реальности социальной системы и феноменов в объектной реальности экономической системы – управляемых состояний систем. Цель статьи – показать сущность дуальной симметрии содержательного управления в социальных и экономических системах.

Проблема конструктивной взаимосвязи ноуменологических (субъектных, социальных) и феноменологических (объектных, экономических) отношений¹ как главная проблема содержательных анализа и учета человеческого и социального факторов, проявляющихся на товарностоимостном движении, существует тысячелетия – с начала возникновения социумов и экономики. Развитие количественного отображения любых категорий социального (любого уровня: нано-, микро-, мезо- или макросубъектного по масштабности и основному содержанию) при создании конструктивных теоретических основ управления в социальных и экономических системах необходимо проводить в сравнении с категориями экономического (также любой масштабности: нано-, микро-, мезо- или макрообъектного по сути). Дуальные категории социального и экономического относятся к единой социально-экономической сфере.

Чисто экономического движения, например основного его класса «предложение S (*supply*) – спрос D (*demand*)», не бывает по следующим основным причинам – условиям социальной экономики, объектного движения его товарно-денежных или товарно-стоимостных носителей:

– в любом экономическом движении с сопряженными товарной и денежной – прямой и обратной – связями участвует не менее двух субъектных акторов: S - и D -акторов, S - и D -подсистем, субъектов S - и D -хозяйствования, а это – минимальная социальная система с двумя взаимобратными –

прямой и обратной – системными социальными связями «финансовый интерес (основной, прямой системный носитель социального S - D -движения) – материальная потребность (комплементарный, обратный системный носитель социального S - D -движения)». Интерес и потребность – это ноумены, возникающие в социальном сознании, согласуемые и существующие в субъектной реальности;

– в экономическом движении используется коллективно значимая единица измерения товара (основного объектного носителя S - D -движения), удовлетворяющего и/или не удовлетворяющего часть социальной (общее у Других для Меня или Нас) потребности человека, корпорации или любого социума;

– в экономическом движении используется социально значимая единица измерения стоимости (субъектной и социальной информационной характеристики) и денег (комплементарного объектного носителя S - D -движения) – социального (общее у Меня для Других и у Других для Меня) и экономического (для взаимных расчетов) изобретения человека. Товар и деньги – это феномены, возникающие в экономическом мышлении, существующие и преобразуемые в объектной реальности;

– в любом S - D -движении почти всегда существует пара отношений спроса: удовлетворенное потребление благ – экономическая характеристика; неудовлетворенный спрос – чисто социальная характеристика на предельном социальном хотении продукта;

– идеалистические по форме S -интересы и D -потребности возникают, формируются, согласуются и существуют в социальном сознании до, в процессе и после операции материального по содержанию экономического S - D -обмена товара на социально значимую информацию – деньги, а также D - S -обмена денег на товар, в том числе и инвестиции на инновацию.

Операции S - D - и D - S -обменов – смены собственников (собственность – категория и социальная в стратификациях и расслоениях, и экономическая в оценках стоимости, исчислении налогов и т.д.) – также социальны по своей сути: в них участвуют несколько (не менее двух) субъектных S - и D -акторов, а также социально значимая – аксиоматическая (устанавливается государством почти без доказательств) и обычно высоколиквидная – единица измерения денег или иной ценности.

Системные характеристики социо- и эконометрически – на парах единиц измерения «интерес – потребность» и «товар – деньги» – сопряженных (толерантных или эквивалентных) двухмерных объектов изучения: социальных осознания и движения интересов и потребностей в субъектной реальности, экономического осмысления и движения товаров и денег в объектной реальности – являются этиологически – причинно-следственно

– взаимобратными, что следует из сравнения соответствующих сопряженных пар переменных состояния социальной и экономической систем.

При отсутствии социометрической (ноуменологической в сознании) и эконометрической (феноменологической в мышлении) толерантности – основного условия сопряженности – субъектных и объектных характеристик состояния и свойств социальное и экономическое движение – объект исследования – не будет сопряженным: его характеристики как предмет исследования будут несоизмеримыми. С вышеизложенных позиций сопряженное социальное движение субъектных носителей и экономическое движение объектных носителей будет всегда дуальным – социально-экономическим – движением. Последнее является базовым в планировании, существовании и жизнедеятельности человека, коллектива, корпорации, любых современных локальных социумов и глобального Социума.

Понятие «сопряжение» социального и экономического движения или процесса лишь недавно нашло широкую практическую применимость, приближаясь по своей значимости к роли социальной и/или экономической категории, поскольку оно распространяется на обширное множество объектов и предметов исследования во взаимосвязанных социологических, экономических, психологических, юридических и иных науках².

Расширенное понимание методов и сути категории сопряжения на примерах первичных социальных и экономических систем, а также обобщенной дуальности категорий субъектного и объектного проявляется на разных уровнях между нижеследующими объектами изучения, объектами и/или предметами исследования:

– системными социальными интересами (в финансовых, инвестиционных, стоимостных единицах измерения субъектных переменных состояния) и социальными потребностями (в материальных, технологических, новационных единицах измерения субъектных переменных состояния);

– объектными системными – прямыми и обратными связями – товарной и стоимостной, ценовой и потоковой переменными состояниями;

– социальными подсистемами и полусистемами S -стремления к экономическому предложению и D -намерения экономического спроса;

экономическими подсистемами и полусистемами объектных, социально-экономических по сути, предложения (S -подсистемы) и спроса (D -подсистемы);

– количественными выражениями характеристик субъектных, социальных – интересов и потребностей – и объектных, экономических – товарных и денежных – носителей в их социально-экономическом движении;

– субъектными и объектными поперечными имитаторами свойств – иммитансами: социальными и экономическими сопротивлениями (им-

педансами) и проводимостями (адмиттансами), – представленными структурно симметричными, но алгоритмически инверсными парами;

– субъектными и объектными продольными иммитансами, согласующими системные – прямые и обратные – связи двух видов отношений: предшествующей и последующей в пространстве, прошлой и будущей во времени – *S*- и *D*-подсистем;

– управленческими (субъектными – социальной ноэтикой) и управляющими (объектными – экономической феноетикой) воздействиями;

– субъектными, социальными и объектными, экономическими подсистемными и системными факторами эмерджентности: ноэтиками и генотипами – параметрами структурной и системной целостности; ноэтикой и феноетикой – системными параметрами управленческой (в социальной системе) и управляющей (в экономической системе) целостности;

– инициатором и адресатом социальных взаимосвязей и кинетики, экономических взаимодействий и динамики;

– социальными и экономическими лидером и ведомым в любых поперечных субъектном и объектном состояниях подсистем и систем;

– субъектными и объектными подсистемами как агрегированными толерантными или эквивалентными частями в самоорганизации социальной и экономической систем, в социальной и экономической синергетике;

– социальными и экономическими кластерами – ветвящимися системами как целостностями и т.д.

В случае двух сопряженных переменных состояния (основной и комплементарной, дуализм сопряженных переменных состояния) на поперечном *S-D*-сечении *S-D*-движения будем считать концепцию *S-D*-сечения двухмерной. В таком случае *S-D*-состояние необходимо исследовать в двухмерных системах субъектных (для разомкнутых – социально-психологических – подсистем) или объектных (для разомкнутых – экономико-психологических – подсистем), социальных (для замкнутых субъектных систем) или экономических (для замкнутых объектных систем) системах алгоритмических и геометрических координат.

В философии аналоги переменных состояния принято называть концептами. Назовем двухмерной концепцией пару из следующих величин:

– основной переменной состояния – идентификатора лидирующей структурной связи, функции или ординаты в алгоритме связи основной и комплементарной переменных *S-D*-состояния. Ее исходящее направление – признак субъектного, социального или объектного, экономического лидера на заданных *S-D*- или *D-S*-сечениях локализованной системы;

– комплементарной (дополняющей основную) переменной состояния – идентификатора

ведомой структурной связи на *S-D*- или *D-S*-сечениях, аргумента или абсциссы в алгоритме связи сопряженных: основной и комплементарной – переменных состояния. Примеры поперечной субъектной или объектной двухмерной концепции сечения: затратно-продуктовая; продуктивно-затратная; товарно-денежная; денежно-товарная; цено-потокная; потоко-ценовая и т.д.

Понятия социально и экономически естественных концепций не были введены в математических методах, социологических и экономических моделях: в них, следуя основному принципу математики, абстрагировались от единиц измерения, размерностей (характеристик качества) социально и экономически естественных величин.

Относительно двухмерного поперечного сечения любая из подсистем может быть эквивалентно замещена (заменена) универсальным параметром – отношением «выход/вход», «следствие/причину». Такой универсальный параметр, следуя широко распространенной аналогичной терминологии в естественных науках, назван иммитансом – имитатором свойств структурного преобразования «вход -> свойство -> выход» любой подсистемы в любой ее поперечной двухмерной концепции.

В различных классах иммитансов: субъектных и объектных – в разомкнутых подсистемах; социальных и экономических в замкнутых системах – выделим две важные в прикладном смысле сопряженные группы: субъектные или социальные сопротивления (импедансы) и проводимости (адмиттансы), объектные или экономические проводимости (адмиттансы) и сопротивления (импедансы). Любые иммитансы относятся к классу субъектных или социальных, объектных или экономических факторов: чисел, параметров, операторов – как характеристик свойств подсистем или их поперечных и продольных звеньев в цепном движении и/или процессе.

Сравнивая субъектные и объектные, экстенсивные и интенсивные *S*-и *D*-иммитансы, можно выявить множество методологических системных симметрии и внутренних структурных асимметрий таких социально и экономически естественных универсалий, как иммитансы, в управлении социальными и экономическими системами.

Смысл, содержание и сущность первичных естественных социальных и экономических двухмерных концепций на *S-D*-сечениях разомкнутых *S*- и *D*-подсистем, а также замкнутых *S*- и *D*-полусистем, лучше всего – в смысле конструктивной наглядности – отображаются структурными схемами. Структурные или подсистемные, полусистемные и системные модели, содержащие поперечные сечения с идентифицированными параметрами структурных связей – прямой и обратной – и функциональное или узловое, когда подсистема заменена (замещена) одним параметром, отображения подсистем, назовем концептуальными моделями.

Любой двухмерной и двухсвязной (субъектными и/или объектными модельными факторами – иммитансами звеньев и подсистем) концепции соответствуют двухмерные взаимообратные системы структурных социальных $\{x, y\}$ и обратных, экономических $\{y, x\}$ координат, дуальных и структурно сопряженных:

– первая переменная x или y состояния – функция в алгоритмической модели и ордината в геометрической модели, основная переменная состояния в концептуальных структурной и системной моделях;

– вторая y или x – аргумент в алгоритмической или линеаризованной алгебраической модели, абсцисса в геометрической модели, комплементарная переменная состояния в соответствующих двухмерных концепциях алгебраических и геометрических моделей.

Методологическая сущность, дуальная симметрия, принципиальное различие и структурное сопряжение социальных и экономических переменных состояния (концептов) и модельных факторов (конструктов: параметров и источников воздействий на структуру) отражаются согласованными алгоритмической, структурной и системной моделями.

Конструктивизм любой методологии определяется возможностями ее методов для содержательного анализа-синтеза и количественного проектирования структурных и системных субъектных и объектных отношений: упорядоченных состояний и свойств, возникающих на социальном и экономическом движении, процессе:

– выявления (наблюдения, измерения) первичных характеристик их социального и экономического *состояний*: социальных интересов (субъектных S -выходов) и потребностей (субъектных D -выходов), объектных мотивов (объектных S - и D -входов) и целенаправленной деятельности (объектных S - и D -выходов) – как упорядоченных в пространстве и во времени цепей толерантных дуальных: субъектных и объектных – причин (входов) и следствий (выходов);

– идентификации (вычисления) характеристик их социальных и экономических *свойств* – взаимоотношений «выход/вход» субъектных и объектных причин и следствий;

– выявления (наблюдения, измерения) сопряженных пар: управленческих воздействий на социальную структуру и управляющих воздействий на экономическую структуру. Воздействия являются одновременно и переменными состояниями – концептами в системе (система = структура + воздействия), – и параметрами: конструктами или факторами свойств среды; система = связи + параметры = концепция + конструкция;

– обработки: фильтрации, ранжирования, стратификации, сегментации, агрегирования – результатов наблюдения и идентификации характеристик социальных состояния и свойств;

– формализации и анализа социальных и экономических закономерностей – алгоритмических взаимосвязей субъектных и объектных состояний и свойств, а также управленческих воздействий на социальную структуру и управляющих воздействий на сопряженную ей экономическую структуру;

– гибких способов междисциплинарного обмена методами конструктивных модельных построений, количественных отображений субъектных и объектных структур и систем;

– конструктивизма построенных на фундаменте единой методологии теории анализа-синтеза и инструментов проектирования социальных и экономических отношений, изменяющихся в географическом, социальном и/или рыночном пространствах, в субъектном и объектном времени;

– согласованного (в границах научных отраслей) пересечения взаимосвязанных понятийно-категориальных полей социологии, экономики, психологии, права, юриспруденции при субъектном «главенстве» социологии и объектном «главенстве» экономики (почти по О. Кенэ).

Первичным праксеологическим и прагматическим условием сопряженного: социального и экономического – исследования является то, что объект изучения должен быть прозрачным: наблюдаемым по всем первичным переменным его состояния и идентифицируемым по параметрам всех заданных его свойств. Ненаблюдаемый и неидентифицированный объект – «черный ящик» – не может быть объектом конструктивного изучения и тем более объектом обоснованных сопряженных: управленческих как субъектных и социальных, управляющих как объектных и экономических – воздействий. В отечественных сопряженных системах все еще значительна их латентная составляющая. Систематические и системные мировые финансовые кризисы показывают, что не все благополучно с прозрачностью и в «цивилизованной экономике золотого миллиарда».

Уточним принципы дуальной изучаемости: наблюдаемости, сопряженных социальных и экономических объектов исследования с позиций понятийно-категориальной базы свойств изучаемости, а также исходя из общесистемных прагматических условий анализа-синтеза.

Социальная и экономическая наблюдаемость (*observability*) состояния (*state*) – это дуальное свойство сопряженного: социального и экономического – объекта исследования, заключающееся в возможности измерения, оценки первичных характеристических (согласованных во времени и в пространстве) значений толерантных субъектных и объектных переменных состояния (*state variable, controlled variable*) – социальных и экономических координат или концептов (ноуменов и феноменов), – определяющих заданную субъектную и объектную этиологию внешних и внутренних

входов и/или выходов объекта изучения по их измеренным первичным значениям в условиях заданных ограничений.

В настоящее время отсутствуют инструменты прямой наблюдаемости – оценки – первичных субъектных, социальных переменных состояния: подсистемных *S*-желаний и *S*-надежд, *D*-хотений и *D*-побуждений; *S-D*-поперечных двухмерных *S*-стремлений и *D*-намерений; продольных системных *S-D*-интересов и *D-S*-потребностей. Для этой цели применяют ряд косвенных методов: социологические опросы, маркетинговые исследования, социально-экономические сравнения характеристик жизнедеятельности в различных странах, социальное планирование, его обсуждение и т.д. Одна из главных проблем социологии – методология тестирования и составление вопросов. Методологическая симметрия построения ноуменологических и феноменологических основ социальных и экономических систем в их первичном многообразии позволяет существенно продвинуться в фундаментальном решении подобных проблем.

С другой стороны, инструментами оценки первичных объектных, экономических переменных состояния являются прямые измерения переменных состояния сопряженного товарного и денежного движения, учетная и отчетная документация, бизнес-планы, бюджетные планы и т.д. В таком случае сложность оценки характеристик субъектной реальности редуцируется посредством симметризации, сопоставления, сравнения первичных пар субъектных и объектных переменных состояния, симметричных однозначно определенной объектной и частично определенной субъектной реальности. По наблюдаемым отклонениям определяется социальная и экономическая эффективности дуального управления.

Социальная и экономическая идентифицируемость (*identifiability*) – это дуальное свойство сопряженного объекта исследования, заключающееся в возможности оценки значений его свойств, расчета величин субъектных и объектных параметров – дуальных конструкторов или имитансов – его алгоритмической модели (в заданном классе субъектных и объектных моделей) в условиях заданных ограничений.

Субъектные и объектные переменные состояния социальной и экономической системы прямо или косвенно наблюдаются, измеряются (первичные концепты) и/или идентифицируются (вторичные концепты). Свойство как конструктор, в отличие от состояния, не может быть измерено, но его характеристика – параметр – может быть идентифицирована, вычислена по характеристическим величинам первичных субъектных и объектных переменных состояния. Сопряженные субъектные и объектные параметры – конструкторы – всегда вычисляются как отношения: передаточные коэффициенты или функции вида «выход/вход» – характеристических, согласованных на заданных

интервалах пространства и времени и иных условий, переменных состояния идентифицируемого звена. В свою очередь, субъектные и объектные закономерности (причинно-следственные сущности) – это скалярные или векторные (двух- и многомерные и многосвязные) выражения вида «(свойство, параметр) × (входную переменную состояния, причину) = (выходной переменной состояния, следствию)».

Социальная и экономическая целеполагаемость сопряженного управления – это возможность установления значений субъектных и/или объектных переменных состояния сопряженного движения соответствующих носителей или процесса их изменения, при которых обеспечивается достижение дуальных: желаемых для *S*-подсистемы интересов, в том числе и инвестиционных, и/или хотимых для *D*-подсистемы потребностей, в том числе и новационных, – результатов функционирования сопряженного социального и экономического объекта управления.

Социальная и экономическая управляемость (*controllability*) – это свойство дуального объекта сопряженного управления, заключающееся в том, что существуют управленческие воздействия для взаимосвязанных: субъектных, социально-психологических, социальных, правовых – процессов и управляющие воздействия для взаимодействующих: объектных, экономико-психологических, экономических, юридических – процессов, способные обеспечить достижение субъектной и/или объектной цели количественно сопряженного: субъектного или социального и объектного или экономического – управления в условиях заданных ограничений.

Сопряженное управление (*conjugated control*) – это процесс выработки и осуществления управленческих воздействий на ноуменологию субъектных, социально-психологических, социальных, правовых процессов и управляющих воздействий на феноменологию объектных, экономико-психологических, экономических, юридических процессов. В рамках ноуменологического и феноменологического подходов к анализу-синтезу управления субъектными и объектными отношениями в социальных и экономических системах управленческие и управляющие воздействия принципиально различаются.

Управленческие воздействия направлены на сохранение (существование социального движения интересов и потребностей) или изменение (процесс социального развития потребностей и интересов) состояния субъектной реальности: социально-психологических стремлений и намерений, социальных интересов и потребностей, сознания (в субъектных и/или социальных переменных состояния и параметрах), когниталитета и субъектной активности «замысел – поведение – деятельность – последствия» в пространстве и во времени.

Управляющие же воздействия направлены на сохранение (существование экономического движения товарных и денежных носителей) или изменение (процесс развития, инвестиционный и инновационный процессы) состояния объектной реальности: экономико-психологических состояний ожидания предложения и спроса, системных товарно-денежных отношений, экономического мышления (в объектных переменных состояниях и параметрах), менталитета и объектной деятельности.

Существовавшие определения управления тем или иным движением или процессом без учета дуальной симметрии и структурной асимметрии моделей субъектной и объектной реальностей не являлись удовлетворительными, что традиционно обосновывалось сложностью учета человеческого фактора. В рамках разработанных ноуменологических и феноменологических основ дуального управления в сопряженных социальных и экономических системах появились широкие возможности существенной редукции сложности человеческого фактора, характеристик субъектного (в сознании) и объектного (в мышлении) психологического, социально- и экономико-психологического, социального и экономического, правового и юридического состояний и свойств³.

Асимптотическая социальная и экономическая устойчивость (*asymptotic stability*) как кинетическое (в социальных системах) и динамическое (в экономических системах) свойства дуального объекта изучения заключается в том, что отклонение значений его социальных и экономических координат, субъектных и объектных концептов (переменных социального и экономического состояний) при возмущенном дуальном процессе от значений этих же координат при невозмущенном процессе стремится к нулю при неограниченном

возрастании времени (помимо устойчивости «в малом» по Ляпунову).

Социальная и экономическая надежность (*reliability*) – это дуальное свойство объекта изучения, заключающееся в способности сохранять во времени в установленных пределах значение и субъектных, и объектных параметров, характеризующих те сопряженные свойства объекта изучения, которые определяют его дуальную способность выполнять требуемые социальные и экономические функции в заданных режимах и условиях.

Социальная и экономическая безопасность (*safety*) – это дуальное свойство объекта изучения, заключающееся в способности не допускать таких изменений своих субъектных и объектных состояний и свойств, а также не вызывать изменений состояний и свойств других, связанных с ним социальных и экономических объектов, которые были бы опасны для людей и/или окружающей среды.

Вышеизложенные принципы основаны на новой научной парадигме методологической симметрии и структурной асимметрии ноуменологического и феноменологического подходов к количественному системному анализу-синтезу управления в социальных и экономических системах.

Примечания

- ¹ См.: Дыльнов Г.В. и др. Методы количественного анализа субъектных и объектных отношений в инноватике / ВИНТИ РАН. М., 2007. С. 14-70.
- ² См.: Дыльнов Г.В. и др. Механизм взаимосвязи субъектных и объектных характеристик правовых отношений / ВИНТИ РАН. М., 2007. С. 12–83.
- ³ См.: Междисциплинарная методология гуманитарных и естественных наук: Сб. науч. ст. / Под ред. И.В. Кнышева. Саратов, 2008. С. 22–61.

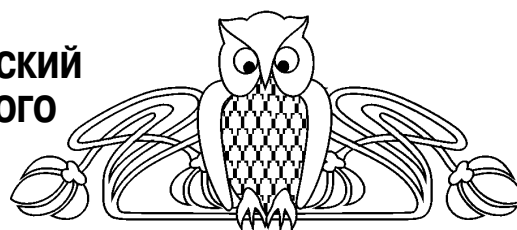
УДК 316.334.3:316.334.52 (470.44)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

М.Р. Сулейманов

Поволжская академия государственной службы
им. П.А.Столыпина
E-mail: mrsul@mail.yandex.ru

В статье обосновывается значимость эффективного управления региональными процессами по повышению показателей качества жизни как одной из обязательных составляющих политических технологий не только в период избирательных кампаний. Представлены данные, характеризующие динамику изменений электоральных идеологических предпочтений, увязанных с реальным претворением региональным отделением одной из ведущих политических партий страны целостной социальной программы в Левобережье Саратовской области.

Ключевые слова: показатели качества жизни, социальная политика, региональный политический менеджмент.

Social Policy as a Strategic Guideline of the Regional Political Management

M.R. Suleymanov

In the article it is stressed that effective management of regional processes (which is one of the compulsory parts of political technology) aimed to increasing of quality of life's indicators, is important not only during election campaigns. The information which characterizes the dynamics of changes in electoral preferences, connected with real

Управляющие же воздействия направлены на сохранение (существование экономического движения товарных и денежных носителей) или изменение (процесс развития, инвестиционный и инновационный процессы) состояния объектной реальности: экономико-психологических состояний ожидания предложения и спроса, системных товарно-денежных отношений, экономического мышления (в объектных переменных состояниях и параметрах), менталитета и объектной деятельности.

Существовавшие определения управления тем или иным движением или процессом без учета дуальной симметрии и структурной асимметрии моделей субъектной и объектной реальностей не являлись удовлетворительными, что традиционно обосновывалось сложностью учета человеческого фактора. В рамках разработанных ноуменологических и феноменологических основ дуального управления в сопряженных социальных и экономических системах появились широкие возможности существенной редукции сложности человеческого фактора, характеристик субъектного (в сознании) и объектного (в мышлении) психологического, социально- и экономико-психологического, социального и экономического, правового и юридического состояний и свойств³.

Асимптотическая социальная и экономическая устойчивость (*asymptotic stability*) как кинетическое (в социальных системах) и динамическое (в экономических системах) свойства дуального объекта изучения заключается в том, что отклонение значений его социальных и экономических координат, субъектных и объектных концептов (переменных социального и экономического состояний) при возмущенном дуальном процессе от значений этих же координат при невозмущенном процессе стремится к нулю при неограниченном

возрастании времени (помимо устойчивости «в малом» по Ляпунову).

Социальная и экономическая надежность (*reliability*) – это дуальное свойство объекта изучения, заключающееся в способности сохранять во времени в установленных пределах значение и субъектных, и объектных параметров, характеризующих те сопряженные свойства объекта изучения, которые определяют его дуальную способность выполнять требуемые социальные и экономические функции в заданных режимах и условиях.

Социальная и экономическая безопасность (*safety*) – это дуальное свойство объекта изучения, заключающееся в способности не допускать таких изменений своих субъектных и объектных состояний и свойств, а также не вызывать изменений состояний и свойств других, связанных с ним социальных и экономических объектов, которые были бы опасны для людей и/или окружающей среды.

Вышеизложенные принципы основаны на новой научной парадигме методологической симметрии и структурной асимметрии ноуменологического и феноменологического подходов к количественному системному анализу-синтезу управления в социальных и экономических системах.

Примечания

- ¹ См.: Дыльнов Г.В. и др. Методы количественного анализа субъектных и объектных отношений в инноватике / ВИНТИ РАН. М., 2007. С. 14-70.
- ² См.: Дыльнов Г.В. и др. Механизм взаимосвязи субъектных и объектных характеристик правовых отношений / ВИНТИ РАН. М., 2007. С. 12–83.
- ³ См.: Междисциплинарная методология гуманитарных и естественных наук: Сб. науч. ст. / Под ред. И.В. Кнышева. Саратов, 2008. С. 22–61.

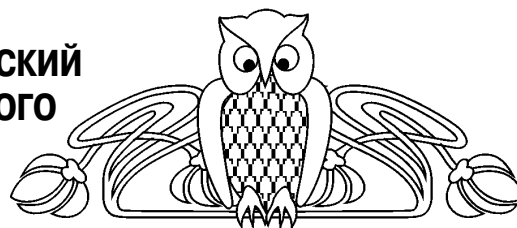
УДК 316.334.3:316.334.52 (470.44)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

М.Р. Сулейманов

Поволжская академия государственной службы
им. П.А.Столыпина
E-mail: mrsul@mail.yandex.ru

В статье обосновывается значимость эффективного управления региональными процессами по повышению показателей качества жизни как одной из обязательных составляющих политических технологий не только в период избирательных кампаний. Представлены данные, характеризующие динамику изменений электоральных идеологических предпочтений, увязанных с реальным претворением региональным отделением одной из ведущих политических партий страны целостной социальной программы в Левобережье Саратовской области.

Ключевые слова: показатели качества жизни, социальная политика, региональный политический менеджмент.

Social Policy as a Strategic Guideline of the Regional Political Management

M.R. Suleymanov

In the article it is stressed that effective management of regional processes (which is one of the compulsory parts of political technology) aimed to increasing of quality of life's indicators, is important not only during election campaigns. The information which characterizes the dynamics of changes in electoral preferences, connected with real

accomplishment of integral social programme held in the left-bank Saratov region by the regional department of one of the leading political parties of the country, is given.

Key words: indications of quality of life, social policy, regional political management.

Одной из ключевых проблем современной России является развитие демократических процессов, которые не без труда все же происходят в России. Президент России Дмитрий Медведев в написанной для СМИ статье «Россия, вперед!», а затем и на заседании Госсовета по реформе политической системы предельно четко говорит о необходимости придания предельно открытой, гибкой и внутренне сложной политической системе России современных черт. К их числу глава государства причисляет перспективы становления институтов гражданского общества: именно они дают власти возможность эффективно функционировать, конструктивно взаимодействуя с множеством самостоятельных, независимых социальных групп и индивидов, обеспечивая успешную реализацию любых масштабных и локальных муниципальных программ¹.

Таким образом, обеспечение этой поддержки – стратегическая коммуникативная цель органов власти в социальной региональной политике. Нам представляется, что речь идет об эффективном взаимодействии акторов регионального пространства и субъектов политической борьбы, и «разница между актором демократического процесса и субъектом демократии может быть весьма условной. Нередко одни и те же атрибуты социальной жизни – например, народ, государственные институты и т.д. – могут в различных отношениях выступать как объектами, так и субъектами демократии»².

Демократические выборы позволяют объединять и конструировать действенный механизм управления регионом и регулировать политическую систему страны. Избирательные кампании, как таковые, выступают целостной, взаимодополняемой госструктурами и обществом, отлаженной системой рациональной организации коммуникативных и информационных пространств. В последние годы активное развитие СМИ, процессы либерализации и демократизации существенным образом изменили уровень и качество взаимоотношений между государством и его гражданами в региональном масштабе. При формировании общественного мнения все более явным стало использование современных политтехнологий, призванных обеспечить политическим силам «взятие» главенствующих позиций в региональных парламентах и муниципальных органах власти. Заметим к слову, что сейчас провинциальное общественное мнение перестает однозначно предсказуемо рефлексировать на идеологемы, транслируемые центром, и предпочитает осознанный самостоятельный, но, как показывает практика, эффективный выбор³.

В ходе построения избирательных кампаний все большее значение стали приобретать методы, позволяющие учесть, согласовать и консолидировать интересы самых различных целевых аудиторий – социальных и политических групп регионального сообщества. Результаты проводимых социологических исследований говорят о том, что общественно-политическая «температура» социума неизменно сказывается на эффективности политических акций. Фонд «Общественное мнение» Института социологии РАН провел исследование в 68-ми субъектах РФ по выявлению предпосылок развития гражданского общества. Среди показателей, которые были отмечены как значимые и пластичные: «соблюдение гражданских прав и свобод», «уровень информированности об общественных объединениях», «уровень доверия», «толерантность», «ощущение личной безопасности»⁴. Прошедшие осенью 2008 г. выборы органов муниципальной власти Саратовской области показали, что изменения качества жизни местного населения, проводимые одной из ведущих политических сил страны под лозунгом «Верьте только делам!», существенно скорректировали идеологические региональные предпочтения.

Таким образом, социокультурное пространство региона непостоянно, пластично, изменчиво, следовательно, во-первых, оно очерчено в реальной общественно-политической сфере; во-вторых, поддается трансформации и, в-третьих, его можно конструировать и особым образом конфигурировать.

Что можно и, на наш взгляд, нужно предпринять? По мнению современных политологов и социологов, необходим общественный договор, который может быть двух видов: вертикальный и горизонтальный. Так, отечественный историк и политолог Дмитрий Орлов полагает, что еще со времен становления Русского государства исторически сложился вертикальный контракт «власть–народ». О горизонтальном контракте пишет Локк: «Когда граждане договорились о том, что им нужно между собой, а уже потом они определяют, что им нужно от государства», в отличие от Гоббса, «когда граждане не могут договориться и все за них заранее решает государство, потому что больше никому». В любом случае общественный договор – «социальный контракт – обмен ожиданиями не только по поводу прав, собственности и свободы, но и по поводу производства общественных благ»⁵.

Какие здесь сценарии? Первый: нужен механизм политической конкуренции, реальное становление институтов гражданского общества, создание широкой коалиции, а также перераспределение и перемешивание сфер общественного контроля социальных полей. В противном случае неизбежен второй вариант – мобилизационный проект, когда общественный договор может быть заключен не политическим, а символическим

путем – сверху и станет декларативным, необязательным и слабо легитимным.

Следовательно, необходимы открытые площадки для обсуждения всей повестки дня с полным перечнем проблем и поиска решений. Можно утверждать, что активное форматирование проблематики социокультурного, идеологического и политического полей территории, актуализация и синхронизация процессов, происходящих в региональном пространстве, способны предложить вкупе с другими прикладными социально-политическими дисциплинами определенные технологии, модели, алгоритмы системного решения новой конфигурации политического менеджмента российской глубинки.

К примеру, уже не в новинку социально ориентированный территориальный маркетинг, когда объектом воздействия являются пространства: регион, район, город. Цель таких технологий – повышение показателей качества жизни населения «подведомственной» территории. Представляется, что заявленные цели достигнуть политическому лидеру или партии, что называется «в одиночку», не под силу, даже если «очень постараться»: требуется сложение устремлений, интересов местных жителей, провинциальной (в прямом – географическом смысле слова) власти и региональных лидеров политических партий.

К тому же политики знали, что в глубинке всегда «под рукой» один-другой (вовсе не лишней!) дополнительный процент предсказуемого электората: некое целинное поле, заповедный ареал «непуганого демократией» народа. Причем к победе в глубинке стремились лишь те, кто представлял эту работу легкой прогулкой по степи, именно стремился, поскольку в современной России, чтобы обеспечить себе прохождение в депутатский корпус, одного позиционирования себя как яркого и яркого борца за социальные преобразования в окраинных территориях уже мало – необходимо реально их изменять.

Одним из первых по пути к своим политическим целям через решение социально значимых проблем Левобережья Саратовской области отважился пройти Вячеслав Володин, ныне заместитель председателя Государственной Думы РФ, секретарь президиума Генерального совета партии «Единая Россия». В 2000 г. для избрания депутатом Госдумы от Балаковского территориального одномандатного округа он сотоварищи предложил местному населению определить круг проблем, которые необходимо решить в первую очередь. «Список наказов» избирателей превратился в большую программу действий, предполагающую коренное преобразование окрестных мест, причем не только придания устойчивого развития муниципальному сектору экономики, но и осуществления ряда социальных проектов.

К примеру, в Алгайском районе избиратели к числу безусловных приоритетов отнесли сооружение мостового перехода через речку Алексан-

дровку, в пригородной черте райцентра. Прежняя переправа существовала в «особые погодные сезоны»: зимой, когда реки покрыты толстым льдом, и летом, после весеннего половодья. В межсезонье бурные потоки делили село на две части. А еще жители Новоалександровки просили решить проблему досуга местной молодежи: так появилась идея построить в поселке новый физкультурно-оздоровительный комплекс, оснащенный суперсовременным оборудованием, позволяющим проводить и региональные состязания. Для населения другого района – Перелюбского задачи казались важнее: в районе давно обучали сельским профессиям в местном техникуме, но материальная часть и само здание были настолько ветхими, что перспективы образовательного центра были более чем понятны – его ждало закрытие.

Политическому претенденту в Госдуму В. Володину осуществление таких затратных перемен самостоятельно, конечно же, было не под силу, даже если «очень постараться». Тут необходимо было сложение векторов устремлений местного населения, региональной власти и политических партий. Только так, совместными усилиями, улучшая показатели качества жизни, можно было изменить социальную картину этих районов.

После первого удачного избирательного цикла и включения в состав высшего руководства партии «Единая Россия» В. Володин уже вместе с региональным саратовским руководством разработал целую социальную программу «Верьте только делам!», в которую вошли множество других проектов, существенно изменяющих социальный облик всего Левобережья Саратовской области. Здесь ремонт и реконструкция сельских школ, детсадов и социальных учреждений, строительство новых спортивных сооружений, дорог, автомобильных развязок и аграрных объектов.

Кроме того, «вынужденное» – на время избирательной кампании – общение с электоратом позволяет региональным руководителям держать, что называется, руку на пульсе общественно-политической ситуации. «Разве плохо, что (*кандидат, идущий во главе списка «Единой России»* – курсив мой. М.С.) во время избирательной кампании проведет огромное количество встреч, объедет сельские населенные пункты, посмотрит, в каком состоянии находится жилье у граждан, посетит больницы, школы, лицеи. В ходе этих поездок реально формируется программа регионального уровня по решению конкретных вопросов, ведь на встречах с населением нужно отвечать за каждый просчет, за каждую ошибку».

Именно такая плановая работа становится эффективной технологией политического менеджмента, когда ее осуществление «означает превращение территориальных органов власти в особого рода партнера, способного не только учитывать индивидуальность своего региона при принятии решений, но и осуществлять взаимодействие между органами власти и целевыми

рынками». Социологи с мировыми именами – Ф.Котлер, Дж.Боуэн, Дж.Мейкенз – приводят примеры успешных проектов такого территориального политического менеджмента⁹. Российская практика политического социально ориентированного менеджмента территорий является слабо разработанным социальным инструментом. Тому много причин и объяснений: некомпетентность и непрофессионализм местного чиновничества, нежелание перемен, дефицит финансовых ресурсов из-за слаборазвитой инфраструктуры, недооценка возможностей новых технологий политического территориального менеджмента, низкий уровень креативного потенциала и множество других.

К тому же, нам представляется, что инвестиции в социально опустошенные пространства просто так не приходят: нужно «наличие побудительного мотива, некой дисгармонии между существующим имиджем (состоянием вещей в экономике, политике, условий жизни) и настроением масс, проживающих на этих территориях. Этот элемент придает политическому менеджменту катализирующее начало, запускает механизм конструирования ресурсов, что предполагает существование практик политического и экономического согласования интересов акторов, действующих на всем поле»¹⁰.

Таким образом, это дает основание представлять региональный политический менеджмент как особый элемент социокультурного пространства, нуждающийся в постоянной адекватной рекурсивности и соответствии современным стандартам и трендам. Работа эта сложная, многоуровневая, постоянная и обладает целостным набором свойств: относительной константностью, динамичностью, ассоциативностью, незавершенностью и т.п.

Одну деталь стоит подчеркнуть особо: планы (тогда кандидата в депутаты Госдумы) по преобразованию районов не превратились в обязательный актуализированный компонент разговоров с электоратом. В течение двух избирательных циклов, постоянно изменяя качество жизни местного населения, благоприятно влияя на происходящие перемены, Вячеслав Володин и вместе с ним уже и другие представители регионального отделения партии активно продвигают своих представителей во все органы власти: сельские, муниципальные, региональные и федеральные. Именно так они сумели в этих депрессивных районах существенно «потеснить» традиционных представителей местного электората – коммунистов¹¹. Стоит отметить, что эти изменения проходят в формате современного идеологического соперничества. «Наша задача – создать разумные условия для соревнования тех, кто борется за место в парламенте, ... чтобы создать в стране политическую систему, которая обеспечила бы появление эффективной конкурентоспособной элиты»¹².

В заключение уместно упомянуть об одном воздействии регионального имиджа, рассчитанном на внешнего потребителя. Однако мысль, что «потребителями качественной территории» должны быть не «проезжие», но в первую оче-

редь – местное население, все крепнет. И нет сомнений, что элита любого региона настроена на усиление значимости «малой родины» – необходима лишь системная работа. В этом и состоит рекурсивность политического менеджмента¹³, когда общественно-политические силы, успешно решая проблемы местного населения, улучшают социальную ситуацию в регионе, которая, в свою очередь, изменяет региональный имидж. И он во взаимосвязи с происходящими переменами и с силами, их олицетворяющими, «отражается» на успешном продвижении партий к рычагам власти.

Так замыкается «первый круг» важнейших составляющих политического менеджмента и начинается его «второй виток»: улучшается политический имидж региона, у местного населения повышается уровень доверия к политическим лидерам и органам власти, процессы самоуправления территорий становятся подлинными, а не декларативными, а все общество получает объективную информацию о состоянии экономики и институтов гражданского общества.

Именно поэтому эффективный социально ориентированный региональный политический менеджмент преобразований становится столь необходимым инструментом – неким челноком, сшивающим ткань современного регионального социума со всем пространством страны.

Примечания

- ¹ Медведев Д.А. Россия, вперед! // <http://www.vz.ru/politics/2009/9/10/326117.html> – 09.10.2009.
- ² Грачев М.Н., Мадатов А.С. Демократия: методология исследования, анализ перспектив. М., 2004. С. 20.
- ³ См.: Барзилов С.И., Наумов С.Ю. Российская провинция как политический феномен. Саратов, 2003.
- ⁴ www.sarbc.ru. – 05.11.2008.
- ⁵ Аузан А. Общественный договор: взгляд из 2009 года // www.polit.ru/lectures/2009/05/25/auzan.html. – 25.05.2009.
- ⁶ См.: Агитационно-пропагандистский буклет «Верьте только делам!». Саратов, 2007.
- ⁷ Володин В.В. Интервью // Российская газета. 2007. 28 сент.
- ⁸ Лыскова О.В., Лыскова Н.П. Имиджелогия и Паблик Рилейшиз в социокультурной сфере. М., 2006. С. 126.
- ⁹ См.: Котлер Ф., Боуэн Дж., Мейкенз Дж. Маркетинг. Гостеприимство. Туризм. М., 1998.
- ¹⁰ Черняева Т.И. Инновационные модели социальной работы: кейс-менеджмент // Проблемы системного развития менеджмента предприятий в условиях транзитной экономики: Сб. науч. статей / Под ред. В.В. Петрова. Саратов, 1998. С. 96.
- ¹¹ См.: Статистические данные Саратовского облгубкома 2004, 2007 гг.
- ¹² Володин В.В. Интервью газете «Независимая газета» // www.ng.ru/ideas/2006-07-20/7_volodin.html. – 20.07.2006.
- ¹³ См.: Фокина Т.П. Теория организации. Саратов, 2003.

Слово молодым социологам

УДК 316.2

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМ ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЙ

Ю.В. Мамонова

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются факторы, обусловившие возрастание интереса современных отечественных ученых к творческому наследию Н.И. Кареева, а также основные проблемы социологии, интересующие ученого на рубеже столетий.

Ключевые слова: субъективная школа, генезис социологической науки, культурно-историческая динамика, научные методы познания.

The Importance of the Problems of Domestic Sociology Study, the End of XIX, the Beginning of XX

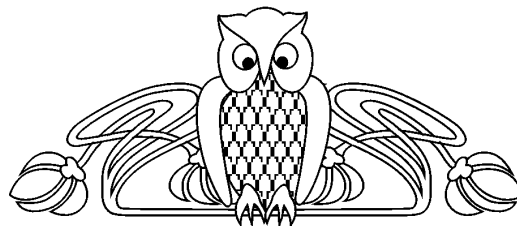
U.V. Mamonova

In the article the factors, which preconditioned the interest growth of the modern Russian scientists to the heritage of N.I. Kareev are considered. The main problems, which were in the focus of the thinker's attention on the centuries' frontier, are regarded.

Key words: subjective school, genesis of sociology science, culture and history dynamics, scientific methods of research.

Президиум Российской академии наук объявил 2008 г. Годом социологии. В этом году отмечался целый ряд юбилеев: 50-летие образования Советской социологической ассоциации, 40-летие Института социологии РАН и т.д. В юбилейных документах особо подчеркивается необходимость обращения к истокам современной отечественной социологии и глубокого изучения трудов выдающихся русских ученых, сделавших очень многое для становления социологии в нашей стране. В когорте этих ученых заметное место принадлежит Николаю Ивановичу Карееву, вклад которого в развитие русской науки велик и многообразен. Будучи историком по образованию, в первый период своей деятельности он писал в основном на исторические темы. В дальнейшем он создает ряд фундаментальных трудов по философии истории, выступает как педагог-просветитель, публицист, политический деятель. Особую известность Кареев приобрел как один из видных представителей субъективной школы – первой самостоятельной школы в отечественной социологии.

Зародившаяся в русле позитивизма, но при этом впитавшая в себя и иные традиции, субъективная школа – уникальное, чисто русское явление – отразила специфику социального и

культурного развития страны и опередила в ряде отношений развитие западной социологической мысли. Кареев был первым последовательным систематизатором этой школы, с позиции которой выступал на протяжении более полувека. Особое внимание он уделял методологическим проблемам развития социологии, анализируя эти проблемы как опытный и вдумчивый историограф. Эти аспекты творческой деятельности Кареева до сих пор не получили должной оценки.

Между тем многоплановый подход Кареева к проблемам генезиса и становления тогда еще молодой социологической науки может быть примером для современных исследователей. И прежде всего по глубине, скрупулезности и точности анализа, по объективной и научной честности. Личное знакомство со многими русскими и зарубежными социологами придает историко-социологическим работам Кареева характер живого наблюдения. Прослеживая пути и повороты эволюции социологической мысли, взаимосвязь, борьбу и кризис различных направлений, ученый создал полезный и ценный в методологическом отношении вариант моделирования историко-социологического процесса. Дальнейшая плодотворная разработка сложных вопросов истории социологии (особенно генезиса и становления русской социологической мысли) вряд ли возможна без учета фундаментальных идей Кареева.

Еще при жизни Кареева его труды по истории, философии, социологии получили многочисленные отклики в печати и научной литературе. Среди них можно отметить ряд отзывов известных ученых и публицистов. В статьях, посвященных юбилейным датам в творческом пути Кареева, подводятся некоторые итоги его творческой деятельности в различных областях общественности. В этом отношении особый интерес представляют два сборника статей учеников и коллег, посвященные 40-летию (1914) и 50-летию (1923) научной деятельности ученого. Он умер в 1931 г., оставив огромное научное наследие. После смерти Кареева имя крупнейшего историка, философа и социолога стремительно придалось забвению, его фундаментальные исследования практически не упоминаются в советской литературе в течение четверти века.

Лишь со второй половины 50-х гг. прошлого столетия наблюдается некоторый интерес к изуче-

нию отдельных аспектов научной деятельности Кареева. В первую очередь исследователи по достоинству оценили вклад ученого в развитие исторической науки. В 1960–70-е гг. появились публикации, в которых рассматриваются общесоциологические и методологические взгляды Кареева. Особо следует отметить работы В.П. Золотарева, впервые защитившего кандидатскую диссертацию по творческому наследию Кареева (на тему «Кареев – историк-методист», 1965). Он исследовал биографию, теоретико-методологические взгляды Кареева-историка на основе большого фактического, главным образом, архивного материала. В его монографии «Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция» (Л., 1988) подробно рассматриваются воззрения ученого на закономерности всемирно-исторического процесса, роль народных масс и личности в истории, взаимосвязь философии, социологии и исторической науки.

В 70-е гг. XX в. появляется ряд работ, посвященных анализу социологических взглядов Кареева. Их авторы верно характеризовали некоторые аспекты социологического творчества ученого, но не избежали искажения его воззрений в духе господствовавших тогда идеологических шаблонов. Так, например, Лиоренцевич утверждал, что вся аргументация Кареева показывает антинародную, буржуазно-либеральную сущность его социологии. Это явная ложь, поскольку на протяжении всего жизненного пути Кареев, еще в молодости глубоко и искренне воспринявший идеи Лаврова, Чернышевского, Добролюбова, близко к сердцу принимал чаяния и интересы трудящегося большинства, мечтал о народном правовом государстве, был горячим поборником гуманизма и справедливости.

С конца 80-х гг. в отечественной литературе утверждается более объективный подход к творческому наследию Кареева, то есть подход, лишенный идеологических штампов. Получают должную оценку достижения ученого в исследовании проблем философии и методологии истории, культурно-исторической динамики общества. Важное значение для понимания многих аспектов творчества Кареева имеет публикация его мемуаров «Прожитое и пережитое» в 1990 г. (автор вступительной статьи и подробных комментариев – В.П. Золотарев).

Выводы и наблюдения исследователей различных специальностей должны быть учтены при выработке новых подходов к анализу социологических воззрений Кареева. Сам он стремился рассматривать философию, историю, социологию как взаимосвязанные, дополняющие друг друга дисциплины. Такой подход обозначен в ряде статей, разделов в общих курсах истории отечественной социологии. Осмыслению социологических взглядов Кареева способствует переиздание ряда его статей и фрагментов крупных работ. Особое значение имеет издание сборника «Социология

истории Николая Кареева» (2000), где опубликована одна из главных методологических работ ученого – «Историология (теория исторического процесса)», а также содержательные комментарии и статьи В.В. Козловского, И.О. Осипова, А.В. Малинова, М.В. Синютина, А.А. Калмыкова, О.Л. Гнатюка и др.

Однако один из важнейших аспектов социологического творчества Кареева остается недостаточно изученным – это труды ученого в области истории социологической мысли. Начало работы в этом направлении положил И.А. Голосенко, который подготовил к печати рукопись Кареева «Основы русской социологии» и написал к ней вступительную статью. Эта исследовательская линия нуждается в продолжении. Важно восполнить пробел в изучении творчества выдающегося русского ученого, более четко выяснить его методологические позиции не только по отношению к процессу формирования отечественной социологии (участником которого он был на протяжении многих лет), но и к развитию западной социологической мысли.

Формирование мировоззрения Кареева происходило в сложных и противоречивых условиях пореформенной России под сильным воздействием идей революционной демократии, народничества, а также доктрин европейского либерализма. Основные черты творчества Кареева определялись его принадлежностью к субъективной школе – первой оригинальной школе в русской социологии, многие принципы и установки которой не утратили актуальности и в наши дни.

Выступая убежденным сторонником объективности в подборе, группировке и анализе социальных фактов (в духе контовского позитивизма), Кареев в то же время стремился всесторонне обосновать «законный субъективизм» в работе исследователя, то есть неизбежность и необходимость оценки социальных явлений с точки зрения общечеловеческих нравственных норм и идеалов. Однако Кареев решительно отвергал так называемый «незаконный субъективизм», порожденный сословными, политическими, узкогрупповыми пристрастиями.

Особенностью методологии Кареева было стремление к органическому совмещению философского, исторического и социологического методов исследования социальных явлений. Это в полной мере проявилось в его историко-социологических изысканиях, итогом которых стала целостная концепция генезиса и закономерного развития социологического знания.

Кареев дал оригинальную интерпретацию условий и главных факторов возникновения социологии и основных этапов ее эволюции. Он особо подчеркнул роль Конта как создателя теории позитивизма, которая легла в основу новой дисциплины, а также всесторонне раскрыл процесс формирования и укрепления ее научного статуса.

Руководствуясь принципом методологического плюрализма, Кареев убедительно показал при-

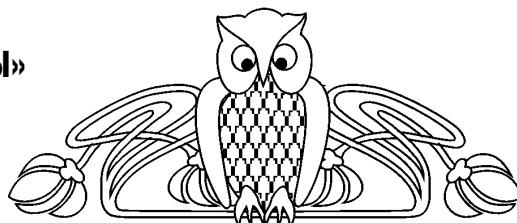
чины и факторы генезиса основных направлений социологии XIX – начала XX в. (органической школы, психологического направления, экономического детерминизма и др.). Он объективно отметил их позитивные черты, но считал, что ни одно из них не может претендовать на роль единственно правильной доктрины. Кареев предполагал их будущий синтез на более высоком уровне развития общественности.

Важнейшей заслугой Кареева является глубокая и всесторонняя разработка проблем

становления социологии в России. Ценность «Основ русской социологии» состоит в том, что этот фундаментальный труд, который содержит огромный теоретический потенциал, написан участником и наблюдателем самого процесса формирования новой научной дисциплины в сложнейший исторический период. В работе Кареева можно найти немало поучительных мыслей и выводов, она намечает пути дальнейшего исследования истории отечественной социологической науки.

УДК 316 (470+57) (09)

ТЕОРЕТИКИ «ГОСУДАРСТВЕННОЙ ШКОЛЫ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ О ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.М. Дементьева

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье характеризуются основные теории и концепции политико-правового развития российского общества на основе анализа трудов представителей «государственной школы» в отечественной социологии.

Ключевые слова: «государственная школа» в социологии, правовое государство, либеральное сознание, земское самоуправление.

Theoreticians of «State School» in the Domestic Sociology about Politico-legal Evolution of the Russian Society

N.M. Dementjeva

In the article the main theories and concepts of the politico-legal development of the Russian Society are characterized. The research was conducted on the base of the analysis of the representatives of the «State School» in the domestic sociology tractates.

Key words: «State School» in Sociology, legal state, liberal consciences, zemskoe self-government.

Особое место в системе идей и взглядов представителей «государственной школы» занимает трактовка роли государственно-правового начала в жизнедеятельности общества. Виднейшие представители школы рассматривали эту проблему главным образом на материале русской истории. Основа их исторической и социологической теории – идея детерминирующей роли государства в истории России. Государство, по их определению, – высшая форма общежития, оптимальное сочетание свободы с разумным порядком, служение идеалу общего блага, охрана свободы и прав личности. В понимании социологов-либералов это не громкие фразы, не пустая демагогия, а принципиальные, жизненно важные положения, вполне применимые на практике. Очевидно, эту позицию разделяли

те, кто продолжал традиции родоначальников теории естественного права, а отчасти и Гегеля. Представители русской государственной школы находили свой идеал разумной действительности в идее правового государства, в разумном сочетании стабильного политического режима и объективно необходимых преобразований.

Согласно воззрениям приверженцев государственной школы, устаревшие политические формы не следует разрушать революционным путем – их нужно постепенно переделывать, преобразовывать. Вообще либеральному сознанию чужда сама мысль о резком, насильственном вмешательстве в существующие жизненные взаимоотношения людей и грубом, произвольном нарушении привычных жизненных форм. Либералы считают, что насильственная революционная акция чаще всего разрушает как раз наиболее ценные элементы старого строя, не затрагивая при этом первобытной сущности любой государственной власти, т.е. силы в чистом виде, и тем самым создаются предпосылки для того, чтобы государственная власть в дальнейшем проявляла себя еще более грубо, не будучи уже ограничиваема и сдерживаема вообще ничем после отпадения даже древних традиций.

Отрицательное отношение либералов к резким, радикальным переменам вытекало из следующих соображений: если государство, не основанное на либеральных принципах, но не открыто тираническое, существует уже долгое время, то это долгое его существование приводит к образованию умеренных и сдерживающих тенденций в государственной практике. Такой вывод сторонники государственной школы делали на основе анализа исторического развития российской монархии. Они полагали, что в рамках данного процесса развивались и укреплялись многочисленные положительные стороны государственной системы, государства как такового.

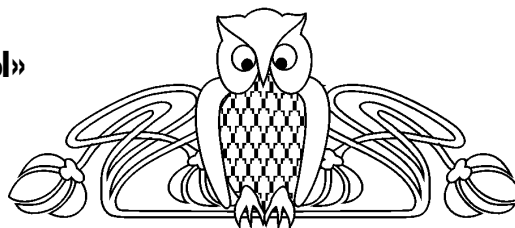
чины и факторы генезиса основных направлений социологии XIX – начала XX в. (органической школы, психологического направления, экономического детерминизма и др.). Он объективно отметил их позитивные черты, но считал, что ни одно из них не может претендовать на роль единственно правильной доктрины. Кареев предполагал их будущий синтез на более высоком уровне развития общественности.

Важнейшей заслугой Кареева является глубокая и всесторонняя разработка проблем

становления социологии в России. Ценность «Основ русской социологии» состоит в том, что этот фундаментальный труд, который содержит огромный теоретический потенциал, написан участником и наблюдателем самого процесса формирования новой научной дисциплины в сложнейший исторический период. В работе Кареева можно найти немало поучительных мыслей и выводов, она намечает пути дальнейшего исследования истории отечественной социологической науки.

УДК 316 (470+57) (09)

ТЕОРЕТИКИ «ГОСУДАРСТВЕННОЙ ШКОЛЫ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ О ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.М. Дементьева

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье характеризуются основные теории и концепции политико-правового развития российского общества на основе анализа трудов представителей «государственной школы» в отечественной социологии.

Ключевые слова: «государственная школа» в социологии, правовое государство, либеральное сознание, земское самоуправление.

Theoreticians of «State School» in the Domestic Sociology about Politico-legal Evolution of the Russian Society

N.M. Dementjeva

In the article the main theories and concepts of the politico-legal development of the Russian Society are characterized. The research was conducted on the base of the analysis of the representatives of the «State School» in the domestic sociology tractates.

Key words: «State School» in Sociology, legal state, liberal consciences, zemskoe self-government.

Особое место в системе идей и взглядов представителей «государственной школы» занимает трактовка роли государственно-правового начала в жизнедеятельности общества. Виднейшие представители школы рассматривали эту проблему главным образом на материале русской истории. Основа их исторической и социологической теории – идея детерминирующей роли государства в истории России. Государство, по их определению, – высшая форма общежития, оптимальное сочетание свободы с разумным порядком, служение идеалу общего блага, охрана свободы и прав личности. В понимании социологов-либералов это не громкие фразы, не пустая демагогия, а принципиальные, жизненно важные положения, вполне применимые на практике. Очевидно, эту позицию разделяли

те, кто продолжал традиции родоначальников теории естественного права, а отчасти и Гегеля. Представители русской государственной школы находили свой идеал разумной действительности в идее правового государства, в разумном сочетании стабильного политического режима и объективно необходимых преобразований.

Согласно воззрениям приверженцев государственной школы, устаревшие политические формы не следует разрушать революционным путем – их нужно постепенно переделывать, преобразовывать. Вообще либеральному сознанию чужда сама мысль о резком, насильственном вмешательстве в существующие жизненные взаимоотношения людей и грубом, произвольном нарушении привычных жизненных форм. Либералы считают, что насильственная революционная акция чаще всего разрушает как раз наиболее ценные элементы старого строя, не затрагивая при этом первобытной сущности любой государственной власти, т.е. силы в чистом виде, и тем самым создаются предпосылки для того, чтобы государственная власть в дальнейшем проявляла себя еще более грубо, не будучи уже ограничиваема и сдерживаема вообще ничем после отпадения даже древних традиций.

Отрицательное отношение либералов к резким, радикальным переменам вытекало из следующих соображений: если государство, не основанное на либеральных принципах, но не открыто тираническое, существует уже долгое время, то это долгое его существование приводит к образованию умеренных и сдерживающих тенденций в государственной практике. Такой вывод сторонники государственной школы делали на основе анализа исторического развития российской монархии. Они полагали, что в рамках данного процесса развивались и укреплялись многочисленные положительные стороны государственной системы, государства как такового.

Наблюдение это, в свою очередь, жидется на своеобразном представлении о прогрессе, глубоко связанном с самой сутью «либерального консерватизма», а именно на теории, согласно которой прогрессивной силой является сила укрепления и утверждения, а не разрушения. Это означает, что прогресс состоит прежде всего в развитии и совершенствовании жизнеспособных аспектов данного социального типа и постепенном – естественном! – отмирании устаревших, нежизнеспособных элементов. С точки зрения умеренного либерализма власть должна быть сильной, но мудрой и ответственной, она подобна садовнику, который ухаживает за садом, заботясь о полезных растениях, аккуратно удаляя отмершие листья и сорняки. В любом государстве, в том числе и российском, такие тенденции существуют издавна. Поэтому менять сразу все механизмы государственной власти бессмысленно и опасно.

Подобные мысли открыто и настойчиво высказывались русскими либералами накануне Великой реформы и в пореформенный период. Так, в одном из писем Чичерина в 1861 г. содержится формула, имевшая принципиальное политическое значение: «В настоящее время в России потребны две вещи: либеральные меры и сильная власть». По просьбе министра А.М. Горчакова ученый развил эту идею в специальной записке, представленной Александру II. В ней Чичерин писал, что первоочередным является предоставление самой широкой самостоятельности обществу, отмена мелочных стеснений и внедрение разумных законов с неперменным их исполнением.

Надо отметить, что в начале 1860-х гг. правительственные круги благосклонно относились к идеям Чичерина. Ознакомившись с текстом лекций ученого, царь заметил, что в них много весьма дельного, хорошего. Но, по сути дела, единственное, что понравилось Александру II в записке московского профессора – это требование сильной власти. Император уловил главную идею лидера умеренного либерализма – курс на постепенное самоограничение царской власти. Поэтому он передал автору через кн. Горчакова, что, хотя он «полон доброй воли», касаться самодержавия «не должно»¹.

Тем не менее, на определенном этапе провозглашенный Чичериным принцип «либеральные меры и сильная власть» стал символом социально-политического реформирования России. Этот замысел был лишь частично реализован в мероприятиях Александра II, для полного его осуществления требовалась более решительная позиция и политическая воля правящей элиты, развитие местного самоуправления, личной инициативы и творчества. Тогда бы и история России была иной. В первую очередь либеральный консерватизм, требуя бережного охранительного отношения к прошлому и настоящему, в то же время настаивал на устранении всей рутины, косности, стесняющей личную свободу. В отличие от «классического»,

«чистого» либерализма, тяготеющего к идее сугубо функциональной власти (вспомним лозунг: «государство – ночной сторож»), либеральный консерватизм признавал за традициями государственности, крепкой власти значение самоценных общественных феноменов. Власть – для личности, но и личность должна быть законопослушной власти. Иначе невозможно стабильно развивающееся общество.

Однако теоретики государственной школы отнюдь не абсолютизировали государство как таковое и выступали против крайностей этатизма. Историки-государственники, которые много писали о могуществе государства, о возможностях единоличного правителя, в то же время прекрасно понимали, что эти возможности во многом зависят от «аппарата», от тех людей, которые стоят у трона и проводят повеления монарха в жизнь.

Не случайно социологи-либералы неоднократно, хотя (по цензурным условиям) и в завуалированной форме, подвергали критике бюрократические извращения, усугублявшие коренные пороки самодержавия и тормозившие проведение реформ. В статье «Бюрократия и общество» Кавелин писал: «Во все времена величайшая ошибка и несчастье правителей заключалось в том, что они уединялись, давали себя окружить непроницаемой стеной приближенных и мало-помалу, по необходимости, начинали глазами этих приближенных смотреть на вещи и на людей»².

Для эффективного развития общества необходимо введение гласности, справедливого закона о печати и многое другое. Разумеется, все это в тот период имело характер благих пожеланий и не имело шансов воплотиться в жизнь. Но эти высказывания многое говорят о либерально-демократических аспектах политической доктрины теоретиков государственной школы.

В советский период многие историки огульно характеризовали либералов XIX в. как «защитников самодержавия» и «выразителей интересов дворянства». В качестве доказательства, например, служил довод о том, что Кавелин был противником введения конституции и парламентаризма в России. Но на деле это не совсем так. Согласно мнению Кавелина, преждевременное провозглашение конституции при отсутствии среднего класса и полной политической незрелости крестьянской массы неизбежно приведет к передаче власти в руки дворянства. Следствием этого будет освобождение крестьян без земли, а такой выход из положения Кавелин считал неприемлемым, поскольку это приведет к обезземеливанию и пролетаризации крестьянства. Такую перспективу он считал нежелательной и даже губительной для страны. К сожалению, именно таким путем и пошло царское правительство, а результат этих действий известен.

Обоснованным является также и мнение Кавелина о том, что демократизация общественной жизни России не может осуществляться лишь по-

средством указов и действий центральной власти. Подчеркивая значение государственной инициативы, он считал, что в период реформ полезны не только проводимые сверху конституционные эксперименты, но и развитие общественной самодеятельности «снизу», реальное осуществление местного земского самоуправления, призванного стать той школой политической зрелости, которая подготовит предпосылки будущего правового государства.

Последовательные и разумные реформы, по мнению представителей государственной школы, должны служить самым надежным залогом обеспечения эволюционного пути развития, «противоядием» против революции, которая в России, по их мнению, непременно выльется в кровавый народный бунт, «бессмысленный и беспощадный».

Бесспорной заслугой теоретиков государственной школы является их стремление раскрыть специфику политико-правовой эволюции российского общества на основе большого социологического материала и с использованием сравнительно-исторического метода. Творческую деятельность Кавелина, Чичерина и других историков-«государственников» следует рассматривать как важное звено в процессе развития

УДК 316.2

ВКЛАД А.А. БОГДАНОВА В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

К.А. Кузнецова

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

Статья посвящена анализу социологических воззрений А.А. Богданова, его учения о «всеобщей организационной науке», их значения в современных условиях.

Ключевые слова: «всеобщая организационная наука», реформы, тектология, теория «нового класса».

A.A. Bogdanov's Contribution in Domestic Sociology Development

K.A. Kuznetsova

The article is dedicated to the A.A. Bogdanov's sociological views, his doctrine about the «universal organizational science», and their importance at the present conditions.

Key words: «universal organizational science», reforms, tectology, theory of the «New class».

Объективный анализ идейного и теоретического наследия А.А. Богданова начался в нашей стране сравнительно недавно, но уже можно сделать определенные выводы. В творчестве видного деятеля революционного движения,

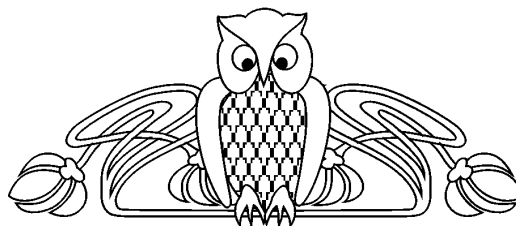
отечественной социологии, как необходимую предпосылку более широкого и глубокого синтеза исторического и социологического начал, осуществленного их младшими современниками – Ключевским, Ковалевским, Милуковым и др.

Можно с полным правом утверждать, что труды теоретиков государственной школы буквально насыщены мыслями и идеями, которые способствуют более глубокому исследованию и пониманию особенностей развития российской государственности и общественного правосознания и их современного состояния. Напрасный труд искать в их работах готовые рецепты для решения злободневных вопросов современной жизни. Но идейные и нравственные искания мыслителей XIX – начала XX в., безусловно, дают пищу для размышлений ученым, политикам, общественным деятелям, всем, кто осознает свою ответственность за будущее России.

Примечания

¹ Чичерин Б.Н. Воспоминания: В 3 ч. М., 1933. Ч. 3. С. 34–35.

² Кавелин К.Д. Бюрократия и общество // Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1904. Т. 2.

естествоиспытателя, философа, экономиста, психолога, публициста, писателя-фантаста довольно значительны были социологические мотивы. В его трудах рассматриваются важные социологические проблемы и содержатся методологические положения, научные предвидения, не утратившие актуальности и в наши дни.

В настоящее время труды Богданова, и прежде всего его «Тектология», переживают второе рождение. Еще недавно он представлялся общественному сознанию смутной, однобокой, деформированной фигурой, и мало кто знал, что, подытожившая его кипучую многостороннюю деятельность, «всеобщая организационная наука» является непосредственной предшественницей кибернетики и задумана как теоретическое обоснование преобразования общества на основе всего социально-экономического и культурного опыта, накопленного человечеством.

Не случайно сочинения Богданова привлекают внимание не только историков науки, но и исследователей, занимающихся самыми различ-

средством указов и действий центральной власти. Подчеркивая значение государственной инициативы, он считал, что в период реформ полезны не только проводимые сверху конституционные эксперименты, но и развитие общественной самодеятельности «снизу», реальное осуществление местного земского самоуправления, призванного стать той школой политической зрелости, которая подготовит предпосылки будущего правового государства.

Последовательные и разумные реформы, по мнению представителей государственной школы, должны служить самым надежным залогом обеспечения эволюционного пути развития, «противоядием» против революции, которая в России, по их мнению, непременно выльется в кровавый народный бунт, «бессмысленный и беспощадный».

Бесспорной заслугой теоретиков государственной школы является их стремление раскрыть специфику политико-правовой эволюции российского общества на основе большого социологического материала и с использованием сравнительно-исторического метода. Творческую деятельность Кавелина, Чичерина и других историков-«государственников» следует рассматривать как важное звено в процессе развития

УДК 316.2

ВКЛАД А.А. БОГДАНОВА В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

К.А. Кузнецова

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

Статья посвящена анализу социологических воззрений А.А. Богданова, его учения о «всеобщей организационной науке», их значения в современных условиях.

Ключевые слова: «всеобщая организационная наука», реформы, тектология, теория «нового класса».

A.A. Bogdanov's Contribution in Domestic Sociology Development

K.A. Kuznetsova

The article is dedicated to the A.A. Bogdanov's sociological views, his doctrine about the «universal organizational science», and their importance at the present conditions.

Key words: «universal organizational science», reforms, tectology, theory of the «New class».

Объективный анализ идейного и теоретического наследия А.А. Богданова начался в нашей стране сравнительно недавно, но уже можно сделать определенные выводы. В творчестве видного деятеля революционного движения,

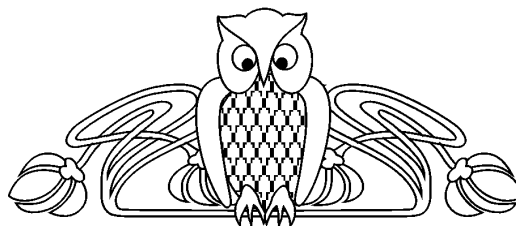
отечественной социологии, как необходимую предпосылку более широкого и глубокого синтеза исторического и социологического начал, осуществленного их младшими современниками – Ключевским, Ковалевским, Милуковым и др.

Можно с полным правом утверждать, что труды теоретиков государственной школы буквально насыщены мыслями и идеями, которые способствуют более глубокому исследованию и пониманию особенностей развития российской государственности и общественного правосознания и их современного состояния. Напрасный труд искать в их работах готовые рецепты для решения злободневных вопросов современной жизни. Но идейные и нравственные искания мыслителей XIX – начала XX в., безусловно, дают пищу для размышлений ученым, политикам, общественным деятелям, всем, кто осознает свою ответственность за будущее России.

Примечания

¹ Чичерин Б.Н. Воспоминания: В 3 ч. М., 1933. Ч. 3. С. 34–35.

² Кавелин К.Д. Бюрократия и общество // Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1904. Т. 2.

естествоиспытателя, философа, экономиста, психолога, публициста, писателя-фантаста довольно значительны были социологические мотивы. В его трудах рассматриваются важные социологические проблемы и содержатся методологические положения, научные предвидения, не утратившие актуальности и в наши дни.

В настоящее время труды Богданова, и прежде всего его «Тектология», переживают второе рождение. Еще недавно он представлялся общественному сознанию смутной, однобокой, деформированной фигурой, и мало кто знал, что, подытожившая его кипучую многостороннюю деятельность, «всеобщая организационная наука» является непосредственной предшественницей кибернетики и задумана как теоретическое обоснование преобразования общества на основе всего социально-экономического и культурного опыта, накопленного человечеством.

Не случайно сочинения Богданова привлекают внимание не только историков науки, но и исследователей, занимающихся самыми различ-

ными дисциплинами, в том числе и социологией. И для этого есть достаточно оснований. Нынешнее восприятие и интерпретация его идей отнюдь не однозначны. Богданова иногда упрекали в том, что он абсолютизировал организационные моменты человеческой деятельности, заявляя: «Что же оказалось? У человека нет иной деятельности, кроме организационной, нет иных задач, кроме организационных»¹. Это утверждение, конечно, уязвимо для критики. Так, академик Н.Н. Моисеев, в целом высоко оценивающий научное значение тектологии, убедительно критикует Богданова за чересчур расширительную трактовку понятия «организация». Кроме того, он отмечал, что Богданов преувеличивает возможности целенаправленной организационной деятельности, не учитывая такого фактора, как неконтролируемая изменчивость системы, будущее которой во многом определяется стохастикой и неопределенностью. А это исключает жесткую детерминированность «любых представлений о будущем»².

Действительно, Богданов нередко увлекался, допускал преувеличения и ошибки. Это сказывалось и на его социологических концепциях, и на прогнозах. Однако нужно учитывать, что многое из того, что нам сейчас представляется ошибочным и незрелым в его работах, объясняется общим состоянием научного знания и методологии того времени.

Сказываются и радикальные настроения, характерные для раннего периода его деятельности. Кроме того, он был вынужден полемизировать с идейными противниками, которые не хотели или не могли понять значения научно-организационного фактора и делали ставку на методы прямого насилия и принуждения. Поэтому в поле зрения должны быть не «перегибы» и промахи исследователя, работавшего в непростых исторических условиях, а его реальные достижения, обогатившие ряд сфер научного значения, в том числе и социологию.

Новаторский подход Богданова во многом объясняется тем, что он стремился «синтезировать» достижения своих предшественников и одновременно искать новые пути исследования. Его мировоззрение формировалось под воздействием передовых научно-технических и общественно-политических теорий XIX – начала XX вв. Огромное воздействие на становление его духовного облика оказала гуманистическая традиция западноевропейской и отечественной общественной мысли. Еще в молодости он глубоко и искренне воспринял идеал социализма. Он представлял его как коллективистский строй, основанный на научно организованном труде и сознательно-товарищеских отношениях между свободными людьми. Этому идеалу он оставался верен до конца жизни, но представление о путях его реализации менялось на разных этапах жизненного и творческого пути. Его идейная эволю-

ция объяснялась тем, что по складу характера и складу мышления он был прежде всего ученый. Богданов всегда считал себя марксистом, но его отношение к марксизму было продиктовано в первую очередь позицией исследователя. Для него марксизм был не столько жесткой, политической, замкнутой доктриной, сколько открытой научной системой, которая должна входить в контакт с другими взглядами, взаимодействовать с теоретическими положениями немарксистских течений и творчески развиваться в тесной связи с социальной практикой, усваивая результаты научных поисков и различного творческого опыта.

Богданов решительно отвергал «ортодоксальный» марксизм, основанный на догматизме, социализм, опирающийся лишь на слепую веру и фанатический энтузиазм. Эволюция социально-политических взглядов (под воздействием ряда внутренних и внешних факторов) привела его к разрыву с большевизмом в первую очередь потому, что Богданов осуждал насильственные методы преобразования общества и диктатуру, которая «держится на штыках». Он не принял ленинских «Апрельских тезисов», курс большевиков на социалистический переворот. Возражая своим оппонентам, он писал в 1918 г.: «Россия в среднем итоге производительных сил уже «созрела» для социализма? Боюсь, что нужна слишком большая вера, чтобы признать это». И далее продолжал: «Вера и оптимизм хороши для боя, но не для исследования. Вступать же в бой надо лишь на хорошо подготовленной почве. В этом отношении наш максимализм очень опасен, он может послужить идейной основой для авантюры и жестоких поражений. Частью уже он, в форме ленинизма, и сыграл у нас эту роль»³.

В результате долгих и мучительных раздумий, отказываясь от многих догм, которые воспринял в молодости, Богданов в конечном счете пришел к реформистскому пониманию способов и форм общественных преобразований. Он стремился социологически обосновать, по сути дела, эволюционный путь изменения социальных отношений, выдвигая на первый план демократические реформы, воспитание и просвещение трудящихся и прежде всего формирование новой организационной культуры.

Именно в воплощении в жизнь передовых организационных идей Богданов видел ключевой момент в процессе переустройства общества на новых гуманистических основах. Методологическое значение этих идей заключается в том, что они способствуют объективному системному анализу переходных, трансформационных процессов, путей и форм стабилизации и разумного реформирования общественных отношений. Это и определяет актуализацию социологических аспектов тектологии в современных условиях.

Социально-политические идеи, которые Богданов считал наиболее важными и перспективными, отразились в его социально утопических рома-

нах. Здесь в полной мере воплощена его горячая и искренняя вера в возможность создания нового, свободного и прекрасного общества, ради которого он работал и боролся всю жизнь. Но в этих романах следует видеть не только мечты и утопические иллюзии, но и ряд научно-технических и социальных прогнозов, реальность которых была впоследствии подтверждена на практике. Результаты художественного моделирования у самого автора вызвали серьезные сомнения в осуществимости идеала. Отсюда и антиутопические мотивы в фантастических романах Богданова.

Помимо указанных социологических аспектов богатейшего творческого наследия ученого-новатора требуют дальнейшего изучения такие важные проблемы, как происхождение и социальная сущность идеологических форм, теория «нового класса» (технократической интеллигенции), истоки и политические формы авторитаризма и др. Нет сомнения в том, что еще многие его идеи и концепции остаются неизученными и ждут анализа и разработки.

Редкостное сочетание в одном лице крупного деятеля рабочего движения и ученого-

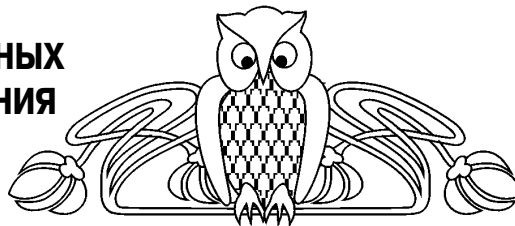
энциклопедиста, сравнимого по своему планетарному кругозору с К.Э. Циолковским, Н.А. Морозовым, В.И. Вернадским, А.Л. Чижевским, определило уникальность места Богданова в истории отечественной науки. Но, к сожалению, в гораздо большей степени это сочетание определило трагическую судьбу Богданова-мыслителя – прижизненную и посмертную. Непонимание его взглядов приобрело, по словам самого Богданова, «какой-то злостный характер». В настоящее время уже многое сделано, чтобы преодолеть это непонимание. Творческий потенциал богатейшего научно-теоретического наследия Богданова еще далеко не использован и заслуживает дальнейшего глубокого и всестороннего исследования.

Примечания

- ¹ Богданов А.А. Вопросы социализма. М.; Пг., 1918. С. 89.
- ² См.: Моисеев Н.Н. Тектология Богданова – современные перспективы // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 9–11.
- ³ Богданов А.А. Указ. соч. С. 89.

УДК 324 (470+571+430)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ

Н.С. Нефёдова

Саратовский государственный университет
E-mail: taschaNefedova@mail.ru

В статье рассматриваются факторы формирования общественного мнения в процессе трансформации политической системы страны по средствам избирательных технологий: необходимость социологических исследований (в качестве индикатора электоральных ожиданий), использование качественного и количественного методов, опросы электората, эффективность использования технологии фокусированных групп в ходе предвыборной кампании.

Ключевые слова: политика, избирательные технологии, общественное мнение, предвыборная кампания.

Election Technology Theory as the Factor of Public Opinion Shaping under Transformation of National Political System

N.S. Nefedova

In the article the factors of public opinion shaping as one of the aspects of election technology on conditions of political system changing is considered: the necessity of public opinion polls (as the constituency

preferences indicator), qualitative and quantitative methods, efficiency of using focus groups in the course of electioneering.

Key words: policy, election technology, public opinion, electioneering.

Политическая система Российской Федерации стоит на пороге трансформации, к которой страна неизбежно движется под влиянием внешних факторов. В последнее десятилетие не вызывает сомнений тот факт, что система страны находится в состоянии, в котором она не может эффективно реагировать на реалии. Аргументами могут служить такие характеристики, как ригидность системы и набирающее вес понятие «управляемая демократия». Одной из важных характеристик политической системы являются особенности выборного процесса и, как следствие, отношение электората к выборам, формирование политического мнения, влияние на общественные массы предвыборных технологий (применение старых, создание новых и т.д.).

Социальное регулирование электорального поведения служит основой для дальнейшего, отлаженно функционирующего строительства политической системы, а также эффективным

нах. Здесь в полной мере воплощена его горячая и искренняя вера в возможность создания нового, свободного и прекрасного общества, ради которого он работал и боролся всю жизнь. Но в этих романах следует видеть не только мечты и утопические иллюзии, но и ряд научно-технических и социальных прогнозов, реальность которых была впоследствии подтверждена на практике. Результаты художественного моделирования у самого автора вызвали серьезные сомнения в осуществимости идеала. Отсюда и антиутопические мотивы в фантастических романах Богданова.

Помимо указанных социологических аспектов богатейшего творческого наследия ученого-новатора требуют дальнейшего изучения такие важные проблемы, как происхождение и социальная сущность идеологических форм, теория «нового класса» (технократической интеллигенции), истоки и политические формы авторитаризма и др. Нет сомнения в том, что еще многие его идеи и концепции остаются неизученными и ждут анализа и разработки.

Редкостное сочетание в одном лице крупного деятеля рабочего движения и ученого-

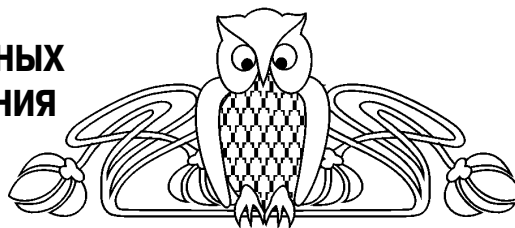
энциклопедиста, сравнимого по своему планетарному кругозору с К.Э. Циолковским, Н.А. Морозовым, В.И. Вернадским, А.Л. Чижевским, определило уникальность места Богданова в истории отечественной науки. Но, к сожалению, в гораздо большей степени это сочетание определило трагическую судьбу Богданова-мыслителя – прижизненную и посмертную. Непонимание его взглядов приобрело, по словам самого Богданова, «какой-то злостный характер». В настоящее время уже многое сделано, чтобы преодолеть это непонимание. Творческий потенциал богатейшего научно-теоретического наследия Богданова еще далеко не использован и заслуживает дальнейшего глубокого и всестороннего исследования.

Примечания

- ¹ Богданов А.А. Вопросы социализма. М.; Пг., 1918. С. 89.
- ² См.: Моисеев Н.Н. Тектология Богданова – современные перспективы // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 9–11.
- ³ Богданов А.А. Указ. соч. С. 89.

УДК 324 (470+571+430)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ

Н.С. Нефёдова

Саратовский государственный университет
E-mail: taschaNefedova@mail.ru

В статье рассматриваются факторы формирования общественного мнения в процессе трансформации политической системы страны по средствам избирательных технологий: необходимость социологических исследований (в качестве индикатора электоральных ожиданий), использование качественного и количественного методов, опросы электората, эффективность использования технологии фокусированных групп в ходе предвыборной кампании.

Ключевые слова: политика, избирательные технологии, общественное мнение, предвыборная кампания.

Election Technology Theory as the Factor of Public Opinion Shaping under Transformation of National Political System

N.S. Nefedova

In the article the factors of public opinion shaping as one of the aspects of election technology on conditions of political system changing is considered: the necessity of public opinion polls (as the constituency

preferences indicator), qualitative and quantitative methods, efficiency of using focus groups in the course of electioneering.

Key words: policy, election technology, public opinion, electioneering.

Политическая система Российской Федерации стоит на пороге трансформации, к которой страна неизбежно движется под влиянием внешних факторов. В последнее десятилетие не вызывает сомнений тот факт, что система страны находится в состоянии, в котором она не может эффективно реагировать на реалии. Аргументами могут служить такие характеристики, как ригидность системы и набирающее вес понятие «управляемая демократия». Одной из важных характеристик политической системы являются особенности выборного процесса и, как следствие, отношение электората к выборам, формирование политического мнения, влияние на общественные массы предвыборных технологий (применение старых, создание новых и т.д.).

Социальное регулирование электорального поведения служит основой для дальнейшего, отлаженно функционирующего строительства политической системы, а также эффективным

средством стабилизации всех важнейших отраслей государства. Основной проблемой российского общества является «утрата в процессе межсистемной трансформации политической и социальной субъективности – способности ставить перед собой общественно значимые цели и добиваться их реализации». В результате распада прежней советской идентичности, фактического отказа нового российского государства от выполнения одной из основных функций целеполагания, самопроизвольно и противоречиво начался процесс складывания больших социальных групп с различным «социокультурным кодом»¹.

Анализ подготовки и проведения выборных кампаний, в свою очередь, подтверждает тот факт, что в настоящее время в России все политические технологии (в том числе и выборные технологии) сводятся к борьбе за доминирование элитных групп и отдельных лидеров-кандидатов в общественном мнении и за возможность формировать его в нужном направлении². При этом существует мнение, что электоральные предпочтения – это легко диверсифицирующийся с помощью опросов объект, а политические технологии – доступный большинству механизм манипулирования.

Очевидно, что политические технологии переживают кризис развития, их действенность снижена в результате спровоцированной политтехнологами информационной дезориентации населения. Это связано и с некоторыми изменениями в избирательном законодательстве. Намечалась тенденция к деполитизации электората, что снижает политический иммунитет общества, делает его беззащитным перед комплексом экстремистских идей.

Изменения в нормативно-правовой части выборного процесса (отмена порога явки и графы «против всех», как следствие, сокращение числа избирателей, посещающих участки), возникновение так называемой «политической предсказуемости», воспитанной путем применения одного и тех же технологий политического консалтинга и потери их функциональности, стали одной из причин регресса социологической составляющей в любой избирательной кампании.

Выборные технологии не носят уникального характера. Как правило, используется ряд отработанных апробированных приемов. В условиях меняющейся политической системы и деполитизации электората еще более важное значение приобретает именно демоскопия, посредством социологических исследований, с целью выявления потребностей отдельных электоральных единиц для дальнейшей разработки и создания политических приемов манипулирования общественной массой.

Изучение мнения народонаселения и его поведения имеет большое значение как для создания эффективных технологий того или иного выборного кандидата, так и для анализа, а в дальнейшем – формирования политической системы страны. Однако основная проблема, с

которой сталкивается современная отрасль политического консалтинга в целом, анализ и формирование общественного мнения, в частности, – это крайний популизм подходов к выборным и политическим технологиям, отсутствие научного обоснования исследований и выводов, использование стандартизированных форм технологий, недостаточная разработанность в современной социологии комплексной междисциплинарной проблемы социального регулирования электорального поведения в условиях проведения избирательной кампании.

Исследование ориентировано на непосредственное научное обоснование использования тех или иных методов и подходов к проведению выборных кампаний в части формирования общественного мнения, а также на создание определенных теоретических и методологических предпосылок для глубокого научного осмысления на теоретическом, методологическом, прикладном и практическом уровнях.

Изучение электоральных предпочтений через количественные и качественные социологические методы (опросы и фокус-группы) является важнейшим из этапов проведения выборной кампании.

Социологические приемы, применяемые для работы с общественным мнением в период избирательной кампании, рационально было бы разделить по двум характеристикам: представляющие информацию и формирующие мнение населения.

Анализ теоретических изысканий можно типологизировать по нескольким критериям: по категории использования данных (количественные и качественные), глубине и сложности анализа (разведывательные, описательные, аналитические), методу сбора информации (опрос, наблюдение, анализ документов), а также по форме и характеру проведения исследования³.

Одним из самых популярных и информационно рентабельных методов в электоральных исследованиях является метод опроса. Этот метод предполагает получение основной и фундаментальной информации для дальнейшего формирования стратегии избирательной кампании кандидата. Главной задачей является формирование правильного порядка вопросов со скрытым побуждением на максимально правдивые ответы на них.

Основной ошибкой при сборе информации по средствам опроса является принцип максимизирования количества статистических данных. Для эффективного проведения различных мероприятий важно не столько количество информации, сколько степень ее необходимости для данной избирательной кампании.

Первые массовые опросы, получившие широкое распространение в электоральных исследованиях, были проведены американским исследователем Дж. Гэллапом в 1930-е годы. Ученым была спрогнозирована победа президента Ф. Рузвельта, что расходилось с результатами известных со-

циологических институтов того времени и делало его исследования информационно ёмкими с точки зрения подходов и применимых методов⁴.

Целью проведения социологического исследования электоральных предпочтений является этап многокритериального процесса формирования теоретических категорий – осуществление сегментирования электората, позволяющего целенаправленно формировать общественное мнение путем выборных технологий. Анализ специальной литературы позволяет типологизировать всю массу электората по определенным критериям. Предлагается путем сегментирования выявить наиболее распространенные группы избирателей: твердые сторонники, нетвердые сторонники, индифферентная часть электората, негативные настроенные граждане, нетвердые противники, твердые противники, лишние сторонники⁵.

Задачей применения технологии будет фиксирование первых двух групп, максимально возможное привлечение 3-й и 4-й групп и нейтрализация оставшейся части электората путем вовлечения инструментария по формированию общественного мнения.

Однако результаты количественных опросов не дают гарантии того, что информация в них соответствует действительности. Любые статистические данные можно интерпретировать по-разному. Летом 1996 г. сообщалось, что рейтинг Б. Клинтона снизился с 55% в июне до 52% в июле. Учитывая математическую (3%) и репрезентативную (5%) погрешности, это сообщение нужно, строго говоря, читать следующим образом: «Есть 95 шансов из 100, что рейтинг Клинтона в июне действительно составлял от 52 до 58%, а июле – от 49 до 55%». Имеются все научные основания для того, чтобы выдвинуть две абсолютно противоречивые трактовки этих данных – и каждая из них имеет право на существование. «Рейтинг Клинтона обрушился с 58% в июне до 49% в июле» и «Рейтинг Клинтона вырос с 52% в июне до 55% в июле»⁶.

Использование технологии предполагает трансфер политических потребностей электората, выявленный, как правило, через качественные исследования: фокус-группы, глубинные интервью и экспертные опросы⁷. Как показывает практика, наиболее валидным из вышперечисленных является метод фокус-групп. Он позволяет выявить предпочтения электоральных единиц с целью дальнейшего формирования программы.

Метод заключается в отборе по критериям и приглашении особых групп населения (8–12 человек) (в зависимости от формы проведения фокус-группы могут меняться и критерии отбора лиц в группы – репрезентативная, либо узконаправленная выборка). Проведение таких исследований позволяет определить, что реально вызывает опасения и беспокойство электората, на что они действительно надеются и чего боятся,

что они действительно думают по тому или иному вопросу, какую реакцию вызывает применение определенных технологий. По результатам этих исследований можно выявить слабые и сильные стороны ведения кампании. Кроме того, в предвыборной демоскопии фокус-группы могут использоваться как средство конструирования и апробации вопросника для дальнейшего количественного исследования.

Основным недостатком фокус-групп являются статистически ненадежные результаты. Однако можно предположить, что данный пробел локально корректируется правильным способом выборки в зависимости от цели исследования.

Особым методом инспирирования общественного мнения в выборном процессе являются формирующие фокус-группы. Если классические фокус-группы предполагали получение глубинной информации посредством качественного исследования, то формирующие фокус-группы имеют противоположные цели. Главная задача, которая стоит перед модератором, – воздействие на выбор избирателя в свою пользу, с допустимостью фиксации своего мнения. В литературе это называется эффектом «группового эмоционального заражения»⁸.

Оптимальное количество участников группы 20–25 человек. Время проведения – 1,5–2 часа. Для мероприятия необходимо иметь четкий план действий, который позволит максимально эффективно воздействовать на мнение участников, инструментарий (помещение, оборудование, материалы), а также правильную выборку участников⁹. Предполагается достижение электоральной экзальтации не только со стороны участников группы, но и тех лиц, которым участники расскажут в нужной для кандидата позитивно формирующей форме об участии в фокусированных группах.

При успешном проведении формирующей фокус-группы достигается смена электоральной единицей своих взглядов под направленным воздействием со стороны окружающих. Эффект от формирующей фокус-группы можно регистрировать через количественный опрос: если число сторонников кандидата увеличивается, а рейтинг противника редуцируется, то группы были проведены грамотно с максимальным эффектом.

Исследования общественного мнения в части электоральных предпочтений имеют ценность тогда, когда принимаются за основу в корректировке стратегических и тактических параметров кампании. Заблуждением является то, что во время выборных работ степень значимости социологического регулирования общественными процессами нивелируется и сводится к популистским подходам. Анализ электоральных оценок избирательных технологий дает возможность определить наиболее значимые аспекты предпочтения и выбора для использования в той или иной избирательной кампании. Качественные и количественные методы, применимые для ана-

лиза или формирования общественного мнения, предоставляют глубоко информационные, а также статистические данные для дальнейшего их использования в целях кампании.

Примечания

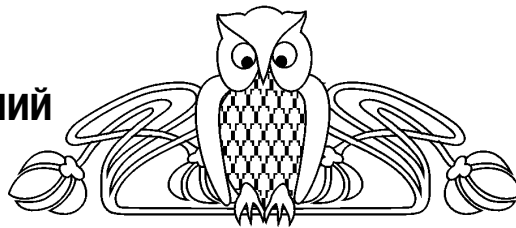
- ¹ Рябов А., Курбангалеева Е. Введение. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003. С. 11.
- ² См.: Мелешикина Е.Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // Политическая наука. 2001. № 2. С. 190–215;

- Галицкий Е., Кертман Г. Прогнозирование электорального поведения на региональных выборах: методика ФОМа // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 105–122.
- ³ См.: Артемов Г.П. Политическая социология: Учеб. пособие. М., 2002.
  - ⁴ См.: Миронов А. Раздувай и властвуй: технологии современной «мягкой» пропаганды. М., 2001. С. 10.
  - ⁵ Там же. С. 14.
  - ⁶ Там же С. 16.
  - ⁷ См.: Студеникин Н. Технология фокус-групп: возможности и ограничения // Советник. 2004. № 4. С. 12.
  - ⁸ Там же. С. 13.
  - ⁹ См.: Белановский С.А. Метод фокус-групп. М., 1996. С. 54.

УДК 316.334.3

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ

М.С. Ивченкова

Саратовский государственный университет
E-mail: ivchenkovams@yandex.ru

В статье на базе результатов социологического опроса выявляется отношение населения Саратова к политической рекламе в СМИ и особенности восприятия потенциальным электоратом наружной рекламы, анализируются основные факторы, определяющие степень ее эффективности и влияния на политические ориентации саратовцев.

Ключевые слова: СМИ, политическая реклама, наружная политическая реклама, политические предпочтения населения.

The Role of the Political Advertisement in the System of the Political Preferences in the Provincial Russia

M.S. Ivchenkova

In the article the attitude of the Saratov population to the political advertisement in Mass Media was drawn (on the base of the sociological research). Attention was paid to the peculiarities of the potential electorate's apprehension of the poster advertisement. The main factors, which determine the degree of the advertisement's effectiveness and influence upon the political preferences of the Saratov population, were analyzed.

Key words: Mass Media, political advertisement, poster advertisement, political preferences of the Saratov population.

Политическая реклама – одно из наиболее противоречивых явлений современности. С одной стороны, можно говорить о том, что за период избирательных кампаний она вызывает стойкую непереносимость к себе со стороны населения, но с другой – это, пожалуй, единственный источник информации о кандидатах, которым население доверяет реализацию своих интересов в органах власти.

Особенно ярко интерес к вопросам действия и восприятия политической рекламы, а также

механизмов ее создания проявляется в наше время, когда заполучить доверие избирателей с каждым днем становится все сложнее и сложнее. В рамках политической кампании реклама играет роль инструмента для достижения определенных целей. Например, создание визуального образа кандидата, продвижение в массы яркого и запоминающегося слогана.

Технологии политической рекламы весьма и весьма изощрены. Они рассчитаны на постоянное ее присутствие во всех массовых информационных потоках: внимание граждан должно быть завоевано, они должны сделать «осознанный» выбор той или иной политической позиции. Сила рекламных технологий бывает столь высока, что человек не только совершает некие конкретные действия, скажем, голосует определенным образом, но и изменяет собственные убеждения и ценностные ориентации. Сложно представить, какой поток информации изливается на жителей нашей страны в период избирательных кампаний, какая сложная работа была проделана специалистами по рекламе для того, чтобы завоевать максимальное количество голосов и получить желаемое место, но как выяснилось, не вся проделанная работа оказалась эффективной.

Принято считать, что реклама – это набор слов и графических образов, с помощью которых рекламист воздействует на потребителя, но адресованные человеку слова и образы автоматически не превращаются в поступки. Это значит, что в наиболее простом случае реклама – это некие сообщения о товарах и услугах, распространяемые различными компаниями с помощью рекламных агентов, средств массовой информации и коммуникации с целью воздействия на потребителей¹.

лиза или формирования общественного мнения, предоставляют глубоко информационные, а также статистические данные для дальнейшего их использования в целях кампании.

Примечания

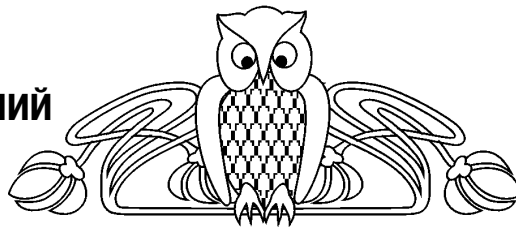
- 1 Рябов А., Курбангалеева Е. Введение. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003. С. 11.
- 2 См.: Мелешикина Е.Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // Политическая наука. 2001. № 2. С. 190–215;

- 3 См.: *Артемов Г.П.* Политическая социология: Учеб. пособие. М., 2002.
- 4 См.: *Миронов А.* Раздувай и властвуй: технологии современной «мягкой» пропаганды. М., 2001. С. 10.
- 5 Там же. С. 14.
- 6 Там же С. 16.
- 7 См.: *Студеникин Н.* Технология фокус-групп: возможности и ограничения // Советник. 2004. № 4. С. 12.
- 8 Там же. С. 13.
- 9 См.: *Белановский С.А.* Метод фокус-групп. М., 1996. С. 54.

УДК 316.334.3

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ

М.С. Ивченкова

Саратовский государственный университет
E-mail: ivchenkovams@yandex.ru

В статье на базе результатов социологического опроса выявляется отношение населения Саратова к политической рекламе в СМИ и особенности восприятия потенциальным электоратом наружной рекламы, анализируются основные факторы, определяющие степень ее эффективности и влияния на политические ориентации саратовцев.

Ключевые слова: СМИ, политическая реклама, наружная политическая реклама, политические предпочтения населения.

The Role of the Political Advertisement in the System of the Political Preferences in the Provincial Russia

M.S. Ivchenkova

In the article the attitude of the Saratov population to the political advertisement in Mass Media was drawn (on the base of the sociological research). Attention was paid to the peculiarities of the potential electorate's apprehension of the poster advertisement. The main factors, which determine the degree of the advertisement's effectiveness and influence upon the political preferences of the Saratov population, were analyzed.

Key words: Mass Media, political advertisement, poster advertisement, political preferences of the Saratov population.

Политическая реклама – одно из наиболее противоречивых явлений современности. С одной стороны, можно говорить о том, что за период избирательных кампаний она вызывает стойкую непереносимость к себе со стороны населения, но с другой – это, пожалуй, единственный источник информации о кандидатах, которым население доверяет реализацию своих интересов в органах власти.

Особенно ярко интерес к вопросам действия и восприятия политической рекламы, а также

механизмов ее создания проявляется в наше время, когда заполучить доверие избирателей с каждым днем становится все сложнее и сложнее. В рамках политической кампании реклама играет роль инструмента для достижения определенных целей. Например, создание визуального образа кандидата, продвижение в массы яркого и запоминающегося слогана.

Технологии политической рекламы весьма и весьма изощрены. Они рассчитаны на постоянное ее присутствие во всех массовых информационных потоках: внимание граждан должно быть завоевано, они должны сделать «осознанный» выбор той или иной политической позиции. Сила рекламных технологий бывает столь высока, что человек не только совершает некие конкретные действия, скажем, голосует определенным образом, но и изменяет собственные убеждения и ценностные ориентации. Сложно представить, какой поток информации изливается на жителей нашей страны в период избирательных кампаний, какая сложная работа была проделана специалистами по рекламе для того, чтобы завоевать максимальное количество голосов и получить желаемое место, но как выяснилось, не вся проделанная работа оказалась эффективной.

Принято считать, что реклама – это набор слов и графических образов, с помощью которых рекламист воздействует на потребителя, но адресованные человеку слова и образы автоматически не превращаются в поступки. Это значит, что в наиболее простом случае реклама – это некие сообщения о товарах и услугах, распространяемые различными компаниями с помощью рекламных агентов, средств массовой информации и коммуникации с целью воздействия на потребителей¹.

Главное отличие между коммерческой и политической рекламой заключается в рекламируемом продукте: в коммерческой рекламе, где все усилия направлены на демонстрацию того, как товар удовлетворяет различные потребности индивида – это товар или услуга, в политической рекламе – личность кандидата. Здесь основные средства направлены на формирование имиджа кандидата, удовлетворяющего определенные социальные группы и слои и адекватно вписывающегося в исторический и политический контекст данного периода. Это по своему содержанию очень сложный социально-психологический процесс, протекание которого происходит, опираясь на общественное мнение, при помощи сложных коммуникативных актов.

Сущность формируемого имиджа играет едва ли не самую главную роль, далекие от политики люди станут голосовать не за идеи, а за личность, характеристики которой умело и точно «подправлены» рукой специалиста. Избиратели, четко утвердившиеся в своих взглядах в данной сфере, должны убедиться в том, что именно эта личность способна воплотить их стремления в жизнь. Имидж лидера и стратегии избирательной кампании строятся на технологических возможностях, предлагаемых специалистами в области политического пиара, и на их восприятии самим обществом.

Проблемами восприятия и потребления политической рекламы в разное время занимались разные исследователи. Однако эта сфера динамично развивается. Каждая политическая кампания приносит что-то новое в уже известные методы оказания влияния на электорат и завоевания авторитета. В связи с этим наблюдается нехватка работ локального, местного уровня, которые были бы посвящены данной тематике. Исходя из этого в рамках ЦРСИ СГУ в 2008 г. автором было проведено социологическое исследование, посвященное особенностям потребления печатной и наружной политической рекламы саратовцами. Было опрошено методом анкетирования 150 человек по квотно-стратифицированной выборке, где в качестве критериев отбора использовались такие характеристики, как пол, возраст, доход и район проживания.

Результаты опроса показали, что развитие демократии в России сопряжено с повышением уровня политической активности населения, но россияне не идентифицируют себя с властью, которой делегируют свои полномочия. Более того, в сознании людей не происходит дифференциации властных структур. Вся власть – нечто единое целое, равноступенно недоступное и персонифицированное в лице президента, премьер-министра или губернатора. Безусловно, такой подход не добавляет легитимности и авторитета властным структурам, что может говорить о вынужденном прогрессе в области продвижения демократических ценностей.

Характеризуя себя как участников политической жизни страны, региона и города, большинство саратовцев отнесли себя к среднему уровню активности в данной сфере, при этом подчеркивая важность участия в выборах как единственно допустимой для себя формы активного участия в политической жизни.

Наиболее привлекательным источником информации о кандидатах для большинства населения является телевизионная политическая реклама, при этом печатная и наружная политическая реклама пользуются меньшей популярностью среди населения. Однако в ходе исследования были выявлены некоторые особенности потребления наружной и печатной политической рекламы.

Можно говорить о преобладании чувственно-эмоционального и традиционного подходов к принятию решения о реализации населением политического выбора, когда проще руководствоваться впечатлением или привычкой в ходе принятия решения, чем стремиться к достижению целей через представительные органы власти. При высоком уровне интереса к информации о кандидатах можно говорить о низком уровне доверия к политической информации в целом, о вынужденном усвоении рекламной политической информации как наиболее доступного коммуникативного инструмента.

В ходе исследования удалось выявить взаимодействие между количеством визуальных контактов и количеством обращений к печатной и наружной политической рекламе, то есть при увеличении числа контактов увеличивается и число обращений. При этом наибольшей атаке со стороны данного типа рекламных материалов подвергаются 42,9% респондентов, не более 1–2 раз в день ее замечают 10,8%, из тех, кто каждый день обращается к ней за информацией, максимальное число раз, 43,2% не замечают и не обращаются к подобным источникам никогда; 47,2% зафиксировали наиболее высокую частоту контактов и просмотрев, в то время как не обращают внимания на данный рекламный носитель и не обращаются к нему за информацией 85,7% респондентов.

Пресса обладает рядом преимуществ перед иными СМИ. Во-первых, информация фиксируется на бумажном листе и воспринимается читателем «без посредников». Во-вторых, рекламная информация в прессе не кажется столь назойливой, как, например, телевизионная: читатель обладает некой «свободой» выбора – чтение текста и восприятие изобразительного печатного материала происходит в соответствии с желанием человека, избирательно, в том порядке, темпе и ритме, которые он сам устанавливает. В-третьих, рекламная публикация может вновь привлечь внимание читателя при его повторном ознакомлении с газетой. Рекламная эффективность газетной публикации (конечно, если она будет вообще замечена) выше, поскольку статичность газетного листа позволяет подробнее ознакомиться с предлагаемыми фак-

тами, прочнее закрепиться этой информации в сознании реципиента (при условии достаточной притягательности сообщения) и возвратиться к ней в случае необходимости. Дискретность же выпуска периодических изданий, некоторое отставание печати в том, что касается оперативности информации, – все это не столь существенно для рекламных материалов. Имидж лидера, преподносимый со страниц периодической печати, легче контролировать, удерживать в заданных рамках, чем, например, телевизионный имидж: печатный материал скрывает за аккуратными рядами строк колебания души, неудачную реакцию на неожиданный вопрос, неровную речь – словом, все то, что так беспощадно могут обнажить телевидение, радио и выступления на митингах.

Большинство населения отзывалось о политической рекламе как о деструктивном факторе, вызывающем негативные эмоции или безразличие. Причем отсутствие жесткой зависимости этого отношения от социально-демографических факторов, электоральных предпочтений говорит о том, что общество однородно в своем отношении к печатной и наружной политической рекламе. Интерес к печатной и наружной рекламе в обществе наблюдается у одной трети населения. При этом в значительной мере население интересуется профессиональные, а не личные стороны жизни кандидата.

Исследование позволило выявить различие высокого потенциального и низкого реального уровней воздействия печатной и наружной политической рекламы на население города Саратова. В большей мере это различие проявляется через влияние политической рекламы и личного опыта. Политическая реклама не в силах противостоять уже выработанным личным убеждениям населения, чей личный опыт, собственные взгляды, отсутствие интереса не позволяют слепо верить политической рекламе любого вида. Проходя через призму мироощущения, политическая реклама в большинстве случаев не меняет отношения человека к кандидату и редко меняет его решения о характере голосования.

Интересным явилось то, что выбор наиболее значимого источника информации о кандидате зависит от возраста респондента. Для того чтобы определить наличие зависимости, выборочная совокупность была разделена на три возрастных когорты (18–29 лет – молодежь, 30–59 лет – средний возраст, 60–69 лет – старшее поколение). Таким образом, нам удалось выявить взаимодействие этой переменной с переменной, обозначающей выбор печатных и наружных носителей политической рекламной информации, а также других видов (сюда были отнесены политическая ТВ-реклама, политическая радиореклама, Интернет, общественное мнение и т.д.), о чем свидетельствует значение критерия Хи-квадрат, которое равно 16,505 (при $p=0,000$). Как показывает исследование, люди старшего возраста предпо-

читают черпать информацию из традиционных и привычных для себя источников.

60,5% респондентов, относящихся к молодому поколению, предпочитают наружную и печатную политическую рекламу другим ее видам, в то время как 27,5% респондентов среднего возраста считают эти источники наиболее важными для себя. Среди людей пожилого возраста был выявлен самый высокий процент людей, предпочитающих печатную и наружную рекламу. Причиной слабого воздействия возраста может быть влияние на выбор источника и других факторов: наличия свободного времени, образа жизни, интересов и т.д. Говоря о данном воздействии, необходимо отметить, что 62,5% молодежи подчеркнули точность информации как качество наружной и печатной политической рекламы. Среди избирателей среднего возраста так считают 39,7% респондентов, в старшем поколении предпочтение печатной и наружной рекламе как источнику наиболее точной информации отдали 58,8% респондентов. Причиной этого можно считать различия в образе жизни поколений. Молодежь больше «ловит все на лету», не вдаваясь в подробности, что, безусловно, является причиной востребованности наружной рекламы ею, в то время как старшее поколение в большей мере заинтересовано в печатных источниках, имея возможность и время изучать их, среднее же поколение в большей мере занято работой и бытом, поэтому более доверяет иным источникам, к которым и обращается за информацией. При этом печатную и наружную рекламу как важный источник информации выделили 57,5% молодых респондентов, 28,8% респондентов среднего возраста, а также 47,1% респондентов пожилого возраста. Скорее всего, это связано с тем, что чаще всего наш контакт с рекламой происходит достаточно спонтанно, при этом обращение к ней за информацией будет носить, скорее ситуационный характер, чем иметь четкие закономерности. Так как попавшая случайно в руки газета или листовка, скорее всего, привлечет к себе внимание индивида вне зависимости от вышеперечисленных характеристик, различными будут лишь уровень внимания и интерпретация полученной информации.

Итак, в ходе исследования выявлен самый популярный среди населения рекламный носитель – телевизионная политическая реклама. Однако печатная и наружная политическая реклама также привлекает к себе значительное внимание населения и выступает достойным конкурентом на рынке рекламных носителей в провинциальном городе. Население проявляет живой интерес к информации, предлагаемой в политической рекламе, однако потребности электората не исчерпываются теми материалами, которые предлагаются штабами кандидатов. Население придерживается достаточно консервативных взглядов на способы оформления политической рекламы, что нельзя не учитывать, пытаясь наладить контакт с избирате-

лями. Решающую роль, как удалось выяснить, для населения играет запоминаемость и доступность источника печатной и наружной рекламы.

Как показал анализ, влияние традиционного и аффективного компонентов в восприятии рекламных образов достаточно сильно. Это выражается в том, что, принимая решение об обращении к тому или иному источнику политической информации, население чаще всего руководствуется популярностью, доступностью, привлекательностью политической рекламы, а не желанием получить достоверные сведения.

Влияние политической рекламы на население провинциального города может оказаться не только прямым (ожидаемым), но и косвенным. В данном случае речь идет о перенесении негативной оценки оформления, использования или размещения рекламы на кандидата, а значит, и достижение эффекта, обратного желаемому. Это крайне актуально в свете общей оценки политической рекламы как деструктивного фактора, отрицательно подчас влияющего на процесс реализации права политического выбора индивида.

Здесь же необходимо отметить зависимость выбора источника информации от возраста. Это говорит о значительном влиянии уклада жизни поколения на получаемую им информацию, а значит, и на большую степень зависимости от преподносимой информации.

Таким образом, при разработке рекламной кампании в более выигрышном свете предстанет тот кандидат, который сможет исследовать потребности своей аудитории и применить результаты на практике, возможно, добавив несколько неожиданные элементы к уже привычному имиджу. При этом наиболее предпочтительной

для большинства была бы газетная публикация, посвященная профессиональной деятельности кандидата с акцентом на его политическую программу, в оформлении которой будут задействованы необходимые полноцветные иллюстрации, включающее фото данного кандидата. Однако количество текста не должно превышать количества графических объектов. Что касается наружной рекламы, то здесь можно говорить о необходимости размещения в надлежащих местах полноцветных щитов и баннеров, не перегруженных излишней информацией, афиш с высокой информационной насыщенностью. Среди раздаточного материала должны присутствовать брошюры листовки и календари.

Правильно составленная рекламная кампания будет иметь не прямое воздействие на чувства и эмоции людей, а влиять на оценку существующей действительности, формируя личный опыт избирателя, который чаще всего имеет решающее влияние на выбор индивида. Объективная действительность во всех сферах жизнедеятельности общества привила избирателям недоверие и скептическое отношение к любой информации, получаемой в рамках политической рекламной кампании. Однако при правильном подходе политтехнологов и подобные недостатки можно превратить в инструменты достижения поставленной цели, ведь частота контакта и обращения к носителям печатной и наружной политической рекламы достаточно высока.

Примечания

¹ Лебедев-Любимов А. Психология рекламы. М.; СПб., 2004. С. 6.

УДК 316.48(470+571)

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

И.Н. Васильчев

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются актуальные и сложные вопросы, связанные с понятием «межнациональный конфликт», различные взгляды на причины и типологию данного явления.

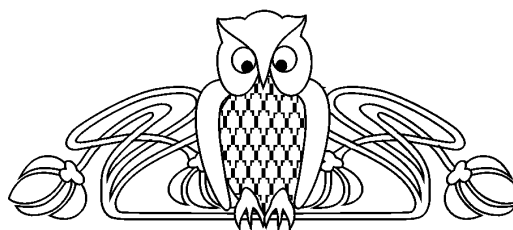
Ключевые слова: межнациональный конфликт, конфликтная ситуация, этнические группы.

On the Issue of Typology of the Interethnic Situation

I.N. Vasilchev

In this article actual and difficult problems, connecting with the idea of "interethnic conflicts", different views of reasons and typology of this phenomenon are considered.

Key words: interethnic conflict, conflict situation, ethnic groups.

Существенной проблемой в современном мире выступают межнациональные конфликты. 2 ноября 2009 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные о том, как москвичи оценивают межнациональные отношения в столице и какие меры, по их мнению, способны решить проблему напряженности между мигрантами и коренным населением. Половина москвичей негативно оценивает межнациональные отношения в Москве (51%): 36% считает их напряженными, 15% – конфликтными. Наиболее склонны к такой оценке 35–44-летние жители, те, кому 60 лет и

лами. Решающую роль, как удалось выяснить, для населения играет запоминаемость и доступность источника печатной и наружной рекламы.

Как показал анализ, влияние традиционного и аффективного компонентов в восприятии рекламных образов достаточно сильно. Это выражается в том, что, принимая решение об обращении к тому или иному источнику политической информации, население чаще всего руководствуется популярностью, доступностью, привлекательностью политической рекламы, а не желанием получить достоверные сведения.

Влияние политической рекламы на население провинциального города может оказаться не только прямым (ожидаемым), но и косвенным. В данном случае речь идет о перенесении негативной оценки оформления, использования или размещения рекламы на кандидата, а значит, и достижение эффекта, обратного желаемому. Это крайне актуально в свете общей оценки политической рекламы как деструктивного фактора, отрицательно подчас влияющего на процесс реализации права политического выбора индивида.

Здесь же необходимо отметить зависимость выбора источника информации от возраста. Это говорит о значительном влиянии уклада жизни поколения на получаемую им информацию, а значит, и на большую степень зависимости от преподносимой информации.

Таким образом, при разработке рекламной кампании в более выигрышном свете предстанет тот кандидат, который сможет исследовать потребности своей аудитории и применить результаты на практике, возможно, добавив несколько неожиданные элементы к уже привычному имиджу. При этом наиболее предпочтительной

для большинства была бы газетная публикация, посвященная профессиональной деятельности кандидата с акцентом на его политическую программу, в оформлении которой будут задействованы необходимые полноцветные иллюстрации, включающее фото данного кандидата. Однако количество текста не должно превышать количества графических объектов. Что касается наружной рекламы, то здесь можно говорить о необходимости размещения в надлежащих местах полноцветных щитов и баннеров, не перегруженных излишней информацией, афиш с высокой информационной насыщенностью. Среди раздаточного материала должны присутствовать брошюры листовки и календари.

Правильно составленная рекламная кампания будет иметь не прямое воздействие на чувства и эмоции людей, а влиять на оценку существующей действительности, формируя личный опыт избирателя, который чаще всего имеет решающее влияние на выбор индивида. Объективная действительность во всех сферах жизнедеятельности общества привила избирателям недоверие и скептическое отношение к любой информации, получаемой в рамках политической рекламной кампании. Однако при правильном подходе политтехнологов и подобные недостатки можно превратить в инструменты достижения поставленной цели, ведь частота контакта и обращения к носителям печатной и наружной политической рекламы достаточно высока.

Примечания

¹ Лебедев-Любимов А. Психология рекламы. М.; СПб., 2004. С. 6.

УДК 316.48(470+571)

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

И.Н. Васильчев

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются актуальные и сложные вопросы, связанные с понятием «межнациональный конфликт», различные взгляды на причины и типологию данного явления.

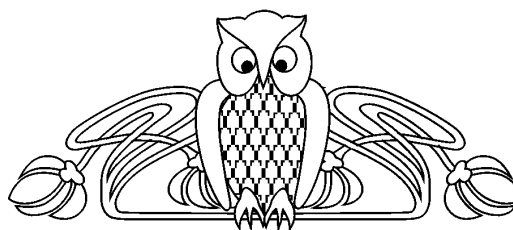
Ключевые слова: межнациональный конфликт, конфликтная ситуация, этнические группы.

On the Issue of Typology of the Interethnic Situation

I.N. Vasilchev

In this article actual and difficult problems, connecting with the idea of "interethnic conflicts", different views of reasons and typology of this phenomenon are considered.

Key words: interethnic conflict, conflict situation, ethnic groups.

Существенной проблемой в современном мире выступают межнациональные конфликты. 2 ноября 2009 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные о том, как москвичи оценивают межнациональные отношения в столице и какие меры, по их мнению, способны решить проблему напряженности между мигрантами и коренным населением. Половина москвичей негативно оценивает межнациональные отношения в Москве (51%): 36% считает их напряженными, 15% – конфликтными. Наиболее склонны к такой оценке 35–44-летние жители, те, кому 60 лет и

старше (по 52%), а также малообеспеченные горожане (62%). 45% полагают, что взаимодействие представителей различных национальностей в Москве в норме: 10% считают их дружественными, 35% – в целом спокойными. Такой оценки придерживаются, как правило, 18–24-летние и материально обеспеченные москвичи (49 и 51% соответственно)¹.

Вообще теория конфликта как альтернатива теории порядка Т. Парсонса появилась впервые в 1956 г. в работе Льюиса Козера «Функции социального конфликта». Чуть позже этот термин был вновь использован Ральфом Дарендорфом в его работе «Классы и классовый конфликт в индустриальном обществе». Однако истинное рождение теории конфликта как концептуально независимой модели состоялось в 1961 г., когда в Лондоне вышла книга Джона Рекса «Ключевые проблемы социологической теории»².

Конфликт есть способ разрешения противоречий. Конфликтная ситуация на национальной почве складывается как противоречие между общностями людей, интегрированными на этнической основе.

Особенности межэтнических конфликтных ситуаций определяются их сущностью и типом. На этот счёт существует несколько научных взглядов.

Функциональный подход истолковывает межэтнический конфликт через форму «гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий»³.

И.М. Крупник полагает, что эти конфликты есть следствие коммунистического тоталитарного политического режима⁴.

Социально-структурные изменения в условиях модернизации и интеллектуализации общественного разделения труда в обществе как основа противоречий, приводящих к межнациональным конфликтам, предложены Л.М. Дробижевой. По её мнению, они привели к тому, что в стране нарастала конкуренция между русскими и представителями титульных этносов, претендующих на привилегированные, престижные виды деятельности. В том числе и в структурах власти⁵.

Бесспорно, только социальными началами нельзя объяснять этнополитические процессы. Однако рассмотрение причин межэтнических конфликтов с точки зрения социально-структурных изменений в этносах и этнических группах помогает понять глубинные, сущностные основания этих явлений. Так, В.А. Тишков полагает, что соревновательность и конкуренция в сфере трудовых отношений и экономических взаимодействий редко когда могут быть названы в числе основных факторов крупных конфликтов⁶.

А.Г. Здравомыслов в работе «Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве»

узловую причину возникновения межнациональных конфликтов видит в стремлении этнических групп, вновь вовлекаемых в политический процесс, дать свою интерпретацию национальных интересов сообщества⁷.

В объяснительных теориях причин межэтнических конфликтов есть также поведенческие концепции. Они делают акцент на социально-психологических механизмах, стимулирующих конфликт. Например, теория фрустрации агрессии Д. Долларда, Н. Миллера, Л. Берковица.

Немаловажным при толковании причин конфликтов является вопрос о роли этнократии и элит. На роль власти в этнических конфликтах обращает внимание В.А. Тишков. Он пишет: «Именно вопрос о власти, о стремлениях элитных элементов в обществе к ее обладанию, о ее связи с материальным вознаграждением в форме обеспечения доступа к ресурсам и привилегиям является ключевым для понимания причин роста этнического национализма и конфликтов»⁸. Однако, как чётко подметили А.А. Попов и В.Н. Стрелецкий, обозначив свой научный интерес в этом явлении, абсолютизация роли этнократии или элиты в борьбе за власть как источнике конфликтов дискредитирует само понимание причины конфликтов и порождает мифы⁹.

Таким образом, каждый межэтнический конфликт имеет свою специфику, поэтому раскрыть его сущность и причины, опираясь только на какую-то одну концепцию, нецелесообразно.

Самый простой принцип определения формы межнационального конфликта – это отнесение его к ненасильственному или насильственному. Среди насильственных конфликтов можно выделить следующие: региональные войны, т.е. вооруженные столкновения с участием регулярных войск и использованием тяжелого вооружения; краткосрочные вооруженные столкновения, продолжавшиеся несколько дней и сопровождавшиеся жертвами. Такие столкновения в философии и этносоциологии называют «конфликтами-бунтами», «конфликтами-погромами», «конфликтами неуправляемых эмоций».

К невооруженным относят институциональные формы этнического конфликта, когда в противоречие приходят нормы конституций, законодательства, реализующие интересы конфликтующих сторон.

Еще одна форма – манифестирующие проявления конфликтов, к числу которых следует отнести митинги, демонстрации, голодовки, акции гражданского неповиновения.

Существует также идеологическая форма конфликтов, когда разгорается «конфликт идей».

Типологию межнациональных конфликтов одними из первых определили Э.А. Паин и А.А. Попов¹⁰.

Они выделяют «конфликты стереотипов», т.е. ту стадию конфликта, когда этнические

группы могут еще четко не осознавать причины противоречий, но в отношении оппонента создают негативный образ «недружественного соседа», «нежелательной группы». В качестве примера приводятся армяно-азербайджанские отношения.

Другой тип конфликта Э.А. Паин и А.А. Попов называют «конфликтом идей». Характерной чертой таких конфликтов является выдвижение тех или иных конфликтующих притязаний друг против друга. В научной литературе и средствах массовой информации обосновывается «историческое право» этноса на свою государственность (к примеру, Эстония, Литва, Грузия, Татарстан), на этническую территорию (Армения, Азербайджан, Северная Осетия, Ингушетия).

Третий тип этнического конфликта – «конфликт действий». К этому типу относятся митинги, демонстрации, пикеты на этносоциальной основе, принятие соответствующих институциональных решений вплоть до открытых межэтнических столкновений.

Другую типологизацию межэтнических конфликтов, оценивая межэтнические конфликты в СССР и СНГ по основным целям и содержанию требований, предложили Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколова¹¹.

Первый тип – статусные институциональные конфликты в союзных республиках, переросшие в борьбу за независимость. Как уже отмечалось, суть таких конфликтов могла и не быть этнонациональной, но этническая составляющая в них присутствовала обязательно. С самого начала национальных движений в Эстонии, Литве, Латвии, Молдавии, Армении, на Украине, в Грузии, выдвигались требования реализации этнонациональных интересов. В процессе созревания этих движений от этнонациональных требований переходили к требованиям государственной независимости, но мобилизация по этническому принципу оставалась. Основная форма конфликтов этого типа была институциональной. Решения законодательных органов Эстонии, Литвы, Латвии поддерживало большинство титульных национальностей. Следовательно, есть все основания относить эти институциональные (конституционные) конфликты к этнонациональным, которые переросли в движение за независимость республик. По такому же сценарию развивались события в Грузии, Молдавии и ряде других союзных республик.

Второй тип – статусные конфликты в союзных и автономных республиках, автономных областях, возникшие в результате борьбы за повышение статуса республики или его получение. Это типично для союзных республик, желавших конфедеративного уровня отношений. Об этом заявляло руководство ряда бывших автономий, которые стремились подняться до уровня союзных республик, в частности Татарстана. Позднее

радикальная часть национального движения поставила вопрос об ассоциированном членстве Татарстана в Российской Федерации. Конфликт завершился подписанием Договора между государственными органами Российской Федерации и государственными органами Татарстана, который содержит элементы как федеративных, так и конфедеративных отношений.

Третий тип – этнотерриториальные конфликты. Они, как правило, самые тяжелые для урегулирования. К этому типу подобает относить споры, ведущиеся «от имени» этнических общностей относительно их прав проживать на той или иной территории, владеть или управлять ею. Это борьба за восстановление автономий (немцы Поволжья, крымские татары), правовой, социальной, культурной реабилитации (греки, корейцы и др.) или стремление вернуться на территорию прежнего проживания (турки-месхетинцы – в Грузию). И только в ряде случаев речь идет о действительно территориальных спорах.

Четвертый тип – конфликты межгрупповые (межобщинные). Именно к такому типу относятся конфликты: русско-эстонский в Эстонии, русско-латышский в Латвии и русско-молдавский в Молдавии. Данный тип может иметь характер межгрупповых столкновений, перерастающих в демонстрационные формы противостояния. Может последовать отток этнической группы из зоны конфликта. Межгрупповые конфликты в Эстонии и Латвии связаны, с одной стороны, с дискриминационными мерами правительств, направленными на «вытеснение» нетитульного населения, и акциями национал-экстремистов, а с другой – с организацией сопротивления.

Конечно, типологизация межнациональных конфликтов достаточно условна, потому что нередко в одном конфликте соединяются несколько разных целей и содержаний. Вследствие этого многие исследователи говорят о группе причин конфликтов. Такое осмысление вышеназванных конфликтов дает основание для их урегулирования. Сам процесс регулирования конфликтов связан с конфигурацией, продолжительностью и масштабами их проявления.

Примечания

- 1 www.wciom.ru. – 02.11.2009.
- 2 См.: Ритцель Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
- 3 Тишков В. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 480.
- 4 См.: Крупник И.М. Национальный вопрос в СССР: поиски объяснений // Советская этнография. 1990. № 4.
- 5 См.: Дробижева Л.М. Русские в новых государствах. Изменение социальных ролей // Россия сегодня: трудные поиски свободы. М., 1993; Она же. Этнические конфликты // Социальные конфликты в меняющемся

российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // Полис. 1994. № 2. С. 109.

⁶ См.: Тишков В.А. Указ. соч. С. 311.

⁷ См.: Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997. С. 7.

⁸ Тишков В.А. Указ. соч. С. 313.

⁹ См.: Попов А.А. Причины возникновения и динамика развития межнациональных конфликтов в пост-СССР

// Идентичность и конфликт в пост-советских государствах / Под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малащенко. М., 1997. С. 4; Стрелецкий В.Н. Этнотерриториальные конфликты в постсоветском пространстве: сущность, генезис, типы // Там же. С. 6.

¹⁰ См.: Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография. 1990. № 1.

¹¹ См.: Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколова А.А. Этносоциология. М., 1998.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81:27

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ И СОЦИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ИЗУЧЕНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЛИЧНОСТИ

А.Н. Байкулова

Саратовский государственный университет
E-mail: allabay15@mail.ru

В статье рассматривается одно из основных понятий коммуникативной лингвистики – коммуникативная компетенция, обосновывается необходимость изучения коммуникативной компетенции языковой личности в социальном аспекте.

Ключевые слова: знания, коммуникативная компетенция, обыденное общение, представления, социальный статус.

Social Aspect and Social Component in the Study of Personal Communicative Competence

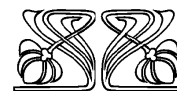
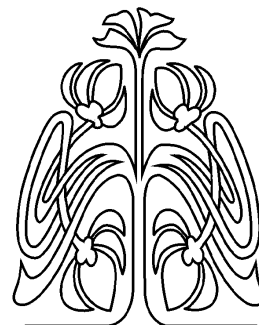
A.N. Baikulova

The article considers one of the main notions of communication linguistics, that of communicative competence, and grounds the necessity to study personal communicative competence in its social aspect.

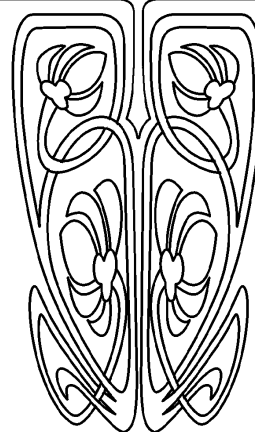
Key words: knowledge, communicative competence, everyday communication, notions, social status.

Понятие «коммуникативная компетенция» уже определено исследователями, занимающимися изучением проблем культуры общения и речи. Под коммуникативной компетенцией понимают «знания, умения и навыки общения»¹ или способность практического владения языком: «Коммуникативная компетенция предполагает овладение всеми видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, умение переключаться в процессе общения с одного кода (стиля, диалекта) на другой в зависимости от условий общения»². Она «проявляется в использовании языка в жизненно важных сферах, жанрах и ситуациях общения»; представляет собой «совокупность коммуникативных качеств речи, характеризующих речевое поведение отдельного человека»³.

На наш взгляд, коммуникативная компетенция личности начинается с представлений о речевом взаимодействии людей, которые личность приобретает в результате опыта общения. Словари толкуют слово «представление» через «знание»: представление – «знание, понимание чего-н.»⁴. И всё-таки не всегда эти слова взаимозаменяемы. *Представление* можно рассматривать и как первичное понимание чего-либо, начальную ступень познания, а не как объективное, глубокое знание. Пока представления не трансформируются в знания, велика вероятность ошибки. Например, ошибочными могут быть представления о собственной речевой культуре. Так, анализ результатов анкетирования студентов с целью выявления отношения различных слоёв населения к речевой культуре, представленный А.Л. Шарандиным⁵, показал, что в анкетах у студентов проявилась завышенная самооценка: более 50% оценили уровень своей грамотности и качество своей речи оценкой «хорошо» (всего в анкетировании приняло участие около двух тысяч человек), тогда как конкурс по выявлению студентов, хорошо владею-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

щих речью, показал, что таких немного – 21%. Следовательно, у многих студентов существуют ошибочные представления о своём уровне речевой культуры, своей языковой компетенции. Тем не менее различные опросы, в том числе анкетирование студентов во время проведения Дней русской словесности в Саратове (с 6 по 8 апреля 2009 г.), показывают, что студенты, и не только студенты, заинтересованы в получении твёрдых знаний в области культуры речи, поскольку именно такие знания позволяют человеку лучше ориентироваться в использовании языка и придают уверенность в себе.

Хорошее владение языком, умение правильно вести разговор становятся частью имиджа человека, способствуют успешному решению самых разных общественных и производственных задач, поэтому люди стремятся улучшить прежде всего своё официальное общение, речь в профессиональной сфере, о чём свидетельствуют, например, вопросы, задаваемые членам кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и журналистики СГУ по «горячей линии», начавшей работать в Год русского языка. О своей же обыденной речи большинство не беспокоится, здесь господствуют представления. Фактически не востребованы, к примеру, знания о специфике общения в семье, в трудовом коллективе, в транспорте, в магазине, в других общественных местах. А ведь именно речь в неофициальной сфере общения вызывает сейчас самую большую тревогу⁶.

Нами специально был проведён опрос людей разных возрастов с целью выяснить, откуда берутся представления об этикетной стороне обыденного общения, в частности семейного. Опрос показал, что этикетные традиции многие наследуют из родительской семьи, а существующие книги по этикету опрашиваемые не читают⁷. Знания о семейном этикете, пожалуй, получают лишь студенты отдельных вузов, причём только некоторых специальностей, имеющих педагогическую направленность.

В беседах со студентами 1-го курса разных факультетов СГУ выяснилось, что в своём общении они ориентируются прежде всего на самые общие правила официального этикета, усвоенные в школе, и частично на представления, приобретённые в результате жизненного опыта. Компетенция в области коммуникативных процессов, гендерных и ролевых особенностей речи у студентов отсутствует. Приобрести её в определённой мере помогает введённый в связи с государственной программой «Русский язык» курс «Русский язык и культура речи».

Коммуникативная компетенция формируется на протяжении всей жизни человека. Начинается этот процесс с детства, с первых представлений об особенностях коммуникации в обществе, и далее копилка индивидуальных представлений и знаний постоянно пополняет-

ся. Следовательно, каждый человек обладает собственной коммуникативной компетенцией, характеризующейся разной степенью сформированности. Так, коммуникативная компетенция ребёнка, основанная на его опыте общения с взрослыми (родителями и не родителями) и детьми, не может совпадать с коммуникативной компетенцией взрослого человека. Это очень точно отразил известный французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери. «Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать. <...> Когда говоришь взрослым: “Я видел красивый дом из розового кирпича, в окнах у него герань, а на крыше голуби”, – они никак не могут себе представить этот дом. Им надо сказать: “Я видел дом за сто тысяч франков”, – и тогда они восклицают: “Какая красота!”», – пишет он в своём «Маленьком принце».

Однако не только ребёнок, но и каждый взрослый человек находится на определённой ступени формирования личной коммуникативной компетенции. Т.А. Милёхина⁸ сопоставила устную речь одной и той же женщины, продавца по профессии, в разные временные периоды (в 1989 и в 2007 гг.) и пришла к выводу, что речь изменилась, причём не в лучшую сторону: разговорная лексика уступила место жаргону, грубому просторечию и мату. Изменилось соотношение в использовании коммуникативной категории⁹ чуждости: расширилась сфера *чуждой*, появился образ врага, куда входит не только хозяин торговой точки, но и самые близкие люди – дочь, сын, подруга. Изменилось видение мира и в связи с этим тематика общения, а в целом изменился тип речевой культуры: (по классификации Л.П. Крысина¹⁰) в 1989 г. женщина была носителем просторечия – I, а в 2007 стала носителем просторечия – II. Этот пример позволяет сделать вывод, что формирование коммуникативной компетенции определяется социальными условиями и сопровождается изменениями компетенции в её качественных и количественных параметрах, причём в плане культуры речи не всегда эти изменения носят прогрессивный характер. Поэтому, на наш взгляд, в исследовании коммуникативной компетенции важен как социальный аспект, отражающий общий взгляд или подход (коммуникативная компетенция ребёнка, взрослого, представителя той или иной профессии), так и социальная составляющая коммуникативной компетенции конкретной личности (например, индивидуальные знания о гендерных, национально-специфических особенностях речи, статусно-ролевой природе общения, а также умения и навыки применения этих знаний в процессе коммуникации).

Учёт социального фактора играет большую роль и в самом процессе организации межличностного, межгруппового коммуникативного взаимодействия, в выработке норм толерантного

общения¹¹. Понимание возрастных особенностей речи открывает возможности для преодоления конфликта поколений, знание гендерных особенностей способствует гармонизации отношений между мужчинами и женщинами и т.п.

В настоящее время многие люди ощущают коммуникативную беспомощность, но не всегда способны осознать, что их не устраивает в собственном взаимодействии с другими людьми. Так, однажды ко мне обратился за помощью молодой человек, потому что, как он выразился, не умеет говорить. Из беседы с ним выяснилось, что это перспективный сотрудник фирмы, вступивший в руководящую должность, параллельно занимающийся научной деятельностью, участвующий в различных конференциях и хорошо владеющий языком. В чём же дело? Привлекли внимание произносительные особенности речи – слишком высокий для мужской речи тембр голоса, напоминающий женский, пониженная громкость; невербальный компонент – опущенные голова и плечи, «зажатая» поза; неуверенность в речевом поведении. В результате выяснилось, что обратившийся за помощью человек не обладает статусно-ролевой коммуникативной компетенцией, не знает, какой должна быть речь начальника и каково должно быть его речевое поведение, не может переключиться с роли подчинённого, а возможно, даже студента, на новую для него роль, не имеет представления о гендерных особенностях речи.

Было аналогичное обращение женщины 63 лет, обучающейся в СГУ по специальности «Религиоведение», верующей. Она откровенно призналась, что хотела бы доносить слово Божье до людей, но её речь очень часто раздражает их, люди не хотят слушать. В результате беседы выяснилось, что женщина владеет определёнными ораторскими приёмами, например, умеет строить монологическое высказывание, использует систему образных средств; её речь доказательна, убедительна и крайне доброжелательна. Однако дальнейшие наблюдения показали, что женщина не владеет орфоэпическими нормами (*во-первых, вероисповедание, знамение*), не имеет представлений об особенностях процесса коммуникации и таких обязательных качествах хорошей речи, как уместность, соответствие ситуации общения, ориентация на адресата. Не проявилось и знаний об особенностях национального коммуникативного поведения и менталитета, а следовательно, и учёта национальных особенностей в процессе общения. Например, её речь отражает стремление доминировать, о чём свидетельствуют длительные монологи, бескомпромиссность суждений, неприятие чужой точки зрения, желание во что бы то ни стало и сразу убедить, навязать собственную позицию. Нет понимания того, что собеседники – носители той же национальной коммуникативной культуры, со всеми её особенностями, что

чрезвычайно важно, потому что и в этом может заключаться причина коммуникативных неудач.

В современных условиях знание национальных коммуникативных традиций как своего народа, так и других народов важно не только для наиболее культурных и образованных слоёв общества, но и для каждого человека, поскольку усиливаются процессы взаимовлияния культур, всё более оживлёнными становятся контакты представителей разных национальностей. Большое значение имеет знание этикета, в частности, особенностей невербального компонента общения. Например, в исследованиях по межкультурной коммуникации много написано о специфике и роли улыбки в русской, европейской и американской коммуникативной культуре, о дистанции общения, но эти исследования в основном предназначены для специалистов. Крайне необходима популяризация таких знаний.

В эпоху активного взаимодействия народов неизбежны процессы взаимовлияния, взаимопроникновения культур. Иноязычные заимствования, касающиеся особенностей поведения или использования лексики, приживаются не сразу, возможно их отторжение. Так, наших покупателей не редко раздражает излишняя навязчивость продавцов, отдельные выражения, заимствованные из западной культуры, даже, казалось бы, очень вежливые, например, фраза *Вам помочь?* О неоднозначном отношении к этому распространённому выражению свидетельствуют опросы студентов и самих продавцов (из 105 продавцов положительную оценку фразе *Вам помочь?* дали 49 человек, а отрицательную – 56¹²). Следовательно, компетенция в области знания национальных особенностей общения может способствовать выработке толерантного общения не только между представителями разных культур, но и представителями одной культуры. Причём знание коммуникативных традиций русского народа является стержнем, позволяющим понимать, сохранять, оберегать и уважать родную культуру, не принижать её, столкнувшись с внешне привлекательными образцами иноязычной культуры.

Следует обратить внимание и на то, что в настоящий момент в нашем обыденном общении происходят процессы формирования или изменения речевого воплощения некоторых социальных ролей. Так, например, С.А. Рисинзон отмечает изменения в этикетном поведении покупателей и продавцов за последние 10 – 15 лет (особенно в магазине): по её мнению, «оно стало почти диаметрально противоположным»; в поведении водителей и пассажиров в маршрутном такси. «Во всех рассматриваемых ситуациях, – пишет автор, – сформировался новый стандарт этикетного поведения, “образ прошлого”¹³, влияющий на последующее коммуникативное взаимодействие»¹⁴. При всей важности сделанных С.А. Рисинзон наблюдений, всё-таки,

на наш взгляд, пока ещё рано говорить о сформированности этикетного поведения, особенно потребителя. Во-первых, об этом свидетельствуют различные объявления в маршрутных такси, регламентирующие речевое взаимодействие водителя и пассажира, например, предписывается точно и громко сообщать о месте желаемой остановки, вовремя оплачивать проезд. Однако несоблюдение именно этих норм зачастую становится причиной конфликтов в транспорте. Во-вторых, нарочитая вежливость одного продавца или водителя может ярко контрастировать с откровенной грубостью другого, причём россияне всё ещё удивляет не столько грубость в сфере обслуживания, сколько вежливость: (водитель маршрутного такси обращается к пассажирам) — *Скажите пожалуйста / сколько свободных мест в салоне? — Три // Нет / четыре // — Спасибо большое //*. Реакция одного из пассажиров — *Кто это сказал / неужели водитель? А... Наверно дали указание быть вежливым // Как-никак «Дни славянской культуры» //*. Н.А. Бобарыкина в своей работе ««Ежели Вы вежливы», вы не современны? О конфликтных ситуациях в транспорте»¹⁵ пишет о том, что собранный ею материал не вселяет оптимизма. Автор приводит примеры агрессивного поведения водителей общественного транспорта, вот один из них: Водитель. — *Сколько мест в салоне? Пассажира. — Нет мест // — Водитель. А почему одно место не оплачено? Женщина (посадившая на пустое место ребёнка). — Пусть садятся / я возьму ребёнка на руки // — Водитель. Нет / оплачивайте это место / я сказал //*¹⁶. Много аналогичных примеров представлено и в дипломной работе «Общение в городском транспорте» студентки Института филологии и журналистики СГУ Н.С. Шульженко: (водитель маршрутки во время поездки постоянно разговаривает по мобильному телефону, попутно успевая грызть семечки) пожилая женщина водителю: — *Парень / не боишься так врезаться? — Не первый раз еду // — Ты всё-таки поосторожней! — Не нравится / выходи!*¹⁷ Подобные действия и речь водителя являются грубым нарушением существующих правил поведения в общественном транспорте, нередко их нарушают и пассажиры: отвлекают водителя во время движения, слишком громко разговаривают, используют бранную лексику. По мнению многих исследователей, вежливость в сфере русского сервиса была и пока остаётся низкой¹⁸.

Иногда можно наблюдать полное безразличие к клиенту, пациенту, покупателю. Студентку из Швейцарии, например, проходящую практику в Саратове, привело в шок её взаимодействие с продавцом одного из крупных и довольно престижных магазинов: покупая канцтовары, студентка вынуждена была долго ждать, пока продавец закончит телефонный разговор, но так и не дождалась.

Происходящие социально-экономические изменения порождают новую культуру быта, которая, как и всё новое, принимается не сразу: необходим период адаптации. Нередко люди ощущают растерянность в выборе подходящего для ситуации общения образца речевого поведения. Так, например, не все положительно воспринимают назойливость продавца магазина в предложении товара (*Вам подсказать?; Берите // Я себе тоже такую (блузку) купила //*), излишнюю общительность официанта в ресторане (реакция клиентки 56 лет на неоднократный вопрос официанта *Вам понравилось блюдо? — Что он к нам пристал? Вообще-то официант должен быть незаметен //*). Вместе с тем опрос продавцов выявил то, что им не нравится в речи покупателей: дистанцирование, подчёркивание официальных отношений (*я вам деньги плачу // я вас не спрашиваю* и др.), претензии к цене и качеству товара (*задрали цены* и др.), подозрения в нечестности (*смотри не обмани // спекулянты!* и др.), угрозы (*я позволю в налоговую* и др.)¹⁹. Не всегда люди знают, как реагировать в таких ситуациях: в лучшем случае стремятся избежать речевого контакта, в худшем — вступают в словесные перепалки. В обыденном дискурсе формальное общение (стереотипное, ролевое) постоянно переплетается с неформальным («живым»), и часто можно наблюдать, как неумело осуществляется выбор между одним и другим. Недостаток «живого» общения в сфере обслуживания может приводить к обесцениванию речевого взаимодействия и даже грубости, а его избыток зачастую мешает нормальной работе²⁰.

Если подготовка специалиста предполагает обучение профессиональной этике и на основе этого в обществе складываются представления о том, каким должен быть врач, учитель, продавец или водитель, то роль потребителя различных услуг, будь то покупатель, пассажир, клиент, посетитель, пациент или зритель, складывается стихийно. Этикетное поведение потребителя (в том числе и речевое) определяется правилами общего этикета, но они не всегда действуют, возможно, потому, что когда-то усиленно насаждавшийся стереотип «клиент всегда прав» не только не изжил себя, но стал веским доводом в условиях новых экономических отношений. По мнению В.Б. Кучевского, этот лозунг дезорганизует взаимоотношения продавцов и покупателей, поскольку освобождает покупателя от ролевых обязанностей, а продавца — от ролевых прав²¹. В результате участились явления, которые просто невозможно было себе представить в XX в. и которые сейчас уже требуют принятия мер правового характера, например, непристойное поведение, брань на борту самолёта во время полёта. Потребление напитков и попкорна в кинотеатрах, ставшее неотъемлемой частью просмотра фильма, воз-

можно, скоро распространится и на театр, хотя в театре уже ощущается приход новой культуры: разговоры по сотовым телефонам во время спектакля вызвали необходимость специального предупреждения о необходимости отключить телефон, которое, однако, не всегда оказывается действенным. Поэтому чрезвычайно важным представляется формирование поведенческих и речевых стереотипов как предъявителя услуг, так и культурного потребителя.

Таким образом, исследование коммуникативной компетенции личности предполагает обязательный учёт социального аспекта. Выявление возрастной составляющей коммуникативной компетенции (коммуникативная компетенция ребёнка, молодёжи, старшего поколения), профессиональной (коммуникативная компетенция учителя, врача, военного, рабочего, представителей других профессий), статусно-ролевой (начальника, подчинённого, пациента, покупателя, пассажира; матери, отца, сына, дочери, брата, сестры и т.д.), гендерной поможет усилить практическую направленность в обучении культуре речи, определить и устранить те пробелы в культуре общения, которые человек ощущает в разных ситуациях, в разных условиях своего существования.

Примечания

- ¹ О понятии «коммуникативная компетенция» см.: *Гольдин В.Е., Сиротина О.Б., Ягубова М.А.* Русский язык и культура речи: Учебник для студентов-филологов. М., 2008.
- ² О коммуникативной компетенции см.: *Русская речевая культура: Учеб. словарь-справочник.* СПб., 2006. С. 10.
- ³ Там же.
- ⁴ См.: *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Русский толковый словарь. М., 2006.
- ⁵ О результатах анкетирования см.: *Шарандин А.Л.* Состояние современной культуры речи в студенческом восприятии (на материале анкетирования) // *Проблемы речевой коммуникации.* Саратов, 2008. Вып. 8.
- ⁶ См.: *Сиротина О.Б.* Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи // Там же.
- ⁷ О семейном этикете см.: *Байкулова А.Н.* Семейный этикет (результаты наблюдений) // Там же.
- ⁸ См.: *Милёхина Т.А.* Речь одного и того же человека в разные периоды жизни России (1989 и 2007 гг.) // Там же.
- ⁹ О коммуникативных категориях см.: *Захарова Е.П.* Коммуникативные категории и нормы // *Хорошая речь.* Саратов, 2001; *Проблемы речевой коммуникации.* Саратов, 2008. Вып. 8.
- ¹⁰ См.: *Крысин Л.П.* Социоллингвистика // *Русское слово: Своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социоллингвистике.* М., 2004.
- ¹¹ О социальном статусе и его выражении см., например: *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М., 1992.
- ¹² О результатах опроса продавцов см.: *Харченко Е.В.* Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск, 2003. С. 277–278.
- ¹³ О понятии «образ прошлого» см.: *Шмелёва Т.В.* Модель речевого жанра // *Жанры речи.* Саратов, 1997.
- ¹⁴ См.: *Рисинзон С.А.* Этикетная составляющая общения в городском транспорте (общение в маршрутном такси, на рынке и в магазине) // *Проблемы речевой коммуникации.* Саратов, 2008. Вып. 8. С. 20.
- ¹⁵ См.: *Бобарыкина Н.А.* «Ежели вы вежливы», вы не современны? О конфликтных ситуациях в транспорте // *Проблемы речевой коммуникации.* Саратов, 2008.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: *Шульженко Н.С.* Дипломная работа «Общение в городском транспорте». Саратов, 2009.
- ¹⁸ О культуре повседневного общения см.: *Белянко О.Е., Трушина Л.Б.* Русские с первого взгляда. Что принято и что не принято у русских. М., 2002; *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж 2001; *Харченко Е.В.* Указ. соч. и др.
- ¹⁹ О результатах опроса продавцов см.: *Харченко Е.В.* Указ. соч. С. 277–278.
- ²⁰ О ролевом и межличностном общении в сфере обслуживания см.: *Кучевский В.Б.* Психология общения продавца и покупателя: Учеб. пособие для студ. коммерческих ин-тов. М., 1993; *Ушакова Н.В., Козлов Н.И., Егидес А.П.* Основы психологии общения для бортпроводников. М., 1990; *Харченко Е.В.* Указ. соч.
- ²¹ См.: *Кучевский В.Б.* Указ. соч.

УДК 811.511.151:36

ФОНОСТИЛИСТИКА ГРАММАТИЧЕСКОЙ РИФМЫ МАРИЙСКИХ САКРАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

М.Ю. Семенова

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск
E-mail: Sem-Marianna@yandex.ru

Статья посвящена особенностям рифмы в текстах марийских языческих молитв, ее связи с порядком слов в предложении. Особое внимание уделено грамматическим рифмам.

Ключевые слова: сакральный текст, языческая молитва, грамматическая рифма, сегментный уровень, верлибр.

Phonostylistics of Grammatical Rhyme in the Sacral Texts of the Mari People

M. Yu. Semyonova

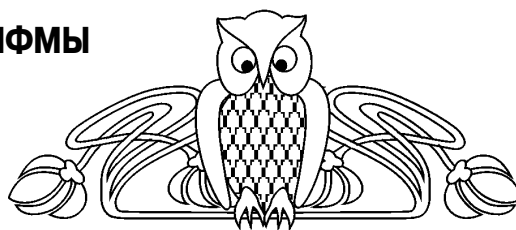
The article deals with specific kind of rhyme in the Mari heathen prayers and its relation to sentence word order. Special attention is paid to grammatical rhyme.

Key words: sacral text, heathen prayer, grammatical rhyme, segment level, vers libre.

Под сакральными текстами в марийском фольклоре мы понимаем языческие молитвы и заговоры. Данная статья посвящена лингвистическому анализу грамматической рифмы марийских языческих молитв.

Марийские языческие молитвы (МЯМ) являются архаическим памятником фольклора одного из древнейших финно-угорских этносов. Они наделены многими основными и второстепенными признаками стиха, такими как: стопа, строфа, рифма, аллитерация, высокая степень благозвучия и т.д. Они ритмически организованы, а наличие рифмы позволяет определить границы стиха. Следует также отметить, что их метр и размер до сих пор не обозначен. В некоторых текстах встречаются такие отрывки, в которых затруднено выявление границ стихотворных строк. Строки сакральных текстов финно-угорских и самодийских народов насчитывают от трех (в коми-народном эпосе «Биармия») до семнадцати (в мордовских текстах) слогов.

Таким образом, являясь произведением не прозаическим, но и не абсолютно стихотворным, тексты марийских языческих молитв, на наш взгляд, могут быть определены как **верлибр**. Будучи одним из архаичных памятников устного народного творчества, они исполняются по своим правилам. Их устное воспроизведение очень близко к пению. Этот **напевно-речитативный** вид пения имеет очень древние сакральные корни. Давность их происхождения косвенно объясняется сходством исполнения с античными стихами, которые, как известно, или пелись, или произносились музыкальным речитативом,

допускавшим сопровождение музыкальными инструментами¹.

Чтение сакральных текстов требует от исполнителя особого настроения и выражения душевного состояния. Ритм сакральных текстов финно-угров сложен по своей природе. Он имеет не только лингвистическую, психологическую, эстетическую, но и физиологическую основу. Исполнение таких текстов требует полного сосредоточения мысли и некой отрешенности.

Лингвистическая стилистика как одна из наименее изученных областей филологии, в том числе и финно-угорской, представляет для нас особый интерес. Он приурочен к фоностилистике языка марийских языческих молитв, т.е. к сегментному ее уровню. Под сегментным уровнем в лингвистике нами понимаются всевозможные повторы фонем.

Цель данной работы – выявление и определение грамматической рифмы МЯМ как объекта лингвистического исследования. Данная цель предполагает решение следующих задач:

- выявление рифмы в МЯМ;
- описание ее лингвистических типов и подтипов в МЯМ.

Рифма марийских стихов и песен долгое время была объектом литературоведческого исследования. Среди марийских ученых этому фоностилистическому приему были посвящены труды Н. И. Куторова и З. В. Учаева². При звуковой организации древних марийских стихов и песен рифма считается лишь их второстепенным производным признаком³. Встречаются все ее типы: смежные (А, А, В, В), перекрестные (А, В, А, В) и опоясывающие. Поскольку предложения в марийских народных песнях сильно распространены, то рифма есть следствие синтаксического параллелизма, благодаря чему достигается морфологическое подобие концов строк. Действительно, предложения в текстах марийских языческих молитв имеют большой диапазон распространенности, нежели в народных лирических песнях, пословицах, поговорках и частушках. Будучи результатом синтаксического параллелизма, рифма в марийских языческих молитвах относится к грамматической, точнее, морфолого-синтаксической. Для морфолого-синтаксической рифмы характерно такое состояние, при котором конечное созвучие в словах достигается благодаря заметному выделению их

грамматических характеристик. Фонетическое происхождение такой рифмы объясняется, на

Таче те́ве, эрдене эр кыне́лын,
Кугу кинде-шинчалым ямды́лен,
Кугу шорвам шолте́н,
Кугу саска сортам велен
Отышке́т кузен,
Онапу декет толын шогалы́н,
Шагеты́мат ямды́лен,
Ший тука́н, ший почан
Вольыке́т дене шогал кумалам⁴.

Слова марийского языка, которые по своей структуре относятся к агглютинативным, характеризуются преобладанием суффиксально-флективных частей над корневой. Это и объясняет грамматический характер рифмы марийских языческих молитв и других народных стихов.

Ик велне пудештеш снаряд
Чучеш, ялемым бомбитлат
Чучеш, мландем адак йўла;
Чучеш, элем шолеш вурсла
Чучеш, туням леведын тул,
Чыла вере тулан таул⁵.

Из вышеуказанных примеров видно, что рифма достигается не только с помощью суффиксально-флективных частей слов, указывающих на их идентичный грамматический характер, но и за счет абсолютного или приблизительного тождества конечного созвучия фонем в словах. Такое

Коштмаште-мийымаште
Корнан ыште манын сорвалена,
Сорвалыме кумалтышнам
Кавыл ыште. Амен, серлаге⁶.

Итак, рифма в марийских языческих молитвах может быть объектом литературоведческого и лингвистического исследования. В лингвистике ее подразделяют на фонетическую, грамматическую (морфолого-синтаксическую) и лексическую.

Под грамматической рифмой нами понимается такое конечное созвучие слов, при котором чем большую часть соразмерных слов поглощает звуковое подобие, тем сильнее определяется общность их грамматических форм.

В марийских языческих молитвах наиболее

Таче тыланет кумалына
Мер ямагатна дене,
Ош вургем дене,
Шыште сорта чуктен,
Мамален пыште⁷.

Таче те́ве, эрдене эр кыне́лын,
Кугу кинде-шинчалым ямды́лен,

наш взгляд, богатым синтаксическим параллелизмом предложений, например:

Вот пришли сегодня утром,
Приготовив великие хлеб-соль
Сварив медовую сыту,
Скрутив цветочный воск в свечу,
Придя на рошу,
Подойдя к священному дереву,
Приготовив подставку для дерева,
Молюсь, принеся в жертву
Золоторогое, золотохвостое животное.

Авторские стихи марийских поэтов и писателей отличаются от народных тем, что под влиянием русского стихосложения в них значительно чаще применяются абсолютная и приблизительная фонетическая рифмы, например:

Где-то взорвался снаряд,
Словно мою деревню бомбят,
Словно вновь горит моя земля,
Словно кипит сталью моя страна,
Словно мир пламенем покрыт огня,
Всюду буря огня.

явление нами понимается как фонетическая рифма.

Подобного рода примеры встречаются в марийских языческих молитвах и в других национальных произведениях устного творчества, но заметно реже по сравнению с авторскими стихами, например:

Когда мы уходим и приходим,
Благослови нашу дорогу,
Благослови нашу молитву.
Аминь, помилуй.

типичными являются грамматические рифмы, создаваемые с помощью: 1) обстоятельственных деепричастий; 2) глаголов в форме 2-го лица единственного числа; 3) частицы *-ам*; 4) существительных в падеже accusativa; 5) существительных в падеже dativa; 6) глаголов в форме инфинитива; 7) глаголов в форме 1-го лица множественного числа; 8) повтора глаголов повелительного наклонения множественного числа. Рассмотрим упомянутые типы подробнее.

1. Рифма, образованная с помощью обстоятельственных деепричастий, например:

Сегодня молимся Тебе
Нашими семьями,
В белых одеждах,
Зажигая восковые свечи,
Принеся денежное пожертвование.

Сегодня, встав рано утром,
Приготовив богатые хлеб да соль,

Кугу шорвам шолтен,
Кугу саска сортам велен,
Отышко кузен,
Онапу декет толын шогалын,
Шагетымат ямдылен,
Ший туکان, ший почан
Волькет дене
Сукен возын кумалам⁸.

Обстоятельственные деепричастия образуются от основы инфинитива с помощью суффикса *-ын* от глаголов 1-го спряжения и суффикса *-ен* от глаголов 2-го спряжения⁹. Рифма, образованная между вариантами форм обстоятельственных деепричастий, соответствует прилительной, а полной – между идентичными формами. В предложении обстоятельственные

Вожшымат мелна гай
Кумда ыштенат,
вургыжымат пенгыдемденат,
Вуйжымат ший полдыш гай
Тутым ыштенат¹⁰.

Кадыр сорлажым
Чумырен пидынат,
Кудо корго ешыжым
Поген лектын каенат¹¹.

Такая рифма в текстах марийских молитв образуется при обращении к богам. Она встречается, как правило, в начальной части молитв и образует

Ынде ончыкыжымат
Тазалыкымат, эсенлыкымат
Пугычет ыле мянын,
Отынен йодын кумалына¹².

Как видно из примеров, частица – *ат* является постпозитивной частицей с выделительно-усилительным значением. Она может употребляться с различными частями речи, благодаря чему образуется значительное количество вну-

Муйвочкым, уйвочкым,
Чодыраште коштшо шордым,
Пучым, чодыра йымалсе
Тыгыде кайыквусым,
Пунчо вуйысо кувылчым,
Пунчо кыдалсе урым,
Кож йымал мызым,
Шурманшым, сайын,
Кидыш-йольш налын,
Сату ыштен ужалаш
Пуйырен шогыза!¹³

Сварив медовую сыту,
Скрутив большую цветочную свечу,
Взойдя на рошу,
Подойдя к жертвенной лошади,
Приготовив подставку,
Со скотиной, предназначенной тебе
Златогривой, золотохвостой
Молимся, низко наклонясь.

деепричастия являются обстоятельствами или выступают в роли основной части составного сказуемого. Такие деепричастия образуют, как правило, междустрочное и внутрестрочное конечное созвучие.

2. Рифма, образуемая при перечислении глаголов в форме 2-го лица единственного числа, например:

И корни, подобно блину
Ты сделал широкими,
И стебель ты укрепил,
И верхушку подобно серебряной пуговице,
Ты сделал ядерной.

Изогнутый серп,
Ты, собрав, обвязал,
Семьи в домах,
Ты, вместе собрал.

полное внутрестрочное и междустрочное конечное созвучие слов.

3. Рифма, образованная созвучием частицы – *ат*, например:

Теперь и впредь,
Просим, моля,
Надеясь, что дашь нам
И здоровье, и благодать.

трестрочных и межстрочных конечных созвучий с ее участием.

4. Рифма, образованная с помощью существительных в падеже аккузатива, например:

Бочку меда, бочку масла
Бродящего в лесу лося,
Оленя, из гущи леса
Мелких диких птиц,
Глухарку с вершины сосны,
Белку с ветки сосны,
Куропатку из-под ели,
Рыся, держа хорошо
В руках,
Помогайте нам продавать их,
Когда мы превратим них товар!

Как видно из примеров, аккузативная рифма наблюдается внутри строк и между ними. Существительные, образующие конечное созвучие слов в одной или в разных строках, стоящие при этом

А Тул Ава, шке шинчат дене,
Шке йылмет дене,
Р... танын
Вуйумбал Кугу Юмыжлан,
Пиямбаржылан, Пурышыжлан,
Шочынжылан, Перкежлан,
Казначейжылан, Витнызыжлан,
Суксыжлан, Серлагышыжлан
Виктарен шого¹⁴.

Такая рифма, как видно из примеров, образуется существительными в падеже датива (с притяжательными суффиксами или без них), которые в предложении являются дополнениями. Заметим

Йодын толшыжлан пуэн колташ,
Ик кид дене лудын пуаш,
Кок кид дене монгеш налаш,
Еш пояш, сурт ышташ,
Кум турло вольык пояш,
Кум турло шурно пояш,
Пытыдыме ший окса перкетым пу¹⁵.

Такой тип рифмы встречается в текстах марийских языческих молитв при обращении к Богу, с перечислениями просьб о достижении каких-нибудь конкретных результатов. Как видно из примеров, конечное созвучие между инфинитив-

Уян-шоран киндет дене толна,
Эре могырна дене толын кумална¹⁶.

Тудым витнена,
Йодына, кумалына,
Тылечда йодына¹⁷.

8. Рифма, образованная повтором глаголов в форме повелительного наклонения, множествен-

Илаш йоным ыштен шогыза.
Колышаш пагытак шуэш гын,
налаш толза,
Шке пеленда нангайыза¹⁸.

Рифма в подобных случаях образуется благодаря созвучию показателей императива (-са, -за) формы 2-го лица множественного числа. Они образуют абсолютную и приближительную, внутрисклочную и междустрочную рифму.

Итак, первое проявление рифмы в одном из древних марийских языческих фольклорных произведений (языческих молитвах) является результатом сильной распространенности предложений благодаря обстоятельству-деепричастным оборотам, послеложным конструкциям, всевоз-

в форме падежа аккузатива, являются в предложении дополнениями.

5. Рифма, образованная существительными в падеже датива, например:

Мать Огня, своим острым глазом,
Своим острым языком
Р... друга
Его Великому Всевышнему Богу,
Его Пророку, его Созидателю,
Его Создателю, его Благодати,
Его Казначею, его Вестнику,
Его Ангелу, его Хранителю
Доводи не переставая.

также, что дативная рифма бывает внутрисклочной и междустрочной.

6. Рифма, образованная между глаголами в форме инфинитива, например:

Пришедшего просить, отдав, отпустить,
Одной рукой, сосчитав, отдать,
Обеими руками обратно забрать,
Чтобы семью обогатить, чтобы строить хозяйство,
Чтобы обогатеть на три разных видов скота,
Чтобы разбогатиться на три вида зерна,
Дай нам нескончаемый достаток серебряных денег.

ными формами глаголов бывает внутрисклочное и междустрочное.

7. Рифма, образованная созвучием глаголов в форме 1-го лица множественного числа, настоящего и прошедшего времени, например:

Мы пришли с масляно-молочным хлебом,
Мы молились, придя, чистыми.

Это мы доводим,
Просим, молимся,
Просим у вас.

ного числа, например:

Помогайте нам жить.
Если же придет время умирать,
приходите за нами,
Забирайте нас с собой.

можным формам глаголов, существительных в падежах аккузатива, датива и номинатива.

Все сказанное выше позволяет сделать следующее обобщение: рифма в текстах марийских языческих молитв является результатом четкого и фиксированного порядка слов в предложениях марийского языка. Это качество повлияло на своеобразное развитие такого вида звуковой организации древних марийских стихов, как конечное созвучие слов внутри или в конце строк, т.е. рифмы.

Примечания

- ¹ См.: Семенова М.Ю. Типы сверхслабой аллитерации в карело-финских калевальских рунах // Вест. Челяб. Госун-та / Сер. Филология. Искусствоведение. 2008. Вып.22.С. 121–126.
- ² См.: Куторов Н.И. Благозвучие в марийских народных песнях // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. VI. С. 327–332; Учаев З.В. Сылнымутыш корно. Йошкар-Ола, 1992.
- ³ Куторов Н.И. Указ. соч.
- ⁴ Марий кумалтыш мут / Сост. Н.С. Попов. Йошкар-Ола, 1991.
- ⁵ Иванов Г.В. Кечылан шыргыжам. Йошкар-Ола, 1992.
- ⁶ Евсеев Т.Е. Калык ойпого. Йошкар-Ола, 1994.

- ⁷ Там же.
- ⁸ Марий кумалтыш мут.
- ⁹ Пензиков Н.Т. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Йошкар-Ола, 1958. Ч. 1; Евсеев Т.Е. Указ. соч.
- ¹⁰ Марий кумалтыш мут.
- ¹¹ Евсеев Т.Е. Указ. соч.
- ¹² Мурзаиев А. Эрвел марийын кумалтыш мутшо // Ончыко.1990. № 6. С. 61–68.
- ¹³ Марий кумалтыш мут.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Евсеев Т.Е. Указ. соч.
- ¹⁶ Мурзаиев А. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁷ Евсеев Т.Е. Указ. соч.
- ¹⁸ Марий кумалтыш мут.

УДК 811.161.1:34+811.111:34

О РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СУДЬИ И ДОПРАШИВАЕМОГО В ХОДЕ СУДЕБНОГО ДОПРОСА

Т.В. Дубровская

Пензенский филиал Международного независимого эколого-политологического университета
E-mail: dubrovskaya@sura.ru

В статье автор исследует судебный дискурс, а именно особенности речевого взаимодействия между судьей и допрашиваемым в ходе судебного допроса. Автор выделяет три типа тактик в речи русских и английских судей, которые соотносятся с тремя типами реальности, создаваемой и моделируемой в процессе дачи показаний. В работе отмечаются некоторые национально-культурные особенности русского и английского судебного дискурса.

Ключевые слова: судебный дискурс, судья, допрос, тактики, русский, английский.

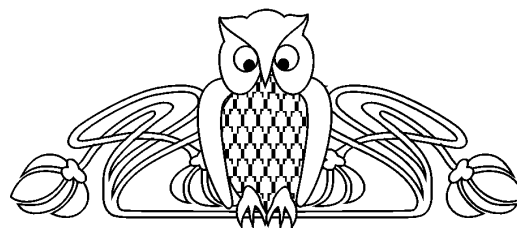
On Speech Interaction between the Judge and the Person Examined in Courtroom Examination

T.V. Dubrovskaya

In the present paper the author focuses on courtroom discourse, namely on particular characteristics of speech interaction between the judge and the person examined in the courtroom. The author points out three types of tactics in speech of Russian and English judges that correspond to three planes of reality constructed or shaped in the process of examination. Some nationally specific features of Russian and English courtroom discourse are being discussed.

Key words: courtroom discourse, judge, examination, tactics, Russian, English.

Судебный допрос является обязательным элементом гражданских и уголовных процессов как в континентальной (инквизиционной), так и в англо-американской (состязательной) судебной системе. Необходимость допроса обусловлена той ролью в осуществлении правосудия, кото-

рую он играет. Именно в ходе судебного допроса участники процесса восстанавливают события, являющиеся предметом рассмотрения в суде. Основываясь на показаниях свидетелей и той картине правонарушения, которая формируется в ходе судебных допросов, судья будет принимать решение и назначать наказание. «С полным основанием можно сказать, что именно допросы определяют решение суда по делу»,¹ – пишет отечественный исследователь судебной коммуникации А.С. Александров.

Жанр судебного допроса является комплексным жанром с несколькими участниками, каждый из которых преследует свои цели. Наибольший речевой вклад в судебный допрос делают представители обвинения и защиты в уголовных процессах, представители сторон в гражданских процессах и, безусловно, допрашиваемые, к которым мы относим свидетелей, потерпевших, экспертов. Судья считается самым немногословным участником этого жанра. Немногословность изначально характерна для судьи в состязательном судопроизводстве. По замечанию английского исследователя К. Эванса, характеризующего судебный процесс в Англии, «в состязательной системе... судья действует как беспристрастный рефери, наблюдая за тем, как адвокаты играют в некий судебный теннис. Если адвокаты хорошо знают свое дело, то по идее судья должен просидеть весь процесс, не сказав практически ничего. В давние времена в Англии новоиспеченному судье советовали взять глоток святой воды в рот в начале дела и держать его там до конца»² (перевод с английского здесь и далее мой. – Т.Д.).

Примечания

- ¹ См.: Семенова М.Ю. Типы сверхслабой аллитерации в карело-финских калевальских рунах // Вест. Челяб. Госун-та / Сер. Филология. Искусствоведение. 2008. Вып.22.С. 121–126.
- ² См.: Куторов Н.И. Благозвучие в марийских народных песнях // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. VI. С. 327–332; Учаев З.В. Сылнымутыш корно. Йошкар-Ола, 1992.
- ³ Куторов Н.И. Указ. соч.
- ⁴ Марий кумалтыш мут / Сост. Н.С. Попов. Йошкар-Ола, 1991.
- ⁵ Иванов Г.В. Кечылан шыргыжам. Йошкар-Ола, 1992.
- ⁶ Евсеев Т.Е. Калык ойпого. Йошкар-Ола, 1994.

- ⁷ Там же.
- ⁸ Марий кумалтыш мут.
- ⁹ Пензиков Н.Т. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Йошкар-Ола, 1958. Ч. 1; Евсеев Т.Е. Указ. соч.
- ¹⁰ Марий кумалтыш мут.
- ¹¹ Евсеев Т.Е. Указ. соч.
- ¹² Мурзаиев А. Эрвел марийын кумалтыш мутшо // Ончыко.1990. № 6. С. 61–68.
- ¹³ Марий кумалтыш мут.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Евсеев Т.Е. Указ. соч.
- ¹⁶ Мурзаиев А. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁷ Евсеев Т.Е. Указ. соч.
- ¹⁸ Марий кумалтыш мут.

УДК 811.161.1:34+811.111:34

О РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СУДЬИ И ДОПРАШИВАЕМОГО В ХОДЕ СУДЕБНОГО ДОПРОСА

Т.В. Дубровская

Пензенский филиал Международного независимого эколого-политологического университета
E-mail: dubrovskaya@sura.ru

В статье автор исследует судебный дискурс, а именно особенности речевого взаимодействия между судьей и допрашиваемым в ходе судебного допроса. Автор выделяет три типа тактик в речи русских и английских судей, которые соотносятся с тремя типами реальности, создаваемой и моделируемой в процессе дачи показаний. В работе отмечаются некоторые национально-культурные особенности русского и английского судебного дискурса.

Ключевые слова: судебный дискурс, судья, допрос, тактики, русский, английский.

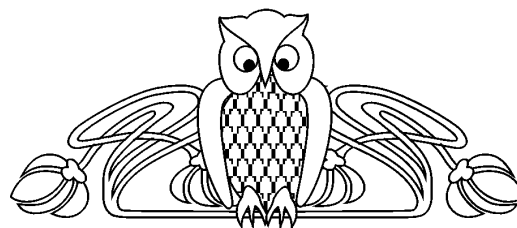
On Speech Interaction between the Judge and the Person Examined in Courtroom Examination

T.V. Dubrovskaya

In the present paper the author focuses on courtroom discourse, namely on particular characteristics of speech interaction between the judge and the person examined in the courtroom. The author points out three types of tactics in speech of Russian and English judges that correspond to three planes of reality constructed or shaped in the process of examination. Some nationally specific features of Russian and English courtroom discourse are being discussed.

Key words: courtroom discourse, judge, examination, tactics, Russian, English.

Судебный допрос является обязательным элементом гражданских и уголовных процессов как в континентальной (инквизиционной), так и в англо-американской (состязательной) судебной системе. Необходимость допроса обусловлена той ролью в осуществлении правосудия, кото-

рую он играет. Именно в ходе судебного допроса участники процесса восстанавливают события, являющиеся предметом рассмотрения в суде. Основываясь на показаниях свидетелей и той картине правонарушения, которая формируется в ходе судебных допросов, судья будет принимать решение и назначать наказание. «С полным основанием можно сказать, что именно допросы определяют решение суда по делу»,¹ – пишет отечественный исследователь судебной коммуникации А.С. Александров.

Жанр судебного допроса является комплексным жанром с несколькими участниками, каждый из которых преследует свои цели. Наибольший речевой вклад в судебный допрос делают представители обвинения и защиты в уголовных процессах, представители сторон в гражданских процессах и, безусловно, допрашиваемые, к которым мы относим свидетелей, потерпевших, экспертов. Судья считается самым немногословным участником этого жанра. Немногословность изначально характерна для судьи в состязательном судопроизводстве. По замечанию английского исследователя К. Эванса, характеризующего судебный процесс в Англии, «в состязательной системе... судья действует как беспристрастный рефери, наблюдая за тем, как адвокаты играют в некий судебный теннис. Если адвокаты хорошо знают свое дело, то по идее судья должен просидеть весь процесс, не сказав практически ничего. В давние времена в Англии новоиспеченному судье советовали взять глоток святой воды в рот в начале дела и держать его там до конца»² (перевод с английского здесь и далее мой. – Т.Д.).

Что касается типа уголовного процесса в России, то он соответствует в настоящий момент смешанной форме, сочетающей в себе элементы инквизиционного и состязательного процессов³. Для инквизиционного процесса, каким до последнего времени был отечественный уголовный процесс, характерна активная роль судьи в формировании свидетельств и установлении истины. «В ходе инквизиционного процесса скорее не обвинение и защита стараются представить различные версии событий, а судья или судьи допрашивают свидетелей и исследуют свидетельства, стремясь обнаружить правду и прийти к заключению»,⁴ – пишет Дж. Гиббонс. Однако правоведы отмечают развитие состязательности в отечественном судебном процессе. Приводя подтверждение этому, А.С. Александров пишет, что «последний этап допроса – постановка допрошенных сторонами свидетелю дополнительных вопросов председательствующим (членами суда) – не носит обязательного характера и осуществляется по усмотрению суда»⁵. Более активная роль сторон по представлению и исследованию доказательств и более пассивная роль суда закреплена законодательно в новом Уголовно-процессуальном кодексе 2001 г. (ст. 278). Сразу оговоримся, что инквизиционная функция судьи на гражданских процессах по-прежнему практически не ограничена, и судья имеет право задавать вопросы свидетелям на любом этапе допроса, что оговаривается ст. 177 Гражданского процессуального кодекса.

Мы считаем, что роль судьи ни в английском, ни в отечественном суде, особенно если говорить о гражданских процессах, не исчерпывается пассивным наблюдением за противостоянием сторон. Анализ материала показывает, что судья остается коммуникативным центром допроса, выступает в качестве посредника между участниками жанра и сам вступает в речевое взаимодействие с ними, в том числе с допрашиваемым. Далее мы рассмотрим, какие коммуникативные тактики используют русские и английские судьи, выстраивая речевое взаимодействие с допрашиваемыми, каким образом эти тактики влияют на ход судебного процесса и в чем состоит национально-культурная специфика судебной коммуникации.

В качестве материала мы использовали стенограммы русских и английских судебных заседаний по гражданским и уголовным делам (1999–2001 гг.), а также ручные записи, сделанные нами в 2007–2009 гг. на судебных заседаниях по уголовным делам в Центральном криминальном суде Англии и одном из районных судов г. Пензы.

Нам представляется, что все тактики в речи судьи, направленные на допрашиваемого, можно разделить на три группы в зависимости от типа той реальности, которую они воссоздают или моделируют. Согласно Дж. Гиббонсу, в ходе судебного процесса взаимодействуют три реальности: первичная, т.е. непосредственная реальность зала

суда; вторичная, т.е. события, послужившие причиной судебного процесса; реальность третьего типа – собственно сфера закона⁶.

I. Тактики первого типа направлены на регулирование ситуации в зале суда. Они обеспечивают соблюдение норм поведения и стандартных процедур в ходе допроса. Поскольку допрашиваемые – это люди в основном далекие от правовой сферы, судьям приходится инструктировать их гораздо чаще, чем профессиональных участников процесса.

Судья начинает допрос свидетеля с краткой информации по процедуре:

(1) Судья: Теперь переходим к допросу свидетеля. Паспорт, пожалуйста, ваш.... Называйте правильно вашу фамилию, имя, отчество. Вы допрашиваетесь по делу в качестве свидетеля. Вы несете уголовную ответственность за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний, должны говорить только правду. Подойдите, распишитесь.... Скажите нам, где вы работаете?

Высказывание является наглядным образцом проявления власти в речи. Формы глаголов «допрашивается», «несете» представляют информацию как факт, не подлежащий обсуждению. Модальная конструкция «должны говорить» приписывает свидетелю определенные обязанности. Посредством императивов «называйте», «подойдите», «распишитесь», «скажите» судья дает пошаговые инструкции.

Английский судья после допроса свидетелей напоминает им о необходимости сохранять тайну и запрете обсуждать дело с кем-либо без разрешения судьи:

(2) Judge: Yes. Mrs. Woodruff, I am sure I don't need to tell you this but forgive me if I just remind you that whilst you are giving your evidence you must not talk about any aspect of this case or any aspect of your evidence to anybody at all unless I give you permission to do so. Only I can give permission. I am sure you understand that.

Эксплицитно выраженный запрет «must not talk» (не должны говорить), «unless I give you permission» (без моего разрешения) отчасти смягчается вежливым замечанием судьи «I don't need to tell you» (нет необходимости говорить вам) и извинением «forgive me» (простите меня). Эти формального плана смягчения не снижают общей категоричности высказывания, завершающегося однозначным указанием судьи на свою власть «Only I can give permission» (Только я могу дать разрешение).

Никто, кроме судьи, не может разрешить свидетелю покинуть зал суда. Инструкции, касающиеся этого рабочего момента, встречаются и в русском, и в английском материале:

(3) Судья: У Вас нет больше вопросов к свидетелю? Все, спасибо. Вы уже можете присесть или идти домой;

(4) Judge: Thank you very much, Mrs. Woodruff. You are free to go and that will apply to all witnesses unless I give a specific direction to the contrary.

Оба высказывания содержат благодарность в адрес свидетеля, но английская инструкция с использованием формальной лексики «will apply» (применимо), «specific direction» (особые распоряжения), «to the contrary» (об обратном) звучит более формально.

Судье приходится касаться самых простых вопросов технического характера при общении со свидетелями. В нашем материале есть примеры того, что судьи просят свидетелей говорить громче. Недостаточная громкость голоса во время судебной коммуникации может рассматриваться как определенное нарушение, поскольку это мешает нормальному ходу процесса.

(5) *Свидетель дает показания.*

Судья: Давайте громче;

(6) *Judge: I am very sorry but your voice is perhaps understandably going away somewhat. Do you think — Witness: Some peppermint oil tablets.*

Judge: Go over it again. Peppermint oil?

Обращает на себя внимание языковое воплощение судебных распоряжений. Если русский судья дает указание в достаточно резкой императивной форме, то английский делает замечание в косвенной форме и использует несколько средств вежливости для смягчения своего комментария: «I am sorry» (извините), «perhaps» (возможно), «understandably» (по понятной причине), «somewhat» (каким-то образом). Только затем судья обращается к свидетелю с просьбой, сформулированной в виде вопроса, повторить сказанное.

Судья вмешивается в ход допроса, если речевое поведение свидетеля не соответствует его роли в суде. Так, свидетель может только отвечать на вопросы, но не задавать их. В примере (7) это правило нарушается, и судья напоминает свидетелю о его обязанностях:

(7) *Адвокат: ...Т.е. вы считаете, что приемлемо заменять зависимость от наркотиков на православную, но не приемлемо на неоиндустриальную, или как?*

Свидетель: А вы как-то сталкивались с системой самого Маршака?

Адвокат: Нет, не сталкивался.

Судья: Отвечайте, отвечайте на вопрос.

Кроме процессуальных ошибок, которые можно отчасти объяснить незнанием процедуры, дающие показания участники процесса совершают и грубые ошибки неязыкового характера, нарушая общепринятые нормы поведения. Такие ситуации распространены в отечественном суде, и судьи корректируют поведение свидетелей. Общая низкая культура непрофессиональных участников процесса приводит к тому, что звонки на сотовые телефоны во время процесса – отнюдь не редкость, несмотря на устное распоряжение судьи в начале слушания отключить сотовые телефоны.

(8) *Во время допроса свидетеля у него в кармане звонит телефон.*

Судья: Телефон у кого-то? Чей? Отключите.

Распоряжение отключить телефон может со-

провождаться предупреждением о последствиях неподчинения суду:

(9) *Судья: Отключите телефоны вообще все. Щас конфискую.*

В английском материале подобные ситуации не встречаются, возможно, в силу того, что проносить в зал суда любые технические средства, в том числе сотовые телефоны, запрещено.

Осуществление контроля над поведением допрашиваемого может сопровождаться эксплицитной ссылкой судьи на собственную власть, что указывает на легитимность предъявляемых к свидетелю требований и служит аргументом в их пользу:

(10) *Свидетель вышел давать показания и жуёт жевательную резинку.*

Судья: Смирнов, перестаньте жевать. Это общественное место. И это – суд, одна из ветвей власти. Представьте, что перед Вами Президент Российской Федерации. Вы же не будете перед ним жевать. Суд тоже власть. Чтоб не проглотить, выплюньте.

Судья дважды указывает свидетелю на деликт («жевать»), дважды ссылается на то, что суд – это институт власти, и два раза дает указание прекратить нарушать порядок («перестаньте», «выплюньте»).

II. Тактики второго типа направлены непосредственно на свидетельские показания, главным образом, на их содержательную сторону. Традиционно считается, что ключевой фигурой, влияющей на формирование свидетельских показаний, является ведущий допрос обвинитель или защитник. Наши наблюдения, однако, показывают, что судья использует целый ряд тактик, влияющих на ход дачи показаний. Контролируя временные рамки высказываний, судья может ограничиваться краткими репликами, чтобы сигнализировать о понимании и сделать процесс более динамичным: «Поняла. Дальше, пожалуйста», «Дальше», «Достаточно». В следующем примере судья ставит свидетелю на вид недостаточно экономичные формулировки:

(11) *Свидетель: ...Они расхваливают себя в нравственном смысле, это не христианская черта.*

Судья: Хвалят себя. Все, поняла. Вы так много говорите, а в результате можно было сказать одним словом.

Английский судья ограничивает время обсуждения свидетелем одного из вопросов, ссылаясь на то, что часть информации содержится в письменных показаниях:

(12) *Judge: I just want to get the full picture. I do not want you to spend very long on this, but you deal with this in your report, do you not, at some length?*

Witness: In detail, yes.

Поставленные судьей временные рамки не могут не влиять на общий смысл и содержание свидетельских показаний. Возникает вопрос, не лишается ли свидетель возможности высказать все, что считает нужным, не ограничивает ли судья таким образом свободу свидетеля. На

наш взгляд, стремление судьи к экономии не отрицает его внимания к содержательной стороне показаний допрашиваемого, что проявляется в использовании им ряда тактик, определяющих если не смысл, то общее направление показаний. Очерчивание судьей общего круга тем необходимо, если свидетель чувствует себя неуверенно или растерянно, а круг вопросов, требующих обсуждения, достаточно широк. В следующем примере судья перечисляет пункты, по которым необходимы свидетельские показания, поскольку именно эти пункты лежат в основе обвинений, предъявляемых прокуратурой:

(13) Судья: ...*Вот вы были Свидетелем Иеговы. И нам расскажите, на сегодня ставится вопрос о ликвидации этой общины, в связи с тем, первое, что они понуждают, разжигают религиозную рознь, что они разрушают семью, что они склоняют к самоубийству и т.д. Вот на эти вопросы нам и отвечайте.*

Судья возвращает свидетеля к обсуждению затронутой темы, когда тот меняет направление показаний:

(14) Судья: *Вы опять уходите. Изоляция от общества. Расскажите, пожалуйста.*

Интересной нам показалась следующая ситуация в английском суде, когда судья возвращает свидетеля к высказанному ранее стороной истца предположению, которое свидетель оставил без внимания:

(15) Judge: *Whilst I am asking you questions, I am not sure you have really responded to the suggestion that was implicitly being put to you by Mr Irving which is that these objects that one can see on the roof of the gas chamber, alleged gas chamber, are, in fact, drums containing some sort of sealant. You have not actually dealt with that suggestion.*

Witness: *No, and I would like to deal with that, if it is possible?*

Важно отметить, что судья избегает прямого вопроса и использует утверждение «You have not actually dealt with that suggestion» (На самом деле вы не рассмотрели это предположение), чтобы побудить свидетеля дать показания. Свидетель правильно распознает коммуникативные намерения судьи и выражает свое желание обсудить вопрос («I would like to deal with that» – Я бы хотел обратиться к этому).

Очерчивание судьей круга интересующих вопросов – это одно из проявлений принципа релевантности, актуального для судебного процесса в целом. Не имеющая отношения к делу информация сразу отбрасывается. Эксплицитно выраженные требования соблюдения принципа релевантности не редки в обращении судей к допрашиваемым:

(16) Судья: *Многим наркоманам помогли?*

Свидетель: *Ну, как сказать, порядка там 20 человек, которые достаточно долго употребляли достаточно разные наркотики и тяжелые наркотики.*

Судья: *Хорошо, это к нам не имеет отношения.*

Поскольку принятие судьей решения по делу основывается на анализе изложенных фактов, требование от допрашиваемых конкретной четко изложенной фактической информации является одной из ключевых судебных тактик. Именно факты из свидетельских показаний будут использоваться судьей в дальнейшем для аргументации решения и приговора по делу. Чем более точную информацию получит судья, тем меньше вероятность того, что он домыслит некоторые детали, пропуская картину правонарушения через призму собственного видения.

Побуждение свидетеля предоставить суду конкретную информацию может быть выражено как вопросом (примеры (17), (18)), так и императивной конструкцией (примеры (19), (20)):

(17) Судья: *Ну, конкретно, о чем Вы говорите?*

(18) Судья: *А Вы можете нам сказать конкретно?*

(19) Свидетель: *Я знаю проблемы этих историй...*

Судья: *Как таковой проблемы нам здесь не нужно. Вы говорите общие слова. Проблема понятна. Скажите конкретно, Вы знаете, к чему это привело?*

(20) Judge: *Yes, make your point on this because I have not understood it yet.*

Процесс конкретизации фактической информации происходит и в тех случаях, когда судья обращается к допрашиваемым за уточнениями. Тактика уточнения информации может быть отмечена соответствующими метатекстовыми маркерами:

(21) Судья: *Давайте рассказывайте. Как Ваша рабочая ночь проходила?*

Свидетель: *Они звонят.*

Судья: *Они – это кто? Давайте сразу уточняйте;*

(22) Судья: *Давайте уточним. Вы машину продали без двери? И дверь продали уже?*

(23) Свидетель: *...Ну скажем, ... там ... взять ... там конкретных людей ... там, то я видел, скажем, мальчика одного, который посещал собрания, которого родители приходили и когда приходили в Центр, ему еще не было тогда 18 лет. Вот. Он был вовлечен в эту организацию.*

Судья: *То есть на собраниях вы видели несовершеннолетних?*

Свидетель: *На собраниях тоже видел;*

(24) Judge: *Professor van Pelt, can I just make sure I have understood it, that when you say that these show the projections, whatever they may have been, you are talking about – can you see – that smudge there, that smudge there, that smudge there?*

Несмотря на общую для примеров (21) – (24) интенцию уточнения, высказывания построены по-разному с языковой точки зрения. В примере (21) судья использует императивную конструкцию, направленную на свидетеля, на которого возлагается ответственность за недостаточную четкость и от которого судья дистанцируется; пример (22) содержит инклюзивную конструкцию, указывающую на

вовлеченность судьи в процесс уточнения и его совместную деятельность со свидетелем; в примере (24) английский судья, обращаясь за уточнением, берет ответственность за непонимание на себя («Могу ли я убедиться, что правильно понял...»).

По нашим наблюдениям, английские судьи склонны формулировать запросы уточнений в виде альтернативных вопросов. Рассматривая фотографии, представленные экспертом, судья уточняет дату:

(25) *Judge: That's 19 or 18?*

В следующем фрагменте внимание судьи к деталям и уточняющий альтернативный вопрос «She was in or going?» (Она была там или направлялась туда?) побуждает свидетеля изменить показания. На первоначальный вопрос обвинителя он отвечает: «Он сказал, что она в Гримсби», но на уточняющий вопрос судьи ответ звучит как «Направлялась в Гримсби». Такой поворот заставляет прокурора уточнить показания еще раз, и на этот раз свидетель подтверждает сказанное судье:

(26) *Prosecutor: Did you know where she was?*

Witness: He said she was in Grimsby.

Judge: She was in or going?

Witness: Going to Grimsby.

Prosecutor: She was going to Grimsby?

Witness: Yes.

Видим, что уточняющие вопросы судьи, даже минимальные по объему, влияют на содержание фактической информации, аккумулируемой в деле и определяющей решение по нему.

Вмешательство судьи в ход допроса может носить более выраженный характер. В нашем материале отечественных судебных заседаний есть примеры того, как речевая инициатива полностью перехватывается судьей. В одном случае судья, перебив прокурора, задает один за другим 14 вопросов, уточняя информацию, поступающую от свидетеля. В таких случаях тактика уточнения информации в речи судьи может идти вразрез с намерениями ведущего допрос, и тогда последний адаптируется и подстраивается под судью, видоизменяя линию допроса.

Слушая показания допрашиваемых, судьи не могут не обращать внимания на языковую сторону свидетельских показаний, на то, как допрашиваемые формулируют свои показания. Претензии судьи, конечно, касаются не эстетической стороны высказываний, а тех качеств формулировок, которые влияют на воссоздание реальности второго плана, т.е. событий вне зала суда. В примере (27) судья просит свидетеля высказываться яснее:

(27) *Свидетель: Организация говорит конкретно, что... литература христианская разделена на два, на две половины. Это стол духовной пищи. Одна половина – это стол, пища от Иеговы Бога, все, что относится, не относится к... публикациям организации – это стол сатаны и к нему нельзя прикасаться.*

Судья: То есть отрицается... Вы говорите

попонятней. Отрицается художественная литература, я Вас правильно поняла?

Свидетель: Художественная нет.

В другой ситуации судья не может принять те категории (большое/ маленькое чувство стыда), которыми оперирует свидетель, и вынуждена вмешаться, чтобы побудить свидетеля к изложению фактов, а не собственных субъективных оценок:

(28) *Свидетель: Его не лишают общения, но сам человек чувствует, как бы вот... т.е. психологически он получает, т.е. чувствует некий стыд...*

Адвокат: Моральную обязанность посещать...

Судья: А христианин разве не будет чувствовать? Ну не пошел он один раз, два раза, у него нет этого чувства?

Свидетель: Я думаю, у него не возникнет такого большого чувства стыда, если скажем...

Судья: Вы знаете большое, маленькое... Я вас умоляю... большое, маленькое. Откуда вы взяли, что возникает чувство стыда у Свидетелей Иеговы? Откуда вы это берете?

В числе тактик, направленных на получение точных свидетельских показаний, назовем также тактику подталкивания свидетеля к умозаключениям и выводам, которые он может сделать из своих же собственных показаний. Судья задает вопросы, побуждающие допрашиваемого к логическому завершению мысли:

(29) *Судья: В «Сторожевой башне» написано 40 тысяч. У бывшего руководителя – 67 тысяч. Вы говорите, что в эту цифру входят... Да, есть же те, которые действительно выведены из общества вот за те вещи, которые вы перечисляли, правильно? Но есть те, которые вышли по своему желанию, ну и что из этого?*

Обращаясь к эксперту-криминалисту, английский судья уточняет, что тот обнаружил на стене и каковы версии:

(30) *Judge: What have you found on that wall? What are the options?*

Отметим, что постановка таких вопросов не означает, что за ними последуют удовлетворительные ответы, если только на вопрос не отвечает свидетель-эксперт, в чьи профессиональные обязанности входит представление соответствующих заключений на основе фактов. Тактику побуждения свидетеля к выводам следует отметить как еще одно средство формирования фактической базы, необходимой для принятия решения судьей.

Наконец, прямые запросы информации от свидетелей встречаются в речи как русских, так и английских судей. Выполнение до последнего времени русскими судьями инквизиционной функции накладывает отпечаток на их речевое поведение в настоящее время. Сформированное представление судей о своей роли на процессе приводит к тому, что судьи перехватывают инициативу в процессе сбора фактов и частично выполняют таким образом обязанности сторон. Выясняя обстоятельства дела по организации фирмы, предоставляющей интим-

ные услуги, судья задает свидетельнице целый ряд вопросов: «Сколько работали? Что в феврале случилось? Кому идея принадлежала? Каким образом заказы распределялись? У кого телефоны были? Она знала, что Вы несовершеннолетняя? Кто хозяин конторы? Давайте поподробнее про распорядок дня. Кто разговор ведет? Деньги когда отдаются? Квартира кем оплачивалась? Водителя кто оплачивал?» и т.д. Нами зафиксированы случаи, когда судья проводил настолько подробный допрос свидетеля до начала допроса его сторонами, что со стороны обвинения и защиты вопросов практически не было.

Как мы уже отмечали выше, запросы фактической информации встречаются в речи и английских судей:

(31) *Witness: They are labelled here, and of course they were not labelled at the time, as the Zyklon-B introduction openings.*

Judge: Who did the labelling?

Witness. In the final publication of Olère's drawings I think they were done by Klarsfeld or somebody who was working with Klarsfeld.

Judge: Did Olère survive?

Witness: Olère survived, yes. He survived and he was very far from Poland when Tauber gave his testimony.

Однако в нашем материале нет примеров продолжительного участия английского судьи в допросе свидетеля. И наоборот, есть значительное количество примеров того, что судья хранит полное молчание и ограничивается краткой благодарностью в адрес свидетеля. В этом плане нам представляется показательной ситуация, когда судья спрашивает у допрашиваемого разрешения задать вопрос и обещает больше не вмешиваться:

(32) *Judge: Can I just ask one question and then I will stop? How do you date this photograph as February '43?*

III. Тактики третьего типа в речи судьи при его общении с допрашиваемыми связаны с толкованием юридических, правовых аспектов происходящего и наиболее ярко характеризуют судью как представителя судебной власти, который не только наделен правом руководить судебным процессом, в частности допросом, но и обладает юридическими знаниями, пониманием права, необходимыми для осуществления руководства. Именно судья, используя средства языка, не только воссоздает в зале суда реальность права, но и служит посредником между ней и непрофессиональными участниками допроса, помогая им ориентироваться в незнакомой реальности.

Вопрос о необходимости пояснений юридического характера встает перед судьей чаще всего в случае, если свидетель близок к тому, чтобы нарушить важные правовые принципы, положения. Так, судья объясняет свидетелю принципы судебного процесса, когда тот собирается использовать письменные материалы в ходе дачи показаний:

(33) *Свидетель: Ну, во-первых, я хотел бы сказать, что...*

Судья: Что это перед вами?

Свидетель: Это мои материалы, которые я хотел бы, к которым я хотел бы обращаться.

Судья: Нет, уважаемый, вы ведь свидетель. Я вам делаю замечание в этом плане. Вы можете смотреть, если даты какие-то, если цифры какие-то, пожалуйста.

Свидетель: Цитаты можно?

Судья: Ну, цитаты, если есть такая необходимость, конечно, естественно. А так вы непосредственно все говорите...

Свидетель: Все, хорошо. Я просто не знал.

Судья: ... все свои показания, устно, непосредственно – это принцип судебного процесса.

Судья аргументирует свое замечание скрытой ссылкой на текст Гражданского процессуального кодекса, в котором сформулированы основные принципы судебного разбирательства – непосредственность, устность, непрерывность.

От участников судебной коммуникации требуется правовое понимание многих аспектов происходящего и уже случившегося. Непрофессиональные участники допроса не всегда готовы к правовому восприятию реальности, и судья оказывается тем участником процесса, который «посвящает» допрашиваемых в мир права, дает ориентиры для успешного выполнения ими своих функций в ходе допроса.

В примере (34) после вопроса прокурора, считает ли потерпевший значительным причиненный ему ущерб, судья считает необходимым объяснить потерпевшему, что понимается под значительным ущербом в зале суда:

(34) *Судья: Я Вам объясню, что это категория оценочная. То есть Вы были поставлены в затруднительное положение, Вам нечего было есть, негде было спать.*

Отметим, что в данном случае смысловое наполнение правовой категории объясняется доступным языком на примере жизненных обстоятельств. Подобным образом судья объясняет потерпевшему смысл своего вопроса о долговых обязательствах:

(35) *Судья: Долговые обязательства повлияют на Ваши показания? Правду будете нам говорить или соврете?*

В подобных ситуациях мы можем наблюдать трансформацию «правовая категория → жизненные обстоятельства», которая осуществляется в речи судьи с той целью, чтобы допрашиваемый правильно понял, о чем идет речь, и правильно оценил обстоятельства с точки зрения права. Направление трансформации может быть обратным, когда обыденные обстоятельства получают правовое толкование в виде категорий и квалификаций: «жизненные обстоятельства → правовая категория». Так, к примеру, заслушав показания свидетеля, который купил краденую автомобильную дверь, предварительно обсудив возможность такой покупки с преступниками, судья дает юридическую оценку его действиям:

(36) Судья: *Это называется подстрекательством к совершению преступления. Да, Храмкин? (апелляция к подсудимому. – Т.Д.) Это причина, способствующая совершению преступления. Если бы Вы не согласились купить дверь, он бы не совершил преступление и не сидел на скамье подсудимых.*

Очень показательной нам представляется следующая, совсем короткая, ситуация, в которой судья явно дает понять потерпевшему, что тот, подав заявление о краже, ступил на территорию, где он уже не может действовать по своему усмотрению, а должен следовать определенным правилам, установленным законодательством:

(37) Потерпевший: *Я хотел забрать (заявление. – Т.Д.).*

Судья: *Здесь такого не может быть. Дал, забрал...*

Процесс «посвящения» в правовую реальность может быть только однонаправленным, где судья, знаток этой реальности, оказывает необходимую поддержку допрашиваемым. Ситуации, в которых по какой-либо причине происходит обратное и свидетель пытается дать комментарии правового характера, вызывают неприятие судьи и им пресекаются:

(38) Судья: *...Вот, вовлечение несовершеннолетних. Что вы имеете в виду?*

Свидетель: *Вовлечение тех людей, которые не достигли 18 лет.*

Судья: *Я поняла. Что вы имеете в виду? Я поняла, кому нет 18 лет – это суду объяснять не надо. Что вы под этим имеете в виду?*

Свидетель: *Ну то, что как бы проповедуется тем лицам, которые... то есть, вовлекаются лица в организацию, которые... не достигли совершеннолетия.*

Свидетель, неправильно поняв вопрос судьи, обращается не к известным ему фактам, а к толкованию понятия «несовершеннолетний», что не только является излишним, но и нарушает распределение ролей в зале суда – посредником между правовой реальностью и реальностью судебного заседания является судья, а не допрашиваемый.

Пример английского дискурса иллюстрирует иную ситуацию, в которой истец, ведущий допрос, не берет на себя ответственность объяснять свидетелю, в чем состоит «бремя доказывания» в процессе о клевете, и отсылает его к судье:

(39) Claimant: *Professor van Pelt, I think that his Lordship will educate you as to the burden of proof in an English defamation action.*

Judge: *I am not sure that is really quite right. If you are not saying that these are fakes, and I think you just told me that you were not putting forward that positive case, then it does not seem to me that it is necessary for this witness to refer to the expert analysis at all. But, if you are saying it is a forgery or has been tampered with in some way, then it may be that we do need to see what the expert said.*

Судья, однако, не принимает сторону истца в данном вопросе и подробно объясняет, в каком

случае необходимо заключение эксперта. Судья, который отлично знает право и, безусловно, уверен в своих словах, начинает высказывание с типично английской формулы вежливости «I am not sure that is really quite right» (Я не уверен, что это действительно правильно). Использование формул вежливости характерно для речи английских судей. В другой ситуации судья сначала применяет достаточно резкую формулировку «Вы не правы», убеждая свидетеля в том, что тот обязан дать некоторые объяснения, и затем в вежливой вопросительной форме просит помочь истцу, т.е. сделать то, что свидетель сделать просто обязан и в чем отказать не имеет права:

(40) Judge: *Professor, actually I think you are wrong on this point because you have accepted there is such a photograph. You have seen it. Can you not help Mr Irving – he obviously has not got the photograph – by giving the explanation that you obviously have?*

Отведенная допрашиваемому роль предполагает, что проявление любой речевой инициативы должно обязательно подкрепляться разрешением судьи. Допрашиваемые в основном осознают это и обращаются к судье за санкцией на совершение определенных действий (пример (41)), на обсуждение некоторых тем (пример (42)):

(41) Свидетель: *...Организация, зная что образование отнимает много времени, она воспитывает всякое пренебрежение к образованию. Это есть цитаты в «Сторожевой башне». Их нельзя прочитать?*

Судья: *Пожалуйста.*

(42) Свидетель: *Может быть, я еще насчет работы?*

Судья: *Ну, пожалуйста, конечно.*

Таким образом, выделенные нами три группы тактик в общении судьи с допрашиваемыми направлены на создание трех типов реальности, которые переплетаются и взаимодействуют в ходе допроса. Первичная реальность, реальность судебного процесса, создается и поддерживается тактиками, направленными на соблюдение правил поведения в суде и выполнение участниками процесса предписанных ролей. Тактики, способствующие эффективности допроса и касающиеся содержательного аспекта показаний, помогают воссоздать вторичную реальность, то есть события, являющиеся предметом судебного процесса. Кроме того, в ходе допроса происходит обращение к реальности третьего, самого абстрактного, уровня – правовой реальности. Эта реальность принимает менее абстрактные и более доступные для понимания формы в коммуникативных тактиках судьи, целью которых является разъяснить допрашиваемому правовые аспекты ситуации и таким образом обеспечить его осознанное отношение к событиям вторичной реальности. Используя тактики третьего типа, судья выступает в качестве посредника между правом как особым миром, требующим особого понимания, и допрашиваемым. Инициатива допрашиваемого значительно ограничена, и для ее реализации требуется санкция

судьи. Мы считаем возможным отметить некоторые национально-специфические особенности речи русских и английских судей. В речи отечественных служащих Фемиды явно просматривается «инквизиционное наследие», стремление установить факты, не полагаясь на вопросы к свидетелю со стороны обвинения и защиты. Выполнение инквизиционной функции в ряде случаев имеет ярко выраженный характер и приводит к нарушениям процедуры. Английские судьи, наоборот, делают запросы фактической информации только по необходимости, осознавая, что сбор фактов не является их обязанностью.

УДК 811.161.1-373.613

ИНОЯЗЫЧНОЕ СЛОВО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Т.С. Пичхидзе

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: tpichkhidze@yahoo.com

В статье на материале результатов проведенного ассоциативного эксперимента освещаются особенности вербальной реконцептуализации и закрепления образа заимствованного слова в общественном сознании современных носителей русского языка.

Ключевые слова: заимствование, англицизм, языковое сознание, массовая коммуникация, восприятие, ассоциативная связь.

Loan-word in Language Consciousness of Russian Native Speakers

T.S. Pichkhidze

Based on the data of linguistic experiment, the article examines the peculiarities of the verbal reconceptualization and fixation of the loan-word image in the public consciousness of native speakers of Russian today.

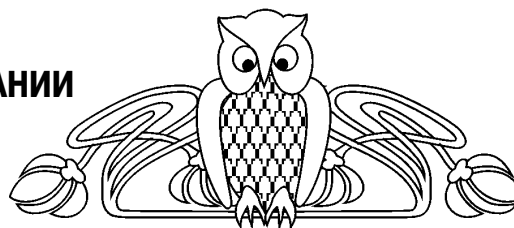
Key words: loan-word, anglicism, linguistic consciousness, mass communication, perception, associative relation.

Возникшая в последнее время ситуация глобальной диффузии англоязычной культуры и всплеск англоязычных заимствований как следствие этого процесса не только оказывают влияние на словарный состав русского литературного языка, но и в значительной мере стремятся определять языковое сознание носителей русского языка.

В трудах ведущих отечественных ученых-лингвистов (Ю.С. Степанов, С.Г. Тер-Минасова, В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.З. Панфилов и др.) высказывались мысли, что развитие и изменение языка определяются мышлением его носителя, особенностями его познавательной

Примечания

- ¹ Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. С. 317.
- ² Evans K. Advocacy in Court. A Beginner's Guide. Oxford University Press, 1995. С. 89–90.
- ³ Григорьев В.Н. Уголовный процесс. М., 2006. С. 17.
- ⁴ Gibbons J. Forensic Linguistics. An Introduction to Language in the Justice System. Blackwell Publishing, 2005. С. 4.
- ⁵ Александров А.С. Указ. соч. С. 294.
- ⁶ Gibbons J. Op. cit. С. 119.

деятельности, связанной с различными географическими, историческими, социальными и другими факторами.

Подобная интерпретация конкретного языкового сознания позволяла говорить о специфике национального способа формирования и формулирования мысли, скрытого в особенностях познавательной деятельности носителей языка, а также о характерном отношении национального лингвокультурного социума к своему языковому достоянию.

Согласно филологической традиции, языковое сознание понимается не только как средоточие проявляющихся на разных уровнях языковых навыков, но и в более широком контексте, как некий конгломерат знаний (в том числе оценочных по отношению к своему языковому наследству), представленный в масштабе языкового коллектива, осознающего свою целостность и идентичность благодаря единому языку¹. Таким образом, в лингвистических работах последнего десятилетия языковое сознание трактуется, с одной стороны, как бессознательно проявляющийся языковой опыт (языковая компетенция) носителя, а с другой – как его эмоционально-оценочное и научное осмысление (рефлексия) при помощи некоего инструментария специальных приемов.

Целью данной статьи является исследование механизмов вербальной реконцептуализации и закрепления образа заимствованного слова в общественном сознании современных носителей русского языка. Исследование проводится на основе выявления специфики использования заимствованных из английского языка слов в российском медиадискурсе.

судьи. Мы считаем возможным отметить некоторые национально-специфические особенности речи русских и английских судей. В речи отечественных служащих Фемиды явно просматривается «инквизиционное наследие», стремление установить факты, не полагаясь на вопросы к свидетелю со стороны обвинения и защиты. Выполнение инквизиционной функции в ряде случаев имеет ярко выраженный характер и приводит к нарушениям процедуры. Английские судьи, наоборот, делают запросы фактической информации только по необходимости, осознавая, что сбор фактов не является их обязанностью.

УДК 811.161.1-373.613

ИНОЯЗЫЧНОЕ СЛОВО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Т.С. Пичхидзе

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: tpichkhidze@yahoo.com

В статье на материале результатов проведенного ассоциативного эксперимента освещаются особенности вербальной реконцептуализации и закрепления образа заимствованного слова в общественном сознании современных носителей русского языка.

Ключевые слова: заимствование, англицизм, языковое сознание, массовая коммуникация, восприятие, ассоциативная связь.

Loan-word in Language Consciousness of Russian Native Speakers

T.S. Pichkhidze

Based on the data of linguistic experiment, the article examines the peculiarities of the verbal reconceptualization and fixation of the loan-word image in the public consciousness of native speakers of Russian today.

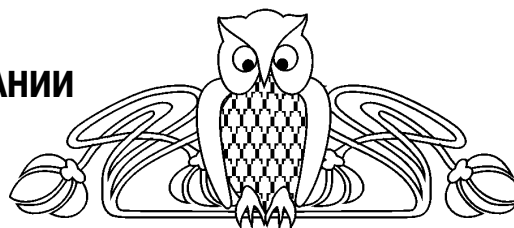
Key words: loan-word, anglicism, linguistic consciousness, mass communication, perception, associative relation.

Возникшая в последнее время ситуация глобальной диффузии англоязычной культуры и всплеск англоязычных заимствований как следствие этого процесса не только оказывают влияние на словарный состав русского литературного языка, но и в значительной мере стремятся определять языковое сознание носителей русского языка.

В трудах ведущих отечественных ученых-лингвистов (Ю.С. Степанов, С.Г. Тер-Минасова, В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.З. Панфилов и др.) высказывались мысли, что развитие и изменение языка определяются мышлением его носителя, особенностями его познавательной

Примечания

- ¹ Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. С. 317.
- ² Evans K. Advocacy in Court. A Beginner's Guide. Oxford University Press, 1995. С. 89–90.
- ³ Григорьев В.Н. Уголовный процесс. М., 2006. С. 17.
- ⁴ Gibbons J. Forensic Linguistics. An Introduction to Language in the Justice System. Blackwell Publishing, 2005. С. 4.
- ⁵ Александров А.С. Указ. соч. С. 294.
- ⁶ Gibbons J. Op. cit. С. 119.

деятельности, связанной с различными географическими, историческими, социальными и другими факторами.

Подобная интерпретация конкретного языкового сознания позволяла говорить о специфике национального способа формирования и формулирования мысли, скрытого в особенностях познавательной деятельности носителей языка, а также о характерном отношении национального лингвокультурного социума к своему языковому достоянию.

Согласно филологической традиции, языковое сознание понимается не только как средоточие проявляющихся на разных уровнях языковых навыков, но и в более широком контексте, как некий конгломерат знаний (в том числе оценочных по отношению к своему языковому наследству), представленный в масштабе языкового коллектива, осознающего свою целостность и идентичность благодаря единому языку¹. Таким образом, в лингвистических работах последнего десятилетия языковое сознание трактуется, с одной стороны, как бессознательно проявляющийся языковой опыт (языковая компетенция) носителя, а с другой – как его эмоционально-оценочное и научное осмысление (рефлексия) при помощи некоего инструментария специальных приемов.

Целью данной статьи является исследование механизмов вербальной реконцептуализации и закрепления образа заимствованного слова в общественном сознании современных носителей русского языка. Исследование проводится на основе выявления специфики использования заимствованных из английского языка слов в российском медиадискурсе.

В российской экономике, политике, образовании и повседневной жизни появляются новые явления, новые понятия, вместе с которыми в язык приходят новые слова, среди которых новые названия социальных явлений, рекламных акций, отношений, бытовых вещей, одежды, еды и т.д.

В результате превращения современного социума в глобальное информационное пространство существенно изменилась роль массовой коммуникации, которая становится важнейшим структурообразующим фактором в процессе формирования картины мира индивида. СМИ являются непосредственными проводниками новых идей и новых слов, служат основным каналом осуществления структурных и содержательных изменений общественного сознания.

При неограниченно разнообразной тематике для всех масс-медийных текстов актуальна задача «удержания аудитории», причем аудитории массовой. Надежная устойчивость канала связи, одновременное воздействие на разум и чувства адресата достигается переплетением автоматизированных средств выражения и их экспрессивного аккомпанемента. «Внимание аудитории, – как справедливо отмечает В.Г. Костомаров, – обеспечивается попеременной на кратких отрезках сменой содержания, разнообразием тематики, сенсационностью, а главное – перебивками собственно информации экспрессивными оценками, различными «ловушками внимания» (catch-words)². Англоязычные заимствования в медиатекстах зачастую служат своеобразными «ловушками внимания», направленными на носителей русского языка.

Анализ особенностей стратегий, используемых российскими СМИ, (в лингвистической литературе уже были проанализированы фрагменты медиатекстов из новостных агентств, газет, журналов, порталов телевидения) показал, что встречающиеся в медиатексте англицизмы фонетически, грамматически и семантически в разной степени ассимилированы русским языком. Считаю, что в этой связи можно провести следующее таксономическое различие новых английских заимствований по степени ассимиляции:

– англицизмы, грамматически оформленные средствами русского языка, наиболее частотные (*киллер, плеер, менеджер, рейтинг*);

– англицизмы с ограниченной областью употребления, семантически недостаточно освоенные (*бренд, медиахолдинг, пресс-релиз, фрилансер*);

– англицизмы, имеющие специализированный характер, зачастую несклоняемые (*промоушн, онлайн, секьюрити, юзер*);

– англицизмы, сохранившие исходную синтаксическую форму, нередко предстающие в виде полукалек (*фьючерсная сделка, дисконтная карточка, реалти-шоу, пул позиций*);

– англицизмы в английской или полуанглийской графике, свидетельствующей о начальном этапе их проникновения в речевой обиход (*PR-сервис, IT-компания, GPRS*)³.

Материалом данного исследования послужил авторский сбор и систематизация ассоциативных реакций носителей русского языка на определенные словесные символы.

Изученный экспериментальный материал нами был представлен в виде анкет, включающих актуальные для использования в речевой практике англицизмы с разной степенью ассимиляции их в русском языке. Для выявления особенностей закрепления образа заимствованного слова в общественном сознании современных русскоязычных носителей языка нами были отобраны англицизмы с наибольшей частотностью их употребления в медиатексте.

Испытуемыми, участвующими в ходе проведенного нами аудиторского эксперимента на первом этапе, выступили студенты 1–2-х курсов медицинского вуза. Анкеты, предложенные респондентам, содержали следующие 5 пар слов-стимулов:

креатив – гламур;
hi-fi –аппаратура – hi-fi-индустрия;
сникерсы – слаксы;
сиквел – экшн;
трансфер – чартер.

Нельзя отрицать, что частотность употребления англицизмов в печатных СМИ в экономической и политической сферах довольно велика. Обратимся к примерам: «*Ритейл* придает устойчивость банковскому бизнесу» (Эксперт. 2004. № 25. С.40); «*Пиксели за доллары*» (Форбс. 2004. № 3. С. 82); «*Коучинг* особенно востребован в области информационных технологий и сфере услуг» (Финанс. 2004. № 21. С.76); «Рост доходов населения с нынешних минимальных уровней обещает взрыв розничного *банкинга*» (Финанс. 2004. № 21. С.27); «Кризис и *аутсорсинг*» (Финанс. 2004. № 21. С.27); «Поставки в *лизинг*» (Деньги. 2004. № 13. С. 39); «Какой *парламент* мы заслуживаем» (Финансовый контроль. 2004. № 26. С. 24).

Для экспликации механизмов закрепления образа англицизма в общественном сознании через медиатекст используются коннекционистские принципы моделирования, среди которых центральным является принцип рассредоточенной репрезентации. При таком подходе сознание представляется в виде ассоциативной сети, составляющие которой не имеют жестко закрепленного за ними концептуального содержания, а образ может трактоваться как паттерн активации, включающий определенное количество связанных между собой узлов ассоциативной сети. Основными свойствами этого паттерна являются гибкость и устойчивость. Гибкость рассредоточенного концепта основана на его представлении в большом количестве разных узлов, что позволяет ему проявлять устойчивость при разрушении отдельных старых связей или

установлении новых. При этом паттерн активации стабилизируется благодаря интегративному признаку – общему компоненту содержания многих входящих в этот паттерн узлов. Эти признаки выявляются при анализе вербальной репрезентации образа сознания его компонентов. Наличие у нескольких паттернов общей зоны активации способствует возникновению между ними корреляций, на основе которых унифицируются структура и содержание взаимодействующих паттернов. Количество реакций, входящих в ядро ассоциативного поля, указывает на то, насколько сложной и многокомпонентной является структура образа, что, в свою очередь, позволяет судить об устойчивости данного образа сознания⁴.

Чтобы исследовать сформированность образа англицизма в сознании носителей русского языка, рассмотрим реакции русскоговорящих испытуемых, полученные на предъявляемые слова-стимулы. Реакции на каждую из пар слов-стимулов рассмотрим в отдельности, сопоставляя с интерпретациями «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика»⁵.

креатив – гламур (табл. 1)

креатив (англ. creative ‘творческий’) – ‘творческое решение, используемое для продвижения товаров, услуг, брендов’;

гламур (англ. glamour ‘очарование’) – ‘магическое обаяние, шарм, внешний блеск, лоск’.

Таблица 1

Реакции испытуемых на слова стимулы КРЕАТИВ – ГЛАМУР

Компоненты образа	
КРЕАТИВ	ГЛАМУР
1. Необычно	1. Стильно
2. Новое	2. Модно
3. Продвинутое	3. Красота
4. Нестандартный	4. Журнал
5. Вычурный	5. Украшения
6. Экстремальный	6. Блеск
7. Экзотичный	7. Чрезмерная яркость
8. Творчество	8. Вычурность
9. Мышление	9. Высокомерный
10. Вечеринка	10. Утонченный

Как видно из табл. 1, направляемые СМИ изменения структуры и содержания образов слов *КРЕАТИВ – ГЛАМУР* в значительной мере усваиваются концептуальной системой носителей русского языка.

Овнешнение в тексте отдельных компонентов образа заимствованного слова стимулирует его выборочную активацию, в результате которой на базе устойчивого концептуального образования возникают новые паттерны активации. Содержание и структура формирующегося паттерна зависит от характера включенных в него компонентов. В частности, активация может распространяться среди компонентов с положительной оценкой или, наоборот, охватывать компоненты с отрицательной оценочной составляющей. Использование в медиа-

тексте лексем, соотносимых с теми или иными компонентами структуры образов *КРЕАТИВ – ГЛАМУР*, одновременно с репрезентацией соответствующей эмоции позволяет актуализировать в сознании носителей русского языка требуемый паттерн активации («*Гламурные подонки*». ‘Комеди клуб’. ТНТ; «*По-зитув. Креатив. Orange!*» радио ‘Максимум’).

hi-fi-аппаратура - hi-fi-индустрия (табл. 2)

hi-fi-аппаратура (англ. сокр. high fidelity ‘высокая точность воспроизведения’) – ‘аппаратура, предназначенная для высококачественной записи и воспроизведения звука’;

hi-tech-индустрия (англ. сокр. high technology ‘технология высокой сложности’) – ‘разработка новейших современных технологий’.

Таблица 2

Реакции испытуемых на слова стимулы HI-FI-АППАРАТУРА – HI-ТЕСН-ИНДУСТРИЯ

Компоненты образа	
HI-FI-АППАРАТУРА	HI-ТЕСН-ИНДУСТРИЯ
1. Современное	1. Высокие технологии
2. Высокое качество	2. Высокое качество
3. Караоке	3. Строительство

Окончание табл. 2

Компоненты образа	
HI-FI-АППАРАТУРА	HI-ТЕСН-ИНДУСТРИЯ
4. Звук	4. Нововведения
5. Компьютеры	5. Промышленность
6. Прослушивание	6. Компьютеры
7. Музыка	7. Прогресс
8. Много колонок	8. Техноиндустрия
9. CD-аппаратура	9. Современный интерьер
10. Музыкальная группа	10. Будущее

Совокупные реакции русскоговорящих испытуемых, полученные на предъявленные стимулы *HI-FI-АППАРАТУРА – HI-ТЕСН-ИНДУСТРИЯ*, англицизмы в полуанглийской графике, в большей степени репрезентировали интегративный признак **ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО**, имеющий множественные ассоциативные связи с другими содержательными компонентами этих слов-стимулов.

Представление носителей русского языка о том, что иностранные технологии являются прогрессивными, иностранные банки надежны, иностранные товары высокого качества, широко используется в рекламе, где заимствования употребляются с целью актуализации позитивных коннотаций. «Иноязычные вкрапления (слова с графикой

иностранного языка) стимулируют креативные способности носителя русского языка, побуждая его к семантизации незнакомых слов и выражений, и могут служить экспликаторами “языковой картины мира”, свойственной носителям русского языка. При восприятии вкраплений в рекламном сообщении увеличивается “вовлеченность” потребителя»⁶.

сникерсы – слаксы (табл. 3)

сникерсы (англ. sneakers ‘кеды, кроссовки’) – ‘закрытые женские туфли или ботинки округлой формы спортивного типа без каблука’);

слаксы (англ. slacks ‘широкие брюки’) – ‘брюки свободного покроя из плотной хлопчатобумажной ткани’).

Таблица 3

Реакции испытуемых на слова стимулы **СНИКЕРСЫ – СЛАКСЫ**

Компоненты образа	
СНИКЕРСЫ	СЛАКСЫ
1. Шоколад	1. Шлепанцы
2. Вкусно	2. Обувь
3. Конфеты	3. Тапочки
4. Кроссовки	4. Одежда
5. Туфли	5. Вкусно
6. Спорт	6. Сласти
7. Батончик	7. Кляксы
8. Арахис	8. Шорты
9. Не тормози	9. Мода
10. Целлюлит	10. Факсы

Анализ реакций испытуемых на предъявленные слова стимулы *СНИКЕРСЫ – СЛАКСЫ* показал, что заимствование, а впоследствии овнешнение в медиатекстах лексем, имеющих схожее звукобуквенное оформление (*сникерсы, чипсы, памперсы, тисы, слаксы*), но обладающих разной семантикой, являются причиной возникновения ассоциативных связей между содержательными компонентами разных образов английских заимствований и актуализацией ряда новых ассоциативных характеристик.

сиквел-экшн (табл. 4)

сиквел (англ. sequel ‘последующее событие; продолжение’) – ‘продолжение (обычно о фильме)’;

экшн (англ. action ‘действие; бурная деятельность, центр активности’) – ‘динамичное развитие сюжета – трюки, единоборства, погони и т.п. (обычно в кино, компьютерных играх); кино-, телепроизведения, игры с таким сюжетом’.

Таблица 4

Реакции испытуемых на слова стимулы СИКВЕЛ – ЭКШН

Компоненты образа	
СИКВЕЛ	ЭКШН
1. Отказ от реакции	1. Отказ от реакции
2. Наклейка	2. Развлекательный
3. Значок	3. Увлекательно
4. Стикер	4. Круто
5. Новый фильм	5. Динамично
6. Постановка	6. Действие
7. Приключение	7. Фильм
8. Поиск	8. Драка
9. Кофе	9. Бродилка
10. Фамилия писателя	10. Вечеринка

Недостаточная семантическая освоенность русским языком англоязычных заимствований *СИКВЕЛ – ЭКШН* послужила причиной большого процента отказов от реакций. Значительное количество разных реакций на предъявляемые слова-стимулы, в свою очередь, указывает на недостаточную сформированность образа сознания. Среди наиболее частотных ответов представлены ситуативные ассоциаты (*приключение, постановка, бродилка* (приключенческая компьютерная игра)), прототипические реакции (*поиск, наблюдение* (англ. to seek 'искать'); *действие* (англ. action 'действие')), реакции, репрезентирующие аппеляцию к внутренней форме слова (*стикер, кофе*

[вероятно, сходство звукобуквенного оформления названия кофе «Maxwell House»]).

трансфер – чартер (табл. 5)

трансфер (англ. transfer 'перенос; перемещение') – 'в туристическом бизнесе сопровождение туриста до места отдыха представителем турфирмы';

чартер (англ. charter 'сдача напрокат (транспортного средства); чартер (самолёт, судно, совершающие чартерный рейс); чартерный рейс') – 'аренда судна или самолета на один или несколько рейсов; арендованные судно или самолет'.

Таблица 5

Реакции испытуемых на слова стимулы ТРАНСФЕР – ЧАРТЕР

Компоненты образа	
ТРАНСФЕР	ЧАРТЕР
1. Перевод	1. Рейс
2. Деньги	2. Самолет
3. Экономика	3. Интернет
4. Банк	4. Перевозка
5. Перевозка	5. Груз
6. Дорога	6. Дешевый
7. Шар	7. Туда-сюда
8. Самолет	8. Запасной
9. Состояние под гипнозом	9. Коммерческий
10. Параллельный мир	10. Обмен

Из приведенных выше примеров реакций испытуемых на предъявленные слова-стимулы *ТРАНСФЕР – ЧАРТЕР* видно, что в большинстве случаев в концептуальной системе индивида происходит актуализация образа сознания, отражающего снижение объективированности и нарастание субъективных моментов: «свободная» текстовая сочетаемость, восстановление прецедентных текстов. В результате индивиды идентифицируют не только актуальные, но и по-

тенциальные значения слов. Это выражается в многовариантности значений слов.

Таким образом, совокупные реакции русскоговорящих испытуемых, полученные на предъявляемые стимулы, показывают, что носитель русского языка в большой степени формирует собственное отношение к образу АНГЛИЦИЗМА и его компонентам и способен интерпретировать его вполне свободно, но также и зачастую соглашается с прививаемой извне оценкой.

Отдельного внимания заслуживают самые частотные среди других реакций – понятийные ассоциаты (непосредственно связанные с понятийным образом сознания). Чтобы установить связь между языковой единицей, непосредственно внешнеяющей образ сознания, и его понятийным содержанием, рассмотрим наиболее характерные способы экспликации значения слов- стимулов:

а) отсылка к сфере функционирования слова:
hi-tech-индустрия – промышленность
слаксы – одежда
трансфер – экономика

б) замена толкования словосочетанием:
чартер – чартерный рейс
креатив – креативное мышление
гламур – гламурный прикид

в) подмена значения одним лексико-семантическим вариантом слова или выделение одной семы в структуре значения слова, замена слова синонимом:

экшн – фильм
hi-tech-индустрия – компьютеры
сникерсы – кроссовки

г) представление значения в виде иерархически организованного набора сем, адекватное семантическое отражение структуры слова. Регулярная апелляция к языку источнику:

креатив – творчество
сиквел – поиск
экшн – действие

д) модальность ответов:
экшн – круто
сникерсы – вкусно
гламур – высокомерный

Техногенная цивилизация, в которой мы теперь живем, кардинально ускорила и изменила облик и образ нашего мира. «Сегодня мы живем

в царстве массовой коммуникации, которая все больше и все более цепко охватывает все наше существование»⁷. С одной стороны, СМИ участвуют в процессе формирования структур сознания при социализации личности, а с другой – в значительной степени определяют их дальнейшие изменения.

Анализ полученных в ассоциативном эксперименте данных позволил наметить некоторые тенденции развития фрагмента концептуальной системы носителей русского языка, в который под влиянием массовой коммуникации входит образ АНГЛИЦИЗМА.

Примечания

- 1 См.: *Раевская М.М.* Язык в ментальном пространстве – к проблеме постижения национальной логики мышления // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2006. № 1. С. 23–35.
- 2 *Костомаров В.Г.* *Стилистика. Компендиум лекций, прочитанных в 2003/ 2004 уч.г. М., 2004. С. 175.*
- 3 См.: *Володина М.Н.* Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования.* М., 2003. С. 23–24.
- 4 См. об этом: *Карданова К.С.* Медиатекст и опосредованное закрепление образов общественного сознания // *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты.* М., 2006. Вып. 11. С. 111–118.
- 5 См.: *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской.* М., 2006.
- 6 *Копрева Л.Г.* Функции семантизации англо-американских заимствований в рекламном дискурсе // *Трансформация моделей СМИ в постсоветском информационном пространстве.* М., 2006. С. 463–465.
- 7 *Костомаров В.Г.* Указ. соч. С. 161–162.

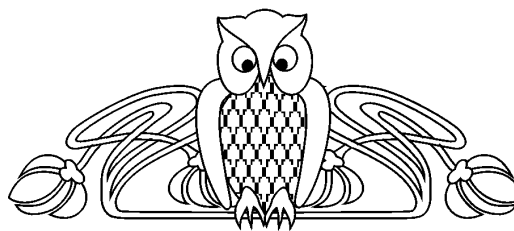
УДК 811.161.1.37+811.112.2.37

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА КАК ЕДИНИЦА ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

О.В. Кольцова

Саратовский государственный университет
 E-mail: koltsovaOV@mail.ru

В статье анализируется лексико-семантическая группа (ЛСГ) как один из важнейших способов систематизации лексического состава языка. ЛСГ рассматривается как компонент номинативного поля концепта/концептосферы, образующая ядро этого поля. Выявляются семантические компоненты, характерные для еди-

ниц ЛСГ «возвышенности, горы, склоны, наносы» в русском и немецком языках. Выделяются когнитивные признаки, релевантные для данной концептуальной сферы, и построена когнитивная модель денотативной сферы.

Ключевые слова: когнитивная модель, компонентный анализ, концепт, концептосфера, лексико-семантическая группа, семантико-номинативное поле.

Отдельного внимания заслуживают самые частотные среди других реакций – понятийные ассоциаты (непосредственно связанные с понятийным образом сознания). Чтобы установить связь между языковой единицей, непосредственно внешнеяющей образ сознания, и его понятийным содержанием, рассмотрим наиболее характерные способы экспликации значения слов- стимулов:

а) отсылка к сфере функционирования слова:
hi-tech-индустрия – промышленность
слаксы – одежда
трансфер – экономика

б) замена толкования словосочетанием:
чартер – чартерный рейс
креатив – креативное мышление
гламур – гламурный прикид

в) подмена значения одним лексико-семантическим вариантом слова или выделение одной семы в структуре значения слова, замена слова синонимом:

экшн – фильм
hi-tech-индустрия – компьютеры
сникерсы – кроссовки

г) представление значения в виде иерархически организованного набора сем, адекватное семантическое отражение структуры слова. Регулярная апелляция к языку источнику:

креатив – творчество
сиквел – поиск
экшн – действие

д) модальность ответов:
экшн – круто
сникерсы – вкусно
гламур – высокомерный

Техногенная цивилизация, в которой мы теперь живем, кардинально ускорила и изменила облик и образ нашего мира. «Сегодня мы живем

в царстве массовой коммуникации, которая все больше и все более цепко охватывает все наше существование»⁷. С одной стороны, СМИ участвуют в процессе формирования структур сознания при социализации личности, а с другой – в значительной степени определяют их дальнейшие изменения.

Анализ полученных в ассоциативном эксперименте данных позволил наметить некоторые тенденции развития фрагмента концептуальной системы носителей русского языка, в который под влиянием массовой коммуникации входит образ АНГЛИЦИЗМА.

Примечания

- 1 См.: *Раевская М.М.* Язык в ментальном пространстве – к проблеме постижения национальной логики мышления // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2006. № 1. С. 23–35.
- 2 *Костомаров В.Г.* *Стилистика. Компендиум лекций, прочитанных в 2003/ 2004 уч.г. М., 2004. С. 175.*
- 3 См.: *Володина М.Н.* Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования.* М., 2003. С. 23–24.
- 4 См. об этом: *Карданова К.С.* Медиатекст и опосредованное закрепление образов общественного сознания // *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты.* М., 2006. Вып. 11. С. 111–118.
- 5 См.: *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской.* М., 2006.
- 6 *Копрева Л.Г.* Функции семантизации англо-американских заимствований в рекламном дискурсе // *Трансформация моделей СМИ в постсоветском информационном пространстве.* М., 2006. С. 463–465.
- 7 *Костомаров В.Г.* Указ. соч. С. 161–162.

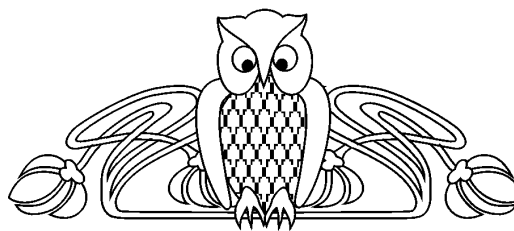
УДК 811.161.1.37+811.112.2.37

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА КАК ЕДИНИЦА ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

О.В. Кольцова

Саратовский государственный университет
 E-mail: koltsovaOV@mail.ru

В статье анализируется лексико-семантическая группа (ЛСГ) как один из важнейших способов систематизации лексического состава языка. ЛСГ рассматривается как компонент номинативного поля концепта/концептосферы, образующая ядро этого поля. Выявляются семантические компоненты, характерные для еди-

ниц ЛСГ «возвышенности, горы, склоны, наносы» в русском и немецком языках. Выделяются когнитивные признаки, релевантные для данной концептуальной сферы, и построена когнитивная модель денотативной сферы.

Ключевые слова: когнитивная модель, компонентный анализ, концепт, концептосфера, лексико-семантическая группа, семантико-номинативное поле.

Lexical-Semantic Group as Descriptive Unit in the Language World Picture

O.V. Koltzova

The article analyzes lexical-semantic group (LSG) as important means of systematizing the language lexical composition. It is approached as a component of the nominative field of a concept/conceptosphere making the field's nucleus. The semantic components of LSG unit "hills, mountains, slopes, drifts" in German and Russian are examined. The cognitive features relevant for the sphere are discussed and the cognitive model of denotative sphere is offered.

Key words: cognitive model, component analysis, concept, concept sphere, lexical-semantic group, semantic-nominative field.

Лексико-семантические группы (ЛСГ) являются важным классом слов. Они объединяют в себе слова одной части речи, в которых присутствует не только общая грамматическая сема, но и как минимум одна общая категориально-лексическая сема¹. Эта сема составляет семантическую основу группы и в каждом отдельном слове уточняется с помощью дифференциальных сем².

Построение лексико-семантических групп – один из важнейших способов систематизации лексического состава языков. ЛСГ – инструмент, с помощью которого исследователь изучает системные связи слов, раскрывает семантические тождества и различия в лексических совокупностях, описывающих какой-то фрагмент мира.

В когнитивной лингвистике изучение ЛСГ получило новый смысл. ЛСГ рассматриваются как компонент номинативного поля концепта/ концептосферы, образующий ядро этого поля. Именно с этой позиции мы обращаемся к анализу ЛСГ «возвышенности, горы, склоны, наносы» в русском и немецком языках. Состав ЛСГ установлен нами

по материалам «Русского семантического словаря: Толкового словаря, систематизированного по классам слов и значений», «Четырехязычного энциклопедического словаря терминов по физической географии» и «Diercke – Wörterbuch Allgemeine Geographie», «Duden. Deutsches Universalwörterbuch».

При рассмотрении ЛСГ в качестве когнитивной модели концептосферы необходимо: 1) выявить семантические компоненты, характерные для единиц ЛСГ; 2) построить семантико-номинативное поле концептуализованной денотативной сферы; 3) выделить когнитивные признаки, релевантные для семантико-номинативного поля концептуальной сферы «возвышенности, горы, склоны, наносы»; 4) классифицировать выявленные признаки, выделив общие для них когнитивные классификаторы; 5) структурировать полученные когнитивные признаки и построить на этой основе когнитивную модель денотативной сферы.

Исследуемая ЛСГ включает 61 лексическую единицу в русском языке и 79 лексических единиц в немецком и состоит из 4-х лексических подгрупп, номинирующих отдельные сегменты изучаемой денотативной сферы: 1) возвышенности, высоты; 2) горы, холмы, бугры; 3) склоны, обрывы, кручи; 4) наносы.

Компонентный анализ словарных дефиниций членов данной ЛСГ позволил выделить их дифференциальные семы. Исследуемая денотативная сфера «возвышенности, горы, склоны, наносы» представлена как в русском, так и в немецком языках 28 семантическими компонентами. Однако характер лексической репрезентации семантических компонентов в обоих языках разнообразен. Выделенные семантические компоненты представлены в табл. 1. Они могут иметь неодинаковую значимость в исследуемых языках.

Таблица 1

Сема	Лексема	
	Русский язык	Немецкий язык
Плоский (с ровной поверхностью)	Массив, увал	Uval
Однородный по строению	Массив	Massiv
Равнинная поверхность	Нагорье, плоскогорье	—
Наклонная поверхность	Междуречье Склон, уклон, откос	Lehne, Abhang, Hang, Böschung, Abdachung; Steilwand; Abschüssigkeit; Neigung; Schichtstufe; Sturzwand,
Холмистая поверхность	Предгорье, плоскогорье Кряж	—
Горный	Массив, нагорье, предгорье, седловина, подножие, подошва Перевал, пик, вершина, кряж, отрог Склон, уступ, уклон, косягор, откос Морена	Höhe, Massiv, Hochland, Hochgebirgsplateau, Sattel, Einsattelung, Gebirgsfuß, Inselberg, Restberg, Zeugenberg, Vorgebirge Gebirgskette, Gebirgszug; Gebirgsausläufer; Gebirgspaß; Bergspitze; Kuppe; Gipfel; Hügel;
Перед горами	Предгорье	Vorgebirge

Окончание табл. 1

Сема	Лексема	
	Русский язык	Немецкий язык
Узкий, удлинённый, вытянутый	Увал, грива Кряж Карниз Заструга	Uval, Mähnen, Hochland Schlucht, Landstufe, Schichtstufe
Сравнительно высокий	Возвышенность, массив, увал, нагорье, предгорье, высота	Hochland, Anhöhe, Höhe
Разделяющий бассейны рек (реки и моря, реки и озера)	Междуречье, водораздел, волок	Wasserscheide, Zwischenstromland
Сохранившийся от естественного разрушения	Останец	Restberg, Zeugenberg.
Отдельный (по отношению к окружающему рельефу)	Останец	Inselberg, Restberg. Zeugenberg
Высокий	Плоскогорье, водораздел, останец Курган, восьмитысячник, семитысячник, вершина	Hochgebirgsplateau, Hochland, Höhe, Anhöhe
Невысокий	Грива, волок Сопка, бугор, взгорок, Взгорье, пригорок, горушка, курган, кряж, кочка, Заструга	Mähnen Hünengrab; Horst; Hügel; Erhebung Landstufe, Schichtstufe; Sastruga, Schneerippelmarken
Разделённый ложбинами	Грива	
Пониженный, нижний	Увал, седловина Перевал	Sattel, Einsattelung Gebirgspaß
Между двумя вершинами	Седловина	Sattel, Einsattelung Gebirgspaß
Углубление, уступ	Терраса Уступ, карниз, стремнина, пропасть	Terrasse Kluft, Abgrund;
Вертикальный	Отвес	Höhe, Sturzwand, senkrechter Abhang (Hang), Steile, Steilwand
Горизонтальный	Терраса Карниз	Hochland, Terrasse, Stufe
Ряд образований	Грива, терраса Кряж Дюна	Mähnen, Terrasse Gebirgskette, Gebirgszug Dünen
Нижняя часть	Подножие, подошва	Hangfuß, Gebirgsfuß
Верхняя часть	Пик, вершина Карниз, поветье	Bergspitze; Kuppe; Gipfel, Spitze, Wipfel;
Ровный, отлогий	Косогор, отлоготь	Hügel
Крутой	Пропасть, яр, стремнина, круча, крутизна, обрыв	Steilwand; Abschüssigkeit; Neigung, Steile; Schlucht
Передвигаемые	Морена, дюны	Moräne; Dünen; Geschiebe, Sinkstoffe
Намытый	Намыв	Wasseraufschüttung, Anschwemmung, Anschwemmungsküste, Schwemmlandküste
Нанесенный	Нанос, бархан, заструга, сугроб	Dünen; Barchan; Sastruga, Schneerippelmarken, Schneewehe

На основе выявленных семантических компонентов для русского и немецкого языков были построены семантические поля, образующие базовую часть концептосферы «*возвышенности, горы, склоны, наносы*» в каждом из языков.

Ядро поля в русском языке образуют семантические компоненты:

- горный (массив – ...горная возвышенность...³),
- невысокий (пригорок – небольшой холм, бугор (РСС. С. 598).
- В околоядерную зону входят дифференциальные семы:
  - высокий (утёс – высокий выступ... (РСС. С. 598),
  - сравнительно высокий (возвышенность – участок... приподнятый (РСС. С. 595),
  - крутой (яр – крутой берег, обрыв (РСС. С. 598),
  - узкий, удлиненный, вытянутый (грива – ряд вытянутых увалов (РСС. С. 595),
  - углубление, уступ (терраса – горизонтальный уступ... (РСС. С. 597).
- Ближнюю периферию образуют:
  - наклонная поверхность (склон – наклонная поверхность горы... (РСС. С. 598),
  - холмистая поверхность (плоскогорье – местность с холмистой поверхностью (РСС. С. 595),
  - ряд образований (грива – ряд... увалов (РСС. С. 595),
  - верхняя часть (вершина – верхняя часть горы (РСС. С. 597),
  - нанесенный (нанос – грунт, галька, нанесенные водой... (РСС. С. 599),
  - пониженный, нижний (седловина – понижение между... (РСС. С. 597),
  - разделяющий бассейны рек (реки и моря, реки и озера) (водораздел – высота... разделяющая сток осадков... (РСС. С. 595).
- Дальняя периферия:
  - плоский (с ровной поверхностью) (массив – возвышенность с плоской вершиной (РСС. С. 595),
  - горизонтальный (терраса – горизонтальный уступ (РСС. С. 597),
  - нижняя часть (подошва – нижняя часть... горы (РСС. С. 595),
  - передвигаемые (дюны – прибрежные холмы... передвигаемые... (РСС. С. 599),
  - ровный, отлогий (отлогость – ровный, отлогий склон (РСС. С. 598),
  - однородный по строению (массив – горная вершина однородная по строению (РСС. С. 595),
  - перед горами (предгорье – ...местность перед горами (РСС. С. 597),
  - вертикальный (отвес – вертикальный склон (РСС. С. 598),
  - разделенный ложбинами (грива – ...ряд увалов, разделенных ложбинами (РСС. С. 595),
  - сохранившийся от естественного разруше-

ния (останец – высота, холм, сохранившийся от естественного разрушения... (РСС. С. 595),

- отдельный по отношению к окружающему рельефу (останец – холм, утес, отдельно возвышающийся... (РСС. С. 595),
- между двумя вершинами (седловина – понижение между двумя вершинами... (РСС. С. 597),
- намытый (намыв – грунт у берега, намытый водой (РСС. С. 599).

В немецком языке иное распределение семантических компонентов в семантико-номинативном поле. Ядро поля образуют семантические компоненты:

- горный (Massiv – der Block eines Gebirges...⁴),
  - наклонная поверхность (Lehne – ...eine geneigte Fläche... (DU. С. 940),
  - невысокий (Hügel – kleinere ansteigende Bodenerhebung (DU. С. 739).
- Околоядерная зона представлена такими дифференциальными семами, как:
- узкий, удлиненный, вытянутый (Landstufe – ... aus einer Fläche sich erhebende langgeschreckte Vollform⁵),
  - вертикальный (Sturzwand – ... senkrechte Fläche... (DU. С. 1484),
  - ряд образований (Gebirgskette – Kette von hohen Bergen eines Gebirges (DU. С. 566),
  - верхняя часть (Bergspitze – Spitze eines Berges (DU. С. 238),
  - крутой (Schlucht – steiles, enges Tal (DU. С. 1331),
  - нанесенный (Anschwemmung – angeschwemmtes Land (DU. С. 122).

Ближняя периферия:

- высокий (Anhöhe – ... hochliegende Teile der Erde... (DU. С. 113),
- передвигаемые (Dünen – ... Ablagerung vor allem in der Kerngröße des Sandes, die ganz unterschiedliche Formen annehmen kann, die in erster Linie von dem Verhalten des Windes abhängen (DU. С. 371),
- сравнительно высокий (Hochland – eingerumpfte Gebirge..., die mehr oder weniger höher liegen (DU. С. 725),
- пониженный, нижний (Einsattelung – Vertiefung bei Gebirgskämmen... (DU. С. 408),
- между двумя вершинами (Sattel – Einsattelung zwischen zwei höheren Vollformen... (DU. С. 1292),
- углубление, уступ (Kluft – ein tiefer Riss (DU. С. 849),
- горизонтальный (Hochland – ... horizontale Erstreckung... (WAG. С. 312),
- отдельный по отношению к окружающему рельефу (Inselberg – ... Berggruppe, die sich inselartig ... erhebt (DU. С. 768).

Дальняя периферия:

- сохранившийся от естественного разрушения (Restberg – ... ein Berg, der nach Abtragung ... noch übriggeblieben ist (WAG. С. 680),

- разделяющий бассейны рек (реки и моря, реки и озера) (Zwischenstromland – das Gebiet, das zwei Nebenflüssen trennt (DU. С. 1814),
- нижняя часть (Gebirgsfuß – Bereich am Rand eines Gebirges... (WAG. С. 243),
- намытый (Anschwemmung – angeschwemmtes Land (DU. С. 122),
- плоский (с ровной поверхностью) (Uval – ...mit flacher ... Oberfläche... (WAG. С. 937),
- однородный по строению (Massiv – der Block eines Gebirges mit gedrungenem, gleichartigem Gestalt (WAG. С. 421),

- перед горами (Vorgebirge – einem Gebirge vorgelagerte Bergkette (DU. С. 1692),
- ровный, отлогий (Hügel – kleinere, sanft ansteigende Bodenerhebung (DU. С. 739).

Из проведенного анализа видно, что полевое распределение семантических компонентов в русском и немецком языках неодинаковое.

Обобщение выявленных при компонентном анализе семантических признаков дало нам возможность выделить характерные для денотативного сегмента «возвышенности, горы, склоны, наносы» когнитивные признаки, которые представлены в табл. 2.

Таблица 2

Когнитивный признак	Лексема	
	Русский язык	Немецкий язык
Ровный / неровный (наклонный)	Массив, увал, нагорье, плоскогорье / нагорье, предгорье, междуречье, склон, уклон, откос, плоскогорье, терраса	Uval, Hochland / Hochland, Lehne, Abhang, Hang, Böschung, Abdachung; Steilwand; Abschüssigkeit; Neigung; Schichtstufe; Sturzwand,
Вытянутый / невытянутый	Увал, грива, кряж, карниз, заструга, терраса, дюна / все остальные лексемы	Uval, Mähnen, Hochland, Terrasse, Schlucht, Landstufe, Schichtstufe, Gebirgskette, Dünen, Gebirgskamm, Bergrücken / alle anderen Lexeme
Однородный / неоднородный	Массив / нагорье, плоскогорье, грива, кряж	Massiv / Hochland,
Горный / негорный	Массив, нагорье, седловина, подножие, подошва, перевал, пик, кряж, вершина, отрог, склон, уступ, уклон, откос, косогор, морена, предгорье, гора / все остальные лексемы	Höhe, Massiv, Hochland, Sattel, Einsattelung, Gebirgsfuß, Inselberg, Restberg, Zeugenberg, Vorgebirge Gebirgskette, Gebirgsausläufer; Gebirgspaß; Bergspitze; Kuppe; Gipfel; Hügel, Berg, Vulkan, Gebirgskamm, Bergrücken / alle anderen Lexeme
Пред / между / внизу / сверху	Предгорье / водораздел, волок, междуречье, седловина / подножие, подошва / пик, вершина, карниз, повертье	Vorgebirge / Sattel, Einsattelung Gebirgspaß / Hangfuß, Gebirgsfuß / Bergspitze; Kuppe; Gipfel, Spitze, Wipfel;
Высокий / сравнительно высокий / невысокий	Плоскогорье, водораздел, останец, курган, восьмитысячник, семитысячник, вершина / возвышенность, массив, нагорье, предгорье, увал, высота / волок, грива, сопка, бугор, взгорок, взгорье, пригорок, кряж, курган, горушка, кочка, заструга	Hochland, Höhe, Anhöhe / Hochland, Anhöhe, Höhe / Mähnen, Hünengrab, Horst; Hügel,; Erhebung, Anhöhe, Landstufe, Schichtstufe; Sastruga, Schneerippelmarken
Органичность / неорганичность по отношению к окружающему рельефу	Останец / все лексемы	Inselberg, Restberg, Zeugenberg / alle anderen Lexeme
Возвышение / понижение	Все лексемы / седловина, перевал, уступ, карниз, стремнина, пропасть	Alle Lexeme / Sattel, Einsattelung Gebirgspaß, Terrasse Kluft, Abgrund
Целое / часть	Все лексемы / подножие, подошва, пик, вершина, карниз, повертье	Alle Lexeme / Hangfuß, Gebirgsfuß, Bergspitze; Kuppe; Gipfel, Spitze, Wipfel
Передвигаемые / неподвижные	Морена, сугроб, дюны, намыв, нанос, бархан, заструга / все остальные лексемы	Moräne; Dünen; Geschiebe, Sinkstoffe, Wasseraufschüttung, Anschwemmung, Anschwemmungsküste, Schwemmlandküste, Dünen; Barchan; Sastruga, Schneerippelmarken, Schneewehe / alle anderen Lexeme
Отлогий / крутой	Отлогость, косогор / пропасть, яр, стремнина, круча, крутизна, обрыв	Hügel / Steilwand; Abschüssigkeit; Neigung, Steile; Schlucht
Вертикальный / горизонтальный	Отвес / терраса, карниз	Höhe, Sturzwand, senkrechter Abhang (Hang), Steile, Steilwand / Hochland, Terrasse, Stufe

Исследуемая денотативная сфера представлена 12-ю когнитивными оппозициями в русском и немецком языках. Степень релевантности выделенных оппозиций практически одинакова для обоих языков. Сильными (т.е. наиболее ярко представленными) для русского и немецкого языков являются следующие когнитивные оппозиции:

- горный / негорный,
- передвигаемые / неподвижные,
- вытянутый / невытянутый,
- высокий / сравнительно высокий / невысокий,
- возвышение / понижение,
- целое / часть.

Меньшую силу при осмыслении описываемого фрагмента мира имеют оппозиции:

- перед / между / внизу / сверху,
- ровный / неровный (наклонный),
- отлогий / крутой,
- вертикальный / горизонтальный.

К слабым оппозициям в русском и немецком языках относятся:

- органичность / неорганичность по отношению к окружающему рельефу,
- однородный / неоднородный.

Обобщение когнитивных признаков дает нам возможность выделить более общие ментальные единицы – когнитивные классификаторы (когнитивные категории), характерные для концептосферы «возвышенности, горы, склоны, наносы». Все когнитивные категории являются одинаково релевантными, ниже они расположены по степени убывания их яркости:

- 1) состав объекта: горный / негорный,
- 2) характер существования:
  - подвижность: передвигаемые / неподвижные,
- 3) положение в пространстве:
  - протяженность: вытянутый / невытянутый,
  - степень протяженности: высокий / сравнительно высокий / невысокий,
  - направление протяженности: возвышение / понижение,
- 4) характер существования:
  - степень самостоятельности: целое / часть,
- 5) положение в пространстве:
  - место расположения: перед / между / внизу,
- 6) характер поверхности: ровный / неровный / наклонный,
- 7) положение в пространстве:
  - направление протяженности: вертикальный / горизонтальный,
  - характер понижения: отлогий / крутой,
- 8) отношение к внешней среде:
  - характер взаимодействия: органичность / неорганичность по отношению к окружающему рельефу,
- 9) структура объекта: однородный / неоднородный.

Таким образом, проведенное исследование позволило нам выявить одинаковые когнитивные

классификаторы, структурирующие данную концептосферу в русском и немецком языках.

При моделировании когнитивной структуры подгруппы «возвышенности, горы, склоны, наносы» следует обратить внимание на наличие образных компонентов содержания у лексем подгруппы.

Образный компонент состоит из образных признаков, формируемых метафорическим осмыслением соответствующего предмета или явления. Метафоры формируют тот когнитивный чувственно-наглядный образ, который наполняет концепт конкретным образным содержанием, позволяющим закрепить его в универсальном предметном коде мышления⁶. К подобным метафорам относятся: 1) *грива* –2. *продолговатая возвышенность, гряда с пологими склонами, поросшая* (РСС. С. 595); 2) *подошва* –2. *нижняя часть, основание чего-либо* (РСС. С. 595). Для ландшафтной лексики данные лексические единицы являются единицами вторичной номинации, указывающими на связь таких предметных областей, как «животный мир», «одежда, обувь» и «ландшафт» при осмыслении человеком окружающей действительности. В свою очередь, ландшафтная лексика служит источником метафорических номинаций. При этом «целевая» область (область проникновения ландшафтной метафоры) оказывается весьма широкой, неспецифированной. Например: 1) *водораздел* –2. *граница, разделяющая противоположные, но связанные между собой явления, понятия, суждения и т.д.* (РСС. С. 595); 2) *массив* –2. *большое пространство, однородное по каким-либо признакам или совокупность множества каких-либо однородных предметов, образующих* (РСС. С. 595). Основой метафоризации в данном случае служат такие когнитивные признаки, как «место расположения» (между), «структура объекта» (однородность). Являясь периферийными для осмысления денотативной сферы «возвышенности, горы, склоны, наносы», названные признаки приобретают значимость в процессе концептуализации других фрагментов мира, что свидетельствует о неединственном характере когнитивного и языкового моделирования различных областей действительности.

Когнитивный анализ ЛСГ, манифестирующих в языке разные денотативные сферы, поможет выделить общие для их осмысления когнитивные признаки и категории. Межъязыковые исследования, выполненные с применением предложенной в статье методики, позволят выявить сходства и различия в процессах концептуализации одних и тех же фрагментов мира в разных лингвокультурах.

Из проведенного анализа видно, что при осмыслении языковой вербальной денотативной сферы «возвышенности, горы, склоны, наносы» наблюдается общность когнитивных стратегий, а различия касаются распределения (значимости) конкретных семантических компонентов в структуре лексических репрезентантов данной денотативной сферы.

Примечания

- 1 См.: Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М., 1982. С. 74.
- 2 Там же. С. 75.
- 3 См.: Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н.Ю. Шведовой: В 4 т. М., 1998. Т. 2. С. 595. (В дальнейшем для данного издания принято сокращение РСС с указанием страницы в тексте статьи).

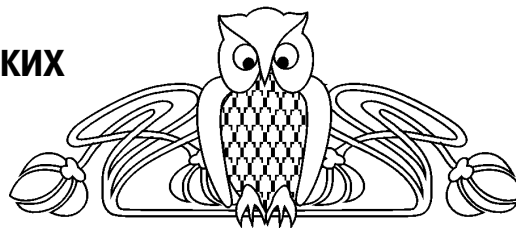
- 4 Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. С. 995. (В дальнейшем для данного издания принято сокращение DU с указанием страницы в тексте статьи).
- 5 Diercke. Wörterbuch Allgemeine Geographie. München, 2001. С. 454 (В дальнейшем для данного издания принято сокращение WAG с указанием страницы в тексте статьи).
- 6 См.: Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006. С. 76.

УДК 821.161.1.09 – 1+929 Фет+ Полонский

ОБЩЕЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В ПОЭТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ А.А. ФЕТА И Я.П. ПОЛОНСКОГО

А.Ф. Коковин

Курский государственный университет
E-mail: rokamp@yandex.ru

В статье дается сравнительная характеристика художественных систем А.А. Фета и Я.П. Полонского, поэтов-современников, наиболее близких друг другу. Рассматриваются особенности психологизма поэзии и прозы этих авторов, автобиографические основания их творчества.

Ключевые слова: русская литература, особенности поэтики, психологизм, автобиографичность, Полонский, Фет.

Universal and Individual in A.A. Fet's and Ya. P. Polonsky's Poetic Systems

A.F. Kokovin

The article offers a comparison of the poetic systems of Fet and Polonsky, the poets who were contemporaries and very close to each other. Features characterizing their mastery of psychological poetry and prose, autobiographical

Key words: Russian literature, specific features in poetics, psychology in literature, autobiographical, Polonsky, Fet.

Сравнительная характеристика художественных систем А.А. Фета и Я.П. Полонского, поэтов-современников, наиболее близких друг другу, как по впечатлениям современников, так и по их собственным представлениям, может быть весьма плодотворной. Личные контакты, общность литературной позиции, беззаветное «служение поэзии» и чувство «общего поколения» сопровождали их долгие отношения.

Однако, как верно подметила Л.Е. Ляпина, сходство этих поэтов – «в несходстве и самостоятельности созданных ими поэтических систем и художественных миров – при общности философско-этических идеалов»¹.

Сопоставительный анализ позволяет выявить закономерности в формировании мировоззрения и творческого метода и в то же время увидеть индивидуальные черты каждого из поэтов. Разность близких по духу художников обнаруживается в

сфере художественного мышления, обуславливающего концепцию бытия и своеобразие художественных принципов. Разность эта выражается в том, что Фет воспекает «разлитую в мире красоту» в ее природных проявлениях. Полонский же становится летописцем своего времени, отразившим в творчестве духовную атмосферу современного ему общества.

В поэзии Фета человек и мир, соотносящиеся как целое и часть, макрокосм и микрокосм, в каком-то смысле равны, заменяемы, тождественны, поэтому лирический субъект фетовской поэзии легко меняет облик, обретая природную субстанцию, грань, разделяющая природу и человека, легко разрушается, природа и человек как бы перетекают друг в друга. У Полонского эта грань никогда не разрушена; двоемирие, представляющее как контраст грубой прозы и воздушно-идеальной мечты, – доминирующий признак картины бытия этого поэта. Чутко воспринимаемая природность фетовского человека, Полонский не может отказать от самосознания как чисто человеческой черты. Для него началом самосознания является момент, когда осмысление противопоставления «„я” и „не – я”» положит начало двум отдельным мирам: внутреннему и внешнему, душевному и материальному»².

У Фета мир, окружающий человека, всегда праздничен, человек и мир отражаются друг в друге, закон отражения становится ведущим принципом поэтики Фета; красота, разлитая в мире, постигается чутким художником, настроенным на ее музыкальную волну:

Не я, мой друг, а божий мир богат,
В былинке он лелеет жизнь и множит³.

У Полонского человек и мир чужды и враждебны друг другу, но при этом реальность мира

Примечания

- 1 См.: Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М., 1982. С. 74.
- 2 Там же. С. 75.
- 3 См.: Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н.Ю. Шведовой: В 4 т. М., 1998. Т. 2. С. 595. (В дальнейшем для данного издания принято сокращение РСС с указанием страницы в тексте статьи).

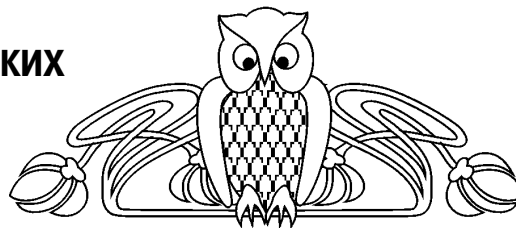
- 4 Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. С. 995. (В дальнейшем для данного издания принято сокращение DU с указанием страницы в тексте статьи).
- 5 Diercke. Wörterbuch Allgemeine Geographie. München, 2001. С. 454 (В дальнейшем для данного издания принято сокращение WAG с указанием страницы в тексте статьи).
- 6 См.: Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006. С. 76.

УДК 821.161.1.09 – 1+929 Фет+ Полонский

ОБЩЕЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В ПОЭТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ А.А. ФЕТА И Я.П. ПОЛОНСКОГО

А.Ф. Коковин

Курский государственный университет
E-mail: rokamp@yandex.ru

В статье дается сравнительная характеристика художественных систем А.А. Фета и Я.П. Полонского, поэтов-современников, наиболее близких друг другу. Рассматриваются особенности психологизма поэзии и прозы этих авторов, автобиографические основания их творчества.

Ключевые слова: русская литература, особенности поэтики, психологизм, автобиографичность, Полонский, Фет.

Universal and Individual in A.A. Fet's and Ya. P. Polonsky's Poetic Systems

A.F. Kokovin

The article offers a comparison of the poetic systems of Fet and Polonsky, the poets who were contemporaries and very close to each other. Features characterizing their mastery of psychological poetry and prose, autobiographical

Key words: Russian literature, specific features in poetics, psychology in literature, autobiographical, Polonsky, Fet.

Сравнительная характеристика художественных систем А.А. Фета и Я.П. Полонского, поэтов-современников, наиболее близких друг другу, как по впечатлениям современников, так и по их собственным представлениям, может быть весьма плодотворной. Личные контакты, общность литературной позиции, беззаветное «служение поэзии» и чувство «общего поколения» сопровождали их долгие отношения.

Однако, как верно подметила Л.Е. Ляпина, сходство этих поэтов – «в несходстве и самостоятельности созданных ими поэтических систем и художественных миров – при общности философско-этических идеалов»¹.

Сопоставительный анализ позволяет выявить закономерности в формировании мировоззрения и творческого метода и в то же время увидеть индивидуальные черты каждого из поэтов. Разность близких по духу художников обнаруживается в

сфере художественного мышления, обуславливающего концепцию бытия и своеобразие художественных принципов. Разность эта выражается в том, что Фет воспекает «разлитую в мире красоту» в ее природных проявлениях. Полонский же становится летописцем своего времени, отразившим в творчестве духовную атмосферу современного ему общества.

В поэзии Фета человек и мир, соотносящиеся как целое и часть, макрокосм и микрокосм, в каком-то смысле равны, заменяемы, тождественны, поэтому лирический субъект фетовской поэзии легко меняет облик, обретая природную субстанцию, грань, разделяющая природу и человека, легко разрушается, природа и человек как бы перетекают друг в друга. У Полонского эта грань никогда не разрушена; двоемирие, представляющее как контраст грубой прозы и воздушно-идеальной мечты, – доминирующий признак картины бытия этого поэта. Чутко воспринимаемая природность фетовского человека, Полонский не может отказаться от самосознания как чисто человеческой черты. Для него началом самосознания является момент, когда осмысление противопоставления «„я” и „не – я”» положит начало двум отдельным мирам: внутреннему и внешнему, душевному и материальному»².

У Фета мир, окружающий человека, всегда праздничен, человек и мир отражаются друг в друге, закон отражения становится ведущим принципом поэтики Фета; красота, разлитая в мире, постигается чутким художником, настроенным на ее музыкальную волну:

Не я, мой друг, а божий мир богат,
В былинке он лелеет жизнь и множит³.

У Полонского человек и мир чужды и враждебны друг другу, но при этом реальность мира

обуславливает существование человека. Полонский рисует человека как бы в преддверии рая, погруженным в земную жизнь, в эмпирическое бытие, с его адом и безумием, безднами и падениями, но в то же время с жадной очищения и обретения духовности. В этом смысле очень точно замечание В.С. Соловьева, указавшего на пограничный характер существования личности, на «двойное бытие» человека в поэзии Полонского: «В типичных стихотворениях нашего поэта самый процесс вдохновения, самый *переход* из обычной материальной и житейской среды в область поэтической истины *остается осязательным*: чувствуется как бы тот удар или толчок крыльев, который поднимает душу над землею»⁴.

Эстетическая доминанта поэтической личности Я. Полонского и А. Фета сформировалась на основе глубокого психологического художественного исследования душевного и духовного мира человека. Хотя современники часто не видели психологизма не только в их прозе, но и в поэзии. Примером может служить отзыв И.С. Тургенева о поэзии Фета в пору обострения их отношений. В письме к Фету от 29 марта (10 апреля) 1872 г. он пишет: «Фет действительно поэт, в настоящем смысле слова; но ему недостает нечто весьма важное, а именно: такое же тонкое и верное чутье внутреннего человека, его душевной сути, каковым он обладает в отношении природы и внешних форм человеческой жизни. Тут не только Шиллер и Байрон, но даже Я. Полонский побивает его в пух и прах»⁵.

В лучших стихотворениях Полонского отчетливо виден напряженный драматизм лирической речи. В этом заметное отличие поэзии Полонского от пластической словесной живописи Фета с ее, как правило, статичными пейзажами, зеркально отражающими душевные состояния лирического героя. Полонский всегда тяготел не столько к картине, сколько к лирической новелле, в основе которой лежит, однако, не просто рассказ о том, что произошло с героем, но та или иная драматическая ситуация, в которой в резких столкновениях раскрываются коллизии душевной жизни героев, взятой в движении, в динамике, в борьбе противоречий.

В ряде стихотворений лирический герой Полонского обретает некоторую самостоятельность: в нем проступают черты характера человека, в высшей степени нервного, впечатлительного, чуткого к движениям собственной души, восприимчивого к чужим душам. Такие стихи лишены раз свидетельствуют о том, что задача создания типического характера при известных обстоятельствах может быть успешно решена средствами лирического стиха. Таково, к примеру, превосходное стихотворение Полонского – «Пришли и стали тени ночи...». Здесь, в сущности, ни о чем не рассказано, хотя и разработан глубокий и психологически достоверный лирический сюжет. И «смелый взор» героини, и «небрежная рука» героя, а потом

– к исходу свидания – «ее потупленные очи» и уже не «смелость», а «стыдливость», – все эти тонкие и многозначительные детали создают на редкость точную (хотя и недорисованную) драматическую картину встречи двух волей, двух судеб. А кольцевая композиция этой стихотворной новеллы («Пришли и стали тени ночи / На страже у моих дверей...»; «Но покачнулись тени ночи. / Бегут, шатаясь, назад...») сообщает стихотворению, несмотря на импрессионистически переданное содержание, законченность и стройность.

Как известно, посвящая свое стихотворение «У двери» А.П. Чехову, Полонский объяснял свой выбор в письме к нему от 17 февраля 1888 г. тем, что это стихотворение, «как мне кажется, более всего подходит к вашим небольшим рассказам или очеркам. Очень бы желательно, чтобы его стихотворная форма была бы так же хороша и колоритна, как Ваша проза»⁶. Действительно, перед нами новелла в стихах, передающая быструю смену разнообразных психических состояний влюбленного юноши. «Поэзия, вышитая на прозе <...> Недаром же я посвятил эти стихи Чехову»,⁷ – так определит сам Полонский в письме к Фету форму этого стихотворения. Не случайно Б.М. Эйхенбаум отмечает сочетание лирики с повествованием в его стихах. Для Полонского характерно глубокое психологическое исследование духовного и душевного мира человека. По мысли Б.М. Эйхенбаума, еще в канун 1860-х гг. перед Полонским встала задача «изучения и обрисовки *природы* человека во всей сложности, изображение самих душевных *процессов* (а не только результатов) во всей их противоречивости»⁸.

Поскольку же изображение человека лежит в основе искусства в целом, то уместно сказать, что психологизм как система различных приемов, с помощью которых воссоздается внутренний мир человека, предопределяет художественный мир Фета и Полонского. Откликаясь на стихотворение Фета «Давно ль на шутки вызывала...», Полонский отмечал «глубокий психологический смысл» его и сетовал, что в его собственных стихах нет «фетовского лиризма».

Но Фет нашел свои особые способы передачи сложного мира человеческой личности, лирического переживания, конкретности чувства. По мнению Тютчева, именно Фет смог достичь и высшей степени познания иррациональных тайн природы⁹.

Качественный сдвиг был в том, что Фет в своей лирической сфере стал мастером выражения сложнейших психических процессов, которые теперь принято относить к области подсознательного. Внешне алогичное течение этих процессов требовало соответствующих образных сцеплений. А.В. Дружинин определяет свойство таланта Фета как умение «ловить неуловимое давая образ и название тому, что до него было не чем иным, как смутным, мимолетным ощущением души человеческой, ощущением без образа и названия». Он

умеет, по словам А.В. Дружинина, «забираться в сокровеннейшие тайники души человеческой»¹⁰; «ему открыта, ему знакома область, по которой мы ходим с замирающим сердцем и полузакрытыми глазами»¹¹.

19 декабря 1890 г. Полонский писал поэту: «Вот смотрю я на свои стихи

Ты ничего не потеряла;
Но всё ты *вдруг* приобрела –

Почему *вдруг*, а не постепенно? – Может быть, так и следует, как ты написал. – Положим, я бы сказал – „И *новое* приобрела“. Но могу ли я поручиться, что это лучше»¹². 21 декабря Фет отвечает: «В большинстве случаев неясность – обвинительный приговор поэта. Но, во-первых, бывают случаи, когда поэт сам не подымает окончателю завесы перед зрителем, предоставляя последнему глядеть сквозь дымку, как, например, пред изображением вчерашней наивной девушки, взглянувшей наконец в действительную жизнь с ее высшими дарами. Как же тут не сказать: *вдруг приобрела*? Я хотел сказать, что по внешности нельзя отличить вчерашнее наивное существо от сегодняшней жизненной женщины за исключением, быть может, невольного выражения во взоре. По-моему, разоблачать эту мысль до последней очевидности поэту не следует»¹³.

Лирическая поэзия, по убеждению Фета, не терпит пространных, подробных описаний, – в ней всё должно быть сконцентрировано вокруг лирического события, а изображение неопределенных чувств, в чем обычно упрекали «чистых поэтов», годится, по мысли Фета, только для прозы. И действительно на маленьком пространстве рассказа Фет умеет раскрыть сложный характер отношений во внешне благополучной дворянской усадьбе («Первый заяц»). Напряжение в семье маленького героя, безропотная покорность матери, особенно ощутимая на фоне независимой позиции брата отца, стремление героя подольститься к отцу, который хотя и любит своих родных, но постоянно, даже в день именин любимой жены, проявляет свое недовольство, – всё это передано Фетом едва ли не с толстовской глубиной¹⁴.

Эти тенденции Фета-психолога шли в русле общих психологических поисков эпохи и в прозе. Фет в прозе и лирике открывает не только богатство человеческих чувств, но и богатство человеческой чувственности, что существует помимо ума и умом не контролируется. Чуткие критики, разнообразно свои определения, указывают именно на подсознание как особую сферу фетовской лирики. А.А. Григорьев писал о том, что у Фета чувство не созревает до ясности и поэт даже предпочитает полуудовлетворения, поллучества¹⁵. *Поллучества* не означают здесь, что Фет вполнине чувствует, наоборот, он отдается чувству, как никто, вполне, но само чувство-то это иррационально, неосознанно. У Фета это и

отчетливо осознанный творческий принцип «наперекор уму».

Недаром на чествовании Фета в 1889 г. председатель психологического общества Н.Я. Грот читал от имени членов общества адрес, в котором говорилось: «Без сомнения, когда приемы психологического исследования расширяются, ваши произведения должны дать психологу обильный и интересный материал для освещения многих темных и сложных фактов в области чувствований и волнений человека»¹⁶. Таким образом, вопреки давно сложившейся традиции мы можем говорить о ярко выраженном психологизме поэтики Фета.

Исследователи прозы Фета и Полонского не раз отмечали их интерес к повседневности, изображению ежедневного будничного течения жизни. Характеры героев, их внутренний мир, поведение, поступки формируют психологический рисунок поэзии и прозы исследуемых авторов.

Прозаическое наследие Фета и Полонского – явление самобытное, вполне вписывающееся в литературный процесс своей эпохи. Оно незаслуженно не замечено прижизненной критикой и сегодня известно довольно узкому кругу читателей. Оно пока еще не издано в полном объеме и недостаточно изучено. Так сложилось еще при жизни писателей, что проза и поэзия их противопоставлялись.

Очевидно, что и для Фета, и для Полонского проза была не попыткой преодоления творческого кризиса и не случайной пробой пера, но органичной формой творческого самовыражения, внутренней потребностью. Она давала возможность более полной самореализации, позволяя сказать то, что не могло быть выражено языком поэзии. Проза всегда сосуществовала рядом с поэзией.

Установка на правдивое воспроизведение виденного, слышанного, пережитого – характерная черта прозы и Фета, и Полонского. Их прозаические произведения напоминают записки, на подчёркнутую автобиографичность которых не раз указывалось, что роднит их с «Воспоминаниями». В размеренную художественную прозу зрелых лет обоих поэтов входит стихия элегических воспоминаний, мучительная, терзающая душу и одновременно дающая ей жизнь.

За прозой Фета и Полонского давно уже установилась репутация автобиографичной. Репутация эта опирается в первую очередь на то, что исследователям и читателям ярко бросаются в глаза многочисленные параллели между фактами биографии, мемуарами и прозаическими произведениями этих писателей. В этом отношении М.В. Строганов выразил, пожалуй, общее мнение литературоведов по поводу прозы Фета: «Фет не умеет фантазировать, и между его сюжетной прозой и другими, несюжетными прозаическими жанрами его: мемуарами, критикой, публицистикой – принципиальной разницы нет: это всегда яркий рассказ о том, что реально было в реальной жизни с четким определением

временной, причинно-следственной обусловленности, с ясно прописанной целевой установкой и предметно-определятельными отношениями. Всё, что написано в прозе, было именно так, как написано в ней»¹⁷.

Сюжетная незавершенность прозы Фета позволила ему зафиксировать незавершенность самой жизни. Бессюжетность и открытый финал будут продолжены, развернуты прозой конца XIX в., в частности в прозе А.П. Чехова.

Полонский также предельно откровенно впервые, как он сам говорит, пытается объяснить свои творческие принципы в письме к Чехову: «...за что я похвалю себя – это за то – что я был правдив по отношению к той эпохе или тому времени, за которое я брался. – В записках *Сергея Чапыгина* – конец царствования Александра. 1824 год и нравы того времени. – В *дешевом городе* – это вернейшая копия Одессы и одесского общества 1845–46 годов. – В *Нечаянно* – петербургские нравы шестидесятых годов. – Всё это не столько романы, сколько Хроники»¹⁸. Бытописателя в Полонском видит и рецензент «Вестника Европы», он отмечает и автобиографизм повестей Полонского: «лучшая между ними – “Статуя Весны”, где героем является маленький мальчик Илюша, оригинальный и мечтательный ребенок с поэтической душой, в котором можно думать, поэт воспроизвел некоторые черты собственной детской души».

Затем представляет большой интерес роман-хроника «Дешевый город». Действие его происходит в Одессе, в сороковых годах, и можно думать, что поэт и в этом романе в лице героя, молодого Елатомского, сообщает некоторые черты из своих юношеских треволнений»¹⁹.

Эти же черты выделяются критикой в прозе Фета. Особую ценность, например, первой повести «Дядюшка и двоюродный братец» (1855) Б. Садовской видел в ее автобиографизме: «Здесь рассказ молодого тридцатипятилетнего человека об эпохе, ему еще очень близкой. <...>. Фет рассказывает о своем детстве, этой наименее известной нам поре своей жизни»²⁰.

Мы наблюдаем, как в герое повести с возрастом меняется отношение к дому, детству, памяти. При этом трехкратное возвращение отсылает нас к устойчивой модели. Рассказчик, молодой человек, с легкостью расстается с детством. Ему «тяжело оглядываться» на прошедшее детство. Но вот через несколько лет оказавшись в родных местах, он испытывает совсем иные чувства: «Отчего мне так не хочется, отчего мне жаль уезжать?..» А спустя еще некоторое время, попав на родину, он размышляет: «Казалось, если б не дела, не поехал бы я домой: незачем! Дом пустой: одних уж нет, а те далече... Выходит не то. Я здесь молодею многими годами». А потому, оказывается, «так весело и больно тревожить язвы старых ран»²¹. Герой Фета дословно повторяет строки Лермонтова:

И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран.

Позже и сам Фет сошлется на эти стихи, объясняя уже свое обращение к «Воспоминаниям».

Удивительное чувство! Оказывается, обращение к прошлому может быть мучительным и трудным, но при этом желанным и сладостным. Более того, герой приходит к выводу, что «воспоминания тем слаще, чем глубже некогда оно (сердце. – А. К.) было уязвлено»²².

Чистотой детского взгляда проникнуто и повествование в романе Полонского «Признание Сергея Чалыгина», вызвавшем одобрение А.К. Толстого, И.А. Гончарова, хотя только в частных письмах к автору.

Повествование о Сергее Чалыгине, чье детство и ранние годы отрочества проходят в кругу людей незаурядных, перерастает в роман воспитания, причем автор прибегает к усложненной, текучей манере изложения: образ главного героя всё время двоятся: то это признание ребенка, то размышления зрелого человека с немалым жизненным опытом.

«Двоеение» главного героя позволило Полонскому ввести в роман множество исторических и литературных подробностей, рассказов о русском обществе 1820-х гг., о Пушкине, Жуковском и Крылове. Писатель вводит в повествование устные мемуарные свидетельства. За персонажами книги порой угадываются реальные лица.

В последующих рассказах ощущается углубление психологической проработки образов, воссоздание процесса протекания душевной жизни, внимание к потаенным пластам человеческой психики.

Итак, Фет и Полонский каждый по-своему воссоздавали и художественно обосновывали разнообразнейшие проявления духовной жизни человека. Но если для Фета характерны неопределенные, неясные чувства и ощущения, которые нельзя точно назвать, то Полонский «жизнь сердца», «тревоги сердца» стремится выразить точно и определить конкретным словом, поэтому для него так характерны простые, выверенные, с ясным логическим значением эпитеты.

Примечания

- ¹ *Ляпина Л.Е.* В мире русской поэзии «прозаического века». Поэтика мотивов // Литература в школе. 1998. № 6. С. 17.
- ² *Полонский Я.П.* Старина и мое детство // Полонский Я.П. Сочинения: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 361.
- ³ *Фет А.А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1986 (Б-ка поэта. Большая серия. 3-е изд). С. 20.
- ⁴ *Соловьев В.С.* Поэзия Я.П. Полонского // Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 158.
- ⁵ *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. М.; Л., 1960–1968. Т. 9. С. 255–256.

- 6 Полонский Я.П. Письмо к А.П. Чехову, 8 января 1888 г. // Слово. Сборник второй. М., 1914. С. 224.
- 7 Полонский Я.П. Письмо к А. Фету, 29 марта 1888 г. // А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. М., 2008. Кн. 1. С. 637.
- 8 Эйхенбаум Б.М. Я.П. Полонский // Полонский Я.П. Стихотворения. М.; Л., 1954. С. 35.
- 9 См. об этом: Строганов М.В. Человек и природа в русской литературе XIX века: к истории формирования экологической проблематики // Дары природы и плоды цивилизации: Экологический альманах. Тверь, 2003. С. 42–56.
- 10 Дружинин А.В. Литературная критика. М., 1983. С. 89.
- 11 Там же. С. 95.
- 12 Полонский Я.П. Письмо к А. Фету, 19 декабря 1890 г. // А. Фет и его литературное окружение: Кн. 1. С. 861.
- 13 Фет – Полонскому. 21 декабря 1890 г. // Там же. С. 864.
- 14 См.: Строганов М.В. А.А. Фет и его «маленький приятель граф С.Л. Толстой» (Вокруг «Первого зайца») // Друзья и гости Ясной Поляны: Материалы науч. конф., посвящ. 160-летию С.А. Толстой (1844–1919). Тула, 2006. С. 42.
- 15 Григорьев А.А. Литературная критика / Сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Егорова. М., 1967. С. 100.
- 16 Московские ведомости. 1889. 29 янв. № 29.
- 17 Строганов М.В. «Мир от красоты». Проза и поэзия Фета. Курск, 2005. С. 7.
- 18 Слово. Сборник второй. М., 1914. С. 232–233.
- 19 Я.П. Полонский в прозе // Вестник Европы. 1900. № 4. С. 643.
- 20 Садовской Б. А.А. Фет // Садовской Б. Ледоход. Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 70.
- 21 Фет А.А. Дядюшка и двоюродный братец // Фет А.А. Соч. и письма: В 20 т. / Гл. ред. В.А. Кошелев. СПб., 2006. Т. 3. С. 41, 73, 74.
- 22 Фет А.А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 79.

УДК 821.161.1.09 – 4+929 Битов

«ГРАНИЦЫ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА» В ЭССЕИСТИКЕ А.Г. БИТОВА

Э.Ф. Тугушева

Саратовский государственный университет
E-mail: elfeja@mail.ru

В статье рассматривается эпистемологический характер времени и пространства в эссеистике А.Г. Битова, принцип вовлечения автором определенных текстов культуры в метапоэтический контекст собственного творчества. «Граница времени и пространства» определяется как мера духовного опыта, без которого невозможна ни отдельная судьба, ни культура.

Ключевые слова: А.Г. Битов, эссе, метапоэтика.

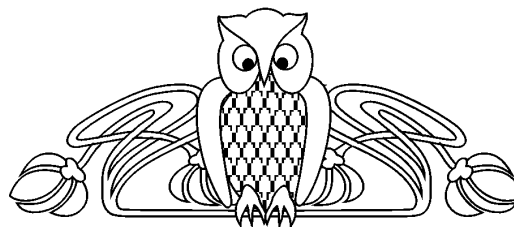
«Scopes of time and space» in A.G. Bitov's Essays

E.F. Tugusheva

The epistemological nature of time and space in Bitov's essays is analyzed, the principle of involvement of other cultural texts in Bitov's own meta-poetical contexts. «The scope of time and space» is defined as a measure of spiritual experience making possible individual fate and culture.

Key words: A.G. Bitov, essay, meta-poetics.

А.Г. Битов, размышляя об авторском начале в произведениях В.В. Набокова, отметил, что о самом Набокове из его текстов ничего нельзя узнать. В этом смысле Битов, напротив, не скрывает свою авторскую открытость в собственных текстах. И.Б. Роднянская пишет о постоянном присутствии в его произведениях бодрствующего самосознания, о том, что творчество автора воспринимается как «единый метатекст, открытый разнообразным способам членения». Более того, И.Б. Роднянская, связывая авторские «путеше-

ствия» с духовным началом, на наш взгляд, прослеживает четкую «ось» творчества Битова. Причем эта связь осуществляется не только на уровне игры с культурными символами, как предполагает, например, И. Клевх, говоря о русском даосизме Битова. Исследовательница говорит о том, что мировоззренческие аспекты в творчестве писателя настолько сильны, в связи с чем происходит некое неизбежное, но все же естественное раздвоение. Однако И. Роднянская видит характер такого раздвоения в ином ракурсе, чем это было преподнесено в статьях других исследователей (В. Турбин, А. Марченко): «После «Уроков Армении», первого духовно значительного «путешествия» раздвоение эссеиста, пишущего от первого лица, и сюжетного повествователя, передоверяющего впечатления третьему лицу, авторскому герою (и «антигерою»), – раздвоение это стало для Битова существенным творческим актом»¹. И далее: «... Битов – прозаик со своим «авторским героем». Это значит – с таким, чье сознание служит окном в реальность и чей внутренний мир всегда обнаруживается непосредственно (а у других персонажей – только косвенно, по данным, полученным от этого главного лица), ибо ценен для писателя как родственная душевная структура и как практическая модель самоанализа»². Однако И.Б. Роднянская недоговаривает о том, какие пути ведут к пониманию битовского мира, но дает, на наш

- 6 Полонский Я.П. Письмо к А.П. Чехову, 8 января 1888 г. // Слово. Сборник второй. М., 1914. С. 224.
- 7 Полонский Я.П. Письмо к А. Фету, 29 марта 1888 г. // А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. М., 2008. Кн. 1. С. 637.
- 8 Эйхенбаум Б.М. Я.П. Полонский // Полонский Я.П. Стихотворения. М.; Л., 1954. С. 35.
- 9 См. об этом: Стrogанов М.В. Человек и природа в русской литературе XIX века: к истории формирования экологической проблематики // Дары природы и плоды цивилизации: Экологический альманах. Тверь, 2003. С. 42–56.
- 10 Дружинин А.В. Литературная критика. М., 1983. С. 89.
- 11 Там же. С. 95.
- 12 Полонский Я.П. Письмо к А. Фету, 19 декабря 1890 г. // А. Фет и его литературное окружение: Кн. 1. С. 861.
- 13 Фет – Полонскому. 21 декабря 1890 г. // Там же. С. 864.
- 14 См.: Стrogанов М.В. А.А. Фет и его «маленький приятель граф С.Л. Толстой» (Вокруг «Первого зайца») // Друзья и гости Ясной Поляны: Материалы науч. конф., посвящ. 160-летию С.А. Толстой (1844–1919). Тула, 2006. С. 42.
- 15 Григорьев А.А. Литературная критика / Сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Егорова. М., 1967. С. 100.
- 16 Московские ведомости. 1889. 29 янв. № 29.
- 17 Стrogанов М.В. «Мир от красоты». Проза и поэзия Фета. Курск, 2005. С. 7.
- 18 Слово. Сборник второй. М., 1914. С. 232–233.
- 19 Я.П. Полонский в прозе // Вестник Европы. 1900. № 4. С. 643.
- 20 Садовской Б. А.А. Фет // Садовской Б. Ледоход. Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 70.
- 21 Фет А.А. Дядюшка и двоюродный братец // Фет А.А. Соч. и письма: В 20 т. / Гл. ред. В.А. Кошелев. СПб., 2006. Т. 3. С. 41, 73, 74.
- 22 Фет А.А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 79.

УДК 821.161.1.09 – 4+929 Битов

«ГРАНИЦЫ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА» В ЭССЕИСТИКЕ А.Г. БИТОВА

Э.Ф. Тугушева

Саратовский государственный университет
E-mail: elfeja@mail.ru

В статье рассматривается эпистемологический характер времени и пространства в эссеистике А.Г. Битова, принцип вовлечения автором определенных текстов культуры в метапоэтический контекст собственного творчества. «Граница времени и пространства» определяется как мера духовного опыта, без которого невозможна ни отдельная судьба, ни культура.

Ключевые слова: А.Г. Битов, эссе, метапоэтика.

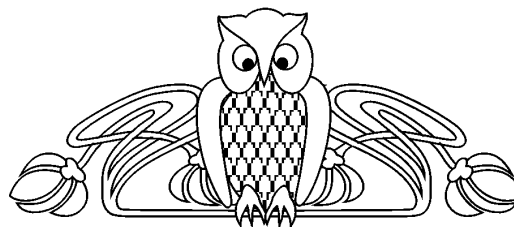
«Scopes of time and space» in A.G. Bitov's Essays

E.F. Tugusheva

The epistemological nature of time and space in Bitov's essays is analyzed, the principle of involvement of other cultural texts in Bitov's own meta-poetical contexts. «The scope of time and space» is defined as a measure of spiritual experience making possible individual fate and culture.

Key words: A.G. Bitov, essay, meta-poetics.

А.Г. Битов, размышляя об авторском начале в произведениях В.В. Набокова, отметил, что о самом Набокове из его текстов ничего нельзя узнать. В этом смысле Битов, напротив, не скрывает свою авторскую открытость в собственных текстах. И.Б. Роднянская пишет о постоянном присутствии в его произведениях бодрствующего самосознания, о том, что творчество автора воспринимается как «единый метатекст, открытый разнообразным способам членения». Более того, И.Б. Роднянская, связывая авторские «путеше-

ствия» с духовным началом, на наш взгляд, прослеживает четкую «ось» творчества Битова. Причем эта связь осуществляется не только на уровне игры с культурными символами, как предполагает, например, И. Клевх, говоря о русском даосизме Битова. Исследовательница говорит о том, что мировоззренческие аспекты в творчестве писателя настолько сильны, в связи с чем происходит некое неизбежное, но все же естественное раздвоение. Однако И. Роднянская видит характер такого раздвоения в ином ракурсе, чем это было преподнесено в статьях других исследователей (В. Турбин, А. Марченко): «После «Уроков Армении», первого духовно значительного «путешествия» раздвоение эссеиста, пишущего от первого лица, и сюжетного повествователя, передоверяющего впечатления третьему лицу, авторскому герою (и «антигерою»), – раздвоение это стало для Битова существенным творческим актом»¹. И далее: «... Битов – прозаик со своим «авторским героем». Это значит – с таким, чье сознание служит окном в реальность и чей внутренний мир всегда обнаруживается непосредственно (а у других персонажей – только косвенно, по данным, полученным от этого главного лица), ибо ценен для писателя как родственная душевная структура и как практическая модель самоанализа»². Однако И.Б. Роднянская недоговаривает о том, какие пути ведут к пониманию битовского мира, но дает, на наш

взгляд, мощную предпосылку для дальнейших поисков, в том числе через эссеистику писателя.

Эпистемологический характер времени и пространства в эссеистике А.Г. Битова подчеркивается прежде всего его идеями, взглядом на литературное творчество других писателей и поэтов, размышлениями о культуре в целом. Но неизменна в эссе Битова художественность, которая является не просто своеобразием стиля, авторского голоса, но и вовлечением автором определенных текстов культуры в метапоэтический контекст собственного творчества. Исходя из этого можно выявить те метапоэтические принципы, по которым эссеистику Битова можно рассматривать не как отдельный жанр, но как продолжение темы границ, звучащей в художественных и поэтических произведениях автора. Граница текста для Битова открыта, и «неизбежность ненаписанного» возвращает его к уже изданному тексту. Границы в самом тексте, а именно, граница прозы и поэзии, времени и пространства, духовно-эстетические границы извлекаются из самой культуры, из основ человеческого существования и собственного духовного опыта. Для автора зафиксировать поток реальности в тексте, не зафиксировав себя в духе, оказывается невозможным, как невозможна культура без памяти. Поэтому Битову так важно, на каких границах времени и пространства культура осознает себя и какой урок получает.

Так, в преамбуле к книге «Пятое измерение: На границе времени и пространства» обозначено самое свойство «пятого измерения», причем свойство это неразрывно связано с творческим кредо писателя. Битов пишет: «Соединив принципиальную часть своих сочинений в прустовскую последовательность единой книги в «Империю в четырех измерениях» (1996), я неизбежно вышел на «Пятое», то есть на книгу о русской литературе, ибо если бы не она, мы бы уже забыли, что это такое как состояние – быть империей, не узнавая в обломках части целого. В классическом распределении параметров нашего мира время оказалось четвертым, связав воедино объем и его движение, но не учтя его изменение (развитие) в этом движении. Изменение это может быть запечатлено только памятью. Память как пятое измерение свойственна материи, но впервые была открыта нами как форма сознания, а лишь недавно как свойство кристалла, металла или жидкости. Литература оказалась *знанием* более древним, чем наука»³. Таким образом, Битова как писателя-мыслителя волнует скорее не то, что находится по ту сторону «классического» распределения параметров нашего мира, но то, как на самом деле причудливо на границе времени и пространства осуществляет себя память. В этой связи можно предположить, что культурная память для Битова это далеко не багаж накопленных знаний, но само по себе *знание*, тождественное реальности – реальности, благодаря духовному опыту каждый раз неповторимой в своем про-

явлении. Процесс получения такого знания, *образование* – это увлекательное путешествие по рубежам культуры в поисках реальности. Очевидно, что эта творческая концепция послужила Битову неким фильтром, что обуславливается его обращением к определенным внутренним процессам русской литературы. Поскольку речь идет именно о литературной культуре, то наиболее верно, как нам представляется, исходить прежде всего из метапоэтических принципов Битова, а не ограничиваться только описанием авторских идей о том или ином явлении. Как в художественных текстах, так и в эссеистике Битова интересует время и пространство литературы не только вне идеологических установок, но и вне какой бы то ни было пропаганды. В эссе «ГУЛАГ и мемориал Шостаковича» Битов передает механизмы, опустошающие культуру: «Как бы мы ни казались себе независимыми или даже противостоящими после того, как нас перестали убивать, какими бы топорными ни казались методы идеологического воздействия на нас, – пропаганда делает свое дело. То, что она ниже любого интеллектуального уровня, – и есть ее сила. Лозунг работает тем, что надоедает. Никто никого никуда не призывает – утомить до апатии и есть конечная цель. Активной реакции нет – работает подсознание. И тогда задача еще проще – понизить уровень уже не сознания, которое у вас, естественно выше, а подсознания, то есть деморализовать. Ваш завидный критицизм оплодотворяется пропагандой и порождает некрасивый и жизнестойкий плод – пошлость. Вы прошли обработку» (с. 146). Таким образом, по Битову, не только невежество, но и бездуховная интеллектуальность по сути так же тоталитарны, как и идеологический строй. «Смелость художника, – пишет далее Битов, – это не бесстрашие человека. Все-таки у художника воображение будет побогаче, чем у палача, и он сам лучше знает, что и насколько он преступил» (с. 153). Следует заметить, что это переключается с мыслями Набокова о том, что настоящим преступником не обладает подлинным воображением. Поскольку, по Набокову, воображение – это род памяти, то это в свою очередь возвращает нас к битовской идее «пятого измерения». Однако и тот, кто пишет о художнике, должен обладать не меньшей смелостью. Разумеется, смелость здесь равноценна таланту пишущего. В упомянутом эссе Битов не скрывает своего восхищения талантом Соломона Волкова, написавшего книгу о Шостаковиче: «Отдельность С. Волкова выражена хотя бы в его сносах; сноски выражают его иной раз даже больше, чем он того бы хотел. А книга – от и до – слова Шостаковича и только его. С. Волков бы так не сказал. Но авторская его роль в этой книге с неизменным голосом Шостаковича исключительна и тоже наводит на мысль» (с. 151). Это в сущности есть метапоэтический принцип самого Битова. Книга С. Волкова называется «Показание». Битов акцентирует это лишь в конце

своего эссе, показав бесценность самораскрытия человека, чувствующего себя частью истории и культуры, в котором «страх человека порождает все большую смелость в художнике». В целом «вдовствующая культура» – это особая тема битовской эссеистики. В этом контексте Битов обращается ко всей русской литературе, задаваясь вопросами об ее истоках, кризисах и особых зонах напряжения, в центре которых литература являла себя не только через великие тексты, но и великие личности. Так, по мысли Битова, Аввакум предшествовал Достоевскому с его «Записками из Мертвого дома», Толстому (роман «Воскресенье») и далее Солженицыну, Шаламову, Е. Гинзбург, Домбровскому. Многие другие имена не только писателей, но и ученых Битов неразрывно между собой связывает, создавая таким образом в своей эссеистике то самое «пятое измерение», которое однако уже не только измерение памяти, но также измерение отдельных судеб, запечатленных в слове. Следовательно, «граница времени и пространства» проходит насквозь через духовный опыт каждого, кто причастен к слову. Даже говоря о Шостаковиче, Битов искренне удивляется такому признанию композитора: «В последние годы я убедился, что слова эффективнее музыки... Когда я объединяю музыку со словами, меня становится труднее неправильно истолковать. Я обалдел, когда понял, что человек, который считает себя лучшим интерпретатором моей музыки, не понимает ее» (с. 153). Так, духовная природа слова – это еще одна ключевая тема эссеистики Битова. Этой теме посвящен цикл эссе под названием «Битва» (это «От «А» до «Ижицы»», «Экология слова», «Соображения прозаика о музее», «Размышления на границе поэзии и прозы», «Молчание слова», «Прямое вдохновение», «Проза и муза (перемире)»). Данный цикл можно обозначить как концентрацию битовской метапоэтики, обращение к языку, словарю как «справедливому аналогу мира, взятого в статистическом сокращении». Битов определяет особое назначение слова: «В слове отнюдь не заключено раскрытие его смысла, в нем лишь координаты в пространстве материи и духа. (...) Выдумать слово можно, нельзя выдумать того, что оно обозначит. Как выводит язык эту общую заслугу предмета, понятия или имени, за которую принимает или не принимает в свои ряды, изгоняет или временно отравляется новым словом, – воистину тайна сия велика есть» (С. 365–366). На наш взгляд, такое отношение к слову не лишено религиозного смысла. С одной

стороны, язык в понимании Битова это словарь, с помощью которого моделируется мир, с другой стороны, язык есть «один единый текст, никому в полноте недоступный, непосильный, текст, который завтра изменится, которого не станет». В стихотворении Битова «Пасха» (с. 524–525) звучат такие строки:

И надо было встать на Землю...
Ее безвидность с пустотой
Видна мне стала. Не приемлю
Я смерть. И свет планете той
Включил Я, отделив сначала
Лишь день от ночи. Чтоб отсчет
Продолжить. Чтобы отличалась
Твердь от земли, земля от вод.

Внушало, но не утешало
Меня Творение. День за днем
Творил, но смерть не исчезала,
А все присутствовала в нем.
(...)

Таким образом, языку, как всему тварному, суждено изменяться и исчезать, если бы, говоря словами Битова, «не было обратной связи между словом и жизнью, если бы нельзя было каждый раз не только надеяться, но и верить, что слово – действительно, что, побужденное жизнью, оно само побуждает жизнь истинную...» (с. 375).

Распознавание «границы времени и пространства» имеет особое духовное предназначение для культуры. Можно заключить, что слово, задающее «координаты в пространстве материи и духа», в разных культурах действительно по-разному и мир состоит из множества пересекающихся пространств и времен. Однако Битова волнуют те границы, которые не разделяют, не разобщают или являются искусственным пределом. Битов определяет «границу времени и пространства» прежде всего как меру духовного опыта, без которого невозможна ни отдельная судьба, ни культура.

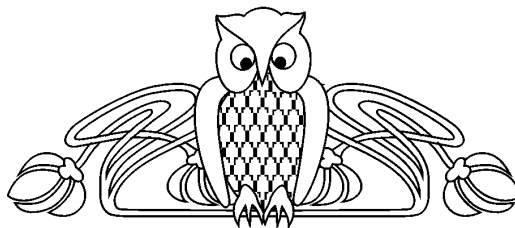
Примечания

- ¹ Роднянская И.Б. Движение литературы: В 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 537.
- ² Там же. С. 546.
- ³ Битов А. Пятое измерение: На границе времени и пространства. М., 2002. С. 8. Далее сноски даются на это издание. Страницы указываются в тексте.

УДК 821.161.1.09 +929 Кекова

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГРЕЦИЗМОВ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ГРЕЦИЗМ «АНГЕЛ» В ПОЭЗИИ С. КЕКОВОЙ

Е.И. Лучина

Саратовский государственный университет
E-mail: luchinae@mail.ru

Статья посвящена грецизмам православного дискурса в художественном тексте. На материале поэзии С. Кековой дано типологическое определение концепта *ангел* и проведено его поуровневое исследование. При анализе концепта выделены предметный, понятийный, образно-символический, а также ценностно-оценочный уровни, особенности которых связаны с культурными и религиозно-мифологическими традициями и ассоциациями.

Ключевые слова: лексические грецизмы, дискурс, идиостиль, концептуализация.

Conceptualization of Greek Loan-Words of the Orthodox Discourse in Literature: Greek Loan-Word *angel* in the Poetry by S. Kekova

E.I. Luchina

The article is focused on Greek loan-words from the Orthodox discourse in literature. On the material of poems by S. Kekova, we have defined the concept *angel* and analyzed its structure. Four levels of the concept are distinguished: objective, notional, imagery-symbolic, and evaluative. Their distinctive features are shown to be determined by cultural, mythological, and religious traditions and associations.

Key words: Greek loan-words, discourse, idiostyle, linguistic conceptualization.

Несмотря на большое количество работ, изучение художественной модели мира или идиостиля писателя остается в фокусе внимания лингвистов¹. Малоизученной, но важной при анализе идиостиля представляется проблема влияния на художественный дискурс других типов дискурса, в частности религиозного. Интересна в данном аспекте роль грецизма *ангел* в идиостиле современного поэта Светланы Васильевны Кековой, чье творчество органично вписывается в православную традицию русской литературы с ее склонностью к метафизичности.

Являясь одним из ранних письменных заимствований из греческого Византийской поры, греческое ἄγγελος – «вестник» при переводе Священного Писания было освоено нашими предками в двух вариантах: *ангел* – «посланник Божий, ангел света» и *аггел* – «падший ангел, ангел тьмы». В последнем случае грецизм повторяет, при транслитерации, свою греческую орфографию, но не произношение, отражая,

таким образом, наиболее древнюю форму его бытования на славянской почве. Через посредство старославянского данный грецизм заимствовался и полностью ассимилировался русским языком, где в православном религиозном дискурсе он входит в лексико-темагическую группу грецизмов «Основные понятия православной религии», в подгруппу «Основные понятия вероисповедания и богословские понятия»².

В результате анализа стихотворений С.В. Кековой разных лет зафиксировано более 130 прямых словоупотреблений грецизма *ангел*, а это 0,3% от общего количества слов, и около десятка описательных и ассоциативных конструкций. Уже сама частотность данного грецизма в поэзии С. Кековой указывает на его принадлежность к так называемым ключевым словам, представляющим лексические единицы, либо «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры»³, либо основополагающие для идиостиля отдельно взятого автора, где они воплощают в себе концепты, отражая индивидуально-авторскую поэтическую модель мира.

Анализ показывает, что грецизм *ангел* в поэзии С.В. Кековой реализует сразу несколько типов концептов. Основываясь на классификации концептов, разработанной в монографии И.А. Тарасовой⁴, дадим типологическую характеристику концепта *ангел* в поэтическом мире С.В. Кековой.

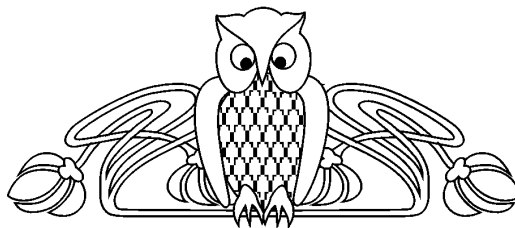
Это, во-первых, концепт – мыслительная картинка, характеризующаяся более или менее точным обликом, формой, размером, цветом и прочими объективными признаками. Согласно терминологии И.А. Тарасовой, это концепт с чувственно воспринимаемым ядром, однако в случае с концептом *ангел* о каком-либо чувственном восприятии можно говорить лишь условно, поэтому термин «мыслительная картинка» представляется более адекватным. Во-вторых, это образно-схематический концепт или концепт с сенсорно-моторной доминантой. Здесь подробно рассмотрим концепт *ангел* как мыслительную картинку.

Понятийный уровень концепта *ангел* у С.В. Кековой определяют в основном почитаемые христианами источники – различные книги Ветхого Завета и Евангелия, а также данные словарей. В христианском дискурсе ангелы – «существа сотворенные, бесплотные, не знающие человеческих страстей и слабостей, обладающие волей, <...> могущественные и наделенные

УДК 821.161.1.09 +929 Кекова

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГРЕЦИЗМОВ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ГРЕЦИЗМ «АНГЕЛ» В ПОЭЗИИ С. КЕКОВОЙ

Е.И. Лучина

Саратовский государственный университет
E-mail: luchinae@mail.ru

Статья посвящена грецизмам православного дискурса в художественном тексте. На материале поэзии С. Кековой дано типологическое определение концепта *ангел* и проведено его поуровневое исследование. При анализе концепта выделены предметный, понятийный, образно-символический, а также ценностно-оценочный уровни, особенности которых связаны с культурными и религиозно-мифологическими традициями и ассоциациями.

Ключевые слова: лексические грецизмы, дискурс, идиостиль, концептуализация.

Conceptualization of Greek Loan-Words of the Orthodox Discourse in Literature: Greek Loan-Word *angel* in the Poetry by S. Kekova

E.I. Luchina

The article is focused on Greek loan-words from the Orthodox discourse in literature. On the material of poems by S. Kekova, we have defined the concept *angel* and analyzed its structure. Four levels of the concept are distinguished: objective, notional, imagery-symbolic, and evaluative. Their distinctive features are shown to be determined by cultural, mythological, and religious traditions and associations.

Key words: Greek loan-words, discourse, idiostyle, linguistic conceptualization.

Несмотря на большое количество работ, изучение художественной модели мира или идиостиля писателя остается в фокусе внимания лингвистов¹. Малоизученной, но важной при анализе идиостиля представляется проблема влияния на художественный дискурс других типов дискурса, в частности религиозного. Интересна в данном аспекте роль грецизма *ангел* в идиостиле современного поэта Светланы Васильевны Кековой, чье творчество органично вписывается в православную традицию русской литературы с ее склонностью к метафизичности.

Являясь одним из ранних письменных заимствований из греческого Византийской поры, греческое ἄγγελος – «вестник» при переводе Священного Писания было освоено нашими предками в двух вариантах: *ангел* – «посланник Божий, ангел света» и *аггел* – «падший ангел, ангел тьмы». В последнем случае грецизм повторяет, при транслитерации, свою греческую орфографию, но не произношение, отражая,

таким образом, наиболее древнюю форму его бытования на славянской почве. Через посредство старославянского данный грецизм заимствовался и полностью ассимилировался русским языком, где в православном религиозном дискурсе он входит в лексико-темагическую группу грецизмов «Основные понятия православной религии», в подгруппу «Основные понятия вероисповедания и богословские понятия»².

В результате анализа стихотворений С.В. Кековой разных лет зафиксировано более 130 прямых словоупотреблений грецизма *ангел*, а это 0,3% от общего количества слов, и около десятка описательных и ассоциативных конструкций. Уже сама частотность данного грецизма в поэзии С. Кековой указывает на его принадлежность к так называемым ключевым словам, представляющим лексические единицы, либо «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры»³, либо основополагающие для идиостиля отдельно взятого автора, где они воплощают в себе концепты, отражая индивидуально-авторскую поэтическую модель мира.

Анализ показывает, что грецизм *ангел* в поэзии С.В. Кековой реализует сразу несколько типов концептов. Основываясь на классификации концептов, разработанной в монографии И.А. Тарасовой⁴, дадим типологическую характеристику концепта *ангел* в поэтическом мире С.В. Кековой.

Это, во-первых, концепт – мыслительная картинка, характеризующаяся более или менее точным обликом, формой, размером, цветом и прочими объективными признаками. Согласно терминологии И.А. Тарасовой, это концепт с чувственно воспринимаемым ядром, однако в случае с концептом *ангел* о каком-либо чувственном восприятии можно говорить лишь условно, поэтому термин «мыслительная картинка» представляется более адекватным. Во-вторых, это образно-схематический концепт или концепт с сенсорно-моторной доминантой. Здесь подробно рассмотрим концепт *ангел* как мыслительную картинку.

Понятийный уровень концепта *ангел* у С.В. Кековой определяют в основном почитаемые христианами источники – различные книги Ветхого Завета и Евангелия, а также данные словарей. В христианском дискурсе ангелы – «существа сотворенные, бесплотные, не знающие человеческих страстей и слабостей, обладающие волей, <...> могущественные и наделенные

разумом, превышающим человеческий»⁵. По преданиям, все ангельское множество некогда разделилось на Божиих ангелов и ангелов Сатаны. Существует девять чинов ангелов света (серафимы, херувимы, архангелы и т.д.), среди атрибутов которых называют огненные мечи, трубы, скипетры, кадила, музыкальные инструменты, а также лилию. Особое место в представлениях православных верующих занимает понятие об ангеле-хранителе, данном каждому человеку с рождения для помощи ему в добрых делах и защиты от злых несчастий.

Во многих религиозных традициях, и в частности в христианской, ангелы изображаются в виде светловолосых андрогинных юношей с крыльями, в белых льняных одеждах с золотыми поясами. Ср.: «Ангел – сверхъестественное существо, служитель бога и его посланец к людям (изображается крылатым отроком, юношей)»⁶.

Понятие *ангел*, таким образом, восходит к основным религиозно-мифологическим представлениям древности, поэтому понятийный уровень данного концепта полностью совпадает с уровнем образным и символическим. В предисловии к фундаментальному труду «Миф и литература древности» О.М. Фрейденберг, размышляя о зарождении и развитии древней философии из искусства, указывает на генетическую цепочку образ – понятие и показывает, как постепенно понятие рождается и «вынуждено строиться на образе и говорить образом»⁷. В образе ангела и воплотились древнейшие, ассоциативного порядка, представления о сверхъестественном, свойственные мифологическому сознанию.

В поэтическом языке С. Кековой грецизм *ангел* семантически дифференцирован в соответствии с религиозно-культурологическими традициями: ангел Божий, ангел Божьего лица (архангел Метатрон), ангел-хранитель, ангел падший (Люцифер), ангел смерти (архангел Азраил) и т.д.

Предметный уровень концепта *ангел* у Кековой строится из «чувственно» воспринимаемых представлений:

1) слуховые представления: «...ангел рыдает падший»⁸ и т.п;

2) визуальные представления: «и виден ангел в солнечных лучах»⁹. Ангел – представитель трансцендентного мира, более многогранного и не всегда вписывающегося в человеческое мировидение и миропонимание. Не всякому дано узреть ангельские лики, отсюда и тоска по истинному знанию и иному миру, с одной стороны, и стыд из-за несовершенства человеческого – с другой: «Только хозяева меда и хлеба видеть не могут ангела неба»¹⁰.

Чаще же всего ангелы или ангелоподобные существа воспринимаются ментально, являясь объектом не столько физического, сколько духовного зрения, неслучайно, поэтому самый распространенный эпитет ангела у Кековой – «невидимый»: «И мы с тобою видим – одни на свете

целом, как вновь парит над нами незримый ангел в белом»¹¹;

3) тактильные ощущения: «словно маленький сверчок, ангел, как усталый лётчик, плащ повесит на крючок. И за стол дубовый сядет, словно он пришёл домой, и крылом меня погладит, и заплачет, Боже мой...»¹². Тактильный контакт между людьми и сущностями иного мира возможен лишь в сновидениях и экстатических состояниях, при этом такие контакты, в соответствии с религиозными представлениями, чреватые для личности сильнейшими потрясениями и даже катастрофами.

У Кековой такие контакты нередки, так как для ее поэтической модели мира характерна особая диффузность, которая неоднократно комментировалась в критике,¹³ – отсутствие границ между различными уровнями бытия, «соединенье суши с небом, проникновенье рая в ад»¹⁴.

Для индивидуально-авторского концепта *ангел* у С. Кековой наиболее актуальными становятся такие характерные признаки ангелов, как крылатость, человекоподобный облик, белоснежное облачение или светоносность: «У ангела крылья как будто мукою присыпаны»; «Я вопрос задаю херувимам в одеждах льняных»¹⁵. Преобладающая в определении ангела у Кековой сема «крылатый» и сема «белый»/«светоносный» генерируют развитие символических коннотаций: ангелы, Божьи посланники, посредники между Богом и людьми символизируют силы невидимого мира, озарение и просветление.

Грецизм *ангел* актуализирует в поэзии С. Кековой разнообразные, традиционные и оригинальные когнитивные признаки и активно участвует в создании различных тропов, выступая метафоризатором. Выявлены следующие когнитивные признаки концепта *ангел* как способ представления художественных денотатов в поэтическом мире С. Кековой:

1) звук: «...где дует ветер в ангельские трубы...»¹⁶;

2) форма/контур: «Облака в небесах – словно Огненный ангел в чалме, чья сиянье растёт из сгущающихся ярких одежд»¹⁷;

3) бесплотность: «...а ветер, как ангел бесплотный, мне шепчет, листвою шурша»¹⁸;

4) цвет/яркость: «смотри, как в мире, простом и новом, ныряет ангел в листве берёзы»¹⁹;

5) цвет/прозрачность, легкость: «На дереве старом омела прозрачна, как ангельский лик»²⁰;

6) цвет/темнота как признак падших ангелов: «на смуглый лик Веельзевула ложатся отблески огня»²¹;

7) цвет/темнота как признак Смерти: «Я лицо росой умою, чтоб глаза мои закрыл ангел с траурной каймою по краям лазурных крыл»²².

Ассоциации ангела смерти с темным цветом не представляются исключительными, так как сам концепт *ангел* является составной частью сразу двух мегаконцептосфер религиозной картины

мира – ангел Божий входит в концептосферу Свет, а падший ангел или ангел смерти в исламе – в концептосферу Тьма.

Ассоциативная линия ангел с траурной каймой – ангел смерти закрепляется С. Кековой не только семантическими средствами (траур – знак смерти), но и просодическими («рифма-загадка» закрыл – крыл – [Азраил]).

Вышеназванные когнитивные признаки образа ангела носят у Кековой преимущественно абстрактный характер, отражая внутренние – душевные, или трансцендентные – духовные состояния. Так, в стихотворении «Печальные октавы» когнитивные признаки в образе ангела отображают душевное состояние лирических героев: «Вот ангел. Вот крылья его за плечами. Смотри же, мой друг, не коснись ненароком, иначе в короне житейской печали событие любви перед мысленным оком предстанет. И то, в чем его уличали, к тебе подойдет, и в покое глубоком тебя голубыми крылами обнимет, губами коснется – и разум отнимет»²³.

В стихотворении «...меня уже не мучит...» Светлана Кекова описывает особое состояние лирической героини – то ли сновидение, то ли транс, позволяющее увидеть мир в необычном ракурсе: предельное – с точки зрения вечности, земное – из космического пространства: «Да, мы с тобой – песочные часы, над нами ангел плачет и смеется, и золотые светятся власы Его над миром...»²⁴.

Нередко грецизм *ангел* у Кековой сам выступает художественным денотатом. Как отмечают исследователи²⁵, особенность поэтической модели мира С. Кековой в том, что она сама является сплошной развернутой метафорой, тогда грецизм *ангел* одновременно является здесь и художественным денотатом и метафоризатором. «Вдруг да явится ангел, как школьник на взрослый сеанс, с легким трепетом крыл ты случайно войдешь в резонанс, и, оставив ладью дорогой колыбели двуспальной, скажешь жизнь «адыю» – и проснешься в купели хрустальной»²⁶. Грецизм *ангел*, символизируя неумолимое время/вечность, в процессе метафорической номинации приобретает в данном контексте признак «появившийся украдкой, тайно», а отсюда «неожиданный, внезапный».

Или уже цитированное: «словно маленький сверчок, ангел, как усталый лётчик, плащ повесит на крючок. И за стол дубовый сядет, словно он пришёл домой, и крылом меня погладит, и заплачет, Боже мой...»²⁷. Характерно, что в обоих случаях при наименовании ангела употребляется антропоморфизм, позволяющий актуализировать такую устойчивую для образа ангела в мировой культуре предикативную характеристику, как человекоподобие. Вместе с тем антропоморфизм подразумевает не только внешние признаки, но и определенные внутренние качества: жестокость, сострадание, понимание и т.п., что также указывает на взаимопроникновение и взаимопретекание

мира реального и метафизического в поэзии С. Кековой.

В большинстве же поэтических контекстов когнитивный признак едва ли может быть конкретизирован, т.е. *ангел* приобретает в них символическое значение, образуя тем самым важный для концепта у Кековой символический уровень. Символическое значение появляется на основе устойчивых ассоциаций, посредством которых данный концепт соотносится с другими, более или менее абстрактными. Посмотрим, какие представления ассоциируются в поэзии Кековой с ангелом.

1. *Ангел – Бог* – наиболее распространенная у Кековой и в православной литературе в целом ассоциативная линия, основанная на общей принадлежности образа и ассоциата к религиозному дискурсу: «Как Господа славит содружество птичье – кукушка на иве, кулик на болоте, а Он улыбнется, скрывая величие и свет Божества под покровами плоти. И грянут, как молния, ангелов хоры: «Великому счастью предшествует горе!»²⁸

2. Данную линию закономерно продолжает линия *ангел – христианский рай и праведники*, а также более широкая ассоциация *ангел – библейские персонажи, святые места на земле*: «Мой дух не в силах тело побороть, как ангела незримого Иаков»²⁹ и т.п.

3. Ассоциация *ангел – восток* восходит к параллели *ангел – рай*: «словно крыльев невидимый взмах и бамбуковых ангелов пень»³⁰. Ассоциация в художественной культуре не новая, однако, основываясь на традиционном местоположении Эдема на востоке «на востоке», у Кековой она обусловлена индивидуальными особенностями поэтики, в частности, причудливым переплетением библейских и нехристианских, часто языческих, образов. Такая образная эклектика, видимо, призвана у Кековой отобразить единство мироздания во всем его многообразии.

4. Линия *ангел – Рождество* также имеет традиционно-христианский характер: «Пишет ангел рождественским инеем, словно мелом на классной доске, что вина прощена и заглажена»³¹.

5. Производная от предыдущей и специфическая для русской культуры ассоциация *ангел – зима*, опираясь на христианский контекст, вместе с тем основывается на когнитивном признаке «белый», «белоснежный», синтезируя традиционные представления о добрых ангелах и ассоциативный ряд *Рождество – зима – снег*: «на просторах России лютует январская стужа. Здесь над белой мукою невидимый ангел летал...»³².

6. Не менее сильная у Кековой ассоциативная линия *ангел – Сатана*, основанная на традиционном в христианской традиции делении всего ангельского множества на добрых ангелов и падших: «...войско ангелов на знамени нарисует букву «С»»³³ «Над нами – свод крестообразный, под нами – ангел безобразный, мятежный ангел Сатаны»³⁴. Данная ассоциация имеет когнитивный характер, так как концепт *ангел*, входя в

концептосферу Тьма, вызывает ассоциативную цепочку признаков «темный – черный – безобразный – злой».

7. Ассоциация *ангел – смерть* представляется, во-первых, производной от предыдущей («темный – черный – безобразный – злой – смертоносный»), а во-вторых, имеющей религиозно-культурологическое основание (об ангеле смерти в исламе и мировой культуре см. выше).

Как подчеркивает И.А. Тарасова, образные модели формируют символический уровень за счет ассоциаций лишь при условии архетипичности данной ассоциации, ее традиционно-поэтического характера, устойчивости ассоциативной связи в поэтическом мире данного автора или наряду с иными средствами художественного выражения³⁵.

Рассмотрим наиболее важные символические линии, формирующие символический уровень концепта *ангел* в поэзии С. Кековой.

1. Ангел – вечность: «и светлый ангел колыбель качает над пустой могилой»;³⁶ «Вот окончилось лето и снова настала зима. В небе ангел трубит, времена обозначив и сроки»³⁷. В «Балладе об уходящем времени» ангел имплицитно уподобляется кассиру, подводящему итог человеческой жизни и отмеряющему соответствующее вознаграждение: «И ордер расходный мы спеша заполняем в тоске безысходной – нам кассир выдает шестящее время и поводит крылами в окошечке кассы»³⁸. Такая символическая коннотация гречизма *ангел* в поэзии С. Кековой оказывается наиболее устойчивой, проявляясь в преобладающей части поэтических контекстов.

Вместе с тем данная символическая ассоциация имеет, на наш взгляд, иерархически организованную структуру концептов *время – вечность – Бог – истина – суд – прощение – покровительство – благословение...*, в которой семантическим стержнем у Кековой оказывается концепт Бог, так как в религиозной картине мира почти все из названных концептов по сути являются предикативными признаками Бога: «Ночью и днём, несмотря на капризы погоды, ангел возводит больших тополей пирамиды»³⁹ и т.д.

Важно заметить, что понятие *вечность* исчерпывающе определяет хронотоп поэтической модели мира С. Кековой: уподобляясь храму Божьему, вечность может трактоваться здесь как обиталище Бога и конечная цель всего сущего: «Вечность – храм со стеклянными стенами... Ты уже приближаешься к ней всеми листьями, жилами, венами и сплетением мертвых корней»⁴⁰.

Проявления подобных символических значений гречизма *ангел* у С. Кековой разнообразны. Это, во-первых, семантически близкое окружение – лексика различных тематических групп религиозного дискурса, а во-вторых, метафорическая номинация, при которой метафоризатором нередко также выступает лексическая единица религиозного дискурса: «Господень ангел слу-

жит *панихиду*»⁴¹. В-третьих, образ ангела часто помещается в символический контекст, близкий по содержанию: «С голубой незабудкой в руке Ангел твой над землёй пролетит, и воскреснет вода в роднике – и в сиянье себя превратит...»⁴² Образ ангела с голубой незабудкой, у С. Кековой производный от образа голубой незабудки как символа любви к небесному в восточной поэзии⁴³, превращается в символ всепрощения.

2. Ангел – душа. Образ тела как темницы для души является в мировой культуре весьма распространенным, однако в индивидуально-авторской концептосфере С. Кековой наблюдается синтез символических линий, имеющих традиционный для христианской картины мира характер: ангел – душа, душа – жизнь: «Мой ангел был мне дан, когда пришла весна, прилипла к сапогам кладбищенская глина, трава была нежна, вода была пресна, и набивали цвет крыжовник и малина»⁴⁴. Данная символическая линия основана на таком компоненте понятийно-образного уровня концепта *ангел*, как ангел-хранитель, который дается человеку при рождении и сопровождает его на протяжении всей жизни.

Образ ангела как символа души во многих поэтических контекстах сочетается у Кековой с образом птицы (синица, голубь, щегол), широко распространенным в мировой художественной культуре *символом* души, духа, божественного проявления: «в высоком небе водят хоровод созвездья, птицы, ангелы и дети»⁴⁵.

Последний, ценностно-оценочный, уровень концепта *ангел* в поэтическом мире С. Кековой образуют сразу два когнитивных признака «белый, светлый» и «темный», которые, являясь составной частью двух мегаконцептосфер – соответственно Света и Тьмы, имеют ярко выраженную экспрессивно-оценочную коннотацию, общую для большинства языковых картин мира. Первый признак актуализируется в образе ангела Божьего и ангела-хранителя, второй – в образе Люцифера и ангела смерти.

В поэзии С. Кековой образы ангелов часто сопровождаются определениями традиционно-оценочного характера: «светлый ангел», «ангел дивный», «падший ангел», «ангел безобразный», «мятежный ангел», «ангел, светом осиянный горним» и т.д. Вместе с тем нередки и такие оригинальные определения, имеющие контекстуально-оценочный характер, как «ангел беспризорный», «неприкаянный ангел молитвы» и т.п.

Ценностно-оценочная коннотация в образе ангелов у Кековой достигается и за счет широкого использования тех или иных атрибутов ангелов в небесной иерархии, что позволяет достаточно точно идентифицировать их и тем самым отнести к концептосферам Свет или Тьма. Так, следующие контексты атрибутируют Архангела Гавриила, вестника сокровенных тайн мира, который в иконографии изображается с цветущей ветвью, с зеркалом или со свечой внутри светильника: «...то ангел

купается в небе и зеркало держит в руке)⁴⁶ или «Ангел держит зажженный фонарь и большого ребенка за руку»⁴⁷. Оценочную характеристику несут и предикаты сенсорной оценки, в основном это слуховые ощущения: «На семи холмах, в голубых лесах царь-трава растет о семи листах, ... Третий лист червлен, а четвертый – бел, ведь над ним, наверное, Ангел пел»⁴⁸, реже визуальные. В последнем случае словоформа *виден* актуализирует важное в религиозном дискурсе понятие *видения/знамения*, само по себе имеющее исключительно сильную ценностно-оценочную доминанту.

Грецизм *ангел* также может быть помещен у Кековой в контекст, уже имеющий экспрессивную или положительную коннотацию: «слышен ангельский хор – он звучит над Россией *осанной*»⁴⁹. И, наконец, немаловажным способом ценностно-оценочной номинации ангела в поэзии С.В. Кековой является использование притяжательных местоимений, которые в русском языке не только имеют семантику «обладания», но и отличаются значительным эмоционально-оценочным потенциалом: «А ты, мой друг, мой ангел беспризорный, вверху парил. Внизу стояла я...»⁵⁰.

Итак, подведем итог: анализ грецизма *ангел* в идиолекте С.В. Кековой показал его достаточно высокую частотность и концептуальную насыщенность. Данный грецизм у Кековой является своеобразным примером концепта «ментальная картинка», поуровневое исследование которого позволило выделить предметный и понятийный уровни – «картинка» с «чувственными» и наглядно-образными характеристиками. Такая картинка кодирует в идиолекте Кековой насыщенный образно-символический уровень, формирующий на основе богатых культурных и религиозно-мифологических ассоциаций, а также индивидуального опыта поэта. Ценностно-оценочный уровень концепта *ангел* у Кековой отличается амбивалентностью, также обусловленной культурно-религиозными традициями.

В целом же роль и функционирование грецизма *ангел* в поэтическом идиолекте свидетельствует о широком влиянии религиозного дискурса на художественный: религиозный дискурс выступает одним из важнейших источников художественных концептов.

Примечания

- ¹ См.: Северская О.И. Язык поэтической школы: идиолект, идиостиль, социолект. М., 2007.
- ² См.; Лучина Е.И. Грецизмы в православном религиозном дискурсе // Филологические этюды. 2006. Вып. 9, ч. III. С. 98.
- ³ Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 67.
- ⁴ Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: На материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского: Дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004.

- ⁵ Мр, 12:25. См. также: Бытие, 1:1; Бытие, 1:8; 2 Пет, 2:4.
- ⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989. С. 15.
- ⁷ Фрейденоберг О.М. Образ и понятие // Фрейденоберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 182.
- ⁸ Кекова С. Солдатская трава // Знамя. 2000. № 8. С. 132.
- ⁹ Она же. Короткие письма. СПб., 1999. С. 19.
- ¹⁰ Там же. С. 55.
- ¹¹ Кекова С. По новым чертежам // Знамя. 2001. № 11. С. 13.
- ¹² Она же. Сад неприкаянный // Знамя. 2002. № 5. С. 92.
- ¹³ См.: Иванова Е.А. «На семи холмах»: пространство города и мир природы в поэзии Светланы Кековой // Мир России в зеркале новейшей художественной литературы. Саратов, 2004. С. 127–132.
- ¹⁴ Кекова С. Восточный калейдоскоп. Саратов, 2001. С. 44.
- ¹⁵ Она же. На семи холмах. СПб., 2001. С. 71.
- ¹⁶ Она же. Восточный калейдоскоп. С. 64.
- ¹⁷ Она же. На семи холмах. СПб., 2001. С. 70.
- ¹⁸ Она же. Тень тоски и торжества // Новый мир. 2002. № 4. С. 102.
- ¹⁹ Она же. Созвездие спящих детей // Знамя. 2003. № 7. С. 6.
- ²⁰ Она же. Восточный калейдоскоп. С. 22.
- ²¹ Там же. С. 39.
- ²² Кекова С. Короткие письма. С. 48.
- ²³ Она же. Восточный калейдоскоп. С. 10.
- ²⁴ Там же. С. 72.
- ²⁵ См., например: Василькова И. Как нам вылечить птиц, отказавшихся петь? // Новый мир. 2004. № 3. С. 151–159.
- ²⁶ Кекова С. Восточный калейдоскоп. С. 30.
- ²⁷ Она же. Сад неприкаянный. С. 92.
- ²⁸ Она же. На семи холмах. С. 21.
- ²⁹ Она же. Песочные часы. СПб., 1995. С. 28.
- ³⁰ Она же. Халкидонские лилии // Знамя. 1998. № 7. С. 6.
- ³¹ Она же. Иней Рождества // Знамя. 2000. № 1. С. 3.
- ³² Она же. Созвездие спящих детей // Знамя. 2003. № 7. С. 4.
- ³³ Она же. Короткие письма. С. 33.
- ³⁴ Она же. Восточный калейдоскоп. С. 39.
- ³⁵ Тарасова И.А. Указ. соч.
- ³⁶ Кекова С. Солдатская трава. С. 131.
- ³⁷ Она же. Восточный калейдоскоп. С. 55.
- ³⁸ Она же. Песочные часы. С. 14.
- ³⁹ Она же. На семи холмах. С. 42.
- ⁴⁰ Там же. С. 16.
- ⁴¹ Кекова С. Короткие письма. 1999. С. 12.
- ⁴² Она же. Созвездие спящих детей. С. 4.
- ⁴³ Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. М., 1913.
- ⁴⁴ Кекова С. Пленение инеем // Новый мир. 2003. № 7. С. 85.
- ⁴⁵ Она же. На семи холмах. С. 45.
- ⁴⁶ Она же. Тень тоски и торжества. С. 100.
- ⁴⁷ Она же. Халкидонские лилии. С. 6.
- ⁴⁸ Она же. На семи холмах. С. 26.
- ⁴⁹ Она же. Созвездие спящих детей. С. 7.
- ⁵⁰ Она же. Восточный калейдоскоп. С. 40.

индивидуальности, пробуящие себя в различных формах и направлениях. Для многих из них Интернет становится местом первой литературной коммуникации.

Пик творческой активности молодежи, как правило, приходится на студенческие годы. Чаще всего именно этот период свободной, но уже достаточно осмысленной жизни становится самым богатым на смелые эксперименты и оригинальные идеи.

Сегодня Рунет предлагает молодым авторам неограниченные возможности для литературного творчества. Большое разнообразие форм, представляемое интернет-материей, позволяет начинающим писателям работать в рамках легко настраиваемых удобных шаблонов, а также создавать собственные варианты презентации своего творчества читателям.

В качестве площадки для публикации текстов молодые авторы чаще всего выбирают сервисы онлайн-дневников, социальных сетей, а также специализированных литературных интернет-проектов. Более или менее условно в современном Рунете можно выделить шесть основных типов сетевых ресурсов, на которых публикуют свое творчество современные студенты-самодельные персональные сайты:

- разделы с пометкой «Студенческое творчество» на официальных и неофициальных сайтах российских вузов и их подразделений;
- сайты литературных конкурсов;
- специализированные литературные интернет-проекты;
- личные страницы и группы в социальных сетях;
- блоги.

Литературное творчество студентов на самодельных сайтах

Основные принципы Всемирной паутины, провозглашенные Джоном Пери Барлоу в «Декларации независимости киберпространства»⁵ и сформулировавшие идеологию Интернета, – независимость и саморегулирование – по сей день остаются главной приманкой для многих начинающих пользователей Сети. Невозможность принудительных ограничений и принципиальная неподконтрольность содержимого Интернета открывают уникальные перспективы для творчества.

Ощущая безграничные возможности Всемирной паутины, многие творческие пользователи начинают свою жизнь в сетевом пространстве с создания личных веб-ресурсов. Знание лишь основных команд языка HTML позволяет довольно быстро «написать» веб-страницу и заполнить ее любым содержимым. После этого можно также оплатить специальному интернет-агентству «красивое» доменное имя или использовать бес-

платную площадку, и персональный сайт появится в Интернете.

В конце XX в. основную массу творческих интернет-проектов составляли именно самодельные ресурсы: порой примитивные и безликие, но иногда эффектные и перспективные. В 2000 г. компания Яндекс «запустила» сервис-конструктор Народ.ру, ставший уникальным сетевым проектом начала XXI века. Замысел его авторов был очень прост: бесплатно предоставить пользователям несложные в использовании и не требующие специальных компьютерных навыков и знаний инструменты, а также бесконечное пространство для создания и размещения в сети личного сайта. Сегодня на этом сервисе функционируют 2 миллиона 921 тысяча 828 сайтов⁶.

Поисковая система Яндекс по запросу «Студенческое творчество» выдает 21 тысячу страниц, на которых встречается эта фраза в пределах проекта Народ.ру. Большинство из них – личные страницы студентов или студенческих объединений (компаний по интересам, творческих клубов, учебных групп, факультетов).

Среди самодельных студенческих сайтов весомую долю составляет группа ресурсов, посвященных надписям на партах. Для такого рода студенческого фольклора – иногда остроумного и меткого, но чаще всего приниженного и пошлого – в университетской среде используются шуточные термины «партийное творчество»⁷, «наскальное творчество» и «парткультура», обозначающие «разного рода творческие проявления студента, которые можно увидеть на партах в аудиториях или еще что-нибудь в этом роде»⁸:

Идет экзамен по матану,
Передо мною чистый лист,
Какой я нафиг математик,
Я кибернетик, программист!⁹

Автор раздела «Студент» сайта «У Кузьмы» обращается к посетителям веб-страницы с предложением: «У всех студентов наверняка встречаются прикольные записи, написанные самими или же прочитанные на партах. Например фразы, афоризмы, стихотворения. Шлите их сюда. Будем приобщаться к культуре друг друга. Студенты всех ВУЗов и стран – объединяемся»¹⁰. Однако по сей день на сайте «У Кузьмы» опубликованы лишь его собственные надписи:

Сон окутал вдруг меня.
Вот такая вот фигня.
Дядька-лектор не кричи.
Сон прикольный не спугни!¹¹

Подобные рифмованные тексты, перенесенные с поверхности студенческой парты в сеть для всеобщего увеселения, представляют собой сомнительную художественную ценность. И, несмотря на широкое их распространение в само-

деятельном секторе Рунета, сегодня они пользуются весьма малой популярностью. Большинство сайтов с «партийным творчеством» оказываются заброшенными, а последние обновления на них датируются 2004–2005 годами.

Наряду с «напартной» литературой самостоятельные студенческие сайты порой предлагают посетителям и интересные художественные пробы. Сетевой автор Oleg K. Fogier создал персональный сайт с образцами своего литературного творчества в августе 2002 года. С тех пор его интернет-ресурс посетили 1268 человек. На сайте можно ознакомиться со стихами о дружбе, любви, вечности, жизни в сети Интернет, а также с прозаическими зарисовками «Тишина» и «Комары» и стилизованным под дневник текстом «Записки студента: Аббитуриент».

«18.06. Пришли с мамиком в приемную комиссию. Нам дали листок с профессиями. <...> Я хотел быть директором ночного клуба, но в листке такого не было, поэтому я выбрал, на мой взгляд, похожую профессию – ректор университета. В комиссии сказали, что это подпись начальника, а будущие специальности выше.

Долго выбирали мое будущее, мамик хотела, чтобы я стал специалистом в области авиационных двигателей, я же решил, что хочу быть автослесарем, потому что, уже давно хочется провести тюнинг своему велосипеду, но знаний не хватает. Мамик долго меня уговаривала – но я был тверд, как настоящий взрослый человек. Поэтому решили, по-моему, я буду специалистом в области двигателей... авиационных»¹².

К сожалению, большая часть молодых писательских начинаний, опубликованных на самостоятельных сайтах, так и остается в разряде наивных проб пера, не переходящих на более высокий уровень. Однако даже неудачные творческие попытки остаются в общей литературной копилке и в контрасте с достойными художественными произведениями составляют единство новейшей российской интернет-литературы.

Студенческое творчество на сайтах вузов

Администраторы официальных вузовских сайтов нередко пытаются повысить популярность своего интернет-ресурса добавлением в его структуру страницы или раздела, посвященного студенческому творчеству. Как правило, в этих разделах талантливой молодежи предлагается опубликовать литературные или околослитературные произведения, рисунки и фотографии, видеоклипы и анимационные ролики. Однако изначально предвзятое отношение студентов ко всему официальному чаще всего приводит к тому, что подобные разделы остаются пустыми и отнюдь не творческими. В то же время неофициальные сайты учебных заведений, где студенты чувствуют некую свободу, зачастую предлагают пользователям интересные материалы, выходящие за рамки рубрики «Проба пера».

На сайте студентов Санкт-Петербургского государственного университета СПбГУ.ру зарегистрирован молодой писатель, скрывающийся под сетевым псевдонимом karpise. В разделе «Креатив» автор предлагает на суд читателей свои поэтические и прозаические тексты. Из общего ряда выделяется серия миниатюр «Лица», которые студент «записал по наблюдениям за людьми». В ироничных портретных зарисовках молодой литератор изображает студента Петю Нулиса, проректора, профессора-химика Кима. Автор детально прорисовывает моменты студенческой жизни, воссоздает образы окружавших его людей: «Ким Александрович Бурков всегда, сколько помнил его Гена, носил один и тот же бежевый пиджак, с наполовину выпущенным наружу смятым клапаном кармана, испачканным мелом. Рукава его тоже всегда были в мелу. Жиденькие седые волосы беспомощно свисали с дряблой старческой головы. И было что-то, смущавшее Генкин непоколебимый душевный покой – затравленный, как будто даже измученный взгляд Кима. Взгляд не загнанного волка и не подстреленного оленя. В нём было что-то другое, чего не умел Гена сформулировать»¹³.

В разделе «Наше творчество» Студенческого сайта КФЭИ (Казанского государственного финансово-экономического института) представлены три рубрики: «Статьи в Экономисте», «Поэзия» и «Художественные творения и просто мысли». Из всех студенческих работ сайта наибольший интерес представляет юмористическая зарисовка «Ищу тебя» – обращение студентки к потерянному где-то карандашу. «Мы были лучшими друзьями, нам было так весело вместе: мы изрисовывали парты на социологии, за что я получила замечание от препода... мы вместе писали отчет по эконом теории... вместе ходили на все вечеринки и оставляли записки в бланках симпатичных парней <...> Прощай! Быть может когда-нибудь через тысячу лет я встречу тебя у кого нибудь из моей группы и скажу: «А ну отдай мой карандаш! Я тебе его на пару минут давала, а ты зажала вот уже на две недели!»))))))»¹⁴.

Первые творческие опыты студентов получаются разными по форме, стилю, послы, однако все они схожи в одном: пространство художественного мира в них заполняет атмосфера студенческой жизни с ее ежедневными учебными заботами, неожиданными открытиями, веселыми праздниками и новыми знакомствами.

Сетевые литературные конкурсы

Середина 90-х г. XX в. стала временем популярности литературных конкурсов в сети Интернет. Публикация на просторах Всемирной паутины в годы становления Рунета воспринималась как большой творческий успех. Победу же в виртуальном литературном конкурсе можно было

расценивать как признание сетевого писателя профессиональным сообществом¹⁵.

Со временем форма сетевых соревнований получила широкое распространение, однако концентрация творческих сил при этом значительно снизилась: огромное количество схожих интернет-проектов «разбросало» перспективных писателей по безграничной сети.

Сегодня литературные конкурсы в Интернете объявляются очень часто, но, к сожалению, далеко не все из них доводятся до конца. Пресытившиеся всевозможными сетевыми проектами пользователи сегодня оказываются тяжелы на подъем. Одной из самых продуктивных мотиваций для участия в творческом соревновании становится объявление денежной премии победителю или обещание последующего печатного издания лучших работ конкурсантов.

Запрос «литературный конкурс 2009» в поисковой системе «Яндекс» выдает информацию о 3 миллионах веб-страниц, содержащих это словосочетание. Довольно часто подобные конкурсы объявляются вузовскими управлениями и отделами организации воспитательной работы со студентами, филологическими и журналистскими факультетами.

Так, до 30 декабря 2009 г. в Уральском государственном техническом университете принимались заявки на участие в литературном конкурсе среди студентов, сотрудников и преподавателей, посвященном 70-летию со дня рождения Иосифа Бродского. А в апреле 2010 г. Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет совместно с Союзом писателей Республики Татарстан и Исполкомом международного союза общественных объединений «Всемирный Конгресс Татар» подводят итоги литературного конкурса работ на татарском языке (проза, поэзия, драматургия, публицистика) абитуриентов – учащихся 9–11-х классов.

Наряду с вузовскими конкурсами в сети функционируют сотни литературных интернет-сообществ, объявленных писательскими и иными общественными организациями, администрациями муниципальных образований, благотворительными фондами.

По итогам литературного конкурса «Вдохновение», проведенного в рамках творческого фестиваля «Такой разный Гоголь» московским Молодежным центром «Галактика», был опубликован сборник творческих работ участников. Под одной обложкой на бумаге появились произведения молодых авторов из разных городов России и стран ближнего зарубежья.

В этом сборнике опубликован фрагмент большого прозаического текста «Песнь о потерянных» Анастасии Бурдиной – студентки Литературного института имени А.М. Горького. В своем повествовании автор создает образ молодой провинциалки, приехавшей в Москву: «А что мне вообще понадобилось в Москве? Образование.

Ехала поступать в МГУ, на инженерный. Тогда казалось, что моё великолепное знание математики и способность мыслить “масштабно” произведут впечатление на приёмную комиссию. Не произвели. Зато по результатам вступительных меня зачислили на заочное отделение вуза родного города»¹⁶.

Нередко среди подобных проектов встречаются случаи интернет-мошенничества, когда с участников собирается предварительный взнос, а сам конкурс оказывается фикцией. Однако в большинстве случаев подобный обман удается довольно легко вычислить.

Большинство сайтов, предлагающих молодым авторам соревноваться в мастерстве владения словом, оказывают положительное влияние на формирование творческой природы, а нередко помогают начинающим поэтам и прозаикам убедиться в своем таланте и продолжать писательскую карьеру.

Сетевой «самиздат» о студенческой жизни

Известно, что слово «самиздат» появилось в русском лексиконе в 60-е гг. XX в. и долгое время использовалось для обозначения неофициального и потому неподцензурного изготовления машинописным, фотографическим или рукописным способами литературных произведений, а также религиозных и публицистических текстов и их распространения без ведома и разрешения официальных органов.

С принятием в России Конституции 1993 г., установившей свободу слова и ликвидировавшей цензуру, понятие «самиздат» потеряло политический смысл и стало обозначать печатную продукцию, опубликованную, растиражированную и распространенную самими авторами, минуя издательства.

Развитие Интернета стало причиной резкого подъема «самиздатовской» деятельности во второй половине 1990-х и начале 2000-х годов. Тысячи пользователей стали выкладывать в сети литературные, философские, публицистические произведения, ожидая профессиональной и читательской оценки своего творчества. В это же время в Рунете появились специальные литературные проекты, предоставившие любому пользователю площадку для виртуальной публикации.

29 мая 2000 г. в Библиотеке Максима Мошкова открылся новый сервис под названием «Журнал «Самиздат»» (далее – «Самиздат»), предназначенный для создания авторских литературных разделов и публикации стихотворных, прозаических и драматургических текстов.

Особенностью работы «Самиздата» стали следующие правила: «Вы регистрируетесь, создаете свой раздел, закачиваете в него произведения, после одобрения модератором они станут доступны всем»¹⁷. Обязательное предварительное знакомство руководителей проекта с текстами

новых авторов позволяет отсеять произведения, публикация которых запрещена законом, а также оградить читателей «Самиздата» от спама – рекламы, на получение которой пользователь не давал своего согласия.

Писательская аудитория «Самиздата» очень неоднородная: на сервере зарегистрированы авторы разного возраста, профессий, социального статуса. Значимую часть «самиздатовцев» составляют молодые литераторы, осознающие преимущества публикации своих текстов в рамках крупного специализированного проекта. Ведь размещение текста в «Самиздате» и подобных ему интернет-проектах дает возможность не только получить более профессиональную оценку своего творчества, не только влиться в виртуальную литературную «тусовку» современных авторов, но и набраться опыта, оценить формы и методы, приемы и стиль других авторов.

Поисковая машина «Журнала «Самиздат»» предлагает посетителям портала 769 литературных произведений, в названии или аннотации к которым встречается слово «студент». Среди них – стихотворения о лекциях и шпаргалках, зарисовки о стройотрядах и педпрактиках, пьесы о нелегкой сессии и фантастические рассказы о научных открытиях вселенского масштаба. Каждый автор воссоздает картину студенческой жизни по своим воспоминаниям или сегодняшним ощущениям:

Сижу на лекции, скучаю.
Я экономику подробно изучаю!
И понимающе подмигивают лампочки.
И мне, и всем вокруг все эти лекции
до лампочки.
И лень писать. И лень мне даже слушать.
Хочу лишь спать и много, вкусно кушать
(О! Как мечтаю я о курочке с подливкой
Или хотя бы булочке с сосиской!),
Еще хочу сидеть на мягком кресле,
А то уже, пардон, мозоль на мягком месте;
И в том, что эта лекция нужна
Большие есть сомнения.
Но все же я сижу и честно...
Пишу стихотворение!¹⁸

Одна из самых распространенных студенческих проблем всех времен – «сидение на скучной и ненужной лекции» – находит отражение и в поэтических, и в прозаических формах. Причем уровень включенности в учебный процесс героя художественного произведения может колебаться от вынужденного, но активного участия в происходящем до предельной формы отстранения – громкого храпа:

«Спит студент под тихое жужжание педогога. Снится ему диплом красный, водки шкалик, шашлык ароматный. А препод журчит убаюкивает: «...локализация... ременисценция... дуализм...»

Хорошо спится студенту. Не беспокоит его ни грядущая сессия, ни ректор, ни декан, ни комен-

дант общажный. Выдувает он носом такие рулады коим и Шаляпин с Вертинским позавидовали бы <...>¹⁹.

Одновременно с «Самиздатом» 9 лет назад в Рунете были открыты два крупнейших сервера для публикации художественных произведений: Стихи.ру и Проза.ру, создателем которых стал Дмитрий Кравчук. Главным их отличием от проекта Максима Мошкова стало свободное размещение текстов без предварительной оценки модераторами. Сегодня на сайте Стихи.ру опубликовано 8 миллионов 407 тысяч 827 произведений, авторами которых являются 250 тысяч пользователей; на сервере Проза.ру 83 тысячи 346 авторов представили на суд интернет-пользователей 1 миллион 156 тысяч прозаических текстов, написанных в разных жанрах²⁰.

Тема студенческой жизни находит отражение в тысячах публикаций «поэтического и прозаического народа»²¹ сайтов Стихи.ру и Проза.ру:

Сессия нам не страшна!
Вот придёт, тогда беда!
Будешь бегать, суетиться
И на боженьку молиться
В форточку просить халяву,
Будешь ночью, как всегда.
Авось, смилится она!
Ну, а после в клуб пойдёшь,
Чтоб обмыть апофеоз²².

Довольно часто авторы пишут о тяготах студенчества, связанных с подготовкой к экзаменам, постоянным отсутствием времени и денег, сложными учебными дисциплинами, строгими преподавателями. Однако «избитость» таких тем нередко компенсируется необычной формой, интересным сюжетом или оригинальным авторским стилем.

«Дама <...> кощунственно проигнорировала вековые традиции отношений в магическом треугольнике «студент – шпаргалка – учитель» и взяла с собой на экзамен... учебник (!). Получив билет, дама, <...> достала учебник и стала сдувать первый вопрос билета. Короче, скатывает она нагло свой вопрос и тут преподаватель прекратил на секундочку клевать очередную свою жертву на петушином графике «железо-углерод», потому, что почувствовал изменившуюся энергетику скатывания. Кто-то скатывал неправильно! Это создавало диссонирующие излучения. Что тут говорить, естественно не мог он спокойно клевать в таком поле. Само собой разумеется, энергетический про-туберанец от всплеска возмущения преподавателя возвратился к Лионелле за 0,14 миллисекунды и книга исчезла под широкой юбкой»²³.

Специализированные литературные интернет-порталы пользуются колоссальной популярностью у современных авторов: ежедневно на них регистрируются сотни новых пользователей и публикуются тысячи текстов. Сетевые

проекты, близкие по своей изначальной и перво-степенной идее – предоставить начинающим авторам бесплатную площадку для публикации – неодинаково подходят к ее воплощению и получают в итоге разные результаты:

– неброский и даже аскетичный дизайн «Самиздата», принципиально не изменяемый М. Мошковым в течение девяти с половиной лет, уступает более современному облику сайтов Стихи.ру и Проза.ру, что приводит к потере части потенциальных авторов;

– система оценивания и рецензирования текстов, придуманная Д. Кравчуком, зачастую служит лишь способом получения призовых баллов для продвижения во внутреннем рейтинге проекта и очень редко оказывается реальной оценкой творчества обсуждаемого писателя или поэта;

– «Самиздат» постоянно стимулирует авторов к совершенствованию писательских навыков, регулярно обновляя списки книг и отдельных произведений, заинтересовавших издательства и увидевших свет на бумаге после публикации в сети;

– Стихи.ру и Проза.ру дают пользователям возможность самостоятельного размещения текстов без их предварительного одобрения модератором, что приводит к засорению проекта.

Разные подходы к работе, необычные сервисы, своеобразные способы оценивания текстов – все это дает начинающему автору лишь возможность выбора наиболее подходящего ресурса, итогом же в независимости от выбора становится публикация произведения в сети и обретение читательской аудитории.

Студенческая литература в социальных сетях Рунета

Сегодня в Интернете активно развиваются веб-порталы, построенные по технологии социальных сетей. В мировом рейтинге по числу посетителей первые позиции занимают сайты MySpace, Facebook и Windows Live Spaces, пользователями которых являются сотни миллионов людей²⁴. В российском интернет-пространстве за лидерство борются два крупнейших в своей отрасли проекта: социальные сети «Одноклассники» и «В Контакте»²⁵. Основную аудиторию этих сайтов составляют пользователи в возрасте от 14 до 35 лет²⁶.

Одним из самых популярных сервисов в социальных сетях является возможность вступления в различные группы по интересам. Объединить пользователей в группу может любой, даже самый неожиданный критерий: любовь к надуванию воздушных шариков, коллекционирование «счастливых» билетиков, учеба в одном вузе, сочинение стихов или прозы. Наиболее продуктивным можно считать участие интернет-пользователей в группах, посвященных искусству и творчеству, среди

которых весомое место занимают литературные объединения.

Самая многочисленная группа пользователей сайта «В Контакте», посвятившая себя литературному творчеству, называется «Стихи... Любовь... И всё, что с этим связано!!!» и насчитывает 149 837 участников. В ней преобладают стихотворения о любви: «Здесь вы можете оставлять свои творения и просто любимые стихи других авторов»²⁷, – так объясняют назначение сетевого клуба его создатели.

Вторая по количеству участников виртуальная организация – «КОГДА РОЖДАЮТСЯ СТИХИ»²⁸. Сегодня в эту группу вступило 6676 человек, интересующихся поэзией и пишущих стихи. Внутри группы проводятся поэтические конкурсы, обсуждаются стихотворные опыты участников, даются советы начинающим поэтам.

Интересна с точки зрения популярности группа «Сборник рассказов о бедном студенте Васе»: почти 5 тысяч пользователей читают и обсуждают рассказы Дмитрия Поделякина из Старого Оскола о студенте Васе-программисте. Забавные, но весьма примитивные и местами пошлые тексты повествуют о том, как «Вася работает менеджером в компьютерном магазине», «Вася гуляет по кладбищу», «Вася рассказывает сказку ребёнку», «Вася пишет письмо не нашему президенту».

Электронный сборник открывает рассказ «Вася и матан»: «В одном маленьком городе жил мальчик по имени Вася. Учился он в доблестном орденоносном вузе. <...> И вот в один прекрасный момент наступил извечный студенческий кошмар – сессия. И ещё более страшный кошмар: экзамен по мат. анализу. Для непосвященных это не анализ матерных выражений, а математический анализ. Вася как обычно к экзамену долго и усердно готовился – за 10 минут пролистал взятый у одногруппницы конспект... Ничего интересно он там не нашёл, кроме «Правила стакана» и «Принципа двух милиционеров». Увидев эти выделенные розовым маркером заголовки он подумал, что достаточно хорошо знает предмет, и допив баночку пивка пошёл на экзамен»²⁹.

Сейчас в группе опубликовано 13 коротких рассказов о жизни «бедного студента», но автор, воодушевленный популярностью своих текстов, обещает писать ещё³⁰ и с удовольствием обсуждает свои рассказы с каждым читателем, оставившим свой комментарий.

Литературные группы и сообщества в социальных сетях объединяют молодых пользователей с общим интересом: любовью к литературе. Именно интерес к словесности становится главным критерием для создания виртуальных клубов и организаций, в которых каждый может представить на суд единомышленников свои творческие опыты, стать первым критиком для начинающего литератора, обсудить с другими прочитанную книгу, поразмышлять над развитием литературного процесса.

«Студенческая» блогосфера Рунета

На сегодня в русском сегменте Интернета зарегистрировано 11 миллионов 333 тысячи 650 блогов³¹. Задуманные изначально как электронные оболочки для ведения личных онлайн-дневников, блоги со временем превратились в удобный интернет-сервис, позволяющий каждому включиться в медиасферу, стать не только потребителем информации, но и создателем уникального контента, доступного каждому.

Современный блогер может оперировать любыми формами медиа, однако при всем разнообразии возможностей для самовыражения наиболее частотными являются именно текстовые посты – записи в блоге, выполненные в словесной форме. По последним данным аналитической группы департамента маркетинга компании «Яндекс»³², в период с марта 2008 г. по март 2009 г. традиционным для русских блогов являлся текстовый пост объемом 101 слово. Учитывая, что каждый день в России выкладывается порядка 300 тысяч постов, можно говорить, что ежедневно блогосфера Рунета пополняется тридцатью миллионами новых слов, и это не считая 700 тысяч комментариев, объем которых нередко значительно превышает объем комментируемого сообщения.

Интернет с помощью блогов возвращает катастрофически угасающий в последние годы общий интерес к сочинению текстов и что, возможно, самое главное – к их прочтению. Так, по данным информационного бюллетеня Яндекса, основными посетителями блогов являются не авторы постов, а читатели. Статистика показывает, что читателей за прошедший год было в 30 раз больше, чем активных блогеров.

И все же блог как пластичная медийная форма, поддающаяся различным экспериментам, интересна, в первую очередь, самим авторам онлайн-дневников. Именно они первыми тестируют блогосферу с точки зрения реализации своего творческого потенциала, пытаются максимально полно использовать возможности этого сервиса для своих художественных опытов: журналистских, публицистских, дизайнерских, литературных.

Можно выделить три основных варианта публикации художественного текста в блоге: запись в своем дневнике, комментарий к посту другого блогера, пост в соответствующем сообществе.

Безусловно, самой распространенной формой является публикация литературных произведений в личном дневнике. Многие сообщения, заметки, зарисовки блогеров обладают качествами, присущими высокохудожественным текстам, другие являются лишь первыми и неуверенными литературными опытами.

Тематический разброс дневниковых записей очень широк, однако портрет среднестатистического современного российского блогера, которым

уже два года подряд считается девушка 22 лет, позволяет ограничить это, на первый взгляд, неохватное тематическое поле понятиями: молодость, отношения, жизнь, эмоции, учеба, вуз, студенчество, развлечения, отдых, мода, стиль. Довольно большую группу составляют посты студентов, связанные с темой студенческой жизни.

Так, 19 декабря 2009 г. пользователь `tushkin_as` разместил в ленте своего блога следующий текст: «Мой курс отмечает Последний звонок без меня. Хотя я и был на капустнике, у меня нет ощущения причастности к факультету. Я чувствую грусть, тоску о невыполненном вдохе студенческой жизни и недоумение. Мне грустно, потому что я так и не смог нащупать узы братства в университетских коридорах. <...> Я помню, как мой отец твердил мне, что студенческая пора – самая счастливая часть бытия. Я был кем угодно, но только не студентом. Веселый быт общаги, зазорные сплетни, записки на лекциях, знакомства с девушками, бесшабашные вечеринки. Все это прошло мимо. Пожалуй, я завидую Пушкину и его товарищам по Царскому Селу, которые читали друг другу стихи в тесных комнатных. Пожалуй, мне не хватило этих мелочей. Из предложенного бокала студенчества, как образа жизни, я немного отхлебнул и вежливо поставил на стол»³³.

Эта дневниковая запись не позиционируется автором как литературное произведение. По своей структуре и манере изложения она соответствует классическому блогосферному сообщению. Однако искренние и образные размышления и переживания `tushkin_as`'а о скучно прожитой студенческой жизни заметно выделяются среди многих подобных постов.

Так, например, объемный «Рассказ «Студент»»³⁴, опубликованный в «Живом журнале» блогером `kijimoshi_r` и описывающий типичную любовную историю, являет собой пример любительского творчества довольно низкого качества. Пользователь точно определяет жанр своего поста – рассказ, предваряет его уведомлением о том, что планируется продолжение, просит читателей оценить свое творчество. Но комментариев к тексту за два года так и не последовало, поскольку он весьма зауряден и может быть интересен только лишь с точки зрения формы: повествование в «Рассказе «Студент»» ведется сначала от имени главного героя, затем – его возлюбленной, а заканчивается речью от лица автора. В то время как «Последний звонок» за два первых дня оценили несколько десятков блогеров и оставили более семидесяти комментариев.

Интересно, что начинающие авторы осознают опасность раствориться вместе со своим текстом в блогосфере и потерять желанного читателя, поэтому наиболее активные вступают в литературные сообщества и представляют свои тексты там, а не замыкаются только лишь в пределах своего дневника.

В «Живом журнале» функционируют 265 сообществ, объединенных общей темой «Литература»³⁵. Из них около 170 сообществ – это литературные проекты, связанные с публикациями в сети: «Графомания», «Сетевой журнал молодых писателей «Пролог»», «Неизвестное творчество», «Общество писателей-любителей», «Литературный джем», «Несозданные тексты», «Литература в жж», «Пристанище непризнанных авторов».

В каждом сообществе зарегистрировано в среднем от 60 до 700 блогеров. Молодые литераторы размещают в сети первые творческие опыты и обсуждают с единомышленниками свои произведения: сюжеты, героев, стиль, ошибки и удачи, размышляют о том, как соответствовать современному литературному процессу и завоевывать внимание и любовь читателей.

Всемирная паутина, созданная изначально как инструмент для свободной коммуникации сообщества компьютерно грамотных людей, впоследствии стала территорией самых смелых творческих опытов.

Русский Интернет в первые годы своего становления превратился в уникальное и необходимое место встречи авторов, жаждущих отклика и признания, и читателей – строгих критиков, восторженных поклонников или нейтральных созерцателей. И два десятилетия назад, и сегодня в основании Рунета лежит словесность. Из слов выстраивается каждое электронное сообщение, новая запись в блоге, очередной комментарий к чужому тексту.

Самые активные литературные деятели сети – современные студенты. Именно они предлагают новаторские формы и идеи, необычные подходы к презентации своего творчества и привлечению читательской аудитории, во многом именно они творят новейшую сетевую словесность.

Примечания

- 1 См.: *Прозоров В.В.* Власть современной журналистики, или СМИ наяву. Саратов, 2004. С. 102–108; *Он же.* Другая реальность: Очерки о жизни в литературе. Саратов, 2005. С. 14–29.
- 2 Тексты из Интернета публикуются с сохранением орфографии, грамматики, пунктуации и стилистики подлинника.
- 3 *Нестеров В.* Житие автора в Сети или как жаль, что нет Алектриона. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/j/janr_1/netlife.shtml. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 4 См.: *Чернолицкая О.* Феноменология сетевого авторства // Топос. Литературно-философский журнал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://topos.ru/article/3393>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 5 Declaration of the Independence of Cyberspace. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://w2.eff.org/Misc/Publications/John_Perry_Barlow/?f=barlow_0296.declaration.txt. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 6 О проекте. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://narod.yandex.ru/about>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 7 Партийное творчество (студенческий фольклор). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://silverpress.narod.ru/data/studfolk.htm>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 8 Парткультура. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://partkultura.narod.ru>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 9 Идет экзамен по матану. Парткультура. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://partkultura.narod.ru>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 10 У Кузьмы. Студент. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kysya2000.narod.ru/students/index.htm>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 11 Сон. У Кузьмы. Студент. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kysya2000.narod.ru/students/index.htm>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 12 *Oleg K. Fogier.* Записки студента: Абитуриент. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://estih.narod.ru/stihi/20.htm>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 13 *kaprise.* Ким. Из серии миниатюр «Лица». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spbgu.ru/text536>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 14 *Лилия С.* Ищу тебя. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kgfei-students.narod.ru/n7/2-0.htm>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 15 В состав жюри большинства сетевых конкурсов включались профессиональные писатели и литературные критики.
- 16 Молодежный центр «Галактика». Молодежная литература. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mc-galaxy.ru/lib/shelf/6>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 17 Введение в Самиздат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zhurnal.lib.ru/i/i/info/rootabout.shtml>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 18 *Чумаченко М.А.* Сижу на лекции... [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/c/chumachenko_marija_alekseewna/sizhunalekci.shtml. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 19 *Ржевский А.С.* Спит студент (В подражание Н.В. Гоголю). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/r/rzhewskij_a_s/gogol.shtml. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 20 См.: Стихи.ру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stihi.ru>. Загл. с экрана. 20.12.2009; Проза.ру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 21 См.: *Ракитина Е.Б.* «Поэтический народ» в контексте русскоязычной Интернет-поэзии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008.
- 22 *Жумабаев Бакыт.* Про студента. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2008/11/11/3586>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 23 *Neivanov.* Студенческие байки. 4 короткие новеллы о студентах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2002/05/26-84>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- 24 МедиаРеволюция. Pew Internet: социальными сетями пользуется 35% аудитории Интернета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mediarevolution>.

- ru/audience/demography/1803.html. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- ²⁵ По официальным данным интернет-проектов на 15 декабря 2009 г. в социальной сети «Одноклассники» зарегистрировано около 40 миллионов пользователей, а в социальной сети «В Контакте» – около 53 миллионов пользователей.
- ²⁶ По данным сайта «В Контакте», 18% его посетителей составляют интернет-пользователи младше 19 лет, 28% – от 19 до 25 лет, 11% – от 25 до 35 лет.
- ²⁷ Стихи... Любовь... И всё, что с этим связано!!! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club65860>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- ²⁸ КОГДА РОЖДАЮТСЯ СТИХИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club5434538>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- ²⁹ Вася и матан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vkontakte.ru/topic-4913984_8499434. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- ³⁰ Сборник рассказов о бедном студенте Васе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club4913984>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- ³¹ Яндекс. Поиск по блогам. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blogs.yandex.ru>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- ³² Информационный бюллетень «Блогосфера Рунета». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://download.yandex.ru/company/yandex_on_blogosphere_spring_2009. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- ³³ *tushkin_as*. Последний звоночек. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tushkin-as.livejournal.com/123338.html?thread=1152714#t1152714>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- ³⁴ *kijimoshi_r*. Рассказ «Студент». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kijimoshi-r.livejournal.com/3994.html>. Загл. с экрана. 20.12.2009.
- ³⁵ Каталог сообществ/Литература. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.livejournal.ru/communities/75>. Загл. с экрана. 20.12.2009.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.015

ДИСКРЕЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА И БАЛАНС ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ

И.И. Кузнецов

Саратовский государственный университет
E-mail: politbum@mail.ru

В статье анализируется проблема дискреционных полномочий главы государства и их влияния на баланс ветвей государственной власти. Дается авторское видение процесса усиления политической роли президента в условиях повышения террористической угрозы и развития современных тенденций государственного управления.

Ключевые слова: дискреционные полномочия, государственная власть, политические институты, современные политические процессы России, Президент РФ, разделение властей, сдержки и противовесы.

Discretionary Powers of Head of State and Their Impact on the Balance of the Branches of Government

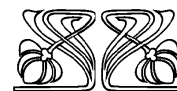
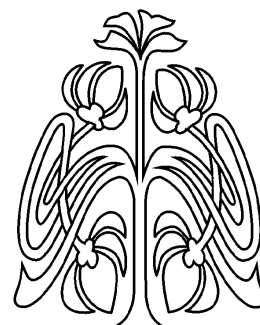
I.I. Kuznetsov

The article analyzes the problem of discretionary powers of head of state and their impact on the balance of the branches of government. We give the author's vision of strengthening the political role of the president in times of increased terrorist threat and the development of modern trends in public administration.

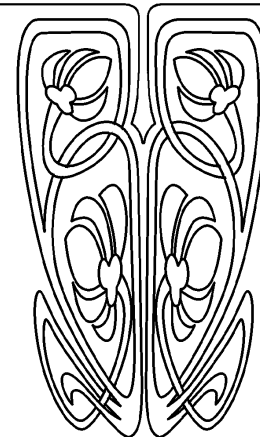
Key words: discretionary powers, political role of the president, check and balances.

В начале XXI в. тенденция усиления реальных политических прерогатив исполнительной власти получила свое дальнейшее развитие. Политические кризисы предыдущего столетия, связанные с масштабным применением военной силы (Первая и Вторая мировые войны, локальные конфликты периода «холодной войны» и последующего времени), решением острых социально-экономических и политических проблем (локализация последствий Великой депрессии, национально-освободительные движения и др.), предотвращением угроз стабильности политических режимов поставили в центр внимания вопрос усиления исполнительной власти. Этот процесс привел также к повышению роли главы государства в принятии важнейших политических решений как в республиканских, так и в монархических системах. Это, на наш взгляд, связано в большей степени с персонализацией и персонализацией власти в ситуации кризиса (концентрация полномочий для реализации конкретных стратегий действий предполагает также и повышение персональной ответственности правителя, легитимирующего общий политический курс). Ключевым пунктом в этом процессе является, по нашему мнению, распространение практики применения так называемых дискреционных полномочий главой государства¹.

Дискреционная власть требует внимательности и осторожности, поскольку в процессе ее осуществления возможны процедурно-процессуальные нарушения, выход за пределы закона, что нередко приводит к отказу от демократических принципов неприкосновенности личности, презумпции невиновности, разделения властей. Дискреционная власть характерна для тоталитарных политических режимов, ее следствием является нарушение законности, прав и свобод человека. Тем не менее, больший или меньший объем дискреционных полномочий необходим и в демократическом обществе, так

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

как законодательство не может детально и полно регулировать все общественные отношения, которые отличаются многообразием содержания, форм и методов правового закрепления. Высокий профессионализм, компетентность и правовая культура обладателей дискреционной власти позволяют избежать негативных последствий ее применения². В настоящее время в отечественной политической науке проблема использования дискреционных полномочий главой государства и исполнительной властью, к сожалению, пока в достаточной степени не исследована. В то же время российские специалисты-правоведы этот вопрос уже обозначили в целом ряде публикаций, что заставляет задуматься о возможном ограничении и/или регулировании данных полномочий в каждом конкретном случае³. В рамках данной публикации предпринимается попытка предложить объяснение причин частого использования дискреционных полномочий президента и возможных последствий этого процесса для всей системы разделения властей в государстве. В отличие от существующего взгляда на сущность дискреции как широкого явления, присущего современному государственному механизму в силу имеющихся «умолчаний» закона и проявлений «дискреции» (усмотрения) правоприменителем⁴, мы предлагаем использовать собственно политологический подход к анализу данного вопроса. Необходимо посмотреть на социально-политические условия и реальные обстоятельства подобных проявлений, чтобы понять возможности дальнейшего закрепления, «конституирования» однажды принятых решений, их упрочения наряду и «поверх» существующего правового регулирования. Последний аспект неизбежно выводит на проблему политической культуры власти, политического сознания и мотивации конкретных действий представителей правящего класса.

Тесная связь полномочий и ответственности главы государства, с одной стороны, и руководства исполнительной власти в реализации дискреционных прерогатив, с другой стороны, особенно характерна для президентских республик (например, США, где сам президент и руководит своим правительством) и для полупрезидентских систем, где глава государства, имея широкие полномочия, все же непосредственно не возглавляет кабинет министров, а взаимодействует с премьер-министром⁵.

Следует отметить, что исполнительная власть играет ведущую роль в государственном механизме и эта тенденция, как отмечает французский профессор политологии И. Мени, «одинаково верна как для примитивных, так и для наиболее развитых обществ, как для либеральных демократий, так и для самых кровавых диктатур»⁶. Эта тенденция появляется и проявляется во многом из-за распространившейся в межвоенный период (в 20–30-е гг. XIX в.) практики делегированного законодательства и чрезвычайных (дискретных)

полномочий. Исполнительная власть, таким образом, фактически получила возможность решать сложные текущие проблемы весьма оперативно (определение масштабов вмешательства государства в экономику, внешнеполитические и военные акции) и зачастую бесконтрольно. Иначе говоря, делегированное законодательство и чрезвычайные полномочия, сопровождаемые, как правило, засекречиванием или ограничением потока информации, имели своим следствием сокращение полномочий представительных учреждений, то есть они лишались возможности принимать решения по вопросам, отнесенным к ведению исполнительной власти. Однако сам процесс усиления исполнительной власти не является линейным. Эволюция взаимоотношений парламента и правительства порождается, очевидно, изменениями в экономических основах государства, развитием экономики от свободной конкуренции к государственному регулированию рыночных отношений. На протяжении всего XX в., по мнению правоведов, можно выделить несколько этапов такой эволюции: **первый этап** – с начала столетия до Первой мировой войны (формируется принцип ответственности правительства перед парламентом), **второй** – межвоенное двадцатилетие (оформление института чрезвычайного положения и делегированного законодательства), **третий** – после Второй мировой войны (закрепление в конституциях норм ответственности правительства)⁷. Кроме того, на наш взгляд, можно выделить еще два этапа этого процесса.

Четвертый этап, который начинается с конца 60–70-х гг. XX в. В это время наряду с продолжающимся усилением исполнительной власти развиваются старые и возникают новые, более детализированные формы ответственности правительства. Такая регламентация содержится уже не только в виде конституционных норм или поправок, но и в развитии вненормативных чисто политических формах – «обычаях», традициях, соглашениях. Появляется масса различных форм взаимодействия властей: согласительные процедуры, специальные комиссии по расследованию каких-либо дел, совместные совещания и т.д. В этот период те или иные дискреционные полномочия главы государства, возникающие в конкретной политической ситуации, становятся предметом активного обсуждения в законодательных органах власти и в судах. Нередко это приводит к серьезным подвижкам в балансе между ветвями государственной власти в целом. Например, в 70-е гг. XX в. в США был очень популярен тезис о наступившей эре «имперского президентства». Данный термин, раскрытый в работах А. Шлезингера⁸, впоследствии во многом подвергался критике. Считалось, что «имперское президентство» – феномен совершенно определенной ситуации – пик ее проявления пришелся на правление Ричарда Никсона («Уотергейт»). Однако, несмотря на сильнейший резонанс всей политической си-

стемы США в это время, кризис был преодолен именно потому, что сработала система сдержек и противовесов. Верховный Суд США в 1976 г. отчеканил формулировку: «отделение друг от друга непроницаемой стеной трех органов правления помешало бы утвердиться стране, коль скоро ею невозможно эффективно управлять»⁹. Конфликт властей разрешается, как правило, путем переговоров, сделок и компромиссов. Готовность к сотрудничеству властей – созданию специальных комиссий из представителей парламента и исполнительной власти, совместной работе экспертов в подготовке решений – это, на наш взгляд, одновременно и условие, и гарантия стабильности политического режима. Поэтому, наверное, будет справедливо определить отношения законодательной и исполнительной властей в США как систему «тангема», при которой колебания сил между властями исключают долгосрочную гегемонию или монополию какой-либо одной, что явно предпочтительнее для демократического режима, чем рискованное сосредоточение государственной власти в руках одного органа.

Подобные американскому, кризисы исполнительной власти были присущи и французской политической системе. Опыт Франции для нас особенно интересен, ибо РФ имеет также смешанную форму правления – президентско-парламентскую¹⁰. Конституция Франции 1958 г. предполагает довольно сложную систему взаимоотношений в случае «раздельного правления» (когда большинство в парламенте оппозиционно президенту и делает весьма независимым от него премьер-министра). Кроме того, президент Франции обладает гораздо большими полномочиями по сравнению с американским (например, может распустить нижнюю палату, инициировать референдум и т.д.). Но мы можем наблюдать, как в течение последних сорока лет многие попытки исполнительной власти «перетянуть одеяло на себя» находили действенный противовес. Так, в 1969 г. попытка генерала Ш. де Голля разрешить конфронтацию с Сенатом (и его председателем Кув де Мюрвиллем) референдумом обернулась его собственным поражением – избиратели отвергли президентский вариант реформы Сената, превращавший его, по существу, в консультативный орган, что повлекло отставку главы государства. Кроме того, опыт мирного «институционального существования» оппозиционно настроенных президента и правительства весьма ценен и поучителен. Особую роль в это время (например, в 1986 г. когда президентом был социалист Ф. Миттеран, а большинство в парламенте имели правые, их представитель возглавил правительство) играет налаживание отношений сотрудничества путем определенного «разведения» сфер деятельности. Это уже, как правило, не передел конституционно-закрепленных норм, полномочий того или иного института, а конкретная политическая практика. Оставаясь в пределах Конституции, президент

сосредотачивает свое внимание на вопросах обороны и внешней политики, сохраняя при этом роль «арбитра» нации, правительство же концентрируется на вопросах внутренней политики. В ситуациях, когда президент и премьер-министр опираются на большинство в парламенте, крен в сторону исполнительной власти весьма очевиден. Но и здесь вступают механизмы саморегуляции системы разделения властей. Активизируется деятельность парламентских представительств от оппозиционных партий, которые ставят своей целью контроль действий правительства¹¹. Кроме того, весьма эффективным механизмом разрешения конфликтов законодательной и исполнительной властей выступает функционирование Конституционного совета (органа, внешне схожего по своему положению в государственной системе с Конституционным Судом РФ), который определяет и регулирует сферы компетенции властей по конкретным политическим вопросам (принимая решения в случаях вторжения парламента в сферу исполнительной власти)¹².

Пятый этап развития дискреционных полномочий и очередного импульса к изменениям в системе разделения властей связан с так называемой «антитеррористической политикой» США и их союзников по коалиции в Афганистане и затем в Ираке. Начало этого этапа можно обозначить довольно точно с реакцией на события 11 сентября 2001 г.¹³ Как известно, после террористической атаки Президент США Дж. Буш-мл. не только предпринял целый ряд шагов, существенно изменивших ход мировой политики, активизировав целый ряд локальных конфликтов-войн, но и реформатировал систему государственного управления.

Сразу же после нападения администрация США объявила о начале «войны с терроризмом». Главной целью этой войны объявлялась поимка «террориста № 1» – О. Бен Ладена. Делались также заявления некоторых официальных лиц о причастности к терактам С. Хуссейна, что, будучи в дальнейшем неподтвержденным, все же сыграло свою роль в формировании соответствующего общественного мнения и подготовке вторжения в Ирак в 2003 г. После атаки 9–11 впервые в истории Североатлантического альянса была задействована ст. 5 Вашингтонского договора о вооруженном нападении на одну из стран-членов блока НАТО¹⁴.

Шесть недель спустя 9–11 Конгрессом был принят внесенный Президентом США Дж. Бушем-мл. т.н. «Патриотический акт» (полное наименование данного закона – «Акт 2001 года, сплачивающий и укрепляющий Америку обеспечением надлежащими орудиями, требуемыми для пресечения терроризма и воспрепятствования ему»¹⁵). Главным идеологом и разработчиком этот закон был генеральный прокурор Дж. Эшкрофт (возглавлявший по должности также и министерство юстиции). На основании «Патриотического акта» полномочия исполнительной власти были

существенно расширены в тех чувствительных для общества сферах, которые непосредственно касаются прав и свобод граждан. Неслучайно объектом острой критики Американского Союза в защиту гражданских свобод (АЗГС) стали такие положения закона, которые давали возможность спецслужбам серьезно нарушать *privacy* американских граждан. Например, АЗГС утверждает, что «ордера на использование определителей телефонных номеров сообщающихся абонентов «в любом месте Соединенных Штатов», аналогичны «бланкетному» ордеру (то есть такому, который не отвечает конституционному требованию о том, что ордер должен содержать «подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту»), поскольку ордер, действующий на всей территории США, по определению не может содержать описание «места, подлежащего обыску». Судья издает ордер, а сотрудники правоохранительного ведомства сами вносят сведения о месте, где ордер будет исполняться. Это еще больше маргинализирует роль судьи. Правоохранительные ведомства получают эквивалент бланкетного ордера»¹⁶. Кроме того, естественную критику вызвала и новая норма закона, установившая возможность проведения осмотров и обысков без уведомления владельца помещения, то есть негласно.

Одним из конкретных шагов Правительства США по изменению системы государственного управления стало введение в 2003 г. новой структуры в исполнительной власти, подчиненной напрямую Президенту – Министерства национальной безопасности (*Department of Homeland Security*), деятельность которого направлена на координацию усилий различных правоохранительных структур в сфере национальной безопасности и борьбы с терроризмом. Бюджет данной организации более 50 млрд долл. И количество сотрудников более 220 тыс. чел. (данные приведены на 2009 г.) в большой степени отражают значимость усилий администрации по выстраиванию целостной системы исполнительных органов, ведающих вопросами «внутренней безопасности»¹⁷.

Весьма показательны в этом отношении и действия российской власти в ситуации критической угрозы терроризма. После захвата школы в г.Беслан в сентябре 2004 г. Президент РФ В.В. Путин выступил с инициативами об изменении некоторых структур власти. Стоит отметить, что это коснулось не только собственно правительства и исполнительной власти в целом, но и всей системы государственной власти. Так, по инициативе главы государства в РФ была существенно изменена избирательная система – изменения в законодательстве о выборах фактически отменили использование мажоритарной системы при формировании депутатского корпуса Государственной Думы РФ, был осуществлен переход к пропорциональной системе. Помимо этого были реализованы такие изменения, которые

(будучи утверждены в разное время, но в целом после 2004 г.) сформировали совершенно новую «управляемую» ситуацию на выборах в нижнюю палату парламента: замена 5%-ного барьера для прохождения партий в парламент на 7%-ный; запрет на участие в выборах блоков и коалиций; отмена минимума активности избирателей, необходимого для признания выборов состоявшимися; отмена графы «против всех кандидатов» в избирательных бюллетенях; запрет перехода избранных депутатов во время работы парламента из одной фракции в другую. Все это в целом дало повод некоторым авторам для критики политического режима В.В. Путина как «режима персональной власти», «электорального авторитаризма» или «патронального президентства»¹⁸.

Централизаторский импульс был придан процессу завершения выстраивания так называемой «вертикали власти», начавшемуся еще в 2000 г. введением института полномочных представителей Президента РФ в субъектах Федерации. Президент предложил, а парламент впоследствии поддержал его идеи об отмене прямых губернаторских выборов. Согласно новым нормам губернатор должен избираться не населением региона, а законодательным собранием (причем только после весьма непубличной процедуры согласования кандидатуры, представленной самим президентом). Необходимость таких изменений В.В. Путин мотивировал соображениями безопасности – террористическая угроза делает необходимой концентрацию власти и создание «единой административной системы, работающей как один организм»¹⁹.

Кроме того, Президент РФ инициировал создание новой институции – Общественной палаты РФ (ОП). Она, по мнению Президента РФ, была призвана стать площадкой для широкого диалога, где могли бы быть представлены и подробно обсуждены гражданские инициативы. Кроме того, такая палата по замыслу должна стать местом проведения общественной экспертизы тех ключевых государственных решений, и, прежде всего, законопроектов, которые касаются перспектив развития всей страны, имеющих общенациональное значение. Парламентом РФ данная инициатива главы государства была поддержана и реализована путем принятия Федерального закона от 4 апреля 2005 г. «Об Общественной палате Российской Федерации»²⁰. После выборов Государственной думы пятого созыва в 2007 г. по новым избирательным правилам в парламенте оказались лишь 4 общенациональные политические партии. Таким образом, создание ОП можно рассматривать отчасти как некую компенсацию за сокращение политического спектра в парламенте (вопрос о том, функциональна или символична эта компенсация, является открытым). Реализация данной институциональной стратегии власти внешне выглядит как распределение уровней представительства интересов общества – для

крупных политических партий страны – избираемая по пропорциональной системе Госдума, а для непартийных общественных структур – ОП²¹.

Среди собственно антитеррористических мер, предложенных президентом и затем реализованных в конкретных правовых нормах, стоит выделить формирование новой правовой и организационной базы для борьбы с терроризмом. В соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму» и Указом Президента Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму», 10 марта 2006 г. был создан Национальный антитеррористический комитет. Для организации планирования применения сил и средств федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов по борьбе с терроризмом, а также для управления контртеррористическими операциями в составе Комитета образован Федеральный оперативный штаб. В субъектах Российской Федерации созданы собственные оперативные штабы (их возглавляют руководители территориальных органов безопасности), а в регионах – антитеррористические комиссии (руководство поручено главам региональных органов исполнительной власти). Объединив представителей 17 государственных структур, министерств и ведомств – в их числе ФСБ, ФСО, МВД, МЧС, Минздравсоцразвития, Минтранс России, Национальный антитеррористический комитет стал коллективным инструментом противодействия терроризму²².

Таким образом, можно отметить определенные аналогии в реакции государственной власти в США и РФ на повышение угрозы терроризма – организационные решения, расширяющие полномочия исполнительной власти в сфере предупреждения террористической активности, локализации возможных последствий терактов, совершенствовании системы постоянного контроля такой активности на всей территории государства с широким привлечением ресурсов субъектов федеративного государства и координацией этих усилий на самом высоком уровне. С этой точки зрения логика действий власти вполне понятна и, может быть, даже стандартна, поскольку является живой реакцией на серьезные вызовы. Однако очевидное проявление дискреционных полномочий главой государства, встреченное позитивно обществом, осознающим необходимость подобных решений в сфере национальной безопасности, может быть распространено де-факто и на деятельность вновь сформированных антитеррористических структур, которые, руководствуясь своей главной целью, могут выходить из-под контроля представительных органов власти и даже суда. Об этом свидетельствует и опыт новейшей истории США, когда находившаяся у власти администрация проводила в жизнь такие законодательные и правоприменительные меры, которые угрожали ценностям конституционализма, запечатленным в Билле о правах (который яв-

ляется органической частью Конституции США). Например, как полагает известный российский правовед В.А. Власихин, «наиболее отвратительными с точки зрения идей и идеалов либерального конституционализма был период маккартистской “охоты за ведьмами” конца 1940 – начала 1950-х гг.», а также период президентства Р. Никсона, когда возможности уголовной юстиции также использовались в интересах текущей политики в сомнительно конституционных параметрах²³.

Важным моментом в повышении значимости применения дискреционных полномочий в современных демократических государствах Запада является то обстоятельство, что они возникают и используются не только «благодаря» кризисам, связанным с террористической угрозой. Есть несколько других важных оснований для такого рода решений глав государств и правительств. На некоторых из них обратила внимание социолог, профессор Колумбийского университета С. Санстейн. Так, по ее мнению, «усиление исполнительной власти часто объясняют непредвиденными обстоятельствами: реакцией на угрозы национальной безопасности или злоупотреблениями отдельных лидеров. Но есть и более глубокий процесс, который начался в 1980-е гг. с введением неолиберальных программ и вне зависимости от политического разделения на левых и правых. Это было частью структурного развития либерального государства. Такие структурные условия представляют собой еще более серьезную угрозу для будущего демократии»²⁴. Среди причин возвышения исполнительной власти ею названы следующие:

1) определенные государственные агентства получают благодаря корпоративно-экономической глобализации больше власти (например, в случае США это – казначейство, федеральный резерв, офис торгового представителя и другие службы;

2) процессы, связанные с интеграцией национальных экономик в мировую корпоративную экономику – дерегуляция и приватизация – с одной стороны, лишали законодательные инстанции их наблюдательных полномочий, а с другой – усиливали исполнительную ветвь (это происходило за счет учреждения специальных комиссий по финансам, телекоммуникациям, торговой политике и другим ключевым составляющим новой экономики). Иными словами, наблюдательные функции, утраченные Конгрессом, перешли к специальным комиссиям, в которых в основном работали люди из соответствующих промышленных отраслей в частном секторе. Всё это вместе представляет собой комплекс теневых операций, находящихся в ведении исполнительной власти²⁵;

3) межправительственные связи, сосредоточенные в основном вокруг исполнительной власти, вышли далеко за пределы сфер глобальной безопасности и преступности (государство участвовало в создании мировой экономической системы, и это породило ряд новых типов трансграничного

взаимодействия, осуществляемого специальными правительственными агентствами);

4) крупнейшие регулирующие органы – прежде всего МВФ и ВТО, а также менее масштабные институты – ведут переговоры только с исполнительной властью;

5) важнейшей частью процесса дерегуляции, который характеризовал экономику после 1980-х гг., была приватизация функций, которые прежде были государственными (содержание тюрем и функции общественного благосостояния осуществляются частными компаниями; сейчас к этому добавился частный набор на контрактную военную службу, охватывающий даже театр военных действий в Ираке. В результате наблюдательные полномочия Конгресса США сократились, а роль исполнительной ветви, соответственно, возросла благодаря специальным комиссиям);

6) исполнительная власть в ряде сфер ориентировалась на глобальную корпоративную логику (показателен случай с корпорацией Dubai Ports World, которая благодаря своей экспансии получила бы контроль над несколькими крупнейшими портами США, если бы в 2005–2006 гг. ей удалось осуществить запланированное приобретение).

Все это свидетельствует не только о кризисе внутри системы власти в целом, дисбалансах механизмов «сдержек и противовесов», но и является, по мнению С. Санстейн, новой «фазой структурного развития внутри либерального государства», причиной которой стала «реализация принципов глобальной корпоративной экономики». Финансовый кризис 2007–2009 гг. дискредитировал эту неолиберальную модель развития, но она все еще оказывает свое влияние на внутренние дела государств. По-видимому, стоит ставить вопрос о природе и возможных масштабах этой проблемы в широком социально-политическом и социально-экономическом контексте.

Поскольку Россия на данный момент все еще придерживается этой либеральной доктрины в экономической политике, декларируя приверженность курсу на вступление в ВТО, реализуя ту же финансовую стратегию борьбы с кризисом, что и западные государства, вопрос о сохранении такого стиля принятия решений, при котором дискреционные полномочия широко используются, остается открытым. Сложность именно российской ситуации с изменением баланса ветвей власти состоит прежде всего в наличии своеобразного опыта взаимодействия ветвей власти, острых политических конфликтах, которые сопровождают процесс урегулирования политических противоречий, слабым гражданском контроле за действиями власти любого уровня. Для большинства западных демократических стран сама тенденция усиления исполнительной власти, использования дискреционных полномочий главами государств не может одновременно означать параллельный «упадок» институтов законодательной власти. На самом деле это более сложный процесс, чем

может показаться на первый взгляд. Истинная функция представительных ассамблей сегодня – это не законодательство, а в первую очередь обсуждение наиболее значимых общественных вопросов («конгресс мнений»²⁶), критика, а значит, и контроль исполнительной власти. Иначе говоря, парламент становится большим жюри нации, местом для обсуждений и согласования. При этом, говоря о законодательных функциях легислатуры, стоит отметить, что в некоторых странах ассамблеи действительно издают закон, в других они лишь машины для штампования законов. Кроме этого, остается также значительным влияние судебной власти (часто именуемой «неполитической»²⁷), которая в целом ряде случаев может выступить сдерживающим фактором по отношению и к расширяющимся прерогативам исполнительной власти и в определенной мере стабилизировать положение представительной ветви власти. В конечном счете судебное решение на самом высоком уровне может либо закрепить сложившееся положение с использованием дискреционных полномочий, либо, наоборот, поставить надежный запрет на этом пути.

Примечания

- 1 Определение понятия «дискреция» (лат. *discretio* – решение по своему усмотрению) встречается в некоторых современных словарях и энциклопедиях. Дискреция (дискреционные полномочия, дискреционная власть) определяется как потенциальное (скрытое) полномочие должностного лица или органа государственной власти, проявляющееся, как правило, в силу умолчания закона (подзаконного акта). См.: Современный словарь иностранных слов. М., 1994. С. 205; Юридическая энциклопедия. М., 2000. С. 24.
- 2 <http://www.megabook.ru/Article.asp?AID=629810>. – 10.11.09.
- 3 В юридической литературе и практике постоянно обсуждаются вопросы правовой и административной реформ, компетенции Президента РФ. Хотя в публикациях не всегда употребляется термин «дискреция», тем не менее, затрагивается ее проблемное поле. Так, употребление понятий «скрытые полномочия», «государственное принуждение», «авторитарные элементы Конституции РФ», постановка и исследование соответствующих проблем вводит авторов, по существу, в проблематику дискреции. См.: *Колошин Е.И.* Скрытые полномочия или захват власти? // Журн. рос. права. 2002. № 7; *Боброва Н.А.* Реформа власти и перспектива развития авторитарных элементов российской Конституции // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 1; *Авакьян С.А., Арбузкин А.М., Аринин А.Н.* Федеральное вмешательство: концепция и проект федерального закона // Вестн. МГУ. Сер. 11. Право. 2000. № 6; *Барциц И.Н.* Институт федерального вмешательства: потребность в разработке и система мер // Государство и право. 2001. № 5.
- 4 Обстоятельно данный сюжет разбирает профессор В.М. Капицын, обращаясь к опыту становления го-

- сударственного права России и Германии в Новое и Новейшее время и в целом апеллируя к традиции континентальной системы права. См.: *Капицын В.М.* Государственная дискреция как проблема конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 3.
- ⁵ Более подробно об особенностях полупрезидентской системы и ее сущностных характеристиках см.: *Зазнаев О.И.* Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань, 2006. С. 222–255.
- ⁶ Цит. по: *Черкасов А.И.* Исполнительная власть в зарубежных странах: сравнительный анализ (Обзор) // Исполнительная власть: сравнительно-правовое исследование: Сб. статей и обзоров. М., 1995. С. 13.
- ⁷ См.: *Маклаков В.В.* Эволюция статуса исполнительной власти в зарубежных конституциях // Исполнительная власть: сравнительно-правовое исследование. М., 1995. С. 62.
- ⁸ См.: *Шлезингер А.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 399–485. См. также: *Schlesinger A.* The Imperial Presidency. N. Y., 1974.
- ⁹ *Савельев В.А.* Президент и принцип разделения властей: история и современность // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 1. С. 46.
- ¹⁰ См.: *Elgie R.* Semi-Presidentialism: Concepts, Consequences and Contesting Explanations // Political Studies Review. 2004. Vol. 2. P. 314–330.
- ¹¹ См.: *Керимов Д.А.* Парламентские представительства как средство контроля за исполнительной властью в Пятой Республике // Государство и право. 1992. № 7. С. 139–147.
- ¹² См.: Ст. 37 Конституции Франции // Франция: Конституция и законодательные акты. М., 1985.
- ¹³ Атака террористов на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, а также здание Пентагона в Вашингтоне уже стала символом наступления новой эпохи в мировой политике. Хотя далеко не все придерживаются официальной трактовки этих событий и указывают на прямую заинтересованность администрации Дж.Буша-мл. в эскалации оборонной риторики, формировании соответствующих социальных ожиданий. См.: *Мейссан Т.* 11 сентября 2001 года. 2-е изд. М., 2003.
- ¹⁴ Statement by the North Atlantic Council // <http://www.nato.int/docu/pr/2001/p01-124e.htm>. – 15.11.09.
- ¹⁵ Текст данного документа см.: <http://www.politechbot.com/p-02714.html>. – 15.12.09.
- ¹⁶ Цит. по: *Власихин В.А.* «Патриотический акт»: юридический анализ // <http://www.agentura.ru/dossier/usa/zakon-antiterror>. – 10.10.2009.
- ¹⁷ <http://ru.wikipedia.org/wiki>. – 20.10.09.
- ¹⁸ См.: *Шимов Я.В.* Эпоха Владимира Путина и трансформация российской государственности // Неприкосновенный запас. 2008. № 1(57); *Хейл Г.* Президентский режим, революция и демократия // Pro et contra. 2008. № 1(40). С. 6–21; *Голосов Г.В.* Электоральный авторитаризм в России // Там же. С. 22–35.
- ¹⁹ Выступление Президента РФ В.В. Путина на заседании Правительства РФ с участием глав региональных администраций. Москва. 13 сентября 2004 года // <http://kremlin.ru/text/appears/2004/09/76651.shtml>. – 16.10.09.
- ²⁰ Федеральный закон «Об Общественной палате Российской Федерации» принят Государственной Думой 16 марта 2005 г., одобрен Советом Федерации 23 марта 2005 года (в редакции федеральных законов от 27.12.2005 № 195-ФЗ, от 30.06.2007 № 121-ФЗ) // <http://www.oprf.ru/publications/documents/2>. – 15.11.09.
- ²¹ Подробнее см.: *Кузнецов И.И.* Политические проблемы и перспективы самоопределения Общественной палаты РФ // Политические проблемы современного общества: Сб. науч. статей каф. полит. наук Сарат. гос. ун-та. Саратов, 2009. Вып.10. С. 49–56.
- ²² *Ильин Е.П.* О современной ситуации в сфере противодействия терроризму в России (по материалам доклада на Третьей междунар. науч. конф. по проблемам безопасности и противодействия терроризму, г.Москва, МГУ, 27 октября 2007 г.) // <http://nak.fsb.ru/nac/structure.htm>. – 15.10.09.
- ²³ Цит. по: *Власихин В.А.* Закон США о борьбе с терроризмом // Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / Отв. ред. и рук. авт. коллектива И.Л. Трунов. М., 2005. С. 224–225.
- ²⁴ Цит. по: *Санстейн С.* Новая политика: исполнительная власть бросает вызов демократии // <http://www.polit.ru/institutes/2009/07/15/politic.html>. – 15.10.09.
- ²⁵ Особенно этим была известна комиссия по вопросам окружающей среды, образованная бывшим вице-президентом Р. Чейни: ее члены и их деятельность были официально засекречены. См.: <http://www.polit.ru/institutes/2009/07/15/politic.html>. – 15.10.09.
- ²⁶ Сравнительное конституционное право / Отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 1996. С. 530–531.
- ²⁷ Политическими властями в американской политологии и конституционном праве называют законодательную и исполнительную власти, тем самым дистанцируя от них власть судебную, которая считается и почитается как «неполитическая», независимая от двух других, ветвь власти государства.

УДК 32001

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ПОЗИЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ И ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

М.В. Данилов, Д.В. Попонов

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru, poponovdv@mail.ru

В статье представлены результаты экспертного опроса, проведенного в Саратовской области в рамках проекта «Социально-экономическое и социально-политическое самочувствие регионов в ситуации кризиса». Анализируются проблемы и перспективы регионального развития в условиях кризиса, поведенческие стратегии политической и экономической элиты, реакция общества на кризисные события.

Ключевые слова: экономический кризис, региональный политический процесс, региональная элита, региональное развитие.

The Political Consequences of the Economic Crisis: the Position of Regional Elites and Expert Community

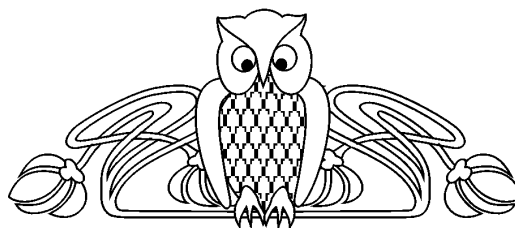
M.V. Danilov, D.V. Poponov

Article presents the results of the expert survey conducted in Saratov oblast in the socio-economic and socio-political mood regions in crisis. Analyses the problems and prospects for regional development in the context of the crisis, behavioural strategy of political and economic elites, reaction to crisis events.

Key words: economic crisis, the regional political process, regional elite, regional development.

Масштаб и характер современного финансового и экономического кризиса определяют важность изучения в различных аспектах его последствий, траекторий развития в кризисных условиях социальных и политических процессов. При этом наибольший интерес представляет мнение о динамике кризисных явлений так называемого экспертного сообщества, в роли которого могут выступать как непосредственные участники общественных процессов, так и специалисты-обществоведы.

В рамках сетевого межрегионального проекта «Социально-экономическое и социально-политическое самочувствие регионов в ситуации кризиса» на территории Саратовской области в сентябре 2009 г. было опрошено 20 экспертов – представителей региональных органов власти, бизнес-сообщества, политических партий и различных общественных организаций (система образования, средства массовой информации, церковь, сфера культуры)¹. Темы, которые были затронуты в ходе экспертного опроса, можно разделить на четыре блока: общее состояние региона в условиях кризиса и перспективы регионального развития; политическая жизнь в регионе и дей-

ствия власти в ситуации кризиса; экономическое положение региона и действия основных экономических субъектов в ситуации кризиса; реакция общества и активной общественности на кризисные события в регионе.

1. Общее состояние региона в условиях кризиса и перспективы регионального развития

В своей оценке ситуации, которая сложилась сегодня в стране, мнения экспертов разделились. Доминирует точка зрения, что Россия, как и все мировое сообщество, живет в ситуации финансово-экономического кризиса. В качестве аргументов эксперты приводят ряд «симптомов» кризиса: паника на бирже, обвал банковского сектора, отток европейских капиталов, падение курса национальной валюты, падение промышленного производства, рост безработицы и, как следствие, снижение основных социально-экономических показателей как по темпам, так и в денежном выражении. Тем не менее, наряду с этим присутствует другое мнение, которое высказывают в основном чиновники областного Правительства и депутатского корпуса. По их словам, кризиса в экономическом понимании этого термина в России нет, а присутствуют лишь кризисные явления, которые выгодно называть кризисом.

В оценках перспектив развития финансово-экономического кризиса в России мнения экспертов разделились практически поровну. Одни считают, что экономика России достигла «дна» кризиса, но стабилизация будет непрочной и сменится второй «волной» кризиса. Другие придерживаются более пессимистичной точки зрения, отмечая, что «дна» кризиса экономика России еще не достигла и следует ожидать дальнейшего экономического спада или стагнации. Весьма показательно, что чиновники более оптимистичны в своих оценках перспектив развития финансово-экономического кризиса, чем бизнесмены.

Вторую «волну» кризиса и дальнейший экономический спад эксперты чаще всего связывают со структурой российской экономики и нестабильной финансово-экономической ситуацией в мире. В качестве дополнительного фактора отмечается не всегда конструктивные поведенческие стратегии элиты в кризисный период.

Сроки полного окончания кризиса в России большинство экспертов указать затрудняются, но в качестве определенного рубежа в динами-

ке кризисных тенденций указывается 2012 год. Одни респонденты считают, что к этому периоду отечественная экономика по темпам своего развития выйдет на докризисный уровень, другие рассчитывают на некоторую активизацию экономических процессов под влиянием позитивных тенденций в мировом масштабе.

Социально-экономическое положение Саратовской области в условиях кризиса эксперты оценивают в целом несколько хуже, чем в среднем по России, объясняя это структурой экономики региона и конфликтным характером межэлитных коммуникаций, который мешает органам власти, политическим и экономическим институтам оперативно реагировать на текущие процессы, выработать конструктивные механизмы решения возникающих проблем.

В числе проблем и последствий кризиса в регионе эксперты указывают спад производства и потребления, рост безработицы, социальную ориентированность регионального бюджета, низкий уровень его доходной базы, отсутствие на территории области крупных инвестиционных проектов, масштабный аграрный сектор в структуре экономики региона, дотационный характер развития Саратовской области. Решение этого комплекса проблем, по мнению респондентов, напрямую зависит от пересмотра экономической стратегии развития региона, активных, консолидированных действий региональной власти в этом направлении. При этом основная задача власти должна быть сконцентрирована на поддержке малого и среднего бизнеса.

Региональная специфика в условиях кризиса экспертам представляется весьма незначительной. Чаще всего эксперты отмечали отсутствие на территории Саратовской области моногородов, крупных капиталоемких производств и аграрную ориентацию региональной экономики. Эти факторы рассматриваются в качестве позитивных, способствующих минимизации в масштабах региона издержек кризисного периода.

Также единодушно эксперты оценивают структуру факторов, которые оказывают влияние на динамику социально-экономической ситуации в Саратовской области. В мировом и национальном масштабах респонденты отмечают влияние макроэкономических процессов на ситуацию в Саратовской области. Региональный контекст социально-экономических процессов тесно привязан к динамике политической ситуации и связан с кадровой политикой в Саратовской области, форматом межэлитных взаимодействий и процессами, связанными с истечением в апреле 2010 г. срока губернаторства П.Л. Ипатова.

На вопрос о том, знакомы ли они со стратегией социально-экономического развития Саратовской области, большинство экспертов ответили утвердительно. В их числе в основном чиновники областного правительства, депутаты областной Думы и журналисты. Практически не слышали о

программе представители регионального бизнес-сообщества.

Оценивая содержательные аспекты программы, эксперты отмечали ее нежизнеспособность, оторванность от практики и отсутствие проработанного механизма реализации ее положений. Однако критические отзывы о документе, которые в адрес программы звучали со стороны чиновников областного правительства и других заинтересованных субъектов, были более конструктивными. В частности, отмечалась необходимость корректировки стратегических, тактических и ресурсных компонентов программы, а также то, что работа в этом направлении уже активно ведется.

2. Политическая жизнь в регионе и действия власти в ситуации кризиса

Региональную антикризисную программу действий эксперты оценивают главным образом в критическом ключе, отмечая ее формальность, декларативность и ориентированность на текущие административные механизмы и практики. На определенный эффект от программы указывает только группа респондентов, представляющая областное правительство и структуры, принимающие активное участие в ее разработке и согласовании. Однако практически все эксперты подчеркивают необходимость комплексных, последовательных и согласованных действий региональной власти в условиях кризиса.

Отвечая на вопрос о том, какие политические субъекты на уровне региона наиболее активны в ситуации кризиса, респонденты в основном соотносили себя с теми институтами, в рамках которых они осуществляют свою деятельность. В числе наиболее активных политических субъектов отмечались политические партии в целом, «Единая Россия», в частности, а также парламентский корпус региона. Деятельность областного правительства или муниципальных структур управления оценивалась с позиций активности определенных персон (О.В. Грищенко, А.А. Щербаков и другие). Также отмечалась активность в решении региональных проблем представителей депутатского корпуса Государственной Думы РФ (В.В. Володин, Н.В. Панков, Ю.Б. Зеленский, В.А. Третьяк). В числе политических субъектов, сворачивающих свою деятельность в условиях кризиса на региональном уровне, эксперты, как правило, отмечали своих политических оппонентов или различные конкурирующие организации. При этом критика в их адрес раздавалась, в том числе, в связи с отсутствием у них проработанной программы выхода из кризиса и решения комплекса порожденных кризисом проблем социально-экономического характера.

Достаточной помощью федерального центра в условиях кризиса считают эксперты, представляющие правительство области, отмечая в основном целевое финансирование за счет средств федерального бюджета, которое поступает в регион. Другие респонденты больше говорят о не-

обходимости федеральной помощи, подчеркивая при этом не всегда активную и конструктивную позицию, которую в этом вопросе занимают региональные элиты, и активность депутатов Государственной Думы РФ, представляющих в нижней палате российского парламента Саратовскую область (В.В. Володин, Н.В. Панков, Ю.Б. Зеленский, В.А. Третьяк).

Своя позиция в данном вопросе есть у некоторых бизнесменов, которые заявляют о целесообразности оптимизации в современных условиях механизмов администрирования территорий, повышении эффективности кадровой политики и активизации региональных элит в решении социально-экономических проблем в масштабах субъектов Федерации.

Динамику центр-периферийных коммуникаций в условиях кризиса эксперты видят в развитии тенденций централизации системы управления, что проявляется в активизации регулирующих и контрольных функций со стороны федеральных структур. При этом отмечается объективный характер этого процесса, который часто рассматривается в качестве закономерного этапа трансформации системы управления в условиях кризиса. Также подчеркивается, что взаимодействие центра и регионов стало более структурированным и оперативным.

Изменения, которые в условиях кризиса произошли в региональной политической жизни, большинство экспертов расценивают как незначительные, подчеркивая развитие тенденций, оформившихся в докризисный период. В частности, весьма четко фиксируются в ответах дальнейшее ослабление позиций губернатора и правительства области, усиление раскола внутри региональной элиты и правящей группировки «Единой России». Четко привязывается к кризису только активизация политических партий в рамках регионального политического пространства («Справедливая Россия», КПРФ).

Очевидно, что главной проблемой кризисного периода для Саратовской области становится проблема консолидации региональной элиты. Она актуализировалась в условиях кризиса, что весьма четко фиксируется в ответах респондентов, представляющих разные статусные и профессиональные группы.

3. Экономическое положение региона и действия основных экономических субъектов в ситуации кризиса

По мнению экспертов, наиболее сильно в условиях социально-экономического кризиса пострадали предприятия, работающие на отечественную автомобильную промышленность и промышленность строительных материалов. Это отмечают практически все респонденты. Второе место по количеству ответов занимают сельскохозяйственные предприятия, предприятия химической промышленности и предприятия, работающие в сфере топливно-энергетического

комплекса. В целом подчеркивается, что кризис в большей мере нанес удар по крупным предприятиям, ориентированным на экспорт своей продукции.

Основу антикризисной стратегии большинства предприятий региона, по мнению экспертов, составляет комплекс вполне адекватных сложившейся ситуации мер. В их числе чаще всего называются сокращение персонала, оптимизацию управленческого аппарата, переход на неполную рабочую неделю, избавление от непрофильных активов.

На вопрос о федеральной помощи предприятиям региона большинство экспертов либо затруднились с ответом, либо не могли конкретизировать, кто выступил адресатом этой помощи. Можно отметить, что ответы респондентов на этот вопрос были весьма противоречивы. В частности, в ответах одни респонденты отмечали помощь, которую федеральный центр оказывает предприятиям оборонно-промышленного комплекса региона, другие – отрицали это. Можно предположить, что, с одной стороны, это является следствием ограниченности информации по данному вопросу, которая имеется у экспертов, а с другой – отсутствия достоверной информации об объемах и адресатах федерального финансирования, которая транслируется через средства массовой информации.

Оценивая помощь региональной власти предприятиям области, эксперты либо уклоняются от ответа, либо отмечают недостаточно активные усилия в этом направлении. Достаточность и эффективность работы отмечают только представители областного правительства. Недостаточность региональной помощи объясняется чаще всего ограниченными возможностями бюджета области. Также подчеркивается, что зачастую со стороны органов власти региона помощь предприятиям региона поступает только в экстремальных ситуациях.

В качестве конкретных примеров помощи региональной власти предприятиям региона эксперты приводят систему грантов для поддержки предприятий малого и среднего бизнеса. Со своей стороны представители этого сектора экономики отмечают недостаточность информации об этой программе.

В целом доминирует критический подход к оценке деятельности региональных органов власти в условиях кризиса. Эксперты либо допускают критику областного правительства, либо подчеркивают активность отдельных чиновников или структурных учреждений правительства области.

Из всех региональных ассоциаций бизнеса эксперты отмечают в условиях кризиса высокую активность Торгово-промышленной палаты Саратовской области. Необходимо отметить, что Торгово-промышленная палата (ТПП) является фактически единственной структурой подобного формата, с которой знакомы респонденты (только

один эксперт помимо ТПП отметил деятельность на территории региона Союза промышленников и предпринимателей Саратовской области).

Эксперты подчеркивают ограниченность возможностей Торгово-промышленной палаты оказывать прямое влияние на динамику региональных экономических процессов, но указывают при этом на конкретную консультативную, образовательную помощь, которую ТПП оказывает экономическим субъектам, а также активную лоббистскую деятельность палаты в сфере администрирования и законодательства.

Единодушие эксперты проявили в оценке перспектив сокращения доходов областного бюджета в условиях кризиса. По их мнению, это приведет к урезанию объемов финансирования различных социальных программ на территории региона, так как более 60% всех бюджетных расходов сегодня составляют социальные статьи.

4. Реакция общества в целом и активной общественности, в частности, на кризисные события в регионе

Практически все эксперты отмечают, что жители Саратовской области ощутили на себе кризисные явления, однако это не привело к массовому изменению социальных и политических настроений населения. Лишь эпизодически в ответах респондентов звучат термины: «паника», «озлобление», «пессимизм». Часто подчеркивается, что воздействие кризиса на население региона носило точечный характер.

В качестве основной социальной проблемы в условиях кризиса эксперты выделяют напряженную ситуацию на рынке труда. Тем не менее, во многих ответах присутствует уверенность, что остроту и масштаб этой проблемы удастся удержать, не допустив ее эскалации.

Также подчеркивается, что в целом население региона весьма спокойно отреагировало на кризисные тенденции. Ни в начале кризиса, ни по прошествии времени в регионе не отмечалось крупных общественных выступлений и акций протеста. Эпизодические социальные выступления, которые назывались респондентами, нельзя рассматривать только в контексте последствий социально-экономического кризиса. В частности, в качестве примера социальных выступлений экспертами указывалось перекрытие жителями поселка Дубки Саратовского района федеральной трассы в знак протеста против длительного отсутствия водоснабжения. Причины этого конфликта не «завязаны» напрямую на кризисных тенденциях и лежат в плоскости общего финансового и управленческого кризиса, который переживает МУП «Саратовводоканал».

По мнению экспертов, в Саратовской области на сегодняшний день не существует объективных оснований для активизации социальных выступлений. В частности, отмечается отсутствие политической силы, способной организовать людей на участие в акциях протеста, а также явной отри-

цательной динамики в уровне жизни большинства населения региона в условиях кризиса.

Рассматривая региональную антикризисную политику, эксперты отмечают активизацию в этом процессе политических партий, профессиональных союзов и различных ассоциаций бизнеса. В числе политических партий, активизировавших свою деятельность в период кризиса, респонденты называют «Единую Россию» и КПРФ. При этом если деятельность «единороссов» чаще всего связывается с реализацией на территории региона крупных социальных и инвестиционных проектов, то коммунисты являются носителями протестного потенциала.

Потенциал профсоюзного движения в регионе эксперты оценивают невысоко. По их мнению, в полном объеме реализовать свою субъектность профсоюзам не позволяет высокая степень зависимости от региональных органов государственной власти. Примечательно, что представители регионального бизнес-сообщества вообще не рассматривают профсоюзное движение в качестве субъекта региональной антикризисной политики.

Ассоциации бизнеса в условиях кризиса, по мнению экспертов, играют информирующую и разъяснительную функцию, организуя различные брифинги, круглые столы и конференции для предпринимателей, органов власти, общественности. Абсолютным лидером в этом кругу является Торгово-промышленная палата Саратовской области.

Все эксперты подчеркивают важную роль средств массовой информации в условиях социально-экономического кризиса. Отмечается недостаточность усилий федеральных региональных *mass media* в реализации своих функций в настоящее время. По мнению респондентов, главной характеристикой современных СМИ является их ангажированность теми или иными политическими или экономическими кругами, что напрямую отражается на качестве выпускаемой продукции, которая серьезно искажает существующую действительность.

Тем не менее, в деятельности федеральных и региональных средств массовой информации просматривается определенная разница. Федеральные СМИ, по мнению респондентов, в большей степени ориентированы на то, чтобы вписать современное социально-экономическое и политическое положение России в мировые процессы, обеспечивая подачу, главным образом, экспертной информации и оценок. Региональные средства массовой информации концентрируют свое внимание на критике региональных властей и их действий в условиях кризиса. При этом в данном случае доминирует политическая составляющая, что проявляется в попытке вписать существующие кризисные процессы в контекст политических противоречий и дискуссий.

Оценивая направленность и динамику взаимоотношений власти и общества в кризисный пе-

риод, эксперты, как правило, подчеркивают либо воспроизводство модели доминирования власти в условиях пассивности общества, либо увеличение дистанции между этими институтами. В качестве аргументов приводится неэффективная политика региональной исполнительной власти во главе с губернатором П.Л. Ипатовым в условиях кризиса. Общее кризисное состояние региональной элитной структуры позволяет допускать некоторую косвенную критику в адрес региональных органов власти даже самим ее представителям.

Большинство чиновников, принявших участие в экспертном опросе, отказались комментировать данный вопрос. Уклонение от ответа также, на наш взгляд, можно расценивать как констатацию ухудшения отношений в данной сфере.

Примерно по такому же сценарию эксперты рассматривают динамику взаимодействий общества и бизнеса в кризисный период. В частности, подчеркивается, что социальные ориентации бизнеса в Саратовской области еще окончательно не оформились. Весьма четко респонденты фиксируют тенденцию ухудшения отношений между обществом и крупным бизнесом. Отмечается, что эта тенденция базовая и стремительно набирает обороты. Примечательно, что ухудшение коммуникаций по линии «общество – бизнес» отмечают, в том числе, представители регионального бизнес-сообщества.

Большинство экспертов затруднились назвать примеры попыток наладить на региональном уровне эффективное частно-государственное партнерство в условиях кризиса. В числе немногочисленных ответов на этот вопрос был назван проект создания Торгово-выставочного транспортно-логистического центра «Таскала – Озинки». Неоднократно подчеркивалось, что усилия, которые предпринимаются на региональном уровне сегодня, являются имитацией, нежели реальными шагами в этом направлении.

Таким образом, проведенное исследование выявило ряд политических последствий, которые имеют место в ситуации финансово-экономического кризиса на территории Саратовской области. К ним можно отнести, во-первых, реальные экономические трудности, испытывае-

мые рядом крупных промышленных предприятий области, которые грозят обострить политическую обстановку. Это может быть использовано оппозиционными партиями и политиками в своих целях. В подобных условиях перед исполнительной властью Саратовской области, перед «Единой Россией» как правящей партией встает проблема обеспечения социально-политической стабильности. Во-вторых, обостряется конкуренция внутри различных групп региональной политической элиты. Каждая из них пытается использовать тематику кризиса в качестве аргумента в политической борьбе. При этом сама борьба носит не только публичный, но и закулисный характер. В-третьих, актуализируется вопрос о политическом выживании отдельных представителей региональной элиты. Очевидно, что в случае реализации негативных сценариев развития кризиса на кого-то будет возложена персональная ответственность.

Сказанное позволяет заключить, что современная политическая ситуация в России в целом и в Саратовской области, в частности, находится в сильной зависимости от процессов и явлений, не имеющих первоначальной политической природы (экономических, социальных, культурных, этноконфессиональных). Это означает, что внимание политолога должно быть уделено такого рода сферам. В них зарождаются реальные политические процессы, и чем раньше они будут диагностированы политической наукой, тем эффективнее будет преодоление их негативных последствий.

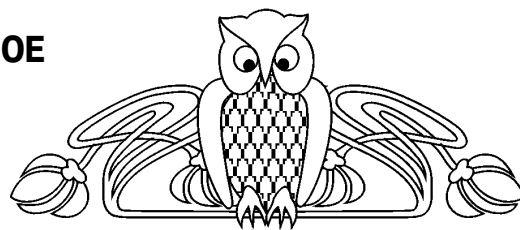
Примечания

- ¹ Сетевой межрегиональный проект «Социально-экономическое и социально-политическое самочувствие регионов в ситуации кризиса» реализован за счет средств АНО «ИНО-Центр» в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках». На территории Саратовской области проект реализовывался Центром мониторинга рисков и прогнозирования социально-экономического развития СГУ имени Н.Г. Чернышевского. Участниками проекта были А.А. Вилков, Н.И. Шестов, И.И. Кузнецов, Д.В. Попов, М.В. Данилов, Я.А. Никифоров.

УДК 329 (470)

НЕФТЬ РОССИИ И РЕНТООРИЕНТИРОВАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ: К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТИМУЛОВ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

А.К. Магомедов, Р.Н. Никеров

Ульяновский государственный университет
E-mail: armagomedov@gmail.com

В статье исследуется феномен рентоориентированного поведения постсоветской российской власти. Исследована преемственность рентоориентированного поведения на различных этапах посткоммунизма в отношении самого важного отечественного ресурса – нефти. Доказано, что контроль над существующими ресурсами стал для различных правящих групп России большим благом, чем иные доступные альтернативы. Отмечено, что система извлечения ренты представляет собой непродуктивную форму социальной стабилизации в переходном обществе.

Ключевые слова: переходный период, рентоориентированное поведение, нефть, Центр-периферия.

Russian Oil and Rent-Seeking: toward Understanding of Nature of the Political Incentives of Russian Authorities

А.К. Magomedov, R.N. Nikerov

The paper presents arguments to the effect that in modern Russian transition the political elite's objectives is consists mainly for maintaining a monopoly on power and siphoning off resource rents. The Russian state led by Putin has increased its direct control of the oil industry. The authors notes that the balance of motives in the recent expansion of state control cannot be gauged with any confidence, but guaranteeing political control for the present ruling group and rent-seeking by high officials appear to have played a substantial part.

Key words: russian transition, rent-seeking, oil industry, center-periphery.

Преамбула: нефть и Россия

Изучение проблем, связанных с нефтью, необходимо для понимания политических и экономических проблем, стоящих перед Россией сегодня. За последние 15 лет энергетический фактор обусловил впечатляющие изменения в характере отечественной экономики и политики. Вкратце их можно свести к следующим тенденциям.

Первая. В экономике России закрепилась устойчивая сырьевая ориентация с упором на нефть и газ. Нефтегазовая отрасль стала наиболее успешным сектором отечественной экономики в постсоветский период. Если в 2000 г. доля нефтегазового сырья в российском экспорте составляла 30%, то в 2007 г. – 65%¹. В последние годы, как отметил известный экономист С. Глазьев, наблюдается немислимый для развитой страны «сырьевой перекося» российской экономики: больше 3/4 госбюджета формируется за счёт продажи

минеральных ресурсов². Поскольку нефть является природным ресурсом, позволяющим получать значительные доходы, контроль над российской нефтью стала предметом жёсткой конкуренции в постсоветский период.

Вторая. В результате неуправляемой децентрализации общества в 1990-е гг. российские регионы получили значительный контроль над природными богатствами в своей географической юрисдикции. Дальнейшая регионализация государства и локализация власти стимулировали конкуренцию различных местных политических сил за контроль над экономикой и ресурсами.

С началом путинской централизации власти и подавления локальных эгоизмов конкуренция за контроль над ресурсами переместилась с регионального на национальный уровень.

Третья тенденция, тесно связанная с двумя первыми, заключается в том, что за годы рыночных реформ в России утвердилась колоссальная поляризация объёма доходов между регионами, невиданная доселе территориальная перегасовка национального фонда зарплаты. Как отмечал российский экономист К. Иванов, аналогичный вариант диспропорции внутри одной страны можно найти пожалуй только в ЮАР. Да и то как наследие долго шедшей концентрации богатств в «белых» индустриальных районах. Причём в основе российского феномена лежит не абстрактная народно-хозяйственная значимость, а натуральная форма производимого продукта и его обратимость в валюту³. Сегодня таким продуктом являются нефть и газ, которые в элитном и массовом сознании стали символами богатства и власти.

Четвёртая. Банковская элита, которая в первой половине 1990-х гг. олицетворяла мощь и блеск отечественной бизнес-элиты, сумела сохранить своё влияние, перейдя в разряд нефтемагнатов как реальной элиты богатства в новых условиях⁴.

Сегодня очевидно, что все уровни российской экономики оказались в неумолимом нефтяном круге, заставляя многих российских аналитиков строить тревожные прогнозы по поводу перспектив российской модернизации⁵.

Эта работа объясняет природу политического поведения российской власти через призму борьбы за такой важный ресурс, как нефть. В центре исследования – борьба за ресурсную ренту в

условиях политической неопределённости переходного общества.

Феномен *rent-seeking*: авторская концепция анализа

В своё время Конфуций призывал «выпрямлять понятия», имея в виду инструментальное уточнение ключевых терминов. В нашем случае в подобном «выпрямлении» нуждается основное понятие работы – рентоищущее поведение (*rent-seeking*).

В нашу задачу не входит объяснение процесса извлечения экономической ренты, так же как изучение природы самой экономической ренты. Мы подчёркиваем политический аспект феномена *rent-seeking*. Рентоориентированное поведение (*rent-seeking*) рассматривается нами в виде стремления к узурпации прав на распределение и перераспределение ресурсов. Это подразумевает извлечение прибыли без участия в продуктивной деятельности, например, путём получения контроля над теми или иными ресурсами. Как будет показано, система извлечения ренты представляет собой непродуктивную форму социальной стабилизации в переходном обществе. Важно понять, что благодаря этой стабилизации определённые группы, блокируя рыночную конкуренцию, добиваются осуществления своих интересов.

Эпоха Ельцина: фрагментация общества и регионализация рентных практик

Децентрализация российской политики в 1990-е гг. привела к тому, что усиливавшиеся местные правящие группы укрепляли региональное самосознание и создавали закрытые «губернаторские экономики». Это помогло им консолидировать свою политическую базу, поскольку население обращало свои ожидания к региональным властям. Естественные географические условия – доступ к природным ресурсам и коммуникациям, ведущим во внешний мир – стали важными источниками сравнительных преимуществ российских регионов.

Это особенно ярко проявилось на примере трёх аграрных регионов с уникальной сельскохозяйственной специализацией: Астраханской области (рыбная отрасль и промысловое стадо осетровых), Калмыкии (овцеводство), Краснодарского края (развитое сельское хозяйство и курортно-рекреационный комплекс). После того как в конце 1990-х гг. по этим территориям начали прокладывать нефтепровод Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), несущий казахстанскую нефть к новороссийским терминалам, их лидеры заявили о своих нефтегазовых приоритетах.

Существует общий мотив для локальных элит во всех трёх рассматриваемых регионах:

местные элиты пытаются держать контроль над транзитными и сырьевыми ресурсами для собственной политической выгоды. Оказавшись совершенно неожиданно на пути следования «большой каспийской нефти», региональные власти демонстрировали рентоищущее (*rent-seeking*) поведение. Их поддержка нефтепровода и политизация нефтедобычи свидетельствует о том, что нефть для них стала большим благом, чем иные доступные альтернативы, в том числе для решения социальных проблем.

Данная мотивация привела даже к острому территориальному конфликту между Астраханской областью и Калмыкией, в основе которого лежало стремление получать большую долю отчислений за перевалку нефти по спорным землям. Ведь политические элиты обеих регионов рисовали перед своим населением красочные картины и диаграммы будущего обогащения. Так, в одном из своих интервью К.Илюмжинов заявил, что Калмыкия должна стать нефтяной республикой, а «когда мы доведём нефтедобычу до 3 млн тонн, то жители Калмыкии могут уже не работать»⁶.

Конфликтная ситуация между Астраханской областью и Калмыкией есть результат взаимной зависимости и убывания материальных ресурсов. Политические лидеры Астраханской области, Краснодарского края, а в ещё большей степени Калмыкии публично демонстрировали поведение рантье-элиты, высказывая энтузиазм возможностью «снимать пенки» от экспорта нефти.

Эпоха Путина: «кремленизация» ресурсной политики и создание государства-рантье

Уход Бориса Ельцина с поста Президента РФ и появление Владимира Путина как общенационального лидера вызвал к жизни множество вопросов: что принесёт региональным властям окончание эпохи Ельцина? Смогут ли лидеры регионов и дальше политизировать нефтедобычу и транзит нефти? Сохранится ли рентоориентированное поведение, или государство будет стимулировать конкуренцию на пути создания новых продуктов и новых знаний?

Точнее всех развитие российского нефтегазового сектора предвидел британский учёный Дэвид Лэйн в книге «Политическая экономия российской нефти», вышедшей накануне смены власти в Кремле. Британский специалист в общих чертах предсказал возможность движения для России в сторону создания корпоративной формы капитализма с энергетической индустрией во главе. «Более государственно ориентированный президент мог бы повернуть страну в направлении корпоративного госкапитализма», – размышлял Д. Лэйн в предисловии к своей книге⁷. Вряд ли он мог предположить, насколько точным окажется его прогноз.

Очень много усилий было потрачено исследователями для рассмотрения федеративной реформы и построения так называемой «вертикали власти» в первые годы президентства Путина. Что касается нефти, то с момента своего прихода к власти в 2000 г. Путин считал, что экспорт природных ресурсов и, в частности, энергоносителей финансово обеспечит экономическое возрождение государства.

После федеративной реформы, которая закончилась нейтрализацией политического влияния губернаторов и «равноудалением» олигархов, венцом которого явилось «дело ЮКОСа», государство стало в значительной степени автономным от внешних групп влияния. Однако нельзя не заметить одну очевидную странность при рассмотрении путинской системы. Главная идея Путина заключалась в создании сильного и единого Российского государства. Он собирался сделать это путём построения строгой централизованной системы власти, укомплектованной преданными ему людьми. Однако его цель превратить государство в эффективный инструмент, обеспечивающий развитие страны, была реализована совсем не так, как это преподносилось изначально.

Путинская команда состояла из его порученцев, которые подавались как скромные технократы, «младшие офицеры». Такие, как, например, И. Сечин, С. Иванов, В. Якунин, А. Миллер и др. Меньше чем через десять лет многие из них стали миллиардерами. Одновременно они превратились в мощные теневые политические фигуры, возглавив крупные кланы и клиентелы.

Почему так произошло? Почему «новые люди», которых Путин привёл с собой из спецслужб для очистки страны, породили столь масштабную коррупцию? Почему у Путина получилось такое государство, в котором произошло сближение между крупным бизнесом и государственной властью?

Думается, дело в следующем. Несмотря на то, что, по данным главы Центра изучения элит Института социологии РАН О. Крыштановской, в первые два года правления В. Путина в стране произошло обновление высшего эшелона власти на 25%, новый лидер сохранил олигархическую модель собственности и власти, которая сложилась в 1990-е годы. Здесь мы не будем оспаривать довольно сомнительный тезис эксперта о том, что при Путине «ельцинская олигархия или исчезла, или перестроилась, стала более скромной, скрытной»⁸. Мы говорим в данном случае не о персоналиях, а о системе власти, воспроизводящей олигархическо-паразитическое поведение. Путинское окружение под разговоры о «сильном государстве» адаптировало эту модель к новым реалиям. Возникшие при Путине новые группы интересов были встроены в олигархические и перераспределительные механизмы 1990-х гг. Паразитическое и рентоориентированное поведение,

как и прежде, осталось способом их существования и менеджмента.

К концу 1990-х гг. объективные интересы правящего класса России заключались в том, чтобы перейти от первичного раздела советского наследства к защите результатов этого раздела и последующему частичному переделу. Для достижения этой цели нужно было добиться политической стабилизации. В рамках данной парадигмы государство рассматривается политическими субъектами не как «средство, с помощью которого народ длит и развивает своё историческое предназначение» (С. Кургинян), а как инструмент раздела и передела собственности с последующей легализацией их результатов. По сути дела, путинский Кремль сохранил постсоветскую модель, содержанием которой является спекулятивное затягивание переходного периода. Поэтому путинское государство, выросшее из ельцинского зародыша, оказалось коррумпированным и олигархичным.

В 1990-е гг. многие местные и региональные администрации установили у себя то, что можно назвать протекционистским рэкетом. В постъельцинской России Путин просто централизовал, или «кремленизировал», эту практику. В 2000-е гг. произошла монополизация рентоориентированной модели федеральным центром. Укрепление «вертикали власти» значительно снизило роль регионов в политической жизни. Это расчистило олигархическим группировкам путь к захвату доходных региональных бизнесов. Принципиально система административного рынка не изменилась. Как отметил российский аналитик Сергей Маркедонов, «если в 1990-е гг. успех праздновали региональные «рейдеры от политики», то в 2000-е гг. успех пришёл к «рейдерам от центральной власти»⁹.

Стратегия «рантье» при Путине, суть которой – централизация и перераспределение ренты от природных ресурсов через госбюджет – позволила улучшить материальный компонент жизни граждан. Повышение мировых цен на нефть с 10 долларов за баррель в 1998 г. до 147 долларов в июле 2008 г. принесло России огромные дополнительные доходы. Как отмечают американские исследователи Клиффорд Гэдди и Барри Уайкс, за годы пребывания Путина на посту президента страны российские нефтегазовые компании заработали на экспорте на 650 млрд долларов больше, чем за предыдущие восемь лет правления Бориса Ельцина¹⁰. В этих условиях российская элита, провозглашая инновационные приоритеты для страны, предпочитает действовать в комфортной логике рентно-распределительной системы. В свою очередь, рядовые россияне, пережившие в 1990-е гг. тяжесть борьбы за выживание, в последнее благополучное десятилетие тоже получили свою долю в рамках рентно-распределительной системы. Это распалило потребительскую мотивацию граждан, которые

стали чувствовать себя частью «общества потребления». Власти поощряли текущее потребление, отдав тем самым предпочтение стабильности перед динамизмом и модернизацией. Это весьма наглядно подтвердил декабрьский (2009 г.) съезд «Единой России», провозгласивший своей идеологией консерватизм.

* * *

Таким образом, концепция рентоориентированного поведения позволяет приблизиться к лучшему пониманию текущих политических стимулов российской власти всех уровней. Суть данного поведения заключается в том, что политические и экономические субъекты тратят избыточные усилия на раздел существующего ресурсного пирога и снижают уровень производственных усилий по созданию добавленной стоимости и новых знаний. Как уже было отмечено в начале статьи, вопрос рентоориентированного поведения нельзя рассматривать как чисто экономический. В подобной ситуации ключевым вопросом становится качество политической системы и государственных институтов, позволяющих ограничить или, наоборот, стимулировать рентоориентированные практики.

Примечания

- 1 См.: Россия в цифрах. М., 2000. С. 356, 368–369; Российский статистический ежегодник. М., 2008. С. 570–574; Коновалов В.Н., Цветоват М. Геостратегический процесс на Кавказе и Каспийском регионе: системный и сетевой анализ // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: Сб. докл. Ростов н/Д; Горячий Ключ, 2006. С. 121.
- 2 Глазьев С. Дискуссия «Между выборами». Экспертный опрос газеты «Завтра» // Завтра. 2008. № 5 (741). 30 янв. С. 1.
- 3 Иванов К. Пропасть между регионами—угроза целостности России // Экономика и жизнь. 1997. № 8. февр. С. 1. Аналогичная тенденция сохранилась и в 2000-е гг. За последние десять лет российская экономика испытала четко выраженное неравенство доходов: как между регионами, так между городскими и сельскими сообществами внутри регионов. Ошеломляющий рост нефтедоходов в 2000–2008 гг. усилил такое развитие.
- 4 Эту тенденцию одним из первых исследовал Евгений Хартуков (*Khartukov E. Bankers becoming new masters of oil companies // Petroleum Economist. London. February 1997. Vol. 64. № 2. P. 6–8.*)
- 5 Эта тревога ощущалась ещё до начала «нефтяной эры», которую сегодня повсеместно связывают с именем В. Путина. См., например: *Квитко Е. Нефть вместо реформ. Интервью с исполнительным директором Экспертного института А. Нещадиным // Московские новости. 2000. № 13. 4–10 апр. С. 10.*
- 6 «НГ-Регионы». 1998. № 15. С. 4. Аналогичные заявления делал обычно сдержанный в таких случаях бывший губернатор Астраханской области Анатолий Гужвин («Общая газета». 2000. № 36. 7–13 сент. С. 6).
- 7 *Lane D. Introduction: The Political Economy of Russian Oil / Ed. by D. Lane. Lanham, Boulder, N.Y., Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1999. P. 10.*
- 8 *Самарина А. Первая десятилетка Владимира Путина. Эволюция от агонии сепаратизма к государству-мифу // Независимая газета. 2009. 7 авг.*
- 9 *Маркедонов С. Триколор сепаратизма // Газета. 2009. 1 апр.*
- 10 *Gaddy C.G., Ickes B.W. Putin's Third Way // The National Interest. 2009. 19 January.*

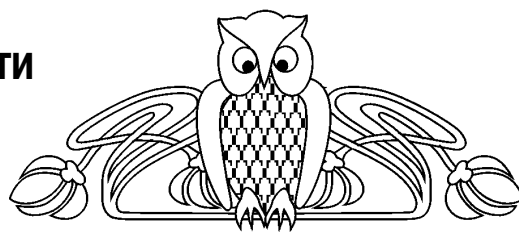
УДК 32.01

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М.К. Арчаков

Благовещенский государственный педагогический университет
E-mail: vostok731@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности деятельности леворадикальных общественных организаций в современной России. Изучение деятельности леворадикальных организаций позволяет утверждать, что в современном российском обществе существует достаточная питательная среда для развития экстремистских организаций, объединений и групп. На сегодняшний день левый экстремизм является потенциально опасной для общества разновидностью леворадикальных практик, сочетающих в себе социальную нетерпимость и агрессивный радикализм.

Ключевые слова: экстремизм, радикализм, социализм, анархизм, революция.

Discussing Appearance and Activity of Left-Wing Social Organisations in Contemporary Russia

М.К. Archakov

The article considers peculiarities of the activity of left-wing radical social organizations in contemporary Russia. The study of the activity of left-wing radical organizations allows to say that a very nourishing environment for the development of the extremist organizations,

стали чувствовать себя частью «общества потребления». Власти поощряли текущее потребление, отдав тем самым предпочтение стабильности перед динамизмом и модернизацией. Это весьма наглядно подтвердил декабрьский (2009 г.) съезд «Единой России», провозгласивший своей идеологией консерватизм.

* * *

Таким образом, концепция рентоориентированного поведения позволяет приблизиться к лучшему пониманию текущих политических стимулов российской власти всех уровней. Суть данного поведения заключается в том, что политические и экономические субъекты тратят избыточные усилия на раздел существующего ресурсного пирога и снижают уровень производственных усилий по созданию добавленной стоимости и новых знаний. Как уже было отмечено в начале статьи, вопрос рентоориентированного поведения нельзя рассматривать как чисто экономический. В подобной ситуации ключевым вопросом становится качество политической системы и государственных институтов, позволяющих ограничить или, наоборот, стимулировать рентоориентированные практики.

Примечания

- 1 См.: Россия в цифрах. М., 2000. С. 356, 368–369; Российский статистический ежегодник. М., 2008. С. 570–574; Коновалов В.Н., Цветоват М. Геостратегический процесс на Кавказе и Каспийском регионе: системный и сетевой анализ // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: Сб. докл. Ростов н/Д; Горячий Ключ, 2006. С. 121.
- 2 Глазьев С. Дискуссия «Между выборами». Экспертный опрос газеты «Завтра» // Завтра. 2008. № 5 (741). 30 янв. С. 1.
- 3 Иванов К. Пропасть между регионами—угроза целостности России // Экономика и жизнь. 1997. № 8. февр. С. 1. Аналогичная тенденция сохранилась и в 2000-е гг. За последние десять лет российская экономика испытала чётко выраженное неравенство доходов: как между регионами, так между городскими и сельскими сообществами внутри регионов. Ошеломляющий рост нефтедоходов в 2000–2008 гг. усилил такое развитие.
- 4 Эту тенденцию одним из первых исследовал Евгений Хартуков (*Khartukov E.* Bankers becoming new masters of oil companies // *Petroleum Economist*. London. February 1997. Vol. 64. № 2. P. 6–8).
- 5 Эта тревога ощущалась ещё до начала «нефтяной эры», которую сегодня повсеместно связывают с именем В. Путина. См., например: *Квитко Е.* Нефть вместо реформ. Интервью с исполнительным директором Экспертного института А. Нещадиным // *Московские новости*. 2000. № 13. 4–10 апр. С. 10.
- 6 «НГ-Регионы». 1998. № 15. С. 4. Аналогичные заявления делал обычно сдержанный в таких случаях бывший губернатор Астраханской области Анатолий Гужвин («Общая газета». 2000. № 36. 7–13 сент. С. 6).
- 7 *Lane D.* Introduction: The Political Economy of Russian Oil / Ed. by D. Lane. Lanham, Boulder, N.Y., Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1999. P. 10.
- 8 *Самарина А.* Первая десятилетка Владимира Путина. Эволюция от агонии сепаратизма к государству-мифу // *Независимая газета*. 2009. 7 авг.
- 9 *Маркедонов С.* Триколор сепаратизма // *Газета*. 2009. 1 апр.
- 10 *Gaddy C.G., Ickes B.W.* Putin's Third Way // *The National Interest*. 2009. 19 January.

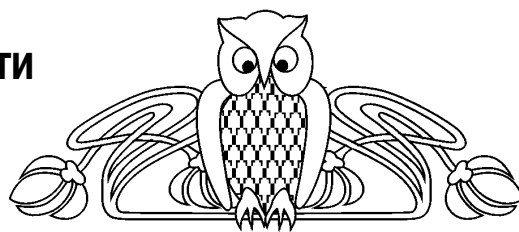
УДК 32.01

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М.К. Арчаков

Благовещенский государственный педагогический университет
E-mail: vostok731@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности деятельности леворадикальных общественных организаций в современной России. Изучение деятельности леворадикальных организаций позволяет утверждать, что в современном российском обществе существует достаточная питательная среда для развития экстремистских организаций, объединений и групп. На сегодняшний день левый экстремизм является потенциально опасной для общества разновидностью леворадикальных практик, сочетающих в себе социальную нетерпимость и агрессивный радикализм.

Ключевые слова: экстремизм, радикализм, социализм, анархизм, революция.

Discussing Appearance and Activity of Left-Wing Social Organisations in Contemporary Russia

М.К. Archakov

The article considers peculiarities of the activity of left-wing radical social organizations in contemporary Russia. The study of the activity of left-wing radical organizations allows to say that a very nourishing environment for the development of the extremist organizations,

unities and groups exists in contemporary Russian society. Nowadays left-wing extremism is potentially dangerous for the society kind of left-wing practices combining social intolerance and aggressive radicalism.

Key words: extremism, radicalism, socialism, anarchism, revolution.

Постоянными участниками политической жизни России 1990-х – начале 2000-х гг. являются молодежные леворадикальные общественные организации и группы. И если КППРФ занимает нишу легальной коммунистической оппозиции правящему режиму, то большинство более мелких коммунистических и социалистических общественных объединений используют в своей деятельности достаточно радикальные методы борьбы.

Появление и деятельность леворадикальных общественных организаций в Российской Федерации обусловлены целым рядом причин. Во-первых, смена общественно-экономического строя привела к резкому социальному расслоению общества на богатых и бедных, потере социальной защищенности малообеспеченных слоев населения, утрате идеалов советской эпохи, что в совокупности привело к стремлению вернуть утраченное, восстановить социальную справедливость, осуществить новую социалистическую революцию. Во-вторых, рост экстремистских настроений в обществе напрямую связан с социально-экономическими факторами, а именно с ростом безработицы (особенно среди молодежи), отсутствием доступного жилья, медицинского обслуживания, образования и т.д., что естественным образом сказалось на появлении и деятельности экстремистских организаций в российском обществе. В-третьих, основной состав экстремистских организаций – молодежь так называемых депрессивных городских и сельских районов. Здесь сказывается отсутствие постоянной работы, доступного профессионального образования, в целом слабая эффективность молодежных программ, реализуемых органами государственной власти и общественными институтами. Отсутствие четких направлений молодежной политики порождает рост молодежной преступности, алкоголизма, наркомании, проституции, а также является питательной средой для деятельности экстремистских организаций. В-четвертых, определенную роль в формировании экстремистских настроений в обществе играют средства массовой информации. Это не только газеты, интернет-сайты, листовки экстремистских организаций, но и некорректная деятельность ряда вполне официальных СМИ по освещению национальных, социальных, религиозных конфликтов в обществе. Нередко публикации данных СМИ носят довольно оскорбительный характер для представителей других национальностей и религиозных конфессий в России. В-пятых, неразвитость институтов гражданского общества в России не способствует правильной оценке деятельности

экстремистских организаций и ее последствий для российского общества. В обществе практически не реализуются гражданские инициативы, проекты, программы по противодействию политическому и религиозному экстремизму.

В совокупности данные причины свидетельствуют о том, что в современном российском обществе существует достаточно благоприятная среда для существования и деятельности экстремистских организаций.

Из многочисленных леворадикальных организаций и групп особой популярностью среди политизированной молодежи пользуются Национал-большевистская партия Эдуарда Лимонова, Авангард Красной Молодежи и объединение российских анархистов «Автономное действие». Деятельность их отличается использованием жестких радикальных методов для пропаганды своих политических идей, привлечения новых сторонников и политической борьбы с правящим режимом.

Наиболее известной леворадикальной организацией является Национал-большевистская партия (НБП), которую с 1994 г. беспрерывно возглавляет известный современный писатель Эдуард Лимонов. Партия Лимонова не обладает четко выраженной идеологией, позиционирует себя как партия, выступающая за восстановление социальных гарантий в интересах большинства народа; за отмену привилегий для чиновников; за развитие гражданского общества, контроль за работой правоохранительных органов и т.д.¹ Однако риторика членов партии, публикации печатных органов НБП, используемые лозунги и призывы позволяют отнести данную организацию к леворадикальным общественным объединениям. Хотя НБП и не позиционирует себя молодежной структурой, но, по собственным оценкам, средний возраст её членов составляет 22 года, что позволяет отнести данную партию к числу массовых молодежных организаций².

Иначе говоря, НБП изначально строилась не как идеологическая организация, а как организация так называемого «молодежного стиля жизни». В непростой социальной действительности середины 1990-х гг. НБП оказалась психологической отдушиной для значительной части политизированной молодежи. Их не волновала идеология, они нуждались в «особом» стиле политического сопротивления и в организации, утверждающей такой стиль. Такой стиль сформировался и проявился в различных радикальных акциях, проводимых НБП в конце 1990-х – начале 2000-х гг.

1999 г. – акция в Севастополе. Активисты НБП захватили два этажа Морского клуба и укрепили транспарант «Севастополь – русский город!» Пятнадцать участников акции провели по полгода в украинских тюрьмах.

2001 г. – в Алтайском крае по обвинению в незаконном приобретении оружия для свержения власти в Северном Казахстане был арестован Эду-

ард Лимонов и еще пятеро членов НБП. Приговор по делу вынесен Саратовским областным судом, арестованные получили сроки от 2 до 4 лет.

2003 г. – около двадцати членов НБП проникли на крышу и ворвались внутрь здания Минюста, требуя регистрации НБП. Участники акции были наказаны в административном порядке.

2004 г. – группа национал-большевиков, протестуя против закона о монетизации льгот, ворвалась в здание Минздрава в Москве и захватила кабинет министра Зурабова. Семь участников акции были осуждены Тверским районным судом Москвы к 5 годам лишения свободы.

Данные и многие другие подобные акции привели к ликвидации Межрегиональной общественной организации «Национал-большевистская партия» решением Президиума Верховного Суда в октябре 2005 г. Было запрещено официальное использование названия «Национал-большевистская партия». Однако НБП не прекратила своё существование. С 2006 г. национал-большевики участвуют в деятельности коалиции «Другая Россия» наряду с либералами из Объединённого Гражданского Фронта Гарри Каспарова. Известный в левых кругах аналитик Борис Кагарлицкий заметил по этому поводу: «История НБП начала 2000-х годов весьма поучительна. С приходом к власти Путина эта организация начала стремительно интегрироваться в либеральный истеблишмент. Представители респектабельной элиты не могли сами решиться на акции прямого действия, но им требовалось “пушечное мясо”, расходный материал, который нужно было использовать для давления на власть. НБП оказалась с этой точки зрения просто идеальным материалом: не имея ни внятной программы, ни устойчивой социальной базы, ни “взрослых” политических кадров, эта организация претендовать на власть серьёзно была не способна. Зато были отчаянные молодые люди, готовые устраивать перед телекамерами мазохистские представления. Каждая акция НБП завершалась арестами, избиениями участников, а порой и судебными приговорами, которые подробно и ярко освещались оппозиционной либеральной прессой»³.

Таким образом, на сегодняшний день «лимоновцы» или «нацболы» остаются хотя и маргинальными, но достаточно активными участниками политической жизни современной России.

В отличие от НБП более идеологически оформленной общественной организацией является Авангард Красной Молодёжи (АКМ). АКМ был создан 4 мая 1999 г. как молодежное крыло движения Виктора Анпилова «Трудовая Россия», провозгласив в качестве своей основной цели «переход общества на социалистический путь развития, установление диктатуры пролетариата, поэтапное возрождение и расширение СССР. Достижение этой цели возможно только в результате социалистической революции»⁴. С 1999 г. по настоящее время организацию возглавляет Сергей

Удальцов. В январе 2004 г. АКМ выходит из под влияния «Трудовой России» и становится самостоятельной молодежной общественной организацией.

Провозгласив основной целью социалистическую революцию, АКМ активно участвует в различных политических акциях – проводит митинги и пикеты, участвует в радикальных уличных акциях протеста, работает со студентами, молодыми рабочими, малообеспеченными слоями населения. Однако наибольшую известность Авангарду Красной Молодёжи принесли радикальные акции прямого действия, схожие по своей организации и экстремальности с акциями национал-большевиков Эдуарда Лимонова.

11 марта 2004 г. – несколько членов АКМ приковали себя наручниками к входным дверям Московской городской избирательной комиссии и на некоторое время парализовали её работу, выступая за бойкот выборов.

23 февраля 2005 г. – атака на посольство Латвии в Москве (со здания посольства сорван и сожжен латвийский флаг) в знак протеста против фашистской политики латвийских властей, по итогам акции было возбуждено уголовное дело.

31 мая 2005 г. – 30 членов АКМ проникли на колокольню Ивана Великого в Кремле и провели митинг под лозунгом «Путин, пора уходить!», требуя отставки президента и правительства. По итогам акции было возбуждено уголовное дело.

В итоге такая акционистская тактика принесла АКМ противоречивые результаты. С одной стороны, на сегодняшний день АКМ – раскрученная и довольно известная среди политизированной молодежи леворадикальная группировка. С другой – деятельность АКМ является сугубо маргинальной и тупиковой. Никакого влияния на органы власти, политических лидеров, широкие социальные слои и в целом на развитие политических процессов в России деятельность Авангарда Красной Молодёжи и подобных леворадикальных организаций не имеет.

Наиболее заметное в современной России объединение анархистов – движение «Автономное действие» (АД), возникшее в 2000 г. после громкого краснодарского дела, когда ряд активистов Федерации Анархистов Кубани были арестованы по ложному обвинению в подготовке теракта против тогдашнего губернатора Краснодарского края Николая Кондратенко. Вообще, анархические объединения и группы стали появляться в России ещё в начале 1990-х гг. как структуры достаточно неформальные, малочисленные и разобщенные. Создание «Автономного действия» было попыткой обновить и объединить российское анархическое движение. На сегодняшний день АД – молодежная леворадикальная организация, осуществляющая свою деятельность в более 30 регионах России⁵. Региональные отделения АД – автономные группы, планирующие свою деятельность самостоятельно и слабо зависящие

от центрального органа управления – Координационного центра движения. Формы своей деятельности каждая региональная группа определяет самостоятельно, но общим для всех является неприятие современного Российского государства, органов власти, политических партий, проявлений национализма, ксенофобии и т.п.

Отсюда основной вид деятельности современных анархистов – «хулиганская» акция, т.е. нанесение настенных надписей, организация драк с националистами (скинхэдами), приобретение оружия и взрывчатых средств. Реже анархисты участвуют в пикетах, митингах, всевозможных акциях протеста, считая их устаревшими, отжившими формами политической борьбы. В целом деятельность движения «Автономное действие» и подобных более мелких анархистских групп носит маргинальный, сектантский характер и, как правило, проявляется через различные виды не политических, а откровенно хулиганских действий.

Безусловно, многие аспекты деятельности леворадикальных общественных организаций требуют серьезного исследования. Тем не менее, на основе анализа их совокупной деятельности можно сделать определенные выводы. Во-первых, леворадикальная идеология и сектантская организационная природа таких организаций оказывают негативное влияние на их способность стать полноправными субъектами современного российского политического процесса. Во-вторых, леворадикальным организациям для реализации своих задач и намерений остаются полулегальные и нелегальные способы деятельности, как, например, призывы к свержению конституционного строя, организация массовых беспорядков, приобретение оружия и взрывчатых средств, создание нелегальных боевых групп с возможным ведением партизанской (террористической) деятельности.

В совокупности эти способы политической борьбы леворадикальных организаций представляют прямую угрозу гражданскому обществу современной России.

Общественно опасная деятельность леворадикальных экстремистских организаций должна

встретить активное противодействие институтов государства и гражданского общества.

В качестве возможных контрмер можно предложить следующие. Во-первых, разработать государственную программу противодействия политическому экстремизму в российском обществе. Во-вторых, необходима совместная деятельность государственных и общественных структур в разработке и внедрении программ молодежной политики. Это могла бы быть программа социальной адаптации молодежи, создание новых рабочих мест (борьба с молодежной безработицей), более доступное профессиональное образование, развитие спортивных, культурных, досуговых направлений молодежной политики. В-третьих, основа антиэкстремистской политики – система мер профилактики экстремистской деятельности, которая должна осуществляться комплексно, т.е. включать в себя законность действий сотрудников правоохранительных органов, повышение их правовой и морально-психологической подготовки; оперативное и полное информирование общества о конкретных проявлениях экстремистской деятельности; своевременное и эффективное решение назревших социально-экономических проблем, недопущение обострения социальных, национальных, религиозных конфликтов в российском обществе.

Таким образом, несмотря на ограниченные возможности для участия в политическом процессе, левый экстремизм является потенциально опасной для общества разновидностью леворадикальных практик, сочетающих в себе социальную нетерпимость и агрессивный радикализм.

Примечания

- 1 См.: Савельев В.А. Горячая молодежь России. М., 2006. С. 188.
- 2 См.: Кашин О. Между Жириновским и Убожко // Рус. журн. 2005. 13 апр. С. 7.
- 3 Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. М., 2007. С. 476.
- 4 Савельев В.А. Указ. соч. С. 135.
- 5 См.: Автоном. Краснодар, 2003. № 20.

УДК 323.232

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю.А. Мартынова

Саратовский государственный университет
E-mail: martynovayu@mail.ru

В предлагаемой работе ставится задача выявить признаки процесса формирования системы ценностей в общественном сознании. Исследование проводится путем анализа языковых средств, используемых в массовой коммуникации для построения современного общественно-политического дискурса, то есть особого способа обобщения и понимания окружающего мира. Исследования дискурсов разных языковых общностей позволяют выявить различные способы понимания мира, обнаружить конфликтные области и точки соприкосновения и взаимопонимания.

Ключевые слова: ценности, дискурс, культура, общественное сознание, демократия.

Linguopragmatical Aspect of Value System Forming in Political Discourse

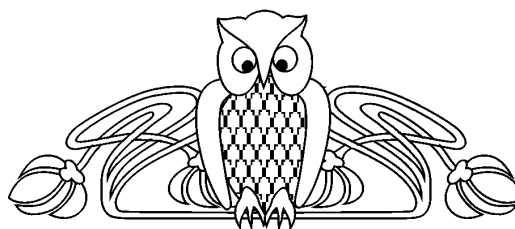
Y.A. Martynova

This work has been done with the purpose to reveal the characteristics of the people's values system formation, the way it exists in the social mind. The investigation has been performed by analysing linguistic means of current mass-media, which make up the special way of the world picture. Analysis of different language discourses helps to clear up the system of concepts which forms the basis of the national world picture and to show the possible areas of conflicts between different cultures.

Key words: values, discourse, culture, social mind, democracy.

В XXI столетии СМИ предоставили людям возможность свободных межкультурных контактов, расширив границы общения. С помощью средств массовой информации миллионы людей становятся причастными к экономическим, социальным, политическим, эстетическим, моральным и другим проблемам, актуальным в обществе, что определяет пути развития культуры, трансформирует идеологию и меняет ценностные ориентации. Из-за того что люди больше не живут изолированно, в современном мире происходит смешение, синтез культур. Политический дискурс разных языковых общностей, исторически являющихся идеологическими антагонистами, демонстрирует элементы заимствований даже в такой области, как система культурных ценностей.

Чтобы яснее определить тенденции означенного явления, необходимо помнить, каковы были исходные позиции, ценности каких культур и обществ переплетаются и борются между собой. Не претендуя на всеобъемлющий анализ глобальных процессов, неосуществимый в пределах неболь-

шого исследования, постараемся уловить характерные признаки происходящих трансформаций на примере англоязычной и русской прессы. Такое сопоставление представляет интерес хотя бы потому, что англо-американские СМИ отражают систему ценностей, сформированную западной демократией, а российские – систему ценностей бывшего тоталитарного государства. Кратко характеризуя два типа общественного устройства, следует напомнить, что в политическом порядке западной демократии все жители, обладающие гражданскими правами, теоретически обладают и властью в виде «голоса». Осуществить свою власть, реализуя право голоса, они могут во время периодических выборов. Такое общество – это общество свободных индивидуумов, с сильными тенденциями к разделению на отдельные сегменты, порождаемыми идеологией индивидуализма. Главной целью, к которой стремятся члены данного социума, является достижение благополучия отдельной личностью.

В советском обществе, напротив, главенствующим идеалом было построение коммунизма как идеальной формы существования человечества. Основным средством достижения этой цели, т.е. главной моральной категорией советского общества, считался коллективизм. Ради достижения благополучия общества в целом жизнь любого его члена могла быть принесена в жертву. Такие жертвы могли расцениваться как героические и служили пропагандистским целям власти. Ценность человеческой жизни сводилась к минимуму, превращая индивидуума в «винтик» единого тоталитарного механизма. Следует также отметить, что, несмотря на прямо противоположные общественные установки (индивидуализм и коллективизм), пропаганда и идеология любого режима апеллируют к фундаментальным категориям сознания, формирующим ценностную картину мира человека (доброе – злое, плохое – хорошее, истинное – ложное и др.).

Для осуществления поставленной задачи – выявить признаки процесса формирования системы ценностей в общественном сознании – остановимся на анализе языковых средств, используемых в массовой коммуникации для построения современного общественно-политического дискурса, то есть особого способа обобщения и понимания окружающего мира. Подход к изучению материала базируется на принципах социального конструкционизма, утверждающего, что высказывания – это не просто слова или речевые акты,

которые нейтрально отражают мир, а, напротив, сами создают социальные отношения, образы «себя» и «других»¹. Исследования дискурсов разных языковых общностей позволяют выявить различные способы понимания мира, обнаружить конфликтные области и точки соприкосновения и взаимопонимания.

Несмотря на то что методологическая база для подобных исследований находится в стадии становления, усилия многих ученых уже дают возможность некоторых обобщений. Н.И. Зражевская в своей работе, посвященной влиянию СМИ на современную культуру, рассмотрела методы и подходы к данной проблеме в зарубежной коммуникативистике и отметила актуальность вопроса об идеологии и ценностных ориентирах масс-медиа². Новая общественная парадигма формируется с помощью идей, проходя различные стадии: зарождение идеи как осмысление новой жизни, изменение общественного устройства с помощью идей и, наконец, объединение и управление людьми с помощью идей. Подобную схему можно обнаружить в работе Е. Поликарповой: «Весь процесс формирования социальных ценностей средствами массовой информации можно условно разделить на три этапа. Первый – синтез определенной ценности на основе наблюдения за отдельными фактами общественной жизни и показа этих фактов. Второй – популяризация или включение в систему уже существующих в обществе ценностей способом анализа уже синтезированного идеала или отрицательного явления. И третий – заключительный – инклюзия путем пропаганды данной ценности в обществе»³.

Наиболее благоприятными жанрами для внедрения в сознание масс тех или иных ценностных установок являются обращения политиков к народу, новостные материалы с комментариями журналистов, авторские статьи политических обозревателей и реклама. В настоящей работе рассматривается только первый жанр – публичные речи политиков, в частности речи президентов (причем собственно стилистический анализ текста остается за рамками работы из-за ограниченности ее объема).

Речевые произведения первых лиц государства часто привлекают внимание исследователей, например, инаугурационные речи Президента России В.В. Путина 2000 и 2004 гг. уже подвергались анализу⁴, как и речи известных политиков В.В. Жириновского, Г.А. Зюганова и др.⁵ Речи американских президентов также изучались как образец политического дискурса⁶.

Обращения политиков к массам следует рассматривать как средство воздействия на большую аудиторию путем вербального проявления власти. Политику необходимо донести до аудитории определенные идеи и добиться согласия с ними, утвердить свою позицию, сделать ее наиболее легитимной. Любая аргументация, встроенная в текст, опирается на ценности слушателей. Про-

блема определения ценностной ориентации людей смыкается с понятием общих мест, принятым в риторике. Рассматривая отношения людей через речь, риторика изучает искусство управления общественными процессами. Как утверждает известный исследователь в области философии и культурологии Ю.В. Рождественский, основу риторической культуры составляют повсеместно принятые общие места, под которыми он понимает «естественные непререкаемые суждения, общепризнанные постулаты... Истинность общих мест состоит в общепризнанности, носящей эвристический характер для создателя и получателя речи»⁷. Ю.В. Рождественский показывает, что историческим ядром и ведущей частью общих мест является мораль, а развитие и становление таких непреложных для общества истин проходит несколько этапов, беря свое начало в фольклорных текстах, затем в религиозных и, наконец, в научных (в современной науке общими местами являются отправные положения отдельных наук с их аксиоматикой). Представляя собой практическую мораль, система общих мест служит опорой для доказательств и опровержений, оправданий и осуждений поступков, нравственного выбора. Существуют как общечеловеческие ценности, так и ценности, отражающие особенности национальной культуры. Например, общепризнанным фактом является особое отношение русских к пониманию свободы: «трактуется она, прежде всего, как воля, как возможность быть самому себе хозяином» и противопоставляется западному пониманию свободы⁸. Или: «Русские своеобразно понимают свободу: для них это не столько реализация политических прав и политические институты, сколько возможность вести жизнь “по душе”, быть свободным в выборе решений, «быть самому себе хозяином», иначе говоря, для них самое главное – «внутренняя свобода»⁹. Подробно данный концепт русской языковой картины мира рассмотрен в работе А.Д. Шмелева¹⁰.

Лингвистически ценностные установки авторов политического дискурса проявляют себя в ключевых словах. Так, в речи при вступлении в должность президента Дмитрия Медведева и в первом после избрания Послании Российскому Федеральному Собранию в качестве ключевых слов выделяются *свобода, справедливость, единство, единение, ответственность, благосостояние, достоинство, демократия, здоровье, семья, патриотизм, межнациональный мир*. Очевидно, что основной набор ценностных установок русских людей базируется на общих местах, что подтверждается и авторитетными социологическими исследованиями¹¹, в которых выявлено, что в число ценностей-лидеров входят ценности, связанные с комфортностью личной сферы человека, его внутреннего мира и непосредственного близкого окружения: спокойная совесть, семья, интересная работа. В число периферийных ценностей входят власть,

признание, успех. В упомянутом источнике отражена динамика ценностных установок россиян в последнее десятилетие, которая отразила изменения в отношении к материальному благополучию: относительно небольшая значимость ценностей материального характера в середине 90-х гг. сильно возросла и приобрела приоритет над ценностями духовно-нравственного характера: «Казалось, что массовое сознание россиян под натиском резкого падения уровня жизни и массивированной идеологической обработки со стороны многих СМИ по привитию жизненных ценностей материального преуспеяния (prosperity) как смысла жизни сдвинулось и начало принимать контуры, характерные для общества массового потребления. Возникло ощущение, что еще немного, и одним из главных последствий реформ можно будет считать слом традиционной для России модели ценностных приоритетов со всеми ее плюсами и минусами». Однако в конце XX в. наметился перелом, обозначивший тенденцию к восстановлению в массовом сознании ценностей, характерных для русского менталитета: «вновь значимость спокойной совести и душевной гармонии стала бесспорной для подавляющего большинства россиян (94,0%). Две трети населения вновь стали отдавать приоритет ценности свободы, и лишь треть россиян продолжает ценить материальное благополучие выше свободы. К 2001 г. в массовом сознании вновь заметно возросла также значимость интересной работы, яркой индивидуальности, отчасти – политических прав и свобод. Восстановили свои позиции и все остальные базовые ценности»¹². В своих обращениях к гражданам Д.А. Медведев четко придерживается вышеперечисленных приоритетов, включая в них обязательным элементом материальное благополучие людей как отдельных граждан: «... Президент РФ назвал главные ориентиры развития страны до 2020 года. Это построение общества, которое задает лучшие стандарты жизни, предоставляет равные возможности для самостоятельной реализации талантов и умений людей. Это – развитие экономики инновационного типа, радикальное повышение ее эффективности. Наконец, это формирование широкого среднего класса»¹³. В отличие от установок советского государства, когда моральные и материальные ценности четко разводились, а собственное благополучие следовало отождествлять с благополучием страны в целом, теперь бывшие разнополярные установки объединяются, и сохранение материального достатка граждан объявляется обязанностью государства: «Денежные сбережения граждан, уровень пенсионного обеспечения, все социальные гарантии должны быть предметом самого пристального внимания, повседневной работы и безусловной ответственности Правительства России», более того: «ущемление гражданских свобод и действия, ухудшающие материальное

положение людей, – они не только аморальны, они ещё и незаконны», – говорит российский президент¹⁴.

Если в речах В.В. Путина 2000–2004 гг. первостепенное значение уделялось концепту единства страны, неразрывно связанному с патриотизмом, то Д.А. Медведев во главу угла поставил свободу (не умаляя при этом важности сохранения целостности России и необходимости делать все возможное для ее сохранения и укрепления): «В основе нашей политики должен лежать принцип, который, я считаю, несмотря на всю его очевидность, важнейшим для деятельности любого современного государства, стремящегося к достижению высоких стандартов в жизни: свобода лучше, чем несвобода. Речь идет о свободе во всех ее проявлениях – о личной свободе, об экономической свободе, наконец, о свободе самовыражения. Считаю достижение гармонии между свободой и порядком самым важным на данном этапе»¹⁵. Можно предположить, что акцент сместился потому, что концепт патриотизма укрепил свои позиции в сознании российских граждан и не нуждается теперь в дополнительной активизации со стороны власти. Например, А.В. Сергеева пишет: «В последние годы в сознании всех поколений россиян появилась новая тенденция – к патриотизму»¹⁶. В сообщении Института социально-политических исследований РАН читаем, что к числу консенсусных ценностей (общих для всех возрастных групп) относится убеждение, что «Россия – особая цивилизация, которая не может жить по тем же правилам, что и современные западные страны», а среди людей старших возрастных групп возрастает поддержка «закрытости» общества – очень резко падает лояльность к эмиграции за рубеж и растет неодобрение тех, кто покидает Родину¹⁷.

Говоря о свободе, Д.А. Медведев постоянно употребляет это слово в контекстах: *личная свобода, индивидуальная свобода, свобода самовыражения*: «Мы стремимся к справедливому обществу свободных людей»; «Политические свободы граждан и их частная собственность неприкосновенны»; «Главное – сделать всё необходимое, чтобы помочь людям проявить себя». Подчеркивая значимость Конституции как государственного документа, законодательно закрепляющего стремление к сохранению главных ценностей народа, президент отождествляет свободу личности с ее правами и достоинством: «Конституция предопределила путь обновления России как государства свободной нации. Как общества, для которого высшей ценностью являются права и достоинство каждого человека». Очевидно, что понятийное содержание концепта свободы, которое активно пропагандирует президент, отличается от традиционного, присущего русскому самосознанию. Упор на индивидуальное самовыражение, на достоинство приближает понимание свободного человека к западному либерально-демократическому идеалу. Вот как говорит об этом сам Дмитрий Медведев:

«В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества. Повторю, так было на протяжении веков. И хотел бы привести слова Петра Столыпина, который говорил: “Прежде всего надлежит создать гражданина, и, когда задача эта будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность”. А у нас обыкновенно проповедуют наоборот»¹⁸. Повышение значимости отдельной личности, наделение ее правами и свободами – такое понимание делает акцент на нормы, законность и правопорядок. В процессе анализа русского понимания свободы А.Д. Шмелев привел высказывание В.А. Жуковского: «Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность делать все, чего не запрещает закон»¹⁹. Приоритетной установкой Д.А. Медведева является достижение «гармонии между свободой и правопорядком», избавление от «правового нигилизма», поскольку проблема «пренебрежения к праву» является характерной для России и уходит своими корнями в прошлое.

Рассматривая набор базовых ценностей (*values*), которым оперирует Б. Обама в своей инаугурационной речи²⁰, можно констатировать, что в целом он во многом совпадает с ценностями российского народа, что лишний раз подтверждает теорию общих мест в риторике (см. также понятие осадочного дискурса²¹). Это *prosperity* (*процветание, благополучие*), *homes* (*дом, семья, микромир*), *jobs and businesses* (*работа и предпринимательство*), *healthcare* (*здравоохранение*), *schools* (*школы, образование*), *confidence* (*уверенность*). Тем разительнее оказываются отличия в картине мира разных культурно-языковых общностей: хотя они опираются на одни и те же общечеловеческие ценности, интерпретируют и акцентируют их по-своему. Если русский президент называет пограничные страны *соседями*, говорит о готовности России к интеграции в мировое *хозяйство* и о сотрудничестве, при этом постоянно употребляя слова *вместе, сообща, солидарно*, то американскому президенту окружающая действительность видится глубоко враждебной: «*Our nation is at war, against a far-reaching network of violence and hatred*». При этом он высказывает убеждение в избранности американской нации и ее особой миссии и в готовности продолжать ее осуществлять: «*America is a friend of each nation and every man, woman, and child who seeks a future of peace and dignity, and that we are ready to lead once more*».

В условиях кризиса, поразившего экономику, выход президенту видится в самоотверженном труде народа на благо страны (его призывы сильно

напоминают пропагандистские лозунги советских времен): «*everywhere we look, there is work to be done*»; «*the state of the economy calls for action*»; «*we will build the roads and bridges, the electric grids and digital lines that feed our commerce and bind us together*». Обама постоянно напоминает о необходимости объединения усилий и взаимовыручке, о том, что в трудный час следует поддерживать друг друга: «*For as much as government can do and must do, it is ultimately the faith and determination of the American people upon which this nation relies. It is the kindness to take in a stranger when the levees break, the selflessness of workers who would rather cut their hours than see a friend lose their job which sees us through our darkest hours...*». Как известно, то, что является естественным и само собой разумеющимся, не требует многократного повторения. Если для русских сплотиться перед лицом опасности, забыть о собственных интересах и пожертвовать всем во имя Родины является естественным, то американцев этому надо специально учить, напоминая о том, как их предки достигли благополучия, и приводя их в пример: «*Time and again these men and women struggled and sacrificed and worked till their hands were raw so that we might live a better life. They saw America as bigger than the sum of our individual ambitions; greater than all the differences of birth or wealth or faction*».

Перечисляя концепты, составляющие основные ценности американской нации, Обама называет и такие, которые являются принадлежностью именно англо-саксонской культуры: *fair play* (*честная игра – соблюдение определенных правил, кодексов*), *tolerance* (*терпимость*), *loyalty* (*лояльность*) и другие: «*... those values upon which our success depends – hard work and honesty, courage and fair play, tolerance and curiosity, loyalty and patriotism – these things are old. These things are true. They have been the quiet force of progress throughout our history*». Семантическая структура таких концептов не совпадает с русскими понятиями, даже если в языке имеются переводные эквиваленты (см. работы А. Вежбицкой²², А.Д. Шмелева²³, И.Б. Шатуновского²⁴ и др.).

Итак, обобщая полученные результаты, можно сделать следующие выводы.

Базовые ценности разных народов и культур имеют одинаковые установки, берущие начало в общечеловеческих ценностях – это установки на благополучие своего микромира, личной сферы, своей страны (дом, семья, работа, патриотизм, свобода). Существует набор морально-политических ценностей, обусловленных национально-культурным развитием и традициями общественного устройства (установка на индивидуализм и соперничество в англо-саксонской культуре и на коллективизм и взаимовыручку в русской культуре). Анализ современного политического дискурса показывает, что в условиях взаимопроникновения культур происходит попытка усвоить положительные

качества, заложенные в ценностных стереотипах других народов, в частности, американцам стать более отзывчивыми и внимательными друг к другу, а русским научиться пользоваться гражданской свободой.

Примечания

- 1 См.: *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 18.
- 2 См.: *Зражевская Н.И.* Идеология и ценности масс-медиа в контексте зарубежной коммуникативистики // Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания: Материалы 4-й Междунар. конф. РКА «Коммуникация-2008». М., 2008. С. 217.
- 3 *Поликарпова Е.* Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе. М., 2002. С. 20.
- 4 См.: *Паршина О.Н.* Стратегия формирования эмоционального настроения в президентской риторике // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: Сб. материалов X Междунар. конф. по риторике. 1–3 февраля 2006 г. М., 2006. С. 301–305; *Данилина В.В.* Публичная речь как средство формирования имиджа президента // Там же. С. 124–127.
- 5 См.: *Жданкина А.Ю.* Средства выразительности политической речи (на материале речей В.В. Жириновского // Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания... С. 200.
- 6 См.: *Чикилева Л.С.* Американский президентский дискурс как разновидность политического дискурса // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании. С. 446–450.
- 7 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 года. Москва, Большой Кремлёвский дворец // <http://www.kremlin.ru>. – 15.10.09.
- 8 Институт социально-политических исследований Российской академии наук. 10 лет российских реформ глазами россиян. Аналитический доклад. Доклад публикуется в соответствии с пп. 1.3 и 1.2 Договора о совместной деятельности, подписанного директором Института социально-политических исследований

РАН академиком РАН Г.В. Осиповым и директором Института комплексных социальных исследований РАН профессором М.К. Горшковым 5 декабря 2001 г. www.ispr.ru/SOCOPROS/socopros214.html. – 15.10.09.

- 9 См.: *Сергеева А.В.* Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2004.
- 10 См.: *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).
- 11 Институт социально-политических исследований Российской академии наук. 10 лет российских реформ глазами россиян...
- 12 Там же.
- 13 Дмитрий Медведев представил на V Красноярском экономическом форуме программу развития страны. Источник: сайт Edinros.Ru. 15.02.2008. Copyright @ 2008, Фонд «Перспектива» // www.arhperspective.ru. – 15.10.09.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 *Сергеева А.В.* Указ. соч. С. 15.
- 17 Институт социально-политических исследований Российской академии наук. 10 лет российских реформ глазами россиян...
- 18 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 года // <http://www.kremlin.ru>. – 15.10.09.
- 19 *Шмелев А.Д.* Указ. соч. С. 30.
- 20 The full text of President Barack Obama's Inaugural Address, delivered Jan. 20, 2009. // <http://www.wlwt.com/president-obama/index.html>. – 15.10.09.
- 21 См.: *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.* Указ. соч. С. 18.
- 22 См.: *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- 23 См.: *Шмелев А.Д.* Указ. соч.
- 24 См.: *Шатуновский И.Б.* «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения, мысли и действительности // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991; *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.* Указ. соч. С. 18.

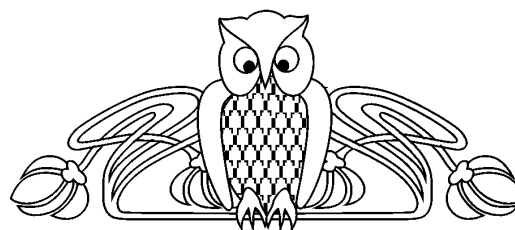
УДК 32(450) + 929 Макиавелли

МАКИАВЕЛЛИЗМ И СТРАТАГЕМНОСТЬ КАК СПОСОБЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.П. Барышков

Саратовский государственный университет
E-mail: vladipetr@mail.ru

В статье рассматривается соотношение скрытости, макиавеллизма и стратагемности как характерных особенностей определенного вида социальной практики (манипуляции), применяемой в политике. Ставится вопрос об использовании соответствующих приемов и способов деятельности, а также противодействии им не только в политике, но и в повседневной жизнедеятельности.

Ключевые слова: манипуляции в политике, скрытость, макиавеллизм, стратагемность, мораль, социальная технология.

Machiavellism and Stratagemity as Means of Political and Everyday Activity

V.P. Barishkov

This article considers relations between concealment, Machiavellism and stratagemity as characteristic features of a certain type of

качества, заложенные в ценностных стереотипах других народов, в частности, американцам стать более отзывчивыми и внимательными друг к другу, а русским научиться пользоваться гражданской свободой.

Примечания

- 1 См.: *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 18.
- 2 См.: *Зражевская Н.И.* Идеология и ценности масс-медиа в контексте зарубежной коммуникативистики // Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания: Материалы 4-й Междунар. конф. РКА «Коммуникация-2008». М., 2008. С. 217.
- 3 *Поликарпова Е.* Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе. М., 2002. С. 20.
- 4 См.: *Паршина О.Н.* Стратегия формирования эмоционального настроения в президентской риторике // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: Сб. материалов X Междунар. конф. по риторике. 1–3 февраля 2006 г. М., 2006. С. 301–305; *Данилина В.В.* Публичная речь как средство формирования имиджа президента // Там же. С. 124–127.
- 5 См.: *Жданкина А.Ю.* Средства выразительности политической речи (на материале речей В.В. Жириновского) // Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания... С. 200.
- 6 См.: *Чикилева Л.С.* Американский президентский дискурс как разновидность политического дискурса // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании. С. 446–450.
- 7 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 года. Москва, Большой Кремлёвский дворец // <http://www.kremlin.ru>. – 15.10.09.
- 8 Институт социально-политических исследований Российской академии наук. 10 лет российских реформ глазами россиян. Аналитический доклад. Доклад публикуется в соответствии с пп. 1.3 и 1.2 Договора о совместной деятельности, подписанного директором Института социально-политических исследований

- РАН академиком РАН Г.В. Осиповым и директором Института комплексных социальных исследований РАН профессором М.К. Горшковым 5 декабря 2001 г. www.ispr.ru/SOCOPROS/socopros214.html. – 15.10.09.
- 9 См.: *Сергеева А.В.* Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2004.
- 10 См.: *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).
- 11 Институт социально-политических исследований Российской академии наук. 10 лет российских реформ глазами россиян...
- 12 Там же.
- 13 Дмитрий Медведев представил на V Красноярском экономическом форуме программу развития страны. Источник: сайт Edinros.Ru. 15.02.2008. Copyright @ 2008, Фонд «Перспектива» // www.arhperspective.ru. – 15.10.09.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 *Сергеева А.В.* Указ. соч. С. 15.
- 17 Институт социально-политических исследований Российской академии наук. 10 лет российских реформ глазами россиян...
- 18 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 года // <http://www.kremlin.ru>. – 15.10.09.
- 19 *Шмелев А.Д.* Указ. соч. С. 30.
- 20 The full text of President Barack Obama's Inaugural Address, delivered Jan. 20, 2009. // <http://www.wlwt.com/president-obama/index.html>. – 15.10.09.
- 21 См.: *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.* Указ. соч. С. 18.
- 22 См.: *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- 23 См.: *Шмелев А.Д.* Указ. соч.
- 24 См.: *Шатуновский И.Б.* «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения, мысли и действительности // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991; *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.* Указ. соч. С. 18.

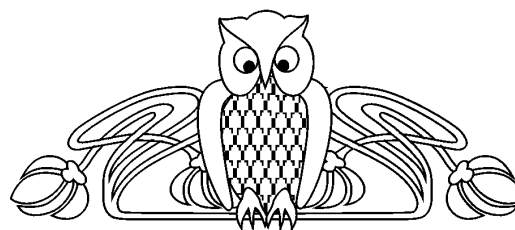
УДК 32(450) + 929 Макиавелли

МАКИАВЕЛЛИЗМ И СТРАТАГЕМНОСТЬ КАК СПОСОБЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.П. Барышков

Саратовский государственный университет
E-mail: vladipetr@mail.ru

В статье рассматривается соотношение скрытости, макиавеллизма и стратагемности как характерных особенностей определенного вида социальной практики (манипуляции), применяемой в политике. Ставится вопрос об использовании соответствующих приемов и способов деятельности, а также противодействии им не только в политике, но и в повседневной жизнедеятельности.

Ключевые слова: манипуляции в политике, скрытость, макиавеллизм, стратагемность, мораль, социальная технология.

Machiavellism and Stratagemity as Means of Political and Everyday Activity

V.P. Barishkov

This article considers relations between concealment, Machiavellism and stratagemity as characteristic features of a certain type of

social practice (manipulation) explored in politics. The author raises the question of possibility to use certain corresponding methods and devices of action as well as opposition to them both in Dolitics and evervdav life.

Key words: manipulation in politics, concealment, Machiavellism, stratagemity, morality, social technology.

Знание, как и оружие, лучше скрывать от противника, особенно знание, используемое как оружие.

П. Слотердайт

Стратегии деятельности в условиях кризисного общества предполагают, по крайней мере, осознание ситуации. В российском социуме в эту ситуацию включаются и новые политические условия, в которых существуют люди на протяжении последних двадцати лет. Иное, по сравнению с советской эпохой, политическое сознание формируется на основе изменения политической реальности и смены ценностных ориентиров в целом в сознании общества и личности.

Сознание современного российского социума можно назвать катастрофическим. Отечественный философ В.Н. Порус использует парадоксальный оборот: надо обжить катастрофу¹. Помимо определения современных условий в России как катастрофических, собственно смена сознания имеет кардинальный, и в этом смысле, также катастрофический характер. Вопрос заключается в том, как катастрофа может быть осознана? Особенность кризисной ситуации состоит в том, что ее «обжитие» – это формирование прежде всего нового пространства, пространства посттравматического состояния, которое складывается в результате применения остающихся еще ресурсов. Только что нанесенная рана становится фактором жизни. Меняется сознание. Оно соответствует определенной стадии болезни. Формируется «большое» сознание. На таком фоне могут развиваться стратегии сотрудничества, когда люди поддерживают друг друга в беде – «мобилизационная» стратегия.

Другая возможная стратегия в условиях общенационального кризиса – уход в частную жизнь. Человек стремится обрести опору здесь (стратегия индивидуального спасения). Это индивидуалистическая стратегия. Ей соответствует западная мифологема «мой дом – моя крепость». Дом следует отстаивать, защищать от нападения, т.е. следует быть готовым к ведению «боевых» действий.

Элементы военной науки могут использоваться в повседневности как теория обороны своего «дома». Она предполагает сегодня достижение соответствующих целей не только и не столько за счет применения военной силы в ходе «бестолкновений», сколько иными – скрытыми – воздействиями в рамках стратегии не прямых действий. В современной военной теории изменилось соотношение между тактикой льва (сила и честность)

и тактикой лисицы (мистификация и искусное притворство). В скрытом противоборстве особое значение имеет применение хитрости и всевозможных уловок. Это не столь характерно для прошлого. К примеру, во Второй мировой войне вопросы стратегического обмана противника не были актуальными, поскольку большее внимание уделялось военной силе, а не слухам². Сегодня тактические руководства даже для небольших военных подразделений предусматривают обязательные «меры по обману противника» и вполне значительной оказывается роль не прямых действий в военных доктринах современных армий. Появились формы противоборства с применением информационных и иных скрытых технологий.

Политическая деятельность социума и ее технологии, так же как военная стратегия и тактика, глубоко проникают в повседневную жизнь современного человека и трансформируют ее, привнося туда принципы, формы и методы борьбы, заимствованные из политической реальности, а также вынуждают гражданина принимать ответные меры в связи с экспансией политики в различные области его жизни. Здесь приходится отличать ложь, лицемерие и цинизм от благонамеренности и искренне выражаемых намерений профессиональных субъектов политической деятельности. Проблемы лжи и обмана, честности и доверчивости весьма актуальны для политики, так же как для многих профессиональных сфер и межличностных взаимоотношений в целом.

Важной особенностью информационной борьбы, например, является то, что как сам факт, так и последствия ее ведения не всегда являются очевидными для того, против кого она ведется. Область науки, в которой изучают этот фактор, условно обозначается как «военно-коммуникативная». Это прикладной аспект коммуникативных исследований, имеющих сегодня достаточно широкое распространение в мире. В целом данную область можно определить как область порождения и обработки информации с боевыми целями. Одной из сторон коммуникативно-информационного взаимодействия является манипуляция – как на социальном, так и на межличностном уровне.

Манипулятивный подход – важная составная часть профессиональной культуры в разных областях деятельности, в том числе в политике. Суть манипуляции заключается в том, что манипулятор, преследуя свои цели, скрыто, неявно стремится возбудить у адресата (человека, которым манипулирует) намерения, не совпадающие с существующими у него актуальными желаниями. Как подмечает П.С. Таранов, манипуляция есть использование самого человека (его свойств, характера, личности) для затеваемых с ним (блокировка, переориентация или расправа) нечестных «игр»³. Манипуляция в межличностном общении имеет место тогда, когда возникающий у манипулятора замысел внедряется с помощью специальных ухищрений в психику адресата и

заставляет последнего действовать в соответствии с разработанной для него программой поведения, которую он изначально воспринимает как свою собственную.

Таким образом, с одной стороны, в ходе манипуляции манипулятор осуществляет скрытое программирование мыслей и намерений адресата, а с другой — адресат не осознаёт оказываемого на него воздействия и не знает конечной цели манипулятора. К манипуляции прибегают тогда, когда прямое принуждение или обман невозможны или нежелательны. Манипуляция считается успешной в той мере, в которой манипулятору удаётся переложить ответственность за нужное ему событие на адресата. Однако ответственность не может быть просто передана — она должна быть принята в результате свободного выбора. Но как раз свободы манипулятор предоставляет и не хочет. Вместо этого он так организует воздействие, чтобы у адресата создалась иллюзия собственной свободы в принятии решения⁴.

Каждый виновник автомобильной аварии в первый момент чувствует шок и стыд. Если в этом состоянии ума его обругать, часто бывает, что от виновника отлетает раскаяние, и он начинает сопротивляться, вместо того чтобы признать свою ошибку. Поэтому с виновником аварии нужно разговаривать по-хорошему, утешать его, выслушивать его объяснения и ждать, пока его возбуждение уляжется, чтобы только после этого сделать ему выговор. Только так можно надеяться на успех в обращении с виновником дорожного происшествия. Таким образом, сначала следует отпустить на свободу чувством вины, потому что в этой фазе человека нельзя убедить с помощью поучений. Только когда возбуждение пройдет, наступит время для выговора.

Обманщики также стремятся внушить своим потенциальным жертвам чувство полного доверия и лишь после этого приступают непосредственно к обману. Здесь все идет в дело: формирование соответствующей репутации и создание имиджа правдивого, честного человека, открытая, обаятельная улыбка, доверительный тон разговора, создание некой легенды, обеспечивающей некритическое восприятие со стороны объекта обмана, лесть, вызывание жалости, игра на индивидуальных личностных особенностях человека, создание соответствующей ролевой ситуации.

Один из приемов состоит в том, чтобы говорить с человеком о нем самом. Это правило касается как мужчин, так и женщин. Карнеги рассказывает в своей книге о знаменитом брачном аферисте-многоженце, который завоевал сердца и капиталы двадцати трех богатых американок, прежде чем угодил в тюрьму! Когда журналистка спросила, как ему удалось влюбить в себя столько дам, он ответил, что это совсем не трудно: все, что надо делать, — это говорить с женщиной о ней самой. Талантливый обманщик, прежде чем обмануть человека, должен в какой-то степени если не

полюбить его, то хотя бы отнестись с симпатией. Как правило, жулики высокого разряда создают впечатление весьма обаятельных людей⁵.

Как видим, отличительной чертой манипулятивного действия является скрытость. Принцип скрытости как неочевидности самого факта противоборства и тем более источника наносимого удара — характерный признак профессиональной деятельности на любом поле боя, в том числе признак политического и административного противоборства. Сто сорок лет назад русский беллетрист Николай Помяловский в повести «Мещанское счастье» представил катехизис чиновника, его «служебные начала». В письме молодой чиновник пишет к своему другу: «Я вполне чиновник, наглухо застегнутый, бескорыстный и бесстрастный. Служу пока счастливо, но не без хитрости, чиновник должен быть великим психологом. Необходимо изучить начальников, подчиненных, сослуживцев, их жен, знать весь город, как пять своих пальцев... Подкопов бездна! Здесь все враги закона, а нас самый небольшой кружок. Мы отбываем свой пост, насколько то возможно. Целый год я трудился, чтобы выворотить секретаря вон — выворотили, наконец!... и никто не знает, откуда ему такое счастье»⁶.

Формула скрытых действий: умело поддерживать контакты — производить благоприятное впечатление — получать доступ к источникам информации. Создание образа простака — один из приемов. Хитер не тот, кого считают хитрым, а кого принимают за простака (П.С. Таранов). Данный прием является частью более общего способа психологического воздействия — «внушения чувства доверия», однако иногда приобретает самостоятельное значение. Еще в 1647 г.; Бальтасар Грасиан четко сформулировал данный принцип: «Употреблять расчет, но не злоупотреблять им. Напоказ его не выставляй, тем паче не позволяй разгадать, расчет надобно скрывать, он настораживает, особливо расчет тонкий, он ненавистен людям»⁷.

Суть данного приема заключается в том, чтобы всеми доступными способами стараться создать у человека ощущение его интеллектуального превосходства, одновременно нарочито принижая свои собственные умственные способности. В результате человек теряет бдительность, так как не ожидает какого-либо подвоха от простака, с которым он якобы имеет дело. На самом же деле простаком и «лохом» оказывается он сам. У китайцев есть специальное название для данного приема — «притвориться свиньей, чтобы убить тигра». Он означает, что от сильного врага скрывают клинок меча, представляются глупым, как свинья, поддаются во всем, изображают дружескую улыбку и прислуживают, подобно рабам. Но как только представляется случай, раб превращается в палача.

Можно констатировать, что воспитание «масс» уже идет по одному из магистральных

направлений национальной безопасности – призванности и способности граждан защитить себя. В настоящее время уже формируются целые концепции самообороны, рассчитанные на усвоение их обыденным сознанием. Одной из таких концепций является учение о применении скрытых действий в различных областях деятельности, в том числе политической. Это – стратагематика, учение о стратагемах.

В одном из комментариев к 36 китайским стратагемам, приводимом современным немецким исследователем Х. Зенгером, подчеркивается различие морали и технологии: «Речи о человечности и добродетели могут использоваться, чтобы добиться чего-то от других. Но нельзя позволять провести себя с их помощью, по крайней мере, не в сражении — физическом или духовном. Как говорится, “жизненный опыт — это вопрос образцовности, а здравый смысл в обращении людьми основывается на махинациях”». Наше время провозглашает себя цивилизованным. Но чем цивилизованнее общество, тем больше места в нем занимают ложь и обман. В такой среде 36 стратагем представляют собой средство как защиты, так и нападения. Они несут в себе практическую мудрость, которая значительно ценнее пустых фраз морали и увещаний⁸. Подобная жизненная позиция и техника действия в значительной степени включает риск. Прежде всего риск осуждения в общественном мнении моральных оснований такого способа действия.

Там, где соперничество, борьба – там хитрость, уловки, а значит, построение хитроумных планов (стратагем). К условиям составления и успешной реализации стратагем относятся: умение рассчитывать ходы и предвидеть их последствия, знание психологических особенностей тех, против кого нацелен план и, наконец, упорство автора плана в реализации стратагемы. Стратагема подобна алгоритму, она организует последовательность действий. «Стратагемный подход» в Европе пытались культивировать иезуиты, которые были склонны вообще «технологизировать» разные социальные, культурные и духовные практики. Но подлинным основоположником подобного подхода в европейской культуре иногда считают Макиавелли. Макиавеллизм – это нарицательное выражение для обозначения технологического подхода к социальному манипулированию⁹. На эту тему в последнее время обращается достаточно пристальное внимание в публикациях. Правда, эти публикации принадлежат в основном психологам или, по крайней мере, лежат в русле политической психологии.

Насколько макиавеллизм соответствует стратагемности? В отличие от Сунь-цзы, впервые описавшего стратагемный подход в Китае (V в. до н.э.), Макиавелли не «инструктор» по технологии борьбы, а проповедник, учитель мудрости. Главная мысль «Государя» относится не к «рецептам» и алгоритмам, а к сферам моральной философии

и личной нравственной позиции: если правитель хочет добиться успеха, он должен полностью пренебречь моральными принципами. Макиавеллизм, в отличие от стратагемного подхода, не технология или ремесло, а морально-политическое учение. Хитрость у Макиавелли не выносится на первый план. Речь идет в первую очередь о том, что властитель, в частности, при условии чрезвычайного положения в государстве, освобождается от жесткого требования соблюдать этические нормы. Макиавелли, по сути, обосновывает, не вводя самого этого понятия, учение о государственных интересах. Он показывает, что предпосылкой длительного политического господства являются не христианские добродетели властителя, а его способность приобретать и сохранять политическую власть без каких-либо сомнений и видеть в этой задаче самоцель. Макиавелли лишь в отдельных случаях говорит об уловках, к которым должен прибегать властитель, чтобы завоевать и удержать власть. Но никакой теории хитрости он не разрабатывает и даже не пытается систематически различать разновидности уловок или составлять их перечень.

Как считают некоторые исследователи, Макиавелли не разделял мораль и политику, а показал особую роль морали в политике, морали как психологии человека и групп. Он показал, что от отношения людей к поступкам, политическим событиям зависит исход этих событий, зависит судьбы государей и государств¹⁰. Сравнивая макиавеллизм и стратагемность, А. Руслина отмечает, что «макиавеллизм осуждался с точки зрения «повседневной нравственности» – но изначально его принципы и не распространялись на рядовых людей и даже на частную жизнь самих властителей»¹¹. С этим суждением трудно согласиться. В XV главе «Государя» мы читаем: «Тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру»¹². Это высказывание Макиавелли относится к людям вообще, что следует и из названия главы.

Однозначно, что позднейшие последователи Макиавелли стали считать манипулирование допустимым в любом межличностном взаимодействии. Они уверены, что люди и сами ждут, чтобы ими манипулировали, другими способами от них сложно добиться чего-либо. Однако макиавеллистские стратегии на уровне индивида могут быть успешны лишь до тех пор, пока на уровне общества в целом они отвергаются; там, где все макиавеллисты, макиавеллистские практики невозможны¹³. Отсюда можно сделать вывод: овладение макиавеллистскими способами поведения большинством людей и включение их в культуру социума делают применение этих способов, в том числе в политике, бессмысленным. Может ли большинство овладеть макиавеллистскими приемами?

Психологи рассматривают макиавеллизм как черту личности и даже тип личности. К последнему относятся люди, склонные манипулировать окружающими, в том числе и при помощи обмана. Главными составляющими макиавеллизма как свойства личности являются: 1) убеждение субъекта в том, что при общении с другими людьми ими можно и даже нужно манипулировать; 2) навыки, конкретные умения манипуляции. Последние включают в себя способность убеждать других, понимать их намерения и причины поступков¹⁴.

Молодежь во все времена является «лакомой бумажкой» любого процесса. Именно ей приписываются «пилотные» стратегии поведения. Так, у молодежи уровень макиавеллизма выше, чем у взрослых. С подросткового возраста до поздней юности уровень макиавеллизма растет, а затем начинает снижаться. Объясняется это тем, что основная задача молодежи — занять достойное место в жизни, возможно, любыми способами, в том числе и манипулируя людьми¹⁵. Катастрофические социальные условия вызывают к жизни соответствующие качества. Они и проявляются вполне выражено уже в типах социального поведения. Эпоха романтиков 60-х сменилась эпохой более циничной, когда признается, что для достижения целей можно (и нужно) поступать нечестно и незаконно. Подобные приемы применялись и в прошлом, но тогда нормы морали отвергали их. Сегодня они занесены в список вполне возможных и как бы расширили рамки норм. Неправильное поведение как нормированное, вероятно, вытекает из дилеммы, в свое время отмеченной еще Р. Мертоном: общество показывает образцы успешной жизни, но не дает законных путей ее достижения. Тогда и вступают в действие незаконные пути. Можно посмотреть на это явление как на определенный выход из застоя в официально разрешенном движении к успеху¹⁶.

В результате рассмотрения принципов и содержания стратегий не прямых действий можно констатировать, что такой характер политического (и в целом — социального) действия достаточно широко обсуждается в литературе. Такому действию присущ технологический оттенок, и его распространение вызвано определенными социальными условиями — условиями трансформации общества.

Традиционно макиавеллизм считается некоей политической технологией. Им маркируется один из принципов и признаков политической деятельности (цель оправдывает средства). Однако при ближайшем рассмотрении в общепринятое понимание следует внести коррективы. Макиавеллизм не просто сторона политики, но и укорененный в психической структуре личности способ скрытого поведения людей, который наблюдается не только в политике, но и в повседневной жизни. Таким

образом, не политике мы обязаны цинизмом, она лишь выявляет и «специализирует» некоторые черты не только индивидуального, но и социального поведения человека. В то же время эскалация подобного стиля действия в политике ставит вопрос о способах противодействия ему в обществе, которое не склонно принять скрытость непрямого действия политиков как норму.

Примечания

- 1 См.: *Порус В.Н.* Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 35.
- 2 Хотя тот же Петер Слотердаик замечает, что уже с периода Первой мировой войны значительно большим признанием стали пользоваться шпионаж и военное «просвещение» — интеллектуально-познавательное ведение войны, психологическое ведение войны, предательство, пропаганда (см.: *Слотердаик П.* Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001. С. 372).
- 3 См.: *Таранов П.С.* Интрига: способ выживания. М., 2005. С. 474.
- 4 См.: *Корнетов Г.Б.* Парадигма педагогики манипуляции // Школьные технологии. 2006. № 1. С. 46.
- 5 Приводимый материал взят из книги: *Щербатых Ю.В.* Искусство обмана. Популярная энциклопедия. М., 2004. С. 94.
- 6 *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов: Повести. М., 1987. С. 70.
- 7 *Грасиан Б.* Карманный оракул. М., 2008. С. 31.
- 8 *Зенгер Х.* Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать: В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 47–48.
- 9 См.: *Руслина А.О.* Макиавеллизм и стратагемность в западной и восточной культурах // Человек. 2007. № 6. С. 45.
- 10 См.: *Флоренция в Москве. Идеи Макиавелли в России XXI века.* М., 2002.
- 11 См.: *Руслина А.О.* Указ. соч. С. 45.
- 12 *Макиавелли Д.* Государь: Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные: Сб. М., 2008. С. 78.
- 13 См.: *Руслина Д.О.* Указ. соч. С. 49.
- 14 См.: *Знаков Д.В.* Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 50.
- 15 См.: *Мецержаков А.В., Некрасова А.В.* Макиавеллизм: правда и ложь в повседневной жизни // Человек. 2005. № 6. С. 9.
- 16 См.: *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. М., 2000. <http://www.natahaus.ru/>

Слово молодым политологам

УДК 323.212:316.324.8

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Л.А. Рыжлова

Саратовский государственный университет
E-mail: optimis.ya@mail.ru

Статья посвящена исследованию экспертного обеспечения процесса принятия политических решений в контексте концепции информационного общества, ставшей отражением качественно нового этапа общественного развития. Особое внимание уделено анализу сущности политической экспертизы, самой личности эксперта, а также его взаимоотношениям с политиками.

Ключевые слова: информационное общество, экспертиза, политический процесс.

Political Examination in the Context of the Information Society's Conception

L.A. Rykhllova

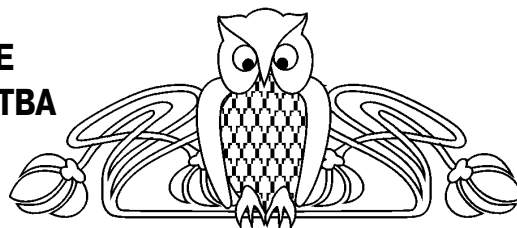
The paper discusses expert maintenance of process of acceptance of political decisions in a context of the information society's concept, which have become the reflexion of qualitatively new stage of social development. Special attention is paid to the analysis of essence of the political examination, the person of the expert, and also its mutual relations with politicians.

Key words: information society, examination, political process.

Еще в середине прошлого столетия появились первые предпосылки формирования концепции информационного общества. Научно-техническая революция, результатом которой стало стремительное развитие электронно-вычислительной техники, ознаменовала собой начало глубинной перестройки основ мировой цивилизации. Проблема существования человечества в компьютеризированном, технологизированном мире и послужила толчком для появления концепции информационного общества.

Многие исследователи, разрабатывающие концепцию информационного общества, неразрывно связывают его развитие с процессами демократизации политической системы. Однако, на наш взгляд, информатизация как один из элементов развития информационного общества не обязательно ведет к изменениям в политической системе, демократизации и развитию институтов политической экспертизы, в частности. Кроме того, многое зависит от конкретных общественно-политических условий, в которых протекают процессы информатизации.

Чтобы разобраться в данной проблеме, для начала обратимся к концепции информационного общества.

Существует большое количество подходов к определению информационного общества. В соответствии с широко распространенной теорией общественного развития историю человечества принято разделять на стадии по способу производства. Согласно данному подходу выделяют три типа общества: аграрное, индустриальное и постиндустриальное.

Информационное общество некоторые исследователи определяют заключительной стадией постиндустриального общества, другие выделяют его в качестве отдельного этапа, следующей ступени общественно-экономического развития. На наш взгляд, информационное общество следует анализировать как одну из концепций постиндустриального общества. Соответственно эти понятия мы будем использовать в качестве синонимов.

Несмотря на то что нет общепринятого определения понятия информационного общества, большинство исследователей признают, что существование данной концепции имеет под собой весомое основание.

Информационное общество – это общество, где основным продуктом производства является информация, знания. Если на предыдущей стадии общественно-экономического развития человечества, в индустриальном обществе, главным ресурсом является капитал, то в постиндустриальном обществе информация и знания одновременно выступают в качестве основного ресурса и продукта.

В современном мире могущество отдельного государства измеряется теперь не только военной и экономической мощью. Важнейшее значение приобретает информационный потенциал общества. Знания, информация во многих областях считаются едва ли не более сильной валютой, чем деньги.

Другими словами, информация на современном этапе мирового развития превратилась в один из наиболее важных и мощных факторов общественно-экономического и политического развития.

Многие исследователи в определении информационного общества исходят из того, что первичным показателем движения к нему является повсеместное развитие информационных компьютерных технологий. Безусловно, «возрастание доли информационных коммуникаций, продуктов

и услуг в валовом внутреннем продукте, создание глобального информационного пространства, эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам»¹ являются отличительными чертами развитого информационного общества. Однако с политологической точки зрения нас больше интересует общественно-политическая структура постиндустриального общества, которое можно также назвать обществом, основанным на знаниях.

В соответствии с идеями Д. Белла, которого многие считают основоположником концепции информационного общества, осевым принципом построения общества, основанного на знаниях, является центральное положение теоретическое знания как оси, вокруг которой организованы новая технология, экономический рост и социальная структура общества. Центральными институтами в информационном обществе выступают университеты и исследовательские центры, где такое знание формируется².

Увеличение числа учреждений и людей, производящих знания, таким образом, тоже является признаком развития информационного общества.

В данном контексте следует обратиться к анализу экспертного знания и его носителей как важной составной части концепции информационного общества, нашедшей отражение в большинстве современных теорий.

Д. Белл в своей концепции, исследуя социальную структуру постиндустриального общества, большое значение придает экспертам, владеющим теоретическим знанием³.

Ф. Уэбстер в своих размышлениях указывает на значимость участия в процессе принятия политических решений экспертов, способных построить теоретическую модель, предусматривающую все возможные последствия того или иного сценария развития событий⁴. Особенно важен институт экспертизы именно в политической сфере, где решения, имеющие глобальное значение, зачастую не отличаются дальновидностью.

Другой теоретик информационного общества М. Кастельс, исследуя его общественно-политическое устройство, подчеркивает, что «за функционирование капитализма» теперь несет ответственность «экспертный информационный труд»⁵. И это новая социальная группа становится в обществе ключевой.

В этой связи интересной также представляется разделяемая в общих чертах М. Кастельсом идея Р. Райха о «символических аналитиках», основанная на тезисе о наличии «глобальных сетей» и «глобальной паутины»⁶.

В рамках так называемой «глобальной сети» эксперты – это хорошо образованные и квалифицированные люди, которые не имеют прямого отношения к управлению, их не интересуют бюрократические тонкости. Их интерес и внимание привлекает в первую очередь проект, над которым они работают, независимо от заказчика.

В соответствии с концепцией автора неотъемлемой характеристикой эксперта являются нравственные принципы, ориентированные на объективность, независимость, беспристрастность, поиск оптимального варианта решения поставленной задачи. Гарантируется моральный аспект по большей мере принадлежностью к так называемой «глобальной сети», сообществу коллег, работающих по всему миру.

Концепция информационного общества находит свое отражение и в трудах российских ученых, в которых также большое значение придается так называемым производителям знания, к их числу относятся эксперты.

Так, например, О.Н. Бочарова, раскрывая сущность постиндустриальной экономики, дает свое определение обществу, основанному на знаниях. В соответствии с ее идеей это прежде всего такое общество, в котором социальное и экономическое развитие страны детерминировано наукоемкими технологиями, инновационной направленностью и уровнем интеллектуального развития⁷.

В информационном обществе складывается совершенно иная социальная структура. Стратификация социума происходит уже не на основе владения материальной собственностью, а по критерию обладания информацией, знаниями или доступа к ним.

В обществе, основанном на знании, образуется новая социальная группа – производители знания⁸, появление которой является основой для формирования своеобразной системы управления.

Происходит генерирование новой интеллектуальной технологии, применение которой становится важнейшим элементом процесса принятия политических решений. Используя новейшие математические методы, основанные на компьютерном линейном программировании (цепях Маркова), становится возможным активное применение моделирования, разработки сценариев, системного анализа для выявления оптимальных способов разрешения общественно значимых проблем⁹. Эксперты, занятые в этих процессах, приобретают все большее значение в обществе, построенном на знании.

Эксперты – производители знания в информационном обществе. В контексте общественного развития они приходят на смену интеллектуалу-универсалу. Специалист в конкретной области становится более востребован, нежели всесторонне развитый интеллектуал, не имеющий узкой специализации.

Особую роль в жизни общества производители специализированного знания приобретают, включаясь в процесс принятия политических решений посредством их экспертного обеспечения.

В данном контексте большое значение приобретает экспертиза, которая в первую очередь направлена на выявление гуманитарных послед-

ствий принимаемых решений. Ее можно определить как гуманитарную экспертизу, через которую и происходит включение производителей знания в политический процесс.

Существуют некие общепринятые требования, предъявляемые к экспертному обеспечению процесса принятия политических решений. Оно должно носить «комплексный и междисциплинарный характер, интегративно соотносящий и сводящий воедино психологические, этические, культурологические, социальные, политические аспекты»¹⁰.

Экспертиза как процесс включает в себя следующие этапы: диагностика, интерпретация, прогноз, рекомендации. В процессе принятия политических решений она носит прогностико-проективный характер. Первоочередная задача экспертизы – сформулировать оптимальный вариант решения проблемы с учетом возможных последствий.

Однако следует подчеркнуть, что все вышперечисленные характеристики экспертного обеспечения процесса принятия политических решений в контексте концепции информационного общества вряд ли мы встретим в реальной политической практике. Человеческий фактор, неотъемлемо присутствующий в процессе экспертного обеспечения политики, вносит свои коррективы. Перед каждым экспертом изначально стоит выбор между объективностью и независимостью и экономической выгодой. В современных условиях, когда знание воспринимается как товар, происходит меркантилизация знания, эта проблема становится особенно актуальной. Кроме того, меняется критерий измерения ценности знания, которая теперь все чаще определяется не его истинностью, а практической значимостью, перформативностью¹¹.

В данном контексте уделить внимание следует и проблемам взаимоотношений эксперт–политик, которые связаны с тем, что у них принципиально разные функции и мера ответственности.

Главная задача эксперта, прежде всего, четко изложить свое понимание анализируемой ситуации, а затем сформулировать варианты ее решения и свои предложения, либо рекомендации. Причем эксперт всегда свободен в своих суждениях. На нем не лежит ответственность за принимаемые решения. В худшем случае он рискует потерять репутацию грамотного специалиста, однако эксперт всегда имеет право на ошибку. Профессия политика же предполагает умение принимать взвешенные политические решения, учитывающие все обстоятельства. При этом, в отличие от экспертов, политики несут полную ответственность за принимаемые решения и права на ошибку не имеют.

Осложняет процесс принятия политических решений еще и тот факт, что свои рекомендации политикам направляют множество экспертов. Причем их сценарии развития событий могут

быть совершенно разными, зачастую противоположными. Политик, оказываясь перед выбором, из множества различных предложений и рекомендаций, к сожалению, далеко не всегда делает оптимальный выбор. Часто бывает так, что чиновники изначально выбирают из поступающих от экспертов рекомендаций те предложения, которые им больше импонируют и подтверждают их собственный вариант решения проблемы, выбранный еще до проведения экспертизы¹².

Смысл экспертной деятельности заключается в формировании общего коммуникационного поля, где постепенно может выкристаллизоваться общее понимание ключевых проблем¹³.

Таким образом, информационное общество стало одной из концепций, используемых для описания качественно нового этапа общественного развития.

Говорить о том, что все человечество уже вступило в новую эпоху информационного общества, безусловно, не приходится. В соответствии с вышеназванными характеристиками лишь некоторые развитые страны можно условно отнести к таковым.

Анализируя общественно-экономическое развитие российского общества, можно прийти к выводу, что мы находимся еще где-то на стадии индустриального общества. Можно отметить процесс активного роста рыночных структур, характерный для данного этапа.

Процессы информатизации и компьютеризации в той или иной степени свойственны и для России. Однако, на наш взгляд, информатизация не является гарантией перехода к информационному обществу со всеми его атрибутами в соответствии с идеями вышеназванных авторов. Другими словами, распространение информационных компьютерных технологий в обществе не означает параллельного развития сферы публичной политики, в частности политической экспертизы.

Россия может занять достойное место в ряду стран-производителей интеллектуального продукта, несмотря на значительные потери, связанные с институциональной неразберихой последнего десятилетия, длительным отсутствием законодательства по защите интеллектуальной собственности и «утечкой умов». Однако экстраполяция институтов экспертного обеспечения политики с западных образцов вряд ли даст положительные результаты, тем более что и в западном экспертном сообществе существуют свои противоречия, о которых не стоит забывать, заимствуя их институциональные образцы.

Примечания

¹ Бочарова О.Н. Сущность построения постиндустриальной экономики // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 8. С. 317.

- ² См.: Фомина В.Н. Белл Даниэл // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 89.
- ³ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 374.
- ⁴ См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 74.
- ⁵ Там же. С. 148.
- ⁶ Там же. С. 125.
- ⁷ См.: Бочарова О.Н. Указ. соч. С. 316.
- ⁸ См.: Еляков А. Современное информационное общество // Высшее образование в России. 2001. № 4. С. 80.
- ⁹ Там же. С. 79.
- ¹⁰ Тульчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Вестн. Челяб. гос. академии культуры и искусств. 2008. № 4 (16). С. 47.
- ¹¹ См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.; СПб., 1998. С. 160.
- ¹² См.: Загорский А. Экспертное сообщество и внешнеполитический истеблишмент // Pro et Contra. 2003. Т. 8, № 2. С. 12.
- ¹³ См.: Макарычев А. Проектные сети, трансферт знаний и идея «обучающегося региона» // Там же. С. 41.

УДК [355+323] (470+571)

СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д.Е. Петров

Саратовский государственный университет
E-mail: petrovdimas33622@mail.ru

В данной статье рассматривается роль силовых структур в публичной политике современной России. Автор последовательно анализирует ключевые составляющие публичного политического статуса «силовиков» и делает вывод о значимости силовых структур в политических процессах в стране.

Ключевые слова: силовые структуры, силовики, публичная политика.

Powers Structures and Public Policy in Modern Russia

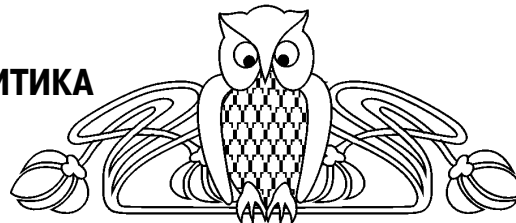
D.E. Petrov

This article discusses the role of the power structures in the public policy of modern Russia. The author successively examines the key components of public political status of «siloviks» and concludes on the importance of power structures in Russia's political process.

Key words: power structures, siloviks, public policy.

Политическое влияние силовых структур сегодня продолжает оставаться одной из наиболее актуальных проблем политологических исследований в нашей стране. Традиционно «силовики» представляются как теневые акторы политики¹, в то время как их потенциал в публичной сфере оценивается сравнительно невысоко. Вместе с тем армия, милиция и спецслужбы являются объективно встроенными в публичную политику, которую в рамках данной статьи мы будем определять как сферу борьбы за государственную власть и сопутствующие ей ресурсы, вольно или невольно открытую для неограниченного числа лиц и постоянно находящуюся в поле зрения СМИ и общества в целом².

Положение силовых ведомств в публичной политике современной России формируется несколькими основными компонентами: электоральным потенциалом, позиционированием в спектре

общественного мнения, представленностью в парламентских структурах и ролью в подавлении гражданских волнений.

Электоральный потенциал силовых структур в контексте публичной политики определяется общей численностью представителей сектора безопасности и степенью осознания ими своих интересов как социально-профессиональной группы, уровнем развития их корпоративной идентичности. При этом точно определить численность служащих силовых структур и работников военно-промышленного комплекса на текущий момент довольно сложно прежде всего в силу закрытости многих данных от широкой общественности. В таком случае ссылаться на официальные документы затруднительно, приходится обращаться к вторичным источникам.

В частности, А. Солдатов на 2003 г. оценивает общую численность личного состава силовых структур в 5 млн человек³. В то время как Г. Мирский за 7 лет до него определял общую численность только военного электората (включая военных пенсионеров, работников ВПК и членов их семей) в 5–8 млн⁴. Примерно в таких же цифрах можно оценить и электоральную численность представителей МВД РФ. Согласно данным «Российской газеты» на ноябрь 2006 г. численность МВД РФ составляет 821 268 человек (без внутренних войск), а численность внутренних войск – 200 000 человек, что в сумме 1 021 268 человек⁵. С учётом ведомственных пенсионеров и правоспособных в избирательном отношении членов семей численность «милицейского» электората может достигать 5 млн человек. В целом, по самым скромным подсчетам, вместе с семьями военные и отставники, работники «оборонки» и правоохранительных органов составляют 15–20 млн человек⁶.

- ² См.: Фомина В.Н. Белл Даниэл // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 89.
- ³ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 374.
- ⁴ См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 74.
- ⁵ Там же. С. 148.
- ⁶ Там же. С. 125.
- ⁷ См.: Бочарова О.Н. Указ. соч. С. 316.
- ⁸ См.: Еляков А. Современное информационное общество // Высшее образование в России. 2001. № 4. С. 80.
- ⁹ Там же. С. 79.
- ¹⁰ Тульчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Вестн. Челяб. гос. академии культуры и искусств. 2008. № 4 (16). С. 47.
- ¹¹ См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.; СПб., 1998. С. 160.
- ¹² См.: Загорский А. Экспертное сообщество и внешнеполитический истеблишмент // Pro et Contra. 2003. Т. 8, № 2. С. 12.
- ¹³ См.: Макарычев А. Проектные сети, трансферт знаний и идея «обучающегося региона» // Там же. С. 41.

УДК [355+323] (470+571)

СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д.Е. Петров

Саратовский государственный университет
E-mail: petrovdimas33622@mail.ru

В данной статье рассматривается роль силовых структур в публичной политике современной России. Автор последовательно анализирует ключевые составляющие публичного политического статуса «силовиков» и делает вывод о значимости силовых структур в политических процессах в стране.

Ключевые слова: силовые структуры, силовики, публичная политика.

Powers Structures and Public Policy in Modern Russia

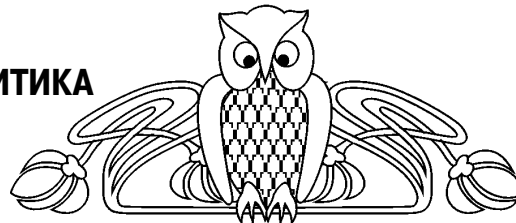
D.E. Petrov

This article discusses the role of the power structures in the public policy of modern Russia. The author successively examines the key components of public political status of «siloviks» and concludes on the importance of power structures in Russia's political process.

Key words: power structures, siloviks, public policy.

Политическое влияние силовых структур сегодня продолжает оставаться одной из наиболее актуальных проблем политологических исследований в нашей стране. Традиционно «силовики» представляются как теневые акторы политики¹, в то время как их потенциал в публичной сфере оценивается сравнительно невысоко. Вместе с тем армия, милиция и спецслужбы являются объективно встроенными в публичную политику, которую в рамках данной статьи мы будем определять как сферу борьбы за государственную власть и сопутствующие ей ресурсы, вольно или невольно открытую для неограниченного числа лиц и постоянно находящуюся в поле зрения СМИ и общества в целом².

Положение силовых ведомств в публичной политике современной России формируется несколькими основными компонентами: электоральным потенциалом, позиционированием в спектре

общественного мнения, представленностью в парламентских структурах и ролью в подавлении гражданских волнений.

Электоральный потенциал силовых структур в контексте публичной политики определяется общей численностью представителей сектора безопасности и степенью осознания ими своих интересов как социально-профессиональной группы, уровнем развития их корпоративной идентичности. При этом точно определить численность служащих силовых структур и работников военно-промышленного комплекса на текущий момент довольно сложно прежде всего в силу закрытости многих данных от широкой общественности. В таком случае ссылаться на официальные документы затруднительно, приходится обращаться к вторичным источникам.

В частности, А. Солдатов на 2003 г. оценивает общую численность личного состава силовых структур в 5 млн человек³. В то время как Г. Мирский за 7 лет до него определял общую численность только военного электората (включая военных пенсионеров, работников ВПК и членов их семей) в 5–8 млн⁴. Примерно в таких же цифрах можно оценить и электоральную численность представителей МВД РФ. Согласно данным «Российской газеты» на ноябрь 2006 г. численность МВД РФ составляет 821 268 человек (без внутренних войск), а численность внутренних войск – 200 000 человек, что в сумме 1 021 268 человек⁵. С учётом ведомственных пенсионеров и правоспособных в избирательном отношении членов семей численность «милицейского» электората может достигать 5 млн человек. В целом, по самым скромным подсчетам, вместе с семьями военные и отставники, работники «оборонки» и правоохранительных органов составляют 15–20 млн человек⁶.

Принимая во внимание тот факт, что на выборах Президента РФ 2 марта 2008 г. общая численность избирателей, внесённых в списки, составляла 107 222 016 человек⁷, можно определить, что на долю силового электората приходится до 20% от общей численности всех граждан, наделённых избирательными правами. Таким образом, силовой сегмент избирательного корпуса получается самым многочисленным в социально-профессиональной структуре российской общества.

Самостоятельная реализация российскими силовыми структурами своего электорального потенциала затруднена из-за низкой степени гомогенности «силовиков» как социально-политической группы, их неразвитой политической идентичности. Ведь необходимым условием реального влияния «силовиков» на политические процессы в стране является осознание ими своей корпоративной общности, своих общих социально-политических интересов.

При этом мощь силового электората ещё в 1990-х гг. оценили профессиональные политики. На выборах 1995 г. каждое второе избирательное объединение включило в головную часть своих списков популярных военных деятелей вроде А. Лебедева⁸ и Б. Громова⁹. Во многом такая тактика построения партийных списков характерна и для последующих избирательных кампаний.

С развитием и укреплением в России института «партии власти» представители последней вместе с государственными чиновниками и высокопоставленными «силовиками» в период парламентских и президентских выборов стали выражать особый интерес к «силовому» электорату и предпринимать попытки контролировать его политическое участие.

Это проявляется, с одной стороны, в том, что политические партии и кандидаты стремятся своими программами и предвыборными обещаниями охватить и привлечь служивый электорат, что имеет место не только в нашей в стране, но и, например, в Украине¹⁰. С другой – участники избирательной гонки, имеющие доступ к административному ресурсу, в своих интересах направляют политическое информирование личного состава в предвыборный период¹¹.

Таким образом, в современной России силовые структуры и «силовики» как социально-политическая группа обладают мощным электоральным потенциалом, что позволяет им участвовать в электоральных процессах публичной политики, отстаивать свои интересы на вполне легальных основаниях и в рамках общепризнанных демократических процедур. При этом электоральный потенциал отечественных «силовиков» не может быть в полной мере реализован по причине неразвитой политической идентичности, что усиливает заинтересованность влиятельных акторов публичной политики в использовании электорального ресурса силовых ведомств.

Позиционирование силовых структур в спектре общественного мнения, в отличие от их электорального потенциала, носит неоднозначный характер. Говорить о едином образе силовых структур в представлении общества пока не приходится: к милиции одно отношение, к армии – другое, к госбезопасности – третье. Система МВД РФ в свете продолжающейся с начала осени 2009 г. череды инцидентов с участием её сотрудников, вызывающих широкий общественный резонанс, сегодня не имеет прочных положительных позиций в общественном мнении населения страны. Положение армии в этом плане существенно лучше, ведь даже в 1990-е гг. уровень доверия и поддержки армии оставался достаточно высоким (50–60%)¹². Аналитики зафиксировали двойственную оценку армии. Традиционные символические функции армии как социального института по-прежнему находят поддержку российского общества. В то же время современное состояние армии и то, каким образом реализуются традиционные функции на практике, вызывают критику общества¹³. Заметим, что «силовики» являются олицетворением власти только для минимальной части населения, в частности, социологические исследования в Саратовской области показали, что только для 2,8%, но по этому показателю силовые структуры существенно опережают региональные исполнительные и законодательные органы власти и местные администрации. С «силовиками» каждый 10-й россиянин связывает надежды на улучшение своего положения, а доверяют силовым структурам, в частности, милиции, только 19,4%, хотя это превышает уровень доверия политическим партиям и местным органам власти¹⁴. Следовательно, в зеркале общественного мнения позиции силовых структур противоречивы, но вместе с тем сектор безопасности является одной из важнейших тем общественного дискурса, что подтверждает право «силовиков» на присутствие в поле публичной политики.

Представительство «силовиков» в парламентских структурах страны является важной характеристикой их места в отечественной публичной политике и как канал их непосредственного участия в публично-политической деятельности, в открытых процедурах принятия политических решений и выражения своих социально-профессиональных интересов, и как показатель успешности реализации ими своего электорального потенциала, и как элемент их позиционирования в медийном пространстве власти. Это актуализирует необходимость постоянного детального мониторинга присутствия выходцев из силовых структур в представительных органах власти федерального и регионального уровня, который в нашем случае дал следующие результаты (по состоянию на конец 2009 г.).

В нижней палате действующего российского парламента 47 депутатов из 450, то есть 10,4%,

имеют «силовое» прошлое, из них 23 (49% от общего количества парламентских «силовики») являются выходцами из армии, 14 (29,8%) пришли из системы МВД и 9 (21,2%) из структур государственной безопасности. Стоит отметить, что проведённый в своё время известным элитологом О.В. Гамаи-Голутвиной подробный анализ состава депутатского корпуса Государственной Думы РФ четырёх созывов выявил закономерность значительного роста доли «силовики»: в ГД РФ она возросла с 3,9% в 1993 г. до 11,1% в 2003 г., то есть в 2,8 раза¹⁵. По динамике представительства «силовики» в нижней палате российского парламента в литературе встречаются и другие данные. В частности, О.В. Крыштановская представляет динамику представительства «силовики» («военных» в её терминологии) в нижней палате российского парламента следующим образом: ельцинская когорта-1993 – 6,3%, ельцинская когорта-1999 – 6,8%, путинская когорта-2002 – 9,4%, путинская когорта-2004 – 18,3%¹⁶.

В определённой степени для анализа динамики уровня представительства «силовики» могут быть использованы и данные Ф. Досе, которая исследовала участие именно военных (представителей вооружённых сил) в молодом российском парламенте: для Федерального Собрания, избранного в 1993 г., численность военной «прослойки» составила 12 человек (то есть всего около 2% от общего количества парламентариев), а для Государственной Думы ФС РФ, избранной в 1995 г., доля представителей вооружённых сил составила 2,2%¹⁷. Ныне действующий парламент превосходит Госдуму II созыва по численности армейских «силовики» более чем в 2 раза.

В целом текущий показатель в 10,4% является достаточно высоким, что можно подтвердить посредством его сравнения с долей представительства силовых структур в ряде парламентов государств ближнего зарубежья.

В частности, в Мажилисе Республики Казахстан (нижняя палата казахстанского парламента) 8 из 107 депутатов имеют силовое прошлое, что составляет 7,5% от общей численности парламентариев. Однопалатные парламента Армения и Кыргызстана – Национальное Собрание Республики Армения и Жогорку Кенеш Кыргызстана – имеют в своём составе 6 и 9 из 131 и 90 парламентариев с «силовым» прошлым, что составляет 4,6% и 10% от общей численности парламента соответственно. А вот доля «силовики» в Палате Представителей Национального Собрания Республики Беларусь существенно превышает аналогичный показатель для Государственной Думы ФС РФ любого из пяти созывов и равен 16,4% (18 из 110 депутатов).

Что касается Совета Федерации ФС РФ, то 30 из 166 отечественных сенаторов могут быть отнесены к «силовикам», то есть 18,3%. При этом по 12 (по 40%) мест сенаторов занимают выходцы

из вооружённых сил и системы МВД, по 3 (по 10%) – выходцы из системы государственной безопасности и иных силовых структур. С учётом этих данных доля «силовики» в Федеральном Собрании РФ составляет 12,5% (77 из 616): 35 (45,5%) представителей армии, 26 (33,8%) выходцев из системы МВД, 12 (15,6%) «чекистов» и 4 (5,2%) представителей иных силовых структур.

Определённый уровень представительства силовых структур в Совете Федерации ФС РФ на конец 2009 г. в 18,3% полностью совпадает с данными, полученными для Совета Федерации ФС РФ в 2004 г. (путинская когорта-2004) О.В. Крыштановской. Для сравнения: аналогичный показатель для ельцинских когорт 1993 и 1999 гг. и путинской когорты-2002 составлял 2,8%, 7,3% и 14,9% соответственно; с целью сравнения – доля «силовики» в Сенате Республики Казахстан составляет 12,5% (5 из 40 сенаторов).

В пользу значительности представительства силовых структур в действующем парламенте России свидетельствует и сравнение его с советским периодом. Согласно данным О.В. Крыштановской для горбачёвской когорты-1988 г. этот показатель составлял 4,7%¹⁸. Относительно представителей именно вооружённых сил Ф. Досе отмечает, что в результате выборов марта 1989 г. в Съезд народных депутатов прошло 82 военнослужащих, что составило 3,6% от общего количества народных депутатов (2250). Заметим, что согласно квотам представительства военнослужащих в Верховном Совете СССР доля военнослужащих в Верховном Совете СССР 1974 и 1984 гг. созыва также составляла около 3,3% (56 и 55 из 1500 депутатов соответственно)¹⁹.

Проведённый анализ представительства «силовики» в Федеральном Собрании РФ в сравнительном контексте с рядом стран постсоветского пространства и политической практикой советского периода позволяет нам сделать вывод о достаточно высокой степени включённости «силовики» в российский парламентарный процесс, что можно рассматривать как показатель их значительности в сфере публичной политики.

Менее сильные позиции «силовики» имеют в региональных парламентах. В частности, изучение 3307 биографий парламентариев 68 региональных легислатур (то есть 82% от общего количества парламента регионов) показало, что 200 из них могут быть отнесены к «силовикам», что составляет 6% от общей численности подвергнутого анализу депутатского корпуса (%), что представляет собой относительно высокий показатель, уступающий нынешнему общесоюзному в 10,4%, но превосходящий всесоюзный в 4,7% (Верховный Совет, 1988 г.). Это является достаточным для включения выходцев из силовых структур в публичную политику на региональном уровне.

Очевидно, что имеет место явное несоответствие между долей «силового» электората

(до 20%) и его представленностью во власти (6–11%), которое во многом подтверждает тезис о невысоком уровне корпоративной солидарности «силовиков», что не позволяет им в полной мере реализовать свой электоральный потенциал. Вместе с тем относительно положительная динамика представительства выходцев из силовых структур во власти свидетельствует об усилении их позиций в российской публичной политике. Особенно учитывая то, что в современных реалиях центры лоббистской активности перемещаются из исполнительных в законодательные органы власти²⁰.

Роль силовых структур в подавлении гражданских волнений. Экстремальным вариантом участия силовых структур в публичной политике является привлечение «силовиков» к борьбе с гражданскими волнениями, протекающими в форме несанкционированных акций и массовых беспорядков. В кризисные периоды государственного развития, в том числе в революционных ситуациях, публичность политики достигает своего апогея, она из правительственных кабинетов, парламентских трибун и избирательных комиссий выливается на улицы, где власть и общество вступают в прямое взаимодействие друг с другом, которое нередко носит насильственный характер. В современной России наиболее публичными в плане участия в политике «улиц и площадей» являются отряды милиции особого назначения (ОМОН), регулярно привлекаемые к разгону «маршей несогласных» и «русских маршей», которые, впрочем, не носят критически опасного для политической стабильности характера. Вместе с тем в стране есть силовая структура, предназначенная исключительно для функционирования в силовом измерении публичной политики – внутренние войска, в первую очередь предназначенные для борьбы с гражданскими волнениями. Они отличаются стабильным положением на фоне масштабного реформирования армии и милиции, что свидетельствует о важности этого силового института для государства.

В целом сегодня силовые структуры в современной России обладают мощным потенциалом для участия в публичной политике как в нормальных условиях стабильного политического развития, так и в период политических кризисов. Это не является отклонением от демократических стандартов гражданско-военных отношений, а есть следствие объективных потребностей выражения интересов

социально-профессиональных групп общества и эффективного функционирования государственных институтов.

Примечания

- 1 См.: Крыштановская О. Силовики принесли во власть мышление заговорщиков // Новая газета. 2003. 8 дек.
- 2 См.: Шматко Н.А. Феномен публичной политики // Социс. 2001. № 7. С. 106–112.
- 3 См.: Солдатов А. Касса закрытого типа // Новая газета. 2003. 4 авг.
- 4 См.: Мирский Г. Выйдет ли армия из казарм // Pro et Contra. 1996. Т. 1, № 1.
- 5 См.: Фалалеев М. Чисть мундиры // Российская газета. 2006. 10 нояб.
- 6 См.: Мухин В. Равнение – на избирательные урны (Армия может решить исход выборов в России) // Независимое военное обозрение. 2008. 17 авг.
- 7 См.: Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 7 марта 2008 г. № 104/777–5 г. Москва «О результатах выборов Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2008. 8 марта.
- 8 См.: Булавинов И. Лебедь рвется объединить обиженную армию // Коммерсантъ. 1995. 19 окт.
- 9 См.: Мирский Г. Указ. соч.
- 10 См.: Круглов И. Электоральные симпатии силовиков // Свобода слова. 2007. № 38 (382).
- 11 См.: Мухин В. Указ. соч.
- 12 Наумова Н.Ф., Сычёва В.С. Общественное мнение о социальных проблемах армии России // Социс. 1993. № 12. С. 78.
- 13 Данилова Н.Ю. Армии и общество: принципы взаимодействия. СПб., 2007. С. 208.
- 14 См.: Дыльнов Г.В., Шахматова Н.В., Бегина И.А. и др. Диалог с властью: прозрачность в моделях отношения общества к государству. Саратов, 2009.
- 15 См.: Гаман-Голутвина О.В. Государственная дума ФС РФ 1993–2003 гг.: эволюция персонального состава // Власть. 2006. № 4.
- 16 См.: Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005; Она же. Режим Путина: либеральная милитария? // Pro and Contra. 2002. Т. 7, № 4.
- 17 См.: Досе Ф. Военные в парламенте, 1989–1995 // Полис. 1996. № 3. С. 79–85.
- 18 См.: Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 270.
- 19 См.: Досе Ф. Указ. соч. С. 79–85.
- 20 Лобби: туда и обратно // Русский Newsweek. 2010. № 4(223). С. 22–27.

ХРОНИКА

ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДЫЛЬНОВ

к 70-летию со дня рождения

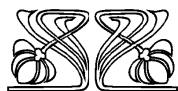
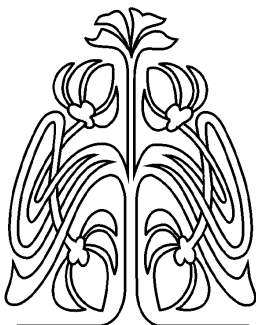
Геннадий Васильевич Дыльнов – известный ученый, создатель научной социологической школы в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный деятель науки и образования Российской академии естествознания, вице-президент Российской социологической ассоциации (РоСА), заведующий кафедрой теории и истории социологии, декан социологического факультета Саратовского университета, доктор философских наук, профессор.

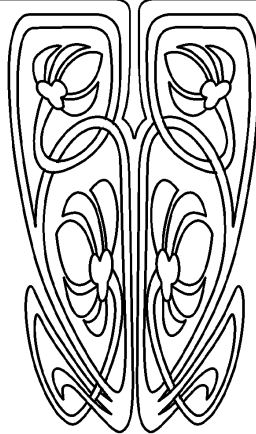
Г.В. Дыльнов – крупный ученый в области социальной философии, политической социологии и истории социологии. Им опубликовано более 200 научных работ, в том числе 12 монографий, 3 учебника, он является редактором свыше 100 авторских и коллективных монографий, сборников научных статей и учебно-методических пособий. Среди его учеников – 22 доктора и 70 кандидатов наук.

Геннадий Васильевич Дыльнов родился 12 февраля 1940 г. в селе Вязовка Базарно-Карабулакского района Саратовской области. Его и брата воспитывала одна мать, отец погиб на фронте Великой Отечественной войны в 1943 году. После окончания средней школы в 1957 г. он поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета. Его учеба на факультете совпала с празднованием 50-летия университета, с полетами в космос первых советских космонавтов. Как и многие его однокурсники, он каждое лето работал на полях колхозов и совхозов области, занимался общественной работой, делал первые шаги в науке: в 1959 г. в сборнике работ студентов, посвященных 50-летию Саратовского госуниверситета, была опубликована его первая статья. После окончания истфака остался в университете: вначале работал зав. кабинетом кафедры политической экономии СГУ, с 1964 г. – ассистентом вновь созданной кафедры научного коммунизма. В 1967 г. он поступил в аспирантуру Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, которую окончил в 1970 г. с защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Вернувшись в СГУ, работал ассистентом, старшим преподавателем, доцентом кафедры научного коммунизма, а с 1986 г. заведовал ею. В 1993 г. Г.В. Дыльнов защитил докторскую диссертацию, в 1994 г. стал профессором.

Рубеж 80–90-х гг. XX в. ознаменовался для общественных наук СССР глубочайшим кризисом. Начался процесс переосмысления места и роли их в жизни общества, в учебном процессе вузов, а также поиск путей выхода из этого положения. Тогда взоры многих преподавателей обратились к социологии, что было связано и с официальным признанием социологии в нашей стране в конце 1980-х гг., и с возросшим интересом к ее проблематике в кругу вузовских работников, и с откры-

ПРИЛОЖЕНИЯ

тием в 1989 г. социологических факультетов в Московском и Санкт-Петербургском университетах.

Многочисленные встречи и консультации Г.В. Дыльнова с коллегами из других вузов, поддержка университетского руководства и в первую очередь ректора СГУ А.М. Богомолова сделали возможным решение вопроса о создании новой кафедры в университете – кафедры социологии. Так, 21 февраля 1990 г. была организована кафедра социологии, которую возглавил доцент Г.В. Дыльнов.

В это время необходимо было решать в комплексе целый ряд неотложных задач: что читать студентам, что им рекомендовать в качестве пособий, кто будет преподавать? И здесь особо следует сказать о помощи и поддержке в организации учебно-методической и научной работы социологического факультета Московского государственного университета, его декана профессора В.И. Добренькова, а также социологов Санкт-Петербургского университета, тогдашнего декана факультета социологии А.О. Боронова; руководителя государственной программы «Народы России: возрождение и развитие» В.Т. Пуляева; «патриарха» отечественной социологии, руководителя лаборатории комплексных социологических исследований университета В.Т. Лисовского. Следует отметить также профессиональные и плодотворные отношения с коллегами из Ростовского университета.

С введением заведующего кафедрой социологии Г.В. Дыльнова в состав Учебно-методического объединения (УМО) по социологии российских университетов с 1991 г. сотрудничество приобрело систематический и регулярный характер. В 1993 г. по инициативе Геннадия Васильевича Саратовский университет принимал у себя очередное заседание УМО.

В 1994 г. при активном участии Г.В. Дыльнова был создан филиал Российского центра гуманитарного образования (РЦГО). С этого момента преподаватели кафедры получили возможность углубить свои знания по социологии, а также стать преподавателями данного центра. Кафедру социологии филиала РЦГО возглавил Г.В. Дыльнов. В настоящее время переподготовка преподавателей по направлению «Социология» проходит на базе Института дополнительного профессионального образования (ИДПО) также под его руководством.

С момента образования кафедра социологии СГУ стала искать пути выхода на среднюю школу. Новые условия актуализировали проблему непрерывности социологического образования, создания цепочки школа–вуз–послевузовское образование, и в 1992 г. при средней школе № 1 города Энгельса был открыт социологический класс.

В течение нескольких лет коллектив кафедры принимал участие в разработке государственных целевых программ: «Народы России: возрождение и развитие», «Университеты России» (фундаментальные исследования), «Переход к рыночной

экономике и социальные проблемы развития региона». Научные результаты работы кафедры зафиксированы в итоговых документах программ.

Мощным импульсом для активизации научной деятельности кафедры социологии стала организационная работа Г.В. Дыльнова по открытию аспирантуры (1994 г.) и докторантуры (1997 г.) по социологическим специальностям и диссертационного кандидатского совета (1995 г.), преобразованного в 1997 г. в диссертационный совет по защите докторских диссертаций по социологическим специальностям. Председателем совета был утвержден Г.В. Дыльнов.

Геннадий Васильевич активно участвует в международных, российских и региональных научных и научно-практических конференциях и конгрессах, среди которых следует выделить конференцию по социологии (1997 г.), первый Всероссийский конгресс политологов (1998 г.), международную научную конференцию «Современное Поволжье. Региональное развитие в ситуации социокультурного пограничья» (1998 г.), международную научно-практическую конференцию «Современное состояние и перспективы развития экономической социологии» (1998), международную конференцию по правам человека (1999 г.), Всероссийские социологические конгрессы (2000, 2003, 2006, 2008 гг.).

Г.В. Дыльнов был одним из инициаторов и участников совместной российско-американской программы «Федерализм», в рамках которой он принял участие в научных конференциях в Вайоминге (февраль, 1996 г.) и Саратове (май, 1996 г.). В 1997 г. вышла коллективная монография «Федерализм». Геннадий Васильевич являлся одним из организаторов проекта «Сравнительная социология» совместно с университетом штата Вайоминг (США) в 2002–2004 гг. Итогом стало открытие на социологическом факультете СГУ Центра региональных социологических исследований (ЦРСИ), оборудованного современной техникой; стажировки аспирантов и участие студентов-социологов в конференции в Вайоминге; визит профессора Г.В. Дыльнова в Вайоминг и Восточную Каролину (США).

Перспективное направление научной работы Г.В. Дыльнова – проведение междисциплинарных исследований. Так, был защищен ряд диссертаций по социальным проблемам информационных технологий, в области инноваций и реформирования высшей школы; проводилась совместная работа с кафедрами иностранных языков по подготовке диссертаций по проблемам изучения социологии в странах Запада.

Продолжая работу по институционализации социологии, в 2000 г. Г.В. Дыльнов инициировал создание социологического факультета, получив одобрение и поддержку ректора СГУ члена-корреспондента РАН Д.И. Трубецкого. В должности декана факультета Геннадием Васильевичем проделана большая организационная работа по

формированию новых кафедр и специальностей. В настоящее время на факультете фактически сложилась многоуровневая система подготовки специалистов.

В 2001 г. ученые факультета приняли активное участие в создании Саратовского отделения Межрегионального института общественных наук (МИОН), где руководителем направления «Власть и социальные патологии современного общества» является декан социологического факультета профессор Г.В. Дыльнов. Под эгидой МИОН прошли 4 конференции, научный семинар «Поколенческая организация современного российского общества: взаимодействие поколений», издан ряд сборников. Г.В. Дыльнов выступил инициатором создания и руководителем филиала Института социологии РАН (2002 г.) на базе социологического факультета СГУ.

Результаты научной деятельности Геннадия Васильевича высоко оцениваются социологическим сообществом. Так, в конце 2004 г. декан социологического факультета профессор Г.В. Дыльнов принял участие в проходившей в г. Москве Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения», посвященной 250-летию МГУ, и был награжден дипломом лауреата им. И.Г. Петровского. Кроме этого, он награжден дипломом почетного профессора социологического факультета МГУ (2009 г.); почетным знаком «За вклад в развитие социологического образования в России» (2009 г.); Юбилейной медалью «100 лет СГУ» (2009 г.). Геннадий Васильевич является членом редколлегий ряда социологических журналов: «Социология» (журнал Российской социологической ассоциации), «Социальная политика и социология» (Российский государственный социальный университет), «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» (Пензенский государственный университет); главным редактором журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология».

Г.В. Дыльнов активно занимается педагогической деятельностью: читает лекции, ведет семинарские занятия, руководит подготовкой курсовых и дипломных работ, много сил и времени уделяет докторантам и аспирантам. Для него принципиально важным является постоянная работа над собой, изучение нового в социологии и глубокое уважительное отношение к ученикам и коллегам.

При этом Геннадий Васильевич не замыкается лишь в кругу науки и педагогического процесса: он автолюбитель с многолетним стажем, грибник, рыболов-любитель, страстный поклонник художественной литературы, продолжая и ныне пополнять личную библиотеку. Жизнь сводила его со многими замечательными людьми – учены-

ми, космонавтами, политиками, композиторами, певцами, спортсменами... Это тоже один из источников его творческого вдохновения.

Однако главный фундамент и залог успехов и достижений Геннадия Васильевича – это семья, в полном смысле слова – университетская династия. Супруга Зоя Михайловна тоже выпускница истфака, где они встретились и поженились, ныне – доктор наук, профессор СГУ. Радушная и гостеприимная хозяйка, заботливая жена и мать – она сделала многое для укрепления семьи, почти полвека идут они вместе по жизни. Сын Дмитрий и дочь Ольга, сноха Татьяна, зять Вадим – также выпускники университета. У Зои Михайловны и Геннадия Васильевича два внука и три внучки, старшая из которых учится в Институте филологии и журналистики СГУ по специальности «Журналистика».

Пожелаем же нашему юбиляру крепкого здоровья, успехов в работе и большого семейного счастья!

*М.Б. Аракчеева, И.А. Бегина,
А.И. Завгородный*

Литература о Г.В. Дыльнове

Библиографический указатель. Высшие и местные органы государственной власти и управления СССР. 1982 г. М., 1983.

Труды научных работников Саратовского университета (1973–1982). Библиографический указатель. Саратов, 1984.

Преподавание общественных наук в высшей школе. Вопросы методики, практики и идейного воспитания студентов. Саратов, 1984. Вып. 5.

Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995.

Кто есть кто в политической науке России. Справочник. М., 1996.

Five thousand personalities of the world. Edition six. Пять тысяч личностей мира. USA, 1998.

От политической мысли к политической науке. Справочник персоналий российской политической мысли и науки с древнейших времен до современности. М., 1999.

Социологи России и СНГ XIX–XX вв. Библиографический справочник. М., 1999.

Современная политическая история России 1985–1998 гг. Т. 2. Лица России. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1999.

Саратовский государственный технический университет. Научная элита. Научно-биографический сборник. Саратов, 2000.

Профессора и доктора наук Саратовской области. Т. 1. 1909–1999. Саратов, 2000.

Алексеев П.В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии. Имена. Труды. М., 2002.

WHO IS WHO в России. Биографическая энциклопедия успешных людей России. Международное издательство, Швейцария, 2009.